

SOCIOLOGY OF POWER

[Sociologiâ vlasti]

Vol. 34. N° 3-4 (2022)

PUBLISHER: THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY

AND PUBLIC ADMINISTRATION

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Социология ВЛАСТИ

Издается с 1989 года
Выходит четыре раза в год

Том 34 № 3-4 2022

Редколлегия журнала:

К.соц.н. Смолькин А. А. (*и.о. главного редактора*), Напреенко И. В. (*научный редактор*), Степанцов П. М. (*научный редактор*), Кловайт Н. (*редактор англоязычных материалов*)

Научный совет:

Анкерсмит Ф. Р. (Нидерланды)
Мау В. А. (РАНХиГС, Москва)
Михель Д. В. (СГТУ, Саратов)
Моррис Дж. (Орхусский университет, Дания)
Соколов М. М. (Европейский Университет, СПб)
Сперо Э. (Массачусетский технологический институт, США)
Столярова О. Е. (ИФ РАН, Москва)
Титков А. С. (РАНХиГС, Москва)
Утехин И. В. (Европейский Университет, СПб)
Филиппов А. Ф. (НИУ ВШЭ, Москва)
Фруммин И. Д. (НИУ ВШЭ, Москва)
Хиггс П. (Университетский Колледж Лондона, Великобритания)
Чалаков И. (Университет Пловдива, Болгария)
Шеховцов А. (Университет Вены, Австрия)

Дизайн Трушина Е. В.
Корректурa Кроль И. Е.
Верстка Меерсон А. В.

Адрес редакции:

119545, г. Москва, пр. Вернадского, 84, корпус 9, комн. 2503
<http://socofover.ganepa.ru>
soc.of.power@gmail.com
Отпечатано в типографии ИД «Дело»
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 — 47715 от 23.09.2011
Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий
ВАК России
Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора

ISSN 2074-0492

СОЦИОЛОГИЯ
ВЛАСТИ
ТОМ 34
№ 3-4 (2022)

ABOUT THE JOURNAL

Sociology of Power [Sociologîa vlasti]

Vol. 34. #3-4, 2022

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published since 1989

Quarterly edition

Editorial board:

Smol'kin A. A. (acting editor-in-chief), Napreenko I. V. (scientific editor),
Stepantsov P. M. (scientific editor), Kloweit N. (editor of the English content)

Academic board:

Ankersmit F. R. (Netherlands)

Higgs P. (University College London, UK)

Filippov A. F. (NRU — HSE, Moscow, Russia)

Frumin I. D. (NRU — HSE, Moscow, Russia)

Mau V. A. (RANEPa, Moscow, Russia)

Mikhel D. V. (SSTU, Saratov, Russia)

Morris J. (Aarhus University, Denmark)

Shekhovtsov A. (University of Vienna, Austria)

Sokolov M. M. (EU, St. Petersburg, Russia)

Spero E. (MIT, USA)

Stolyarova O. E. (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia)

Tchalakov I. (University of Plovdiv, Bulgaria)

Titkov A. S. (RANEPa, Moscow, Russia)

Utekhin I. V. (EU, St. Petersburg, Russia)

Design Trushina E. V.

Proofreading Krol I. E.

Layout Meyerson A. V.

Editorial address:

119 545, Moscow, pr. Vernadskogo, 84
building 9, office 2503

<http://socofpower.ranepa.ru>

soc.of.power@gmail.com

Printed at “Delo” printing house

Содержание

Статьи. Теория

-
- 8   АЛЕКСЕЙ И. ЗЫГМОНТ. Насилие и сакральное как топос французской мысли XX–XXI веков
-
- 29   АРТЕМ С. СЕРЕБРЯКОВ. Ребенок в мире агентов и структур: об антиномиях исследований детства
-
- 50   МИХАИЛ Д. БЕЛОВ, МАРИЯ А. ЕРОФЕЕВА. Эпистемика наносит ответный удар: ситуативность и порядки взаимодействия в разговорном анализе
-
- 72   ВЛАДИМИР И. БРОДСКИЙ. Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта

Статьи. Исследования

-
- 102   АНДРЕЙ И. ЖДАНОВ, АНДРЕЙ В. КОРОТАЕВ. Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа
-
- 128   АНДРЕЙ В. ШЕВЧУК. Труд и власть в российской модели платформенного капитализма
-
- 156   МАРИЯ А. ЕРОФЕЕВА, НИЛЬС КЛОВАЙТ, ДЕНИС Р. ЗАБАБУРИН. Как говорить без слов: переосмысляя материальность, агентность и коммуникативную компетентность в виртуальной реальности
-
- 182   МАРИЯ Е. ГЛУХОВА. «Либо фигня, либо капец»: кросс-культурный анализ опыта депрессии студентов из Санкт-Петербурга и Хельсинки
-
- 210   ЕВГЕНИЙ Г. ЦУРКАН. Причины возникновения и роста социальных движений в контексте интернет-исследований
-
- 227   ДМИТРИЙ О. ТИМОШКИН. «Как бы есть, но пока больше виртуально»: репрезентации диаспор на мигрантских цифровых коммуникационных площадках

-
- 247 Яков И. Щеглов. Влияние структуры организационного поля ветеринарной медицины мелких домашних животных на процессы профессионализации ветеринарных врачей

Рецензии

-
- 274 Тимофей А. Дмитриев. Макс Вебер в плену у демонов повседневности. Рецензия на книгу: Ионин Л. Г. (2022) Драма жизни Макса Вебера, М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС
-
- 298 Федор В. Николаи. «Помните подвиг ваших предков» vs. «Здесь нет будущего»: индустриальная память и ее носители в малых городах Урала. Рецензия на книгу: Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. (2022) Индустриальная память: масштабы и множественность. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022
-
- 307 Владимир Л. Близнеков. Забота о себе в герменевтике субъекта Мишеля Фуко. Рецензия на книгу: Фуко М. (2022) Говорить правду о самом себе. Лекции 1982 года в Университете Торонто, М.: Издательский дом ДЕЛО РАНХиГС

Table of Contents

Articles. Theory

-
- 8 ALEKSEI I. ZYGMONT. Violence and the Sacred as the Topos of 20st-21st Century French Thought
-
- 29 ARTEM S. SEREBRYAKOV. A Child in a World of Agents and Structures: On the Antinomies of Childhood Studies
-
- 50 MIKAEL D. BELOV, MARIA A. EROFEEVA. Epistemics Strikes Back: Situationality and Interaction Orders in Conversation Analysis
-
- 72 VLADIMIR I. BRODSKIY. Life, Death, and the Political: Existential Foundations of Thomas Hobbes's and Carl Schmitt's Teachings

Articles. Investigation

-
- 102 ANDREW I. ZHDANOV, ANDREY V. KOROTAYEV. Elections, Regime Type and Risks of Revolutionary Destabilization: Quantitative Experience
-
- 128 ANDREY V. SHEVCHUK. Labor and Power in the Russian Model of Platform Capitalism
-
- 156 MARIA A. EROFEEVA, NILS KLOWAIT, DENIS R. ZABABURIN. How to Speak Silently — Rethinking Materiality, Agency, and Communicative Competence in Virtual Reality
-
- 182 MARIA E. GLUKHOVA. “Either Bullshit or You’re Screwed”: A Cross-Cultural Analysis of the Experience of Stigmatizing Students with Depression in St. Petersburg and Helsinki
-
- 210 EVGENIY G. TSURKAN. The Reasons for Emergence and Increase of Social Movements in the Context of Internet Studies
-
- 227 DMITRY O. TIMOSHKIN. “They Seem to Exist, but Mostly Virtually so Far”: Representations of Diasporas on Migrant Digital Communication Platforms

-
- 247 YAKOV I. SCHEGLOV. Influence of the Structure of the Organizational Field of Small Animal Veterinary Medicine on the Processes of Professionalization of Veterinarians

Book Reviews

-
- 274 TIMOFEY A. DMITRIEV. Max Weber Captured by the Demons of Everyday Life. Book Review: Ionin L. G. (2022) The drama of the life of Max Weber, Moscow: Delo Publishing House, RANEPА
-
- 298 FEODOR V. NIKOLAI. «Remember the Deed of Your Ancestors» Vs «here Is No Future»: Industrial Memory and Its Carriers in Small Cities of the Urals. Book Review: Vandyshv M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2022) Industrial Memory: Scales and Multiplicity. Yekaterinburg: Ural University Press
-
- 307 VLADIMIR L. BLIZNEKOV. Caring for Oneself in Michel Foucault's Hermeneutics of the Subject. Book Review: Foucault M. (2022) Tell the Truth about Yourself. Lectures in 1982 at the University of Toronto, M.: Publishing House DELO RANEPА

Статьи. Теория

АЛЕКСЕЙ И. ЗЫГМОНТ¹

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-5822-9014

Насилие и сакральное как топос французской мысли XX–XXI веков

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-8-28

Резюме:

Статья является попыткой рассмотреть концептуальную связку насилия и сакрального как общее место (или «топос») французской научной, философской и религиозной мысли XX–XXI веков и объяснить, почему эта тема была столь актуальна и привлекала множество непохожих мыслителей. В качестве основных примеров взято шесть авторов: Ж. Батай, Р. Кайуа, Р. Жирар, Э. Левинас, М. Элиаде, Ю. Кристева. В целях анализа в работе выделяются три «общих множителя», которые объединяют всех или часть из них. Во-первых, это общее влияние со стороны французской социологической школы (Э. Дюркгейма, А. Юбера и М. Мосса, Ж. Дюмезиля, Р. Герца и других). В числе прочего, эти ученые рассматривали значение в религии крови, жестокой аскезы и жертвоприношения, а также концептуализировали насилие как залог социального единения (Дюркгейм) либо как фактор перехода из профанного мира в сакральный (Юбер и Мосс). Во-вторых, рефлексия этих шести мыслителей была инспирирована реальным насилием, к осмыслению которого они привлекают концепт сакрального. В частности, на их рефлексию серьезно повлиял культурный и личный опыт мировых войн. В-третьих, эта концептуальная связка является для них ценностно заряженной и задействуется для создания новой религии, или гетеродоксального веротворчества. При этом в качестве отправной точки для

8

¹ Зыгмонт Алексей Игоревич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории комплексных исторических исследований Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС. E-mail: alekseizygmont@gmail.com

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgments: The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

этого веротворчества используется католическое или православное христианство, христианский атеизм, а также иудаизм. В заключение автор отмечает, что даже если сегодня этот топос практически забыт, то, несомненно, сохраняет значение для истории социологии и философии, а также культуральной истории.

Ключевые слова: насилие, сакральное, жертвоприношение, война, французская социология

Aleksei I. Zygmont¹

RANEPА, Moscow, Russia

Violence and the Sacred as the Topos of 20st-21st Century French Thought

Abstract:

The article considers the conceptual pair of violence and the sacred as a commonplace (“topos”) of French scientific, philosophical, and religious thought of the 20th-21st centuries and explains why this pair was so relevant and attracted many dissimilar thinkers. Six authors are taken as the main examples: G. Bataille, R. Caillois, R. Girard, E. Levinas, M. Eliade, and J. Kristeva. For analytic purposes, the author identifies three “common factors” that unite them. Firstly, the influence of the French sociological school (Durkheim, Hubert and Moss, Dumézil, Hertz etc.). Among other things, these scholars studied the religious meaning of blood, violent ascetics and sacrifice, conceptualizing violence as a pledge of social cohesion (Durkheim) or as a factor of transition from the profane to the sacred world (Hubert and Moss). Secondly, the ideas of these six thinkers were inspired by real violence, which they tried to comprehend via the concept of the sacred. In particular, their reflection was influenced by the cultural and personal experience of world wars. Third, this conceptual pair is value-charged and used to create a new religion or interpret the existing ones in heterodox way. As starting point for this creative process, Catholic or Orthodox Christianity, Christian atheism, and Judaism are taken. The author concludes that even if this topos is forgotten today, it undoubtedly remains significant for the history of sociology and philosophy, as well as for cultural history.

Keywords: violence, sacred, sacrifice, war, French sociology

9

Первое, что приходит на ум при упоминании «насилия и сакрального» — знаменитая формула из одноименной книги Рене Жирара 1972 года: «насилие составляет подлинное сердце и тай-

1 Aleksei I. Zygmont — Cand Sci. (Philosophy), Senior Research Fellow, Research Laboratory for Complex Historical Research, School for Advanced Studies in the Humanities, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: alekseizygmont@gmail.com

ную душу сакрального» [Girard 1972: 500]¹. Однако же кроме этой лапидарной фразы можно припомнить еще и другие, близкие ей и даже более ранние — скажем, из «Эротизма» Жоржа Батая (1957): «Сакральность выражает собой проклятие, связанное с насилием» [Bataille 1987: 362]. Или из «Трудной свободы» Эмманюэля Левинаса (1963): «Обволакивающее и уносящее меня сакральное — это насилие» [Levinas 1963: 21]. В отсутствие подобных афоризмов эта тема и связанные с ней понятия — прежде всего, конечно, жертвоприношение — фигурируют у множества других французских авторов XX-XXI веков, будь то социологи и антропологи, философы или религиозные мыслители: Роже Кайуа воспевает жестокий разгул архаического священного празднества, Мирча Элиаде полагает, что мифы всегда выводят космос из первичной жертвы, Юлия Кристева зачастую рассматривает сакральное как опасную и разрушительную стихию, неразрывно связанную с материнским началом, а Жан Бодрийяр в работе «Символический обмен и смерть» (1976) противопоставляет священный каннибализм «благородных дикарей» современному отношению к смерти [Baudrillard 1976].

10 Сегодня исследования религии — или, более узко, сакрального — и насилия уже превратились в солидную научную программу, однако идея тесной взаимосвязи этих феноменов преследовала французских мыслителей и много раньше. Они принадлежали к разным дисциплинам, шли каждый своим путем и часто наощупь; для некоторых эта связка — одна из ключевых (как для Батая и Жирара), для других просто важна (это Кайуа, Кристева, Элиаде, Левинас и т. д.), третьи обращаются к ней больше по случаю. Каждому из перечисленных авторов посвящена обширная литература, затрагивающая в том числе и то, как они мыслили связь между насилием и сакральным, что бы эти слова ни значили. Множество работ посвящено также сравнению этих мыслителей между собой — чаще всего Батая и Жирара [Агрре 2009; Траулог 2014; Зыгмонт, Дюков 2017], но также Батая и Кристевой [Dizek 2015], Жирара и Кристевой [Reineke 1997]; существуют также объемные компаративные исследования, в которых они как-то оказываются рядом [Goldhammer 2005; Strenski 2003; Зенкин 2014]. Однако лишь небольшое число работ сопоставляют их различные интерпретации этого конкретного сюжета и рассматривают связку «насилие и сакральное» как общее место, или «топос» французской мысли.

1 Оговоримся, что в отношении авторов, которые обсуждаются в настоящей статье, сложились разные традиции перевода: у Батая, Кайуа и Кристевой *sacré* переводится как «сакральное», у Жирара, Элиаде и Левинаса — как «священное». Далее мы предпочтем этот первый термин.

Именно это, опираясь на проделанную исследователями огромную работу и опыт чтения этих авторов, мы и хотели бы сделать в настоящей статье на примере прежде всего Батая, Жирара, Кайуа, Кристевой, Элиаде и Левинаса. Учитывая их огромные дисциплинарные, жанровые и интеллектуальные отличия, мы хотели бы подойти к этой теме «с краю» и не просто сравнить всех со всеми, а поискать «общие множители» — то, что объединяет этих авторов между собой и при этом характерно для концептуализации насилия и сакрального в принципе. Таких «общих множителей» можно выделить три:

— Во-первых, это влияние со стороны французской социологии рубежа веков, представленной, в частности, Э. Дюркгеймом, А. Юбером и М. Моссом. Как мы покажем, немалое внимание связи сакрального с насилием уделяют уже они, тогда как сочинения других исследователей (Ж. Дюмезиля, Р. Герца, С. Леви) влияли на концепции более поздних авторов косвенно.

— Во-вторых, рефлексия на тему насилия и сакрального всегда подпитывалась от актуального опыта реального насилия — прежде всего войны, но не только — и служила его осмыслению, в связи с чем ее невозможно исследовать вне контекста конкретных исторических событий и биографий.

— В-третьих, эта связка никогда не была ценностно-нейтральной и всегда использовалась для гетеродоксального веротворчества в рамках христианства — католичества или православия, христианского атеизма, а также иудаизма. Именно активное творчество во многом отличает интересующих нас философов от упомянутых выше французских социологов и антропологов, которые хотя бы не занимались им сознательно и целенаправленно.

Каждому из этих моментов посвящен отдельный параграф статьи, и в совокупности все они — особенно два последних — позволяют, как мы надеемся, если не объяснить, то хотя бы подойти к объяснению той замороженности «сакральным насилием», которая характерна для нашего ряда авторов и проскальзывает у множества мыслителей-французов до сего дня.

«Кровавый след» французской социологии

Когда в конце 1930-х в докладах для Коллежа социологии Батай говорит о «социологии сакрального», кого он имеет в виду? Для ответа на этот вопрос можно заглянуть в библиографию, которая прилагается к его «Теории религии», написанной в 1949 году и опубликованной в 1972-м: если не считать работу Леви о брахманах, это Дюркгейм, Юбер и Мосс, Дюмезиль. Поскольку автор возводит свою теорию насилия и сакрального именно к ним, имеет смысл выяс-

нить, есть ли у них соответствующие мотивы, или это уже позднейшая батаевская фантазия. Конечно, истоки разнообразных концепций жертвоприношения можно было бы проследить и глубже — как это делает, например, Айван Стренски, возводящий их к дискуссиям о Евхаристии [Strenski 2003], но мы пока ограничимся этим.

Во французской социологии тема насилия в различных его модулях действительно если не доминировала, то заявляла о себе чрезвычайно активно. С одной стороны, это касается эмпирического материала о религиозных обычаях в так называемых «примитивных», или «архаических» обществах. Так, Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни» (1912) подробно останавливается на сакральном характере крови и замечает: «человеческая кровь является предметом настолько святым, что... часто служит для освящения наиболее почитаемых предметов культа»; и еще: «Нет такой религиозной церемонии, где кровь не играла бы никакой роли <...> Кровь, которую теряет иницилируемый юноша в процессе крайне жестоких операций, имеет исключительные свойства — ее используют в различных церемониях» [Durkheim 2007: 217-218]. В другом месте, рассуждая об аскетических обрядах, автор прямо пишет о насилии как необходимом условии перехода от профанного состояния к сакральному: «мы не можем отделиться от него [профанного мира. — А. З.], не совершая насилия над своей природой, без мучительного подавления своих инстинктов» [Ibid.: 453].

12

Однако при всем его значении Дюркгейм — лишь один из множества авторов, уделявших внимание подобным вещам. Огромную важность для Батая, Жирара, Элиаде и других имело сочинение Юбера и Мосса «Очерк о природе и функциях жертвоприношения» (1899), в котором авторы хотя и не используют понятия «насилия», но делают акцент на «убийстве» и «разрушении», связывая их с сакральностью: «при убийстве высвобождалась сила, имеющая двойственный характер или, скорее, слепая и опасная уже потому, что была силой. Поэтому надо ограничить, направить и укротить ее. Этому и служили ритуалы»; и далее: «такое разрушение жертвы означало исполнение главного акта жертвоприношения» [Hubert, Mauss 1899: 69-70, 71]. Сам ритуальный процесс описывается как переход от профанного к сакральному посредством насилия, где кульминацией становится торжественное умерщвление жертвы: «это сближение сакрального и профанного, которое... становится целью в разных элементах жертвоприношения и в полной мере достигается лишь в жертве» [Ibid.: 67]. Мир сакрального в целом представляется как опасный и губительный для человека, так что религия, по словам социологов, «охраняла святость сакральных вещей и в то же время защищала обычный мир от их вредности» [Ibid.: 77-78].

В других случаях можно сказать, что интересующие нас авторы додумывают за социологов и расставляют за них акценты там, где их раньше не было. Таков, например, случай Дюмезиля. На страницах его книги «Митра-Варуна» (1940), посвященной, собственно, этой паре индийских божеств, действительно встречаются указания на насильственную природу второго персонажа: цитируя источники, автор называет Варуну «огнем, который пылает (“чтобы охватить живые существа”), карающим и темным божеством, которому принадлежат неправильно принесенные жертвы» [Dumézil 1948]. Особенного акцента на этом моменте он не делает, что не мешает Батаю интерпретировать его так: «в осознанно гегельянских тезисах, антитезисах и синтезах Жоржа Дюмезиля сформулирована противоположность чистого насилия (на мрачно-зловещем полюсе божественного мира...) и божественного порядка, согласованного с профанной деятельностью» [Bataille 1976a: 358]. Жирар упоминает Дюмезиля в контексте своего анализа экономики насилия в сообществе — опять-таки используя его анализ греческого мифа в собственных целях [Girard 1972: 150]. Эта же тенденция имеет место, например, в отношении работ Р. Герца и С. Леви, которыми вдохновлялись Коллеж социологии, Батай и Жирар.

13

С другой стороны, поскольку в социологии Дюркгейма сакральное, по сути, — источник социального единения, он иногда описывает это единение именно в понятиях насилия: «крайне интенсивная общественная жизнь всегда совершает своего рода насилие [violence] над организмом и сознанием индивида и нарушает их нормальное функционирование» [Durkheim 2007: 339]. Хотя сам автор анализирует здесь скорее «измененные состояния сознания», которые нисходят на человека в толпе или в ходе праздника, тот же Батай воспринимает эти слова буквально и посему рассматривает насилие как неперемное обстоятельство и условие превращения индивидуального бытия в коллективное, которое достигается путем насильственного «размыкания» частных тел в единый массив сообщества: когда общественная жизнь, пишет он, находится «на высоте смерти... каждый из нас оказывается изгнан из узких рамок своей личности и растворяется... в сообществе себе подобных» [Bataille 1976b: 245-246]. Аналогичным образом Кайуа считает праздник производным от жертвоприношения и подчеркивает в нем моменты насилия и эксцесса [Caillois 1950: 126-168], а Жирар и вовсе полагает его «поминанием жертвенного кризиса», то есть реального конфликта [Girard 1972: 180].

Исходя из этого, мы могли бы поспорить с точкой зрения некоторых исследователей [напр.: Richman 2005: 65], которые указывают, что у Дюркгейма, Юбера и Мосса, в отличие от Батая, насильственность обрядов является функциональной, а не сущностной, поскольку

ку направлена на усиление их аффективной составляющей. Приведенные нами цитаты вкупе с прочими свидетельствами позволяют предположить, что уже у классиков социологии сближение насилия и сакрального — не случайный, а системный фактор. Насилие для них «заведует» переходом между профанным и сакральным мирами/состояниями или выступает как свойство сакральных объектов по умолчанию (например, крови), тогда как экономика сакрального связывается с насилием — жертвой, пролитием крови, жестокой аскезой, убийством или самоубийством.

Сакральное и (реальное) насилие

Достаточно часто случается так, что в процессе теоретической рефлексии понятие насилия скорее скрадывает, чем раскрывает само насилие, в которое можно, что называется, «ткнуть пальцем». Поэтому для настоящего понимания необходимо отказаться от определений и взять его как чувственную данность. Что имеют в виду Батай, Кайуа, Жирар и другие, когда говорят о «насилии»? В конечном счете — конкретные события, и прежде всего — две мировые войны и сопутствующие им перемены и жестокости, к осмыслению которых все эти авторы с той или иной целью привлекают концепт сакрального.

14

Так, первым оригинальным политическим проектом Батая была «Контратака», или «Союз борьбы революционных интеллектуалов», созданный после попытки фашистского переворота во Франции от 2 февраля 1934 года. Цель философа — добиться «органичного оформления обширной композиции сил — дисциплинированных, фанатичных и способных, когда пробьет час, стать неумолимым авторитетом», чтобы избежать падения общества «в бездну — в разруху и войну» [«Contre-Attaque» 1970: 307]. Для борьбы с войной необходимо насилие: с одной стороны, оно объединяет людей, а с другой — разрушает мир, в котором власть принадлежит тем, кто хочет войны. В одном из набросков того периода автор пишет, что люди должны «участвовать в разрушении нынешнего мира, но устремлять взор в мир грядущий», и при этом «признавать ценность насилия и воли к агрессии, ибо они являются основой всемогущества» [Galletti 1999: 314].

Это противоречие войны и насилия разрешается в рефлексии Батая и Кайуа в рамках Коллежа социологии (1937-1939) — сообщества, также вызванного к жизни предчувствием войны и стремлением ее предотвратить или хотя бы отсрочить. В «Декларации о создании Коллежа социологии» авторы отмечают, что угроза войны обнаружилась «утрату мужественности» и «обездоленность судьбой», предполагая стать тем «очагом энергии, который напомнит людям

о «тонизирующей силе смерти» [Hollier 1978: 134]. Обращаясь к идее сакрального, мыслители пишут о «неизбежно заразительном и активистском характере представлений, которые эта работа выводит на свет»; этот характер обусловлен «заразным, опасным характером изучаемой области» [Ibid.]. Если смерть является для войны и насилия общим множителем, то сакральное позволяет обнаружить различие между ними. Его Батай формулирует так:

В настоящий момент я со всей силой настаиваю на том, что мне и раньше приходилось отмечать, — на оппозиции между, с одной стороны, религиозным миром, миром трагедии и *внутренних* конфликтов, а с другой — миром войны, глубоко враждебным духу трагедии и постоянно направляющим агрессивность вовне, переносящим конфликты вовне. В прошлый раз я представил революционные перевороты, сотрясавшие Европу на протяжении нескольких веков, как развитие религиозных волнений, т. е. трагических. Я показал, что это развитие демонстрирует способность трагического мира пойти на разрушение, которое не щадит ничего [Ibid.: 417].

В рамках Коллежа социологии Батай впервые предлагает стройную концепцию насилия и сакрального, которую потом разовьет в своих работах 1940-1960-х годов — «Теории религии», «Проклятой части» и «Эротизме». В каждой из этих книг есть раздел, посвященный соотношению войны и жертвы, и в основном он все так же различает насилие, обращенное вовне и вовнутрь. Однако существуют и исключения — например, наиболее ранние формы «жертвенной войны» вроде «войны цветов» у ацтеков, а также — тут сказалось мощное, но временное влияние Эрнста Юнгера — Первая мировая. Однако же автор систематически осуждает Вторую мировую как образец «современной войны», целиком подчиненной холодному расчету и произволу вождей. В «Эротизме» он однозначно выносит ей суровый приговор: «Только нынешняя организованная война, отличная от первоначальной организованной трансгрессии, способна завести род человеческий в тупик» [Bataille 1987: 60]. Между насилием войны и жертвы есть и другое кардинальное различие: если первое реально и осязаемо, то второе принадлежит области ирреального, то есть воображаемого. Это деление Батай предельно четко заявляет в статье «Чистое счастье» (1961):

Представляется, что есть два рода Насилия.
Жертва первого оказалась обманута.
Это Насилие несущегося на всех парах поезда, которое свершается в момент смерти того отчаявшегося, что добровольно лег на пути.
Второе присуще змее или пауку — ибо есть что-то в них, что несовместимо с порядком, что заключает в себе возможность бытия и ошеломляет. Оно не огорошивает ударом по голове — оно скользит, ли-

шает опоры, парализует и завораживает, а мы ничего не можем ему противопоставить.

Этот второй род Насилия сам по себе является воображаемым. Поэтому подлинный образ насилия — насилия безграничного, бесформенного и лишённого качеств — я всегда могу приравнять к Богу [Bataille 1988b: 487].

Противоположную точку зрения относительно войны занимает Роже Кайуа, посвятивший этой теме одно из приложений, добавленных ко второму изданию «Человека и сакрального» (1950), и книгу «Беллона, или Склонность к войне» (1962). Так, он пишет: «Сакральное прежде всего завораживает и ужасает. Война воспринимается как нечто сакральное лишь тогда, когда становится завораживающей и ужасающей» [Caillois 2012: 153]. В современном же мире война является последней догорающей искрой сакрального и подобием архаического праздника с его разгулом, насилием и трансгрессией — и именно потому, что полностью воплощает свой насильственный потенциал: «все более исчезают всякие рыцарственно-упорядоченные элементы войны», — замечает философ; «тем самым она как бы очищается и восстанавливается в своей беспримесной сущности. Она избавляется от всего наносного, чуждого ее истинной сути, освобождается от унижительного союза, заключенного некогда с духом игры и состязания» [Caillois 1950: 234-235]. Интересно, что Жорж Батай отреагировал на это второе издание книги пространной рецензией, в которой довольно сдержанно оспаривал доводы бывшего коллеги [Bataille 1951a].

16

В споре Батай и Кайуа относительно сакральности войны Рене Жирар занимает скорее сторону последнего. На это, по мнению автора, указывает замечание его «информанта», Карла фон Клаузевица, об «инициации» офицеров, которые «соприкасаются с чем-то священным, с которым они уже вступили в некую связь», и тем самым «уже одной ногой вступили в святая святых» [Girard 2007: 172]. Общая теория насилия и сакрального у этого автора уже столько раз описывалась и так хорошо изучена [см., напр.: Kirwan 2005, Palaver 2013], что мы не видим смысла излагать ее подробно. В двух словах: первофеноменом для него является насилие в обществе, которое происходит из мимезиса и соперничества и преодолевается в механизме козла отпущения, то есть насилии всех против одного. В результате случайная жертва обожествляется, и люди производят сакральное — трансцендентное вместилище, «хаб» насилия, которое позволяет держать его на относительно безопасном расстоянии и перенаправлять в него излишки насилия. Иначе говоря, когда наводишь порядок в комнате, всегда есть закрытый шкаф, где порядка нет и в который можно складывать мусор или то, что жалко выкидывать; эту же роль, в сущности, и выполняет сакральное.

Хотя в «Насилии и сакральном» Жирар выстраивает свою концепцию преимущественно на материале греческой трагедии и архаических обрядов, из его недавней биографии [Haven 2018] мы знаем по крайней мере о двух других ее источниках. Во-первых, Жан-Мишель Угурлян, соавтор философа, утверждает, что во время работы в Университете Индианы в США тот видел линчевание — то ли вживую, то ли в газетах. «Когда я говорю о козлах отпущения, то знаю, что это за кошмар», — приводит его слова Угурлян [Ibid.: 67-69]. Позднее в одном из интервью Жирар отрицал, что основывался только на этом — однако самого факта не опроверг [Girard 2001: 121]. Во-вторых, это унижительный ритуал «острижения», которому французы во время освобождения Парижа от оккупации в 1944-м подвергали женщин, обвиненных в сексуальных связях с немцами, и который философ мог наблюдать своими глазами [Haven 2018: 130-132]. Определенные примеры подобного рода находятся в анамнезе любого автора-француза — скажем, дело Дрейфуса или казнь Людовика XVI — и оказываются в результате на одной доске с чисто литературными источниками вдохновения и отсылками вроде изгнания Эдипа в «Царе Эдипе» или убийства царя Пенфея в «Вакханках».

17

Впрочем, Жирар, в отличие, например, от Батая, не только не отрицается, но и делает акцент на *реальности* того насилия, которое описывает. В своей последней книге «Завершить Клаузевица» (2007) он почти перестает обращаться к литературе: угрожающее миру насилие — это предельно конкретное насилие Наполеоновских войн, Первой и Второй мировой, Мец Егерн, Шоа, Руанды, конфликтов между Израилем и Палестиной, Индией и Пакистаном, правительством США и исламскими террористами и так далее [Girard 2007: 131]. Поэтому и упадок воображаемого сакрального тоже пугающе реален: благодаря разоблачению механизма козла отпущения в иудеохристианских писаниях единодушие против случайной жертвы становится невозможным, и общество скатывается в войну и более или менее профанную борьбу «стенка на стенку». История, по словам Жирара, «регрессирует к разоблаченному священному, то есть тотальному разрушению... [которое] обрушивается на весь мир» [Ibid.: 190].

Что касается Юлии Кристевой, то у нее «насилие и сакральное» — не теория, а тема с нечеткими границами. Однако же она фигурирует во множестве ее книг в неизменной привязке к философии материнского, а также мужского и женского, причем с обеих этих сторон есть свое насилие и свое сакральное. Так, в работе «Власти ужаса: эссе об отвращении» (1980) она начинает анализ именно с феномена отвратительного, которое связывает с материнским началом — исходной неразличимостью субъекта и объекта,

которая отбрасывается вовне в акте индивидуации и становится негативным сакральным, связанным с насилием: «Целый сегмент священного, подлинная граница жертвоприношения, компульсивная и параноидная сторона религии, ставит себе целью защититься от этой угрозы» — то есть контакта с «оскверняющим» материнским [Kristeva 1980: 64]. С другой стороны, ему противостоит позитивное мужское сакральное, которое производит насильственное отделение субъекта от этой неразличимости, устанавливает запрет на убийство и инцест, изобретает язык и символ. Кристева пишет, что «психоанализ и антропология связывают сакральное и образование религиозных уз с жертвоприношением» [Ibid.: 56], где приносится в жертву и полагается в качестве сакрального именно что материнское. В итоге структура религии, по сути, воспроизводит отношения между полами — равно как и драму телесного рождения и социального становления человека: «Иерархия, которая устанавливается между чистым и нечистым, замещает (или отрицает) различие между полами; оно замещает насилие жертвоприношения ритуалом очищения», — заключает на сей счет философ [Ibid.: 82].

18 Несмотря на всю абстрактность этой концепции, то насилие, которое подвергается в ней рефлексии, опять-таки вполне реально. С одной стороны, это мужское насилие, особенно символическое; с другой — та опасность, какой по различным и не всегда выдуманым причинам является женское начало. Так, в сборнике переписки «Женское и сакральное» (1998) Кристева пишет о стратегии «мужей и сыновей», «адептов сакрального», «которые... не проявляют насилия открыто, пряча его под личиной личных или политических требований» и «опасаются настаивать на том насилии, которое скрывается и утверждается в сакральности/жертвоприношении/запрете» [Clément, Kristeva 1998: 23, 28]. Объект подавления здесь — негативная сакральность материнской любви, которая также является *объективно* насильственной из-за присущего ей стремления к разрушению субъекта и объекта в пользу неразличимости [Ibid.: 220]. Поскольку автор систематически употребляет понятие *violence* в отношении всякого рода ограничений и запретов (или, например, мизогинии в Ветхом Завете), можно сказать, что ее трактовка насилия вписывается в феминистский дискурс — хотя в целом ее теория от него далека. В одной из своих последних работ с красноречивым названием «Видения отрубленной головы» (2013) Кристева анализирует «отделенные» головы в искусстве, начиная от Олоферна и Медузы и заканчивая Спасом Нерукотворным, Людовиком XVI и батаевским Ацефалом, и делает вывод, что сакральное «скрывается, как оказалось в итоге, не в жертвоприношении и не в какой-либо эстетической или религиозной традиции, а в специфически человеческом, уникальном и горьком опыте способности к репре-

зентации» [Kristeva 2013: 130]. Такое сакральное, которое рождается из насилия, то есть отделения, но призвано «означить» его в речи и языке, возникает именно что на границе между мужским и женским, как общее и срединное.

Новая вера из духа насилия и сакрального

Нетрудно заметить, что концепт сакрального всегда привлекал авторов либо откровенно религиозных, либо испытавших влияние религии, что очевидно в отношении немецких/американских феноменологов религии и сторонников феноменологической герменевтики священного [Пылаев 2018; Коначева 2019]. Это же верно и в отношении французов. Дюркгейм и его племянник Мосс принадлежали к благочестивому еврейскому роду; немного утрируя, можно назвать Батая и Жирара католиками, Элиаде и Кристеву — православными, а Левинаса — опять же, иудеем. Этих пятерых роднит между собой то, что все они используют концепт сакрального не как отвлеченную идею, а как мощный и ценностно-заряженный инструмент в собственном религиозном творчестве¹. Поэтому связь между насилием и сакральным для них важна не сама по себе, а в аспекте того, что она может дать для создания или переосмысления религии.

19

Наиболее явный пример в этом отношении являет, конечно, Батай, который занимался более или менее сознательным веротворчеством всю свою жизнь, но особенно активно — в конце 1930-х годов в рамках тайного общества Ацефал и на страницах одноименного журнала [подробнее см.: Surya 1987: 320-356]. Речь шла по меньшей мере о создании новой религии, которая должна была бросить вызов упадку современного мира и «чудовищу о трех головах, имена которым — христианство, социализм и фашизм» [Galletti 1999: 516-517]. Известно, что орден вынашивал планы человеческого жертвоприношения, известно также, почему они провалились (не нашлось добровольца на роль палача), но весь этот проект сопровождался и философской рефлексией, в центре которой стояла именно связка насилия и сакрального, якобы выражающая глубинную сущность религии. На одном из собраний тайного общества в 1937 году Батай заявляет:

1 Из наших основных авторов исключение представляет разве что Кайуа, который интересуется не религией самой по себе, а, например, игрой или войной, но в остальном это правило работает: поскольку, например, Ж. Бодрийера, Ж. Делёза или Ж.-Л. Нанси религия занимает мало, упоминания сакрального у них — скорее дань традиции, чем подлинный интерес.

Агрессия человека и внешнего мира — совокупность всплесков насилия — в примитивных религиозных концепциях рассматривалась прежде всего как грозная, но естественная опасность. В подобном видении мира насилие не отделялось от человека, который жил с ним бок о бок и отвечал на него... всей совокупностью своих аффективных движений <...> Отрицая весь этот шлак, я стремлюсь в нескольких словах изобразить единственный выход, открытый существованию в условиях близкого присутствия насилия. Необходимо взглянуть в лицо насилию, отринув всякое упование [Ibid.: 328, 332].

20

Именно насилие как движение, которое соответствует природной данности и вместе с тем требует от человека цельного ответа, отождествляется здесь с архаической, то есть образцовой религиозностью, которую возрождает Батай. Именно ее он будет разрабатывать в «Теории религии» и «Эротизме», описывая, как человек возвращается к континуальной тотальности всего сущего с помощью жертвоприношения или акта трансгрессии. Однако в конце 1930-х — начале 1940-х он не только изобретал эту свою религию сакрального насилия, но и практиковал ее в форме медитаций, которые совмещали черты йоги и католической мистики и должны были «разомкнуть» его индивидуальность навстречу бушующей, пронизанной смертью вселенной. Наиболее известные примеры здесь — его размышления в связи с фотографиями «китайской казни» (линь-чи), а также несколько сочиненных им текстов для медитаций, которые были опубликованы или сохранились среди его бумаг. В них он мысленно отождествляется с «богиней, с глухой яростью танцующей в ночи, алчущей крови, изуродованных тел и смерти» [Ibid.: 533], и обращается к образу самого Ацефала: «Безголового принимаю в насилии, серный огонь его принимаю в насилии, древо и ветер смерти принимаю в насилии, АЗ ЕСМЬ РАДОСТЬ ПРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ» и т. д. [Ibid.: 539]. Все эти медитации объединяет чисто религиозная образность и фокусировка на воображаемом насилии, которое составляет основу духовной практики [подробнее см.: Зыгмонт 2018, 143-150].

Ближе всего к Батаю в этом «веротворческом» отношении стоит Мирча Элиаде, чье творчество также объединяет христианские интуиции с изобретением универсальной, космической и квазиобъективной религиозности, известной как «архаическая онтология». До сих пор мы откладывали разговор о нем, потому что понять его концепцию сакрального, на наш взгляд, можно только в свете его политических взглядов и поддержки румынского национализма и фашизма в лице Легиона архангела Михаила [Ленель-Лавастин 2012: 167-237; Dubuisson 2014: 173-288]. Иначе говоря, работу «Сакральное и профанное» (1965), где он ассоциирует сакральное с властью и сетует на сакрализацию «падшего мира», нужно понимать в свете его

же эссе 1937 года «Почему я верю в победу легионерского движения?», где он пишет о «революции силы Духа против Греха и слабого тела» [Элиаде 1937]. Специфическое легионерское православие обусловило и то значение, которое он придавал идее мученичества — или, в более широком контексте, жертвоприношения: так, он посвятил ряд хвалебных статей мученикам Железной гвардии — Моце и Марину, погибшим на передовой Гражданской войны в Испании в 1937 году [см.: Săndulescu 2007; Rusu 2016], сражаясь, разумеется, на стороне франкистов, и написал пьесу «Ифигения», в которой воспевается жертвенная смерть за веру и нацию.

Однако ключевой пример, который мы хотели бы привести, касается его поисков нарратива, выражающего «духовность румынского народа», и его «культурообразующий миф». Таким нарративом для писателя стала старая балканская легенда о Мастере Маноле, которую он излагает так:

В любой культуре есть свой центральный миф, который раскрывается и присутствует в величайших из ее творений... Первая из них — легенда о Мастере Маноле, который, согласно традиции, возвел величественный собор в Куртя-де-Арджеш. По легенде, все, что Маноле и его умелые мастера строили днем, без следа исчезало ночью. Чтобы устоять, его творению была потребна душа, и одушевить его могла лишь человеческая жертва. Когда Маноле и его строители поняли, почему их работа столь недолговечна, они решили живьем (sic) замуровать первого, кто приблизится к месту, где они трудились... И вот Мастер Маноле вынужден был собственноручно замуровать своих жену и сына, дабы соблюсти клятву и выстроить дивную церковь, которая с тех самых пор стояла крепко [цит. по: Grottanelli 2005: 129].

21

Как специалист по истории религии — каковым он, без сомнения, являлся безотносительно своих политических взглядов — Элиаде хорошо понимает значение этой легенды и мог бы отнести ее к категории «строительных жертв», которым отводит решающую роль в создании не только жилища, но и мира. В той же работе «Сакральное и профанное» он пишет: «...именно к этой космогонии восходят бесчисленные формы жертвоприношений при строительстве, которые, в общем, суть не что иное, как имитация, часто символическая, первого жертвоприношения, давшего рождение Миру» [Eliade 1965: 54]. Сопоставив эти слова с его легионерскими взглядами и активистским проектом, нетрудно понять, что он является скорее адептом жертвенного сакрального насилия, чем беспристрастным исследователем, хотя эта двойственность и делает его работу особенно уязвимой для критики: Вячеслав Иванов, например, указывает, что из множества существующих вариантов мифа Элиаде выбрал очень частный, в отличие от других одобряющий, а не критикующий кро-

на жертву [Иванов 2009]. Однако же именно это согласуется с его специфической точкой зрения.

Итак, Батай и Элиаде схожи в том, что связка насилия и сакрального у них служит изобретению новой религии, которая претендует на универсализм, но неизбежно оказывается бриколажем, дальше их окружения не распространяется и довольно быстро увядает. Другие же мыслители — Жирар, Левинас и Кристева — используют ее для того, чтобы переосмыслить «старую» религию, будь то католическое или православное христианство или иудаизм.

Хотя сам Жирар не раз говорил, что его «Насилие и священное» можно (но не нужно) читать как панегирик жертвоприношениям, веротворческий потенциал его работы впервые раскрывается в «Вещах, сокрытых от создания мира» (1978), где он предлагает оригинальную не-жертвенную трактовку христианства. Евангелия, как он говорит, разоблачают насильственный механизм общественной солидарности и уничтожают сакральное как трансцендентный «резервуар» для насилия, обнаруживая его сугубо человеческую природу. Смерть Христа в этой трактовке является не жертвоприношением, а «исходом» из жертвоприношений, решительным «нет» насилию и явлением истинного Бога Отца [Girard 1978: 330]. Исходя из этого, автор разграничивает «историческое» христианство, которое соблазнилось Посланием к Евреям и приняло жертвенную интерпретацию, и «подлинное», которое ее отвергает. Число последователей этого второго учения, очевидно, ограничивалось тогда им самим, его учениками и последователями, поскольку без жертвы и искупления немыслимо ортодоксальное богословие ни одной из ветвей христианства. Впоследствии, в первую очередь под влиянием австрийского богослова Раймунда Швагера, Жирар отверг свою прежнюю точку зрения в пользу различения двух форм жертвоприношения [см.: Schwager 1978 и недавно изданную переписку мыслителей: Cowdell, Fleming, Moonsbrugger 2018]. В статье «Миметическая теория и теология» (1995) он пишет:

Есть два схожих по форме, но радикально противоположных модуса божественности: архаический, который напрямую питается от эффективности козлов отпущения; и христианский, который парадоксальным и косвенным образом происходит из их неэффективности и добродетели сокрушения ложных богов <...> Наряду с несовершенными жертвами, эффективность которых временна и ограничена, есть совершенное жертвоприношение, кладущее конец всем остальным [Girard 2001: 81-82].

Окончательно эту новую позицию он подтверждает в своей последней книге «Завершить Клаузевиза», где поясняет: «Все уже сказано на суде Соломона: есть принесение в жертву другого,

а есть принесение в жертву себя; есть жертвоприношение архаическое, а есть — христианское, однако всегда речь идет о жертвоприношении» [Girard 2007: 63–64]. Хотя эта перемена в его мысли и не ускользнула от внимания исследователей [см.: Kirwan 2009: 76–79; Palaver 2013: 231–232], некоторые авторы продолжают писать так, будто после середины 1990-х «нежертвенная интерпретация» была еще актуальна [напр.: Зенкин 2014: 300]. Другой вопрос, что в том же «Клаузевице» на ее место приходит довольно-таки оригинальная трактовка континуальности, то есть *преемственности* между архаической религией и христианством, чье откровение «утвердило все религии в их отношении к божественному, отверженному современным миром. Оно подтвердило то, что виднелось в них смутно» [Girard 2007: 12]. Не вдаваясь в подробности этой теории, отметим, что именно концепция насилия и сакрального позволила философу вновь открыть — или, точнее, «переизобрести» для себя христианство, в которое он когда-то уже «переобратился» в конце 1950-х.

Характерно, что у Эмманюэля Левинаса связка насилия и сакрального фигурирует исключительно в текстах, посвященных осмыслению иудаизма, — в «Трудной свободе» (1963) и «Талмудических штудиях» (1963–1975). Ассоциация этих двух понятий или феноменов у него логически происходит из очень точного и формального определения насилия:

Насилием оказывается любое действие, если совершающий ведет себя так, словно действует только он один: словно весь прочий мир призван лишь к тому, чтобы испытывать воздействие... насильственным будет любое действие, которое мы претерпеваем в каждый из его моментов, не соучаствуя в нем [Levinas 1963: 20].

Именно поэтому он утверждает, что сакральное насильственно: в соприкосновении с ним человек всегда находится «в страдательном залого» как объект воздействия, а не актер или хотя бы участник: «Но в значительной мере насилие присутствует также в поэтическом бреде и восторге, когда мы просто предоставляем наши уста музе, чтобы она ими говорила; в страхе и трепете, когда Сакральное исторгает нас из самих себя» [Ibid.: 21]. Хотя в этом осмыслении сакрального как иррациональной, устрашающей и притом всегда внешней по отношению к человеку силы философ сходится с другими авторами, он отвергает его в пользу того, что называет *божественным* — этического отношения, в котором человек является не объектом, а субъектом или хотя бы агентом. Поэтому в конечном счете он приходит к идее смыслового равенства, хотя и не формального тождества, сакрального и насилия: «Сакральное уничтожает

личностные отношения, заставляя сущих как бы в экстазе участвовать в тех драмах, которых они не желали, в том порядке, который их поглощает <...> Обволакивающее и уносящее меня сакральное — это насилие» [Ibid.].

Однако же определяя сакральное в таком виде — и подвергая его критике, — философ использует его для творческого определения «подлинной» духовности. Чего он требует, так это построения религии как «отношения между умами — отношений, помещенных в дневной свет сознания и дискурса» [Ibid.: 22], в то время как в сакральном ум отсутствует изначально либо подвешивается. Левинас требует «духовной жизни без сакрального», «возвышения», а не «одержимости». Именно это достигается в иудаизме, который якобы отвергает материально-рукотворное сакральное как колдовство, освобождает мир от его пагубного влияния и устанавливает личное (буквально «лицом к лицу») отношение между человеком и Господом Богом [Levinas 1990: 136-160].

24

Примечательно, что совершенно аналогичная по содержанию теория перехода от насильственного сакрального [sacré] к ненасильственной святости [sainteté] есть и у позднего Жиара: если первое из этих состояний имманентно и производится обществом в жертвенном механизме, то второе «отсылает нас к “иным берегам”» и включает в себе трансценденцию как «вновь обретенную дистанцию с божественным» [Girard 2007: 101, 217]. Однако весьма схожий позитивный творческий идеал мы находим также у Кристевой, у которой речь идет о новой дистанции и взаимном «снятии» двух форм насильственного сакрального — первичного негативного женского и отвращающего позитивного мужского: полемизируя с феминизмом англоязычного мира, она настаивает на различии этих начал, находя возможность их примирения в христианской мысли — например, в формулировках Иисуса и апостола Павла [Kristeva 2010: 53] или в прославлении Марии как матери Бога-Слова. Этой последней теме посвящено ее эссе «Ересь любви» (1977), в котором она, собственно, и предлагает концепт *еретики* [hégétique]: это неологизм, составленный из слов «ересь» и «этика» и означающий абсолютно материальный отказ от различения себя и другого, мужского и женского, семиотического и символического, который осуществляется в теле беременной женщины и одновременно — в святости материнской любви.

* * *

Надеемся, нам удалось показать, что тема насилия и сакрального — именно в «развернутом» виде, не сводясь целиком к концепту жертвоприношения, — встречается у значительного числа француз-

ских мыслителей XX-XXI веков и играет в их творчестве достаточно весомую роль, чтобы считать ее отдельным общим местом, или «топосом», и принимать со всей серьезностью. Этот топос, в котором изначально присутствует сильный философский компонент, есть уже у классиков французской социологии; позднее он становится ключевым для ряда авторов и в качестве «реликтового свечения» сохраняется у многих других.

Помимо указания на общий источник, каковым для большинства из рассмотренных авторов стали сочинения Дюркгейма, Юбера и Мосса и прочих, мы попытались определить, что объединяет большинство теорий насилия и сакрального, и подошли к концептуализации этого топоса посредством двух гипотез. Первая заключается в том, что рефлексия на эту тему отправлялась от реального насилия — прежде всего войны, но также и других его форм, — и в этом качестве зачастую имела политический смысл и была связана с активизмом. Согласно второму предположению, вследствие размышлений на тему насилия и сакрального множество авторов приходили к созданию новых религий и форм духовности или переосмыслению уже существующих — обычно в гетеродоксальном ключе. Ни один из этих двух моментов, разумеется, не исчерпывает всей глубины темы, но позволяет понять по меньшей мере то, почему в какой-то момент она оказалась так актуальна, привлекала столь несхожих между собой авторов и породила такое многообразие интерпретаций и «побочных эффектов» в зависимости от вкусов каждого из них. Поэтому даже если сегодня этот топос практически забыт, то, несомненно, сохраняет значение для истории социологии и философии, а также культуральной истории.

25

Библиография / References

Зенкин С. (2014) *Небожественное сакральное. Теория и художественная практика*, М.: РГГУ.

— Zenkin S. (2014) *The Non-Divine Sacred: Theory and Literary Practice*, Moscow: Russian State University for the Humanities. — in Russ.

Зыгмонт А., Дюков Д. Философия насилия и сакрального Ж. Батая и Р. Жирара в сравнительной перспективе. *Религиоведческие исследования*, 1(15): 29–72.

— Zygmunt A., Dyukov D. (2017) G. Bataille's and R. Girard's Philosophy of Violence and the Sacred in Comparative Perspective. *Researches in Religious Studies*, 1 (15): 29–72. — in Russ.

Зыгмонт А. *Святая негативность: насилие и сакральное в философии Жоржа Батая*, М.: Новое литературное обозрение, 2018.

— Zygmunt A. (2018) *Holy Negativity: Violence and the Sacred in Georges Bataille's Philosophy*, Moscow: New Literary Observer. — in Russ.

Иванов Вяч. Вс. (2009) Происхождение и трансформации фабулы баллады о Мастере Маноле. *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т. 5. Мифология и фольклор, М.: Знак: 307-320.

— Ivanov V. (2009) The Origins and Transformations of the Ballad of the Master Manole's Fabula. *Selected Works in Semiotics and Cultural History*. Т. 5. Mythology and Folklore, Moscow: Znak: 307-320. — in Russ.

Коначева С. (2019) *Бог после Бога. Философская теология в постметафизическую эпоху*, М.: РГГУ, 2019.

— Konacheva S. (2019) *God after God: Ways of Post-Metaphysical Thinking*, Moscow: Russian State University for the Humanities. — in Russ.

Ленель-Лавастин А. (2002) *Забывший фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран*, М.: Университетская книга.

— Laignel-Lavastine A. (2002) *Cioran, Eliade, Ionesco. L'oubli du fascisme: trois intellectuels roumains dans la tourmente du siècle*, Presses universitaires de France. — in Russ.

Пылаев М. *Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX века*, М.: РГГУ, 2018.

— Pylaev M. (2018) *The Category of the Sacred in the Phenomenology of Religion, Theology and Philosophy in the 20th Century*, Moscow: Russian State University for the Humanities. — in Russ.

«Contre-Attaque». Union de lutte des intellectuels révolutionnaires (1970). *Bataille G. Œuvres complètes*. Т. 1, Gallimard: 379-383.

Arppe T. (2009) Sacred Violence: Girard, Bataille and the Vicissitudes of Human Desire. *Distinktion: Journal of Social Theory*, 10 (2): 31-58.

Bataille G. (1976a) La théorie de la religion. *Œuvres complètes*. Т. 7, Gallimard: 181-280.

Bataille G. (1976b) La Limite de l'utile. *Œuvres complètes*. Т. 7, Gallimard: 181-280.

Bataille G. (1987) L'Érotisme. *Œuvres complètes*. Т. 10, Gallimard: 7-269.

Bataille G. (1988a) La guerre et la philosophie du sacré. *Œuvres complètes*. Т. 12, Gallimard: 47-57.

Bataille G. (1988b) Le pur bonheur. *Œuvres complètes*. Т. 12, Gallimard: 478-490.

Baudrillard J. (1976) *L'échange symbolique et la mort*, Gallimard.

Baudrillard J. (2007) L'esprit du terrorisme. *Le Monde*.

Caillois R. (1950) *L'homme et le sacré*, Gallimard.

Caillois R. (2012) *Bellone, ou la pente de la guerre*, Flammarion.

Clément C., Kristeva J. (1998) *Le féminin et le sacré*, Stock.

Direk Z. (2015) Bataille and Kristeva on Religion. J. Biles, Kent L. Brintnall (eds.) *Negative Ecstasies. Georges Bataille and the Study of Religion*, Fordham University Press: 182-201.

Dubuisson D. (2014) *Twentieth Centuries Mythologies*, Routledge.

Dumézil G. (1948) *Mitra-Varuna*, Gallimard.

- Durkheim É. (2007) *Les Formes élémentaires de la vie religieuse*, CNRS Éditions.
- Eliade M. (1937) *De ce cred în biruința Mișcării Legionare*. *Buna Vestire*, 244: 1-2.
- Eliade M. (1965) *Le sacré et le profane*, Gallimard.
- Galletti M. (éd.) *L'Apprenti sorcier: du Cercle communiste démocratique à Acéphale. Textes, lettres et documents (1931-1939)* (1999), Éd. de la Différence.
- Girard R. (1972) *La violence et le sacré*, Grasset & Fasquelle.
- Girard R. (1978) *Des choses cachées depuis la fondation du monde*, Grasset & Fasquelle.
- Girard R. (2001) La théorie mimétique et la théologie. *Celui par qui le scandale arrive: entretiens avec Maria Stella Barberi*, Fayard.
- Girard R. (2007) *Achever Clausewitz*, Carnets Nord.
- Goldhammer J. (2005) *The Headless Republic: Sacrificial Violence in Modern French Thought*, Cornell University Press.
- Grottanelli C. (2005) Fruitful Death: Mircea Eliade and Ernst Jünger on Human Sacrifice, 1937-1945. *Numen*, 52 (1): 116-145.
- Haven C. (2018) *Evolution of Desire: A Life of René Girard*, Michigan State University Press.
- Hollier D. (éd.) (1995) *Le Collège de Sociologie. 1937-1939*, Gallimard.
- Hubert H., Mauss M. (1899) Essai sur la nature et la fonction du sacrifice. *L'Année sociologique*, 2: 29-138.
- Kirwan M. (2005) *Discovering Girard*, Cowley Publications.
- Kirwan M. (2009) *Girard and Theology*, T&T Clark.
- Kristeva J. (1977) *Hérétique de l'amour*. *Tel Quel*, 74: 30-49.
- Kristeva J. (1980) *Pouvoirs de l'horreur. Essai sur l'abjection*, Seuil.
- Kristeva J. (2010) *Hatred and Forgiveness*, Columbia University Press.
- Kristeva J. (2013) *Visions capitales: Arts et rituels de la décapitation*, Éd. de la Martinière.
- Levinas E. (1963) *Difficile liberté. Essais sur le judaïsme*, Éditions Albin Michel.
- Levinas E. (1990) *Nine Talmudic Readings*, Indiana University Press.
- Palaver W. (2013) *René Girard's Mimetic Theory*, Michigan State University Press.
- Reineke M. (1997) *Sacrificed Lives: Kristeva on Women and Violence*, Indiana University Press.
- René Girard and Raymund Schwager. Correspondence 1974-1991* (2018) S. Cowdell, C. Fleming, M. Moonsbrugger (eds.) Bloomsbury Academic.
- Richman M. (2005) The Sacred Group: A Durkheimian Perspective on the Collège de sociologie. *Bataille: Writing the Sacred*, Routledge: 58-76.
- Rusu M. (2016) The Sacralization of Martyric Death in Romanian Legionary Movement: Self-sacrificial Patriotism, Vicarious Atonement, and Thanatic Nationalism. *Politics, Religion & Ideology*, 17 (2-3): 1-25.
- Săndulescu V. (2007) Sacralised Politics in Action: The February 1937 Burial of the Romanian Legionary Leaders Ion Moța and Vasile Marin. *Totalitarian Movements and Political Religions*, 8 (2): 259-269.

Schwager R. (1978) *Brauchen wir einen Sündenbock? Gewalt und Erlösung in den biblischen Schriften*, Munich: Kosel.

Strenski I. (2003) *Theology and the First Theory of Sacrifice*, Brill.

Surya M. (1987) *Georges Bataille, la mort à l'œuvre*, Gallimard.

Traylor A. (2014) Violence has its Reasons: Girard and Bataille. *Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture*, 21: 131-156.

Рекомендация для цитирования:

Зыгмонт А. И. (2022) Насилие и сакральное как топос французской мысли XX-XXI веков. *Социология власти*, 34 (3-4): 8-28.

For citations:

Zygmunt A. I. (2022) Violence and the Sacred as the Topos of 20st-21st Century French Thought. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 8-28.

Поступила в редакцию: 30.09.2022; принята в печать: 14.12.2022

Received: 30.09.2022; Accepted for publication: 14.12.2022

АРТЕМ С. СЕРЕБРЯКОВ¹

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0002-5564-0975

Ребенок в мире агентов и структур: об антиномиях исследований детства

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-29-49

Резюме:

В статье анализируются концептуальные положения и разногласия среди теоретиков междисциплинарных исследований детства — области знания, возникшей на базе новой социологии детства. Это движение позиционировало себя как смену парадигмы осмысления детства, открывающей его как концептуально автономную область, где учитывается активная роль детей в конструировании собственных опытов и социальных отношений. Широкое принятие языка для разговора о детстве, предложенного в рамках новой парадигмы, привело к его жаргонизации, повсеместному распространению некритически повторяемых общих мест и снижению теоретических ставок. Чтобы противостоять этой тенденции, исследователи пытаются переосмыслить доминирующие в их научной области подходы. При этом внимательное рассмотрение теоретических постулатов и понятийного аппарата представителей исследований детства обнаруживает фундаментальное расхождение, которое не может быть сведено только к методологическим или стилистическим предпочтениям. В статье это расхождение рассматривается как антиномия между агентностью и структурностью, а также как абсолютизация субъективного или объективного полюсов познания. На примере программных текстов показано, чем агентный подход в контексте исследований детства отличается от структурного, а также какие эпистемологические и политические следствия есть у обеих позиций. Ставка на агентность и автономность детства оборачивается фетишизацией вечно ускользаемой аутентичности детского голоса; структурный подход к детству, в свою очередь, предстает тривиализирующим и догматическим. В конце статьи дана оценка попыткам выхода из описанного теоретического затруднения с помощью, с одной стороны, радикальной децентрализации детства, а с другой — более нюансированного описания взаимодействий детей и общественных структур.

29

---

1 Серебряков Артем Сергеевич — аспирант Центра практической философии «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге, выпускающий редактор журнала Stasis. Научные интересы: философская антропология, философия детства, материалистическая диалектика, радикальная демократия, герменевтика. E-mail: aserebryakov@eu.spb.ru

Ключевые слова: исследования детства, социология детства, агентность, структура, ребенок, диалектика, Алан Праут, Йенс Квортруп

Artem S. Serebryakov¹

European University at St. Petersburg, Russia

A Child in a World of Agents and Structures: On the Antinomies of Childhood Studies

Abstract:

The article analyzes conceptual positions and disagreements among theorists of interdisciplinary childhood studies — a field of knowledge that emerged on the basis of the new sociology of childhood. This movement positioned itself as a paradigm shift in the understanding of childhood, revealing it as a conceptually autonomous area where the active role of children in constructing their own experiences and social relationships should be recognized. The widespread acceptance of the language for talking about childhood proposed by the new paradigm has led to its jargonization, circulation of uncritically repeated banalities, and the lowering of the theoretical stakes. To counter this trend, researchers are trying to reconsider the approaches that dominate their field. At the same time, a careful examination of the theoretical postulates and conceptual apparatus of childhood studies researchers reveals a fundamental divergence that cannot be reduced to methodological or stylistic preferences. In the article, this discrepancy is examined as an antinomy between agency and structure, as well as between an absolutization of the subjective or objective poles of understanding. Using program statements as an example, it is shown how the agent approach in the context of childhood studies differs from the structural approach, as well as what epistemological and political consequences both positions imply. The stake on the agency and autonomy of childhood turns into a fetishization of the ever-elusive authenticity of a child's voice; in its turn, the structural approach to childhood appears to be trivializing and dogmatic. At the end of the article, an assessment is provided of some attempts to get out of the described theoretical conundrum by the means, on the one hand, of the radical decentralization of childhood, and on the other hand, of a more nuanced description of the interactions between children and social structures.

Keywords: childhood studies, sociology of childhood, agency, structure, child, dialectics, Alan Prout, Jens Qvortrup

30

---

1 Artem Sergeevich Serebryakov — PhD Student, Stasis Center for Practical Philosophy at the European University at St. Petersburg, an assistant editor of the *Stasis* journal. Research interests: philosophical anthropology, philosophy of childhood, materialist dialectics, radical democracy, hermeneutics. E-mail: aserebryakov@eu.spb.ru

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в социальных науках было провозглашено наступление новой парадигмы осмысления детства. Это произошло под эгидой сначала так называемой новой социологии детства, а затем и возникшего на ее основе течения *childhood studies*, или междисциплинарных исследований детства. Их сторонники поставили задачу исследовать детство и жизнь детей вне навязанной оппозиции с взрослостью и миром взрослых; увидеть в детях полноценных социальных акторов, активно участвующих в конструировании детства и общественных процессах; дать детям голоса и возможность соучаствовать в исследовательских проектах. Предыдущие попытки научной и философской концептуализации детства, согласно этой доктрине, скомпрометировали себя, поскольку были обусловлены искаженной точкой зрения — «перспективой социализации» ребенка, из которой самоценный детский опыт оказался невидим. На сегодняшний день дискурс *childhood studies* является в международной академии практически общепринятым языком для разговора о детстве [Tisdall, Punch 2012: 252], однако, как представляется, предложенная движением концептуальная модель продолжает оставаться противоречивой и неконсистентной.

31

Обсуждение этого течения началось на страницах «Социологии власти» в 2014 году со статьи Ирины Дуденковой [Дуденкова 2014] и продолжилось в 2019-м статьей Светланы Бардиной [Бардина 2019]. Обе исследовательницы критически подошли к проекту, провозгласившему открытие иной парадигмы осмысления детства с перспективой вовлечения науки в программы социополитических преобразований, направленных на эмансипацию детей. В обоих случаях эта критика была связана с отношением движения к наследию Нового времени. Пытаясь откеститься от последнего и преодолеть его концептуальные ограничения, новая социология детства, по мнению Дуденковой, сама себя завела в теоретический тупик: она сделала ставку на то, что «ребенок может выступать в качестве автономного рационального сознательного агента» [Дуденкова 2014: 57], тем самым буквально перенес характерные для эпохи модерна нормативные представления о субъективности на проблематичную детскую фигуру¹. В свою очередь, Бардина на примере гоббсовского «Левиафана» демонстрирует, что само современное понимание детства было сложнее, чем его представляет новое исследователь-

1 О характерном для исследований детства противоречии между декларативным отказом от нововременной парадигмы и одновременно верой в современные модели рациональности и аргументации см. также статью Линнии Хольмберг [Holmberg 2018].

ское движение, а потому предложенная им «смена языка описания детства не возвращает утраченную сложность и многоплановость детства, но, напротив, отчасти затемняет ее» [Бардина 2019: 27]¹.

Принимая во внимание проделанную коллегами работу, я позволю себе ограничиться минимальными репликами относительно контекста возникновения современной парадигмы *childhood studies* и ее отношения с модерностью. Со своей стороны, я попытаюсь сделать вклад в осмысление противоречивости и проблематичности теоретических жестов, лежащих в основании новых исследований детства. Для этого я продемонстрирую изначальную гетерогенность подходов авторов, которых обычно причисляют к этому направлению; на примере концептуальных манифестов *childhood studies* эксплицирую то фундаментальное внутреннее расхождение, которое, на мой взгляд, является в данном случае основным теоретическим затруднением; и, наконец, отмечу значимые попытки его разрешения и их возможные следствия.

Childhood studies: инструкция по сборке

32

Прежде чем вкратце воспроизвести стандартный нарратив, описывающий *childhood studies*, нужно сразу же зафиксировать неоднозначность всякого зонтичного термина или феномена, подпадающего под определение научного движения, направления или исследовательского поля.

Во-первых, речь здесь может идти о конкретных персоналиях, которые на разных основаниях и по разным причинам оказались в это поле вовлечены². Среди основоположников и ключевых теоретиков движения обычно называют Алана Праута, Элисон Джеймс, Криса Дженкса, Йенса Квортрупа, Уильяма Корсаро, Леену Аланен и др., но стоит помнить о существенных различиях в их концептуальных бэкграундах. Довольно сложно ожидать, к примеру, что Квортруп, писавший диссертацию о понятии класса у Карла Маркса и из-

---

1 Из других работ о современных исследованиях детства на русском языке стоит отметить статьи Козловской и Козловой [Козловская, Козлова 2020], Никитиной-ден [Никитина-ден 2009], а также дискуссию на страницах журнала «Антропологический форум» [Форум: В поисках детской субъектности 2019].

2 В этом смысле в качестве важного этапа становления *childhood studies* стоит отметить выход в 2014 году сборника интервью с более чем двадцатью представителями этого направления, каждый из которых предстает в качестве конкретной личности со своим частным исследовательским опытом и индивидуальным отношением к движению в целом [см.: Smith, Greene 2014].

учавший общественные структуры социалистических государств, будет стоять на тех же позициях, что и Праут, вдохновляющийся теориями постструктуралистов (Жиль Делез и Феликс Гваттари) и новых материалистов (Донна Харауэй). Стоит отметить, однако, что в основном главные лица движения — европейские социальные ученые, представители того, что в постколониальной теории зовется *Minority World* — развитых и богатых стран со специфической демографической структурой и нормативными представлениями о детстве, *включая* распространенные представления о многообразии, ценности и принципиальной уникальности всякого детского опыта [см.: Tisdall, Punch 2012: 250; Canosa, Graham 2021: 34–35].

Во-вторых, возможность говорить о современных *childhood studies* возникла благодаря определенным теоретическим жестам, главный из которых — манифестация того, что детство и дети достойны быть предметом научного изучения *сами по себе*, вне связи с потребностями общества в их социализации, воспитании, взрослении¹, ибо дети *уже* являются людьми и активными участниками социальных процессов. Важно, что это не единственный теоретический жест, позволивший установиться новой исследовательской парадигме, — далее будет показано, что в случае конкретных представителей движения мы всегда имеем дело с серией жестов, в которой удельный вес того или иного жеста может варьироваться, а кроме того, некоторые из них и вовсе могут опускаться. Однако даже этот основополагающий акт провозглашения самоценности детства, будучи тем консенсусным решением, на которое опиралось это течение и которое позволило отделиться от прежней традиции осмысления детства, в действительности не является хоть сколько-нибудь *новым*. Он практически буквально повторяет концептуальный жест Жан-Жака Руссо, произведенный в трактате «Эмиль, или О воспитании» в отношении главенствовавшей тогда области знания о детях — педагогики². Смысл этого хода состоит в ретемпорализации

1 Само понятие взросления также принципиально пересматривается — это не предзаданное однонаправленное движение, а множество статусных изменений, различным образом интерпретируемых представителями разных социальных групп [Valentine 2003].

2 Это совершенно не отменяет того факта, что представители *childhood studies* справедливо могут маркировать Руссо как типичного представителя натуралистической и предромантической концепции детства [James, Prout 1990: 34–36] и рассматривать его педагогику как теорию детской социализации. Важно тем не менее иметь в виду само формальное совпадение акта переинтерпретации значимости детства и его темпоральности, который в одном контексте был сделан Руссо, а в другую эпоху и при иной конфигурации знания о детстве — идеологами *childhood studies*. В обоих случаях имеет место попытка, пользуясь формулировкой Филиппа Арьеса, «от-

детства: разрыве связи между ранним жизненным опытом и будущим взрослением, казавшейся для прежней эпистемологической модели самоочевидной; утверждении того, что эта связь делает *собственно детство* невидимым и несущественным¹.

В-третьих, можно говорить об этом движении в контексте его институциональной укорененности. Исследования детства ассоциируются в первую очередь с двумя авторитетными журналами: *Childhood* и *Children's Geographies*, на чью долю приходится большая часть статей под эгидой этого течения [Andal 2021], — а также крупными международными исследовательскими проектами, такими как *Childhood Project* [Qvotrup 1994]. Иными словами, хотя новые исследования детства возникли в результате постулирования эпистемологического разрыва с предшествующей традицией, сегодня это уже часть «нормальной» науки, занятой серийным производством знания о детстве, в том числе в России [см.: Майорова-Щеглова, Колосова 2018; Майорова-Щеглова 2018: 18–22].

Наконец, в-четвертых, исследования детства предстают как своеобразный *дискурс* и *жаргон* — совокупность общих мест, устойчивых определений и риторических формул, встречающихся в научной продукции движения и не просто зафиксированных в их манифестах и тезаурусах [см., напр.: James, James 2012], но многократно повторяющихся в качестве *маркеров принадлежности* к новой парадигме. Здесь крайне важно отличать собственно теоретические жесты от жаргона — если первые обладают перформативностью и подразумевают под собой определенную *ставку*, то наличие жаргона обеспечивает эффективное воспроизводство соответствующей научной *риторики*, за которой первоначальная ставка просматривается всех уже. Теодор Адорно в лекциях для социологов назвал это «тягой к применению чего-то предзаданного, до известной степени административно определенного», ведущей к утрате фокуса на *существенном* для общества и его конкретного состояния [Адорно 2010: 47]. Это описание в значительной степени применимо к обла-

34

крыть детство». Иными словами, как и некогда руссоизм, новая парадигма осмысления детства имеет исторически обусловленный, а не абсолютный характер [см.: Peters, Johansson 2012].

1 «Я издали слышу вопли той ложной мудрости, которая беспрестанно отвлекает нас от самих себя, настоящее всегда считает за ничто, неутомимо преследуя будущее, убегающее по мере приближения к нему, — той мудрости, которая, перенося нас туда, где нас нет, переносит таким образом и туда, где мы никогда не будем. <...> У человечества — свое место в общем порядке Вселенной, у детства — тоже свое в общем порядке человеческой жизни: в человеке нужно рассматривать человека, в ребенке — ребенка» [Руссо 1981: 77–78].

сти childhood studies и рефлексруется его представителями как проблема. Широкое принятие языка, предложенного новой социологией детства, и пафос отрицания и преодоления прежней концептуальной парадигмы и научной традиции привели «к возникновению “мантр”, которые повсеместно встречаются в публикациях об исследованиях детства <...>: мантр о детстве как социальном конструкте, о признании и фокусе на агентности детей и молодых людей, о ценности детских и юношеских голосов, опытов и/или участия» [Tisdall, Punch 2012: 251; см. также: Holmberg 2018]. Важно также добавить, что любая дискурсивная экспансия есть в то же время процесс установления определенных табу — причем как раз не только риторических, но и концептуальных. Чтобы быть признанным в качестве полноправного участника исследовательского поля, пишущему о детстве необходимо не только воспроизводить жаргон, но и *избегать* неудобных и противоречивых формулировок — таких, например, которые могут показаться содержащими в себе непроработанное наследие злополучной перспективы социализации.

В этом перечислении мы продвинулись от индивидуального (конкретных авторов и их конкретных теоретических ходов) к безличному (институциям и воспроизводящемуся дискурсу). В оценке достижений и перспектив исследовательского поля¹ следует учитывать оба этих полюса, а также понимать, что единство риторики может быть мнимым, а реальные теоретические ставки представителей одного течения противоречить друг другу.

Новой социологии детства не было

Какова в таком случае краткая история childhood studies? Предпосылкой возникновения нового движения было признание детства социальным, политическим и культурным феноменом, исторически изменчивым как в концептуальном, так и практическом отношении. Важнейшую роль здесь сыграли исторические исследования Арьеса [Арьес 1999] и Ллойда Демоза [Демоз 2000], генеалогический подход и концепция индивидуализации, в том числе детской, Мишеля Фуко [Фуко 1999] и другие работы, ассоциируемые с конструктивистским поворотом [см.: Kennedy 2000]. Альтернативная парадигма установила себя в рамках «новой социологии детства» с помощью серии программных статей и книг, из которых громче всех прозвучал манифест Праута и Джеймс 1990 года [Prout,

1 Полагаю, само представленное описание не является специфичным именно для исследований детства, а вообще характерно для локальных полей современной науки, определяемых как те или иные studies.

James 1997: 7–32], наиболее отвечающий духу времени и во многом породивший ту самую «мантру» о детстве как *социальном конструкте*. При этом очевидно меньше внимания получили, например, программный выпуск «Международного журнала по социологии» под редакцией Квортрупа [Qvortrup 1987] или вышедшая в 1997 году (и впоследствии многократно переиздававшаяся) монография по социологии детства Корсаго [Corsago 2015], хотя эти авторы описывали детство в первую очередь как *структурную форму* — к этому важнейшему расхождению мы еще обратимся далее.

Тезис о детстве как социальном конструкте на какое-то время стал восприниматься в рамках движения некритически, как принятый по умолчанию: «Все современные подходы к исследованию детства, — писал Дженкс в 1996 году, — очевидно исходят из того, что детство не является естественным феноменом и не может быть с таких позиций верно понято» [Jenks 2005: 6]. Вскоре, однако, даже его ближайший сторонник Праут отказался от такого взгляда на соотношение природы и культуры [Prout 2004: 83–84], а в последнее десятилетие появилось уже немало работ, проблематизирующих и выступающих за необходимость преодолеть этот дуализм [см.: Бардина 2019: 25–26; Canosa, Graham 2020: 33]. Иными словами, хотя исследования детства все еще часто ассоциируются с наивным конструктивистским тезисом, от него уже давно отказались даже некоторые из тех, кто его изначально выдвигал в качестве предпосылки для своей «новой социологии». Я, впрочем, намерен показать, что данный тезис в истории этого движения сам выступал в качестве итерации более фундаментальной теоретической ставки.

Прежде, однако, нужно закончить описание становления исследовательского поля в его нынешнем виде. Важнейшим моментом здесь стало превращение социологического движения в междисциплинарное, хотя его результат нельзя назвать ни однозначным, ни окончательным. С одной стороны, программа «новой социологии» сама настаивала на принципиальной множественности возможных концепций детства и разнообразии способов его конструирования, так что запрос на междисциплинарность казался неизбежным и многообещающим [см.: Woodhead, Montgomery 2003; Kehily 2009: 17–31], и сегодня лейбл *childhood studies* повсеместно распространен. С другой стороны, недавний анализ публикаций показывает, что многие исследователи, работающие в этом поле, намеренно продолжают придерживаться более узкой и традиционной дисциплинарной привязки (будь то социология, антропология, география и т. д.), все чаще говорят не о *меж-*, а только о *мульти-*дисциплинарности, поэтому пока что «исследования детства еще не могут претендовать на идентичность в качестве отдельной дис-

циплины» [Canosa, Graham 2020: 30–32]. Это исследовательское поле все еще предстает как совокупность замкнутых сфер, коммуникация между которыми налажена плохо, а с некоторыми практически отсутствует: это касается, в частности, истории детства (которой *childhood studies* обязаны самим своим парадигмальным сдвигом) и не в последнюю очередь также философии детства. Что, в свою очередь, означает, что «новая социология детства» не была *новой* в смысле институционального функционирования.

В методологическом отношении особое беспокойство в *childhood studies* вызывают вопросы детского соучастия в производстве знания о детстве и способы сделать детские голоса услышанными [см.: Canosa, Graham 2020: 36; Филипова, Хуснутдинова 2022]. Проблема влияния исследователя на речь своих респондентов или реакции своих объектов наблюдения ставится здесь в традиционном для социальных наук ключе. Исследователь оказывается в амбивалентной позиции: от него требуется и искать возможности получить аутентичный материал, и постоянно разоблачать эту претензию на аутентичность, демонстрируя сконструированность тех самых искомых детских голосов — но последнее никогда не должно побуждать отказываться от «поиска и включения детских мыслей и речи в исследование» [James 2008: 264–266]. Руссоистская романтизация детства самого по себе здесь оборачивается уже фетишизацией детского голоса как чего-то *одновременно* неуловимого и непосредственно данного — эмпирическое исследование предполагает устойчивый паттерн, в котором попеременно нужно быть наивным (верить в подлинность голоса), затем разоблачать свою наивность (дискредитировать претензию на подлинность), после чего заново возвращать себе веру¹. Однако такая схема, конечно же, неизбежно предполагает фундаментальную неудовлетворенность добытым материалом — детское необходимо должно быть *недостаточно детским*, чтобы научное предприятие по его изучению продолжало функционировать. Это два взаимосвязанных вопроса: надежда уловить (она же потребность упустить) специфику *детского* выступает как гарантия продолжения существования того академического поля, с которым конкретные исследователи связали свою судьбу. Не все представители *childhood studies* проблематизируют это требование

1 Схожая схема работает и в том, что касается необходимости выявлять и актуализировать агентность детей как участников социальных процессов, и такое рефлексивное отношение к этому аспекту отнюдь не является бесосновательным — как убедительно показал Дэвид Лэнси, некритически принятое требование фокусировать исследования на детской агентности превращает эмансипаторную программу в гегемонную и навязывающую общий для всех нарратив [см.: Lancy 2012].

аутентичности данных в равной степени, что вызвано намеренно более ограниченным пониманием автономности детства, — это, опять-таки, связано с главным концептуальным расхождением, к рассмотрению которого я теперь перейду.

Манифесты агентной и структурной партий

Того, кто погружается в массивы литературы по *childhood studies*, не может в какой-то момент не удивить та двусмысленность, которая возникает в работах, и особенно коллективных сборниках, при попытке определить собственно объект исследования. Одни говорят о том, что исследуют контингентное *многообразие детства* — конструкторов (сегодня часто уже не социальных, а социобиологических), производимых за счет практик *множества* индивидуальных акторов (в зависимости от оптики, это могут быть только дети, или также и взрослые, или также и животные, неживые объекты, материальные субстанции и т. д.). Другие авторы, иногда буквально через несколько страниц, рассуждают о *детстве* как универсальном структурном элементе общества, свободно оперируют понятием «поколения» и т. д. И лишь изредка это расхождение проговаривается четко: в исследованиях детства сосуществуют две оптики и два подхода, «агентный» и «структурный», восходящие к микро- и макросоциологическим методам анализа [Qvotrup et al. 2009a: 57]. Однако речь идет о чем-то более существенном, чем просто методологический выбор: множественность агентности и единство структуры сами выступают как *фундаментальный дуализм*, играющий более важную роль, чем выбор приоритета между природой и культурой, и подразумевающий под собой целую серию оппозиций, где на структурном полюсе находятся, к примеру, «общество» и «бытие», а на агентном — «индивидуальность» и «становление» [Prout 2004: 62–67]. Иногда этот раскол становится настолько ощутимым, что, к примеру, вынуждает Корсаро признать во введении к своей «Социологии детства», что порой он испытывал желание написать *сразу две книги*, сфокусировав одну на социально-психологических дескрипциях, а вторую на анализе структур [Corsaro 2015: xii]. Однако пример Корсаро свидетельствует как раз о том, что описанное расхождение не является чисто методологическим — работая почти исключительно на микроуровне, он все полученные данные интерпретирует через структурную оптику и использует их для подкрепления универалистской модели детства как структурной формы. В свою очередь, представители агентного лагеря активно пользуются макроданными, однако подчеркивают, что этот анализ стоит использовать в качестве ресурса для поддержания концептуальной автономии детства и принципиальной реконфигурации системы

отношений, представленной сегодня в конвенциональных структурных терминах [Alanen, Mayall 2001: xii].

Чтобы четче зафиксировать, какие следствия вытекают из той или иной теоретической ставки, сравним ключевые положения двух программных текстов, предваряющих важные коллективные сборники по исследованиям детства. Один — уже упоминавшийся манифест новой социологии детства Праута и Джеймса, поддержанный (а во многом и инспирированный) Дженксом [см.: Jenks 2005: 29-31]; второй — введение к руководству по childhood studies под редакцией Квортрупа, Корсаро и Майкла-Себастьяна Хонига.

Авторы первой программы выделяют шесть основных принципов, на которых должны строиться исследования в рамках новой парадигмы:

1. Детство должно пониматься как конструкт, оно не является ни чем-то естественным, ни чем-то универсальным.
2. Детство является одной из переменных социального анализа; поскольку оно вариативно и мультифакторно и на него влияют гендерные, классовые и этнические аспекты, нужно говорить о наличии множества детства.
3. Детство достойно самостоятельного изучения, независимого от интересов и перспектив взрослых.
4. Дети должны рассматриваться как активные участники конструирования своих жизней.
5. Исследования должны опираться на этнографическую методологию, чтобы была возможность услышать голоса самих детей.
6. Исследования детства одновременно должны быть реализацией проекта по реконструированию детства в обществе [Prout, James 1997: 7-9].

39

Вторая программа состоит из следующих пяти пунктов:

1. Социальные науки должны заниматься исследованием «нормального» детства, а не быть исключительно реакцией на ту или иную актуальную общественную проблему — только поняв роль детства в контексте социальных проблем всего общества, можно изменить к лучшему окружение, в котором живут дети.
2. Необходима критика конвенциональной перспективы социализации, чтобы понять, принять и признать детей и их жизненные миры значимыми сами по себе.
3. Исследования должны учитывать агентность и голоса самих детей, рассматривать их как активных членов общества, а не как его пассивные и незащищенные элементы.
4. Детство должно рассматриваться в контексте множества структурных ограничений, которые накладывает на него об-

щество, в том числе нужно учитывать, что взаимоотношения с взрослыми являются реальностью для каждого ребенка.

5. Детство можно исследовать стандартными методами, поэтому исследования не должны замыкаться на каком-то детском микромире, а иметь в виду, что дети являются структурной частью любого общества [Qvortrup et al. 2009b: 4-6].

В сравнении этих, на первый взгляд довольно похожих манифестов нужно в первую очередь обратить внимание на соотношение единства и множественности в определениях детства. Ставка манифеста Праута и Джеймс состоит в том, что исследования должны фиксировать вариативность, уникальность и комплексность всех опытов детства; поскольку количество переменных в потенциале бесконечно, то в пределе *детств окажется столько же, сколько и детей*. Программа Квортрупа, Корсаро и Хонига рассматривает ту же самую соотнесенность детства с различными переменными как множественность ограничений, детерминирующих и обуславливающих детство *как структурную форму любого общества*. В связи с этим мы видим также разное понимание отношений между детьми и взрослыми в обществе: в первом случае модель рассматривает специфическое взаимодействие детей с взрослыми как пусть и важный, но все-таки лишь один из факторов, определяющих их как детей; во втором случае этот фактор становится главенствующим, ибо положение ребенка есть в первую очередь структурное положение в системе поколений. Иными словами, в одном случае дети — в значительной мере самостоятельные *агенты*, конструирующие социальное пространство, *в том числе* через взаимодействие с взрослыми; в другом — дети предстают как *активные интерпретаторы*, действующие и понимающие себя под воздействием множества влияний и ограничений, вызванных их структурным положением — и *по преимуществу* в их отношении к миру взрослых¹. Исходя из агентной парадигмы, детский опыт содержит в себе нечто экстраординарное («аутентичное»), что возможно обнаружить, если преодолеть ограничения партикулярных концепций, ошибочно универсализирующих этот опыт. Исходя из структурной парадигмы, детство — это сложная и исторически трансформирующаяся, но по большому счету ординарная и систематизируемая совокупность жизненных опытов². Агентный подход стремится сделать все,

40

1 См., в частности, исследования Корсаро о детской культуре, или культуре сверстников (peer culture), где под последней понимается деятельность детей одновременно как «интерпретаторов» взрослого знания и производителей своего детского знания [Corsaro 1992].

2 О погоне исследователей за детской аутентичностью и экстраординарностью Квортруп высказался категорически: «...ничего такого уж таинствен-

чтобы ребенок, несмотря на объективные факторы, рассматривался как *субъект*, а структурный отстаивает необходимость для науки, несмотря на все субъективные вариации детских опытов и признание конструктивного детского участия, фиксировать детство как *объект* (или уровень более комплексного объекта — общества).

Политические следствия обеих программ достаточно очевидны. Ставка на агентность предполагает скорее либеральные или анархистские позиции с постоянным подчеркиванием необходимости личной эмансипации детей от неадекватных ограничений, мотивированных ложными представлениями о детских способностях и общественных ролях. Их коллегам-оппонентам в целом ближе социал-демократический подход, где политическая задача исследователей — предложить умеренные и хорошо обоснованные структурные реформы, способствующие благополучию детей в долгосрочной перспективе. В то же время если конкретная политическая вовлеченность структурных исследований практически никогда не подлежит сомнению, то сторонники агентного подхода в своих рассуждениях порой приходят буквально к деполитизирующим выводам. Так, в статье о понятии агентности Джеймс характеризует общественную обеспокоенность современным детским медиапотреблением как просто моральную панику и в неолиберальном духе заключает: «Поэтому, несмотря на частые попытки связать идеи детской агентности с политической повесткой, чтобы придать детям статус группы меньшинств по отношению к взрослым, агентность в конечном счете — это качество индивидуального ребенка. Это нечто, что дети могут выбрать и задействовать, а могут и не выбрать...» [Qvotrup et al. 2009b: 44]¹.

41

Выбор в пользу структурности или агентности в рамках перформативно объявленного общего исследовательского поля скорее *толерируется*, чем проблематизируется, мотивируется дисциплинарной традицией или даже темпераментом конкретного исследователя [Prout 2004: 68]. При этом теоретические ставки, проговариваемые все

ного в детях или детстве нет. Дети — это человеческие существа (*beings*), а не только “человеческие становления” (*becomings*); у них есть не только потребности, наличие которых признается, но и интересы, которые могут совмещаться, а могут и не совмещаться с интересами других социальных групп или категорий, и они могут быть подвержены воздействию общественных сил так же, как любые другие группы, слои или классы» [Qvotrup 1994: 18].

- 1 Радикальной противоположностью здесь будет выступать, например, текст Дэвида Олдмана, предлагающего рассматривать детей не просто как меньшинство, но как *класс*, определяемый через специфические формы трудовой активности (в т. ч. школьный труд) и противопоставленный классу взрослых [Qvotrup 1994: 43–58].

чаще в качестве общих мест, продолжают подталкивать к однозначным утверждениям автономности либо структурной встроенности детства, либо уходить от выбора с помощью простой декларации того, что важно учесть и то, и другое. В этом отношении childhood studies в период своего становления по большей части оставались в рамках докритического дуалистического мышления, не будучи готовыми даже сформулировать данную проблему как антиномию, не то что предложить ее решение. В заметке 2017 года Аланен признала серьезной проблемой как раз неспособность своих коллег четко артикулировать свои фундаментальные, онтологические позиции: «К сожалению, чего мы сейчас наблюдаем все реже, так это открытого признания и критического обсуждения онтологических (а с ними и эпистемологических) ставок, которые выбранные нами онтологии предписывают для производства “хорошей” науки» [Alanen 2017: 149].

42 Долгое время единственным заметным исключением здесь была наиболее теоретически значимая книга Праута — «Будущее детства» 2004 года. Значительную часть книги он посвящает разбору концептуальных оппозиций, в которых замкнулись исследования детства, и ставит задачей найти из них выход. Здесь присутствует и пересмотр собственной наивно-конструктивистской позиции, и достаточно фундированная критика структуралистского подхода на примере Квортрупа и Аланен. Кроме делезо-гваттарианских концептов и философии новых материализмов, Праут опирается на акторно-сетевой подход и теории комплексных и нелинейных систем [Prout 2004: 67–82, 113–118]. Эти ресурсы, согласно Прауту, позволяют мыслить детство и детские взаимодействия, включая межпоколенческие, в логике множественности и становления, преодолеть ту ригидность, которая была свойственна не только структурному, но и агентному подходам. Этот вторичный парадигмальный сдвиг со стороны одного из основателей исследований детства пока не стал в childhood studies общепринятым — самой убедительной и серьезной попыткой следовать ему является проект «онтологического поворота» в исследованиях детства антрополога Спироса Спиру, который подключает еще больше философских ресурсов для дальнейшей «децентрализации» детства [Spiro 2018]. Но независимо от того, вернется ли эта ставка в следующие годы в еще одно общее место и элемент жаргона, необходимо задаться вопросом, а действительно ли она является выходом за пределы логики оппозиций?

Философское письмо о структурности и агентности

В 1795 году молодой Фридрих Шеллинг опубликовал текст под названием «Философские письма о догматизме и критицизме». В этой работе, являющейся попыткой переосмыслить достижения кантов-

ской критики и преодолеть установленные ей ограничения, Шеллинг формулирует фундаментальное противоречие, с которым сталкивается наше познание: разуму всегда приходится делать выбор в пользу либо объекта, либо субъекта, в связи с чем есть две тенденции к однозначному и предельному разрешению противоречия — «либо субъект должен раствориться в объекте, либо объект — в субъекте» [Шеллинг 1987: 51]. Выбор в пользу объективности делает «догматизм»: согласно ему, объективно существует единая субстанция, а все субъективное принадлежит и определяется ей, поэтому в конечном счете может быть ей и поглощено. Противоположное решение «критицизма» абсолютизирует субъективность — именно субъект с этой точки зрения является тем, кто определяет то, каким мир должен быть и каков он вообще. Задачу всей дальнейшей философии Шеллинг формулирует как преодоление самого этого выбора как ложного, создание такой системы, которая будет абсолютизации субъективности и объективности рассматривать как частные моменты в рамках динамического единства, в котором на равных условиях и необходимым образом происходит переход от одного полюса к другому и обратно.

Возвращаясь к расхождению в теоретических ставках основателей *childhood studies*, можно увидеть, что перед нами вариация той же самой дилеммы. Полюс структурности (Квортруп, Корсаро, Аланен) соотносится с полюсом агентности (Праут, Джеймс, Дженкс) как ставка на объективное со ставкой на субъективное. С одной стороны — утверждение объективно существующей перманентной структуры общества, в которую встроены и которой определен субъективный элемент детства. За этим элементом признается изменчивость и многообразие, но только *в границах* первоначальной объективной обусловленности. С другой стороны — программа автономизации субъективности, где детство выступает как выражение не подчиненных обществу либо нуждающихся в освобождении от него возможностей детей по конструированию и реконструированию *своих миров* (уникальных детств) и *мира в целом* (общества как метаконструкта).

Такой перевод на самые элементарные философские термины необходим, чтобы увидеть, почему описанное выше переосмысление Праутом его конструктивистской позиции как слишком бинарной является просто логичным следствием изначально сделанной ставки на агентность, или субъективность. Ведь субъект, если мы признаем его чем-то нередуцируемым к структуре или единой субстанции общества, и есть то, что привносит в объективное структурное единство искомую сторонниками агентного подхода *множественность*. В акте утверждения детства как социального конструкта сам момент социальности/культуры был вторичен

по сравнению с потребностью обосновать автономность и бесконечную изменчивость субъекта-ребенка, а также детства и общества как преобразуемых им миров. Обнаружив, что определение ребенка через одни лишь социокультурные конструкты все еще недостаточно автономизирует его, Праут *усилил и радикализировал предыдущий жест*, начав определять детство уже как множество постоянно меняющихся гетерогенных конструктов:

Детство нужно рассматривать ни как «естественное», ни как «культурное», но как множество «природ-культур», то есть как многообразие сложных гибридов, составленных из разнородных материалов и возникающих во времени. Оно культурное, биологическое, социальное, индивидуальное, историческое, технологическое, пространственное, материальное, дискурсивное... и много больше. В детстве нужно видеть не единый феномен, а множественный набор конструкций, возникающих в результате соединения и разъединения, слияния и разделения этих разнородных материалов [Prout 2004: 144].

44

У этого нарратива есть два проблемных следствия, которые вместе образуют занятное теоретическое противоречие. Во-первых, радикальная ставка на множественность фактически означает, что никакой внешний взгляд на какое-либо из детств не может претендовать на адекватность: каждый набор конструктов (или даже набор наборов) предельно уникален и субъективен — детский опыт и то, как ребенок конструирует мир, непередадимы ни в какие конвенциональные формулы, по крайней мере соответствующие старым критериям научности. Говоря начистоту, единственное адекватное решение здесь подразумевает полный отказ исследователя от производства знания и расценивание себя исключительно в качестве инструмента, через который ребенок может заговорить, если захочет. Но во-вторых, такая радикализация субъективности, такое *тотализованное различие*, фактически выхолащивает сам акт утверждения детской автономности или какой-то специфической значимости ребенка. Если всякое детство и всякий ребенок различны и гетерогенны в той же степени, что и всякий другой элемент мира (а постгуманистический пафос этой программы прямо постулируется), то мы не только не можем иметь дело с детством даже опосредованно, но должны признать, что нам дана лишь *одна неисчислимая множественность*. В пределе такая ставка на субъективность оборачивается торжеством безразличной объективности.

Что касается структурного полюса исследований детства, то и здесь существует достойный упоминания проект по преодолению изложенных противоречий. Он принадлежит Присцилле Алдерсон, стороннице философского движения критического реализма, сочетающего аналитическую философию и диалектиче-

скую методологию. Алдерсон негативно отзывается о следствиях жеста, описанного мной на примерах Праута и Спиру: такой подход, по ее словам, «ставит людей и объекты на одинаковый уровень агентности и упускает сознательную агентность, уникальную для человеческих существ» [Alderson 2016a: 205]. В то же время, продолжает она, и сама абсолютизация значимости агентности является ошибочной, как, впрочем, и переоценка роли общественных структур в контексте коллективного действия. Отношение между структурой и агентами является диалектическим взаимодействием, разворачивающимся во времени: «...агенты отталкиваются от ряда уже существующих структур в открытых системах; структуры могут быть причиной агентности, но не детерминируют ее; и агенты формируют и переформируют структуры в напряженных последовательностях (трансформаций)» [Alderson 2016b: 93]. Вместе с тем многое говорит о том, что перед нами решение с однозначным перевесом в пользу объекта. Во-первых, Алдерсон придерживается строгой и последовательной методологической схемы анализа ситуации, в которой субъективный элемент учтен в качестве критического и рефлексивного осмысления полученных данных с целью их уточнения, но никак не угрожает самому исследовательскому предпринятию (а признание того, что действия детей входят в *противоречие* с установками исследователя, было одним из ценнейших моментов агентного подхода). Во-вторых, она ожидаемо критикует *childhood studies* за то, что в них слишком силен фокус на специфичности детства в отрыве от мира взрослых [Alderson 2016a: 200], рассуждает о детстве скорее нормативно, без учета многих теоретических затруднений, и описывает положение детей *по аналогии* с женщинами или вообще всеми взрослыми [Alderson 2016b: 5-8]. В-третьих, сам анализ глубинных социальных структур как причин повседневного действия (а в случае политических проблем — бездействия) агентов в программе Алдерсон представляется наиболее существенным — именно этот уровень обозначается ей как *реальный*. Вместе с тем ее подход действительно нацелен на то, чтобы конечным итогом анализа было коллективное субъективное действие с непосредственным участием детей в обсуждении и разработке способов решить глобальные проблемы общества, в первую очередь экономическое неравенство, перепотребление и изменение климата [Ibid.: 135-166]. Но из-за догматического методологического подхода и неготовности к серьезной рефлексии важнейших для своего анализа понятий, включая собственно детство и детей, эта программа может показаться слишком формальной и недостаточно убедительной как раз из-за чрезмерного исследовательского *субъективизма*, вписывающего полученные данные в заранее избранную схему «диалектического» рассуждения.

Признание противоречивого характера тех теоретических ставок, с которыми ассоциируются современные исследования детства, и дальнейшие поиски его разрешения должны стать главной задачей для теоретиков, работающих в этой области, особенно в ситуации, когда навязчивая тенденция к жаргонизации и некритическому воспроизводству риторических ходов очевидна даже для самих представителей движения. Именно такая работа побуждает к тому, чтобы вернуться к вопросу о достижении действительной междисциплинарности *childhood studies*, включая более глубокую философскую фундированность возможных концептуальных конфигураций и осознание их следствий. Она также должна помочь осознанно сопротивляться тенденциям к фетишизации и нормализации детства и детского опыта, распространенным в этой области знания. Только осмысление исследовательских моделей на фундаментальном уровне позволяет науке вернуться к вопросу о том, что для нее как познавательного и политического предприятия существенно, а что нет.

Библиография / References

46

Адорно Т. (2010) *Введение в социологию*, М.: Праксис.

— Adorno T. (2010) *Introduction to Sociology*, Moscow: Praxis. — in Russ.

Арьес Ф. (1999) *Ребенок и семейная жизнь при старом порядке*, Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та.

— Ariès P. (1999) *The Child and Family Life in the Old Regime*, Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta.— in Russ.

Бардина С. (2019) «Дети, идиоты и сумасшедшие»: Томас Гоббс и проблемы современной социологии детства. *Социология власти*, 31 (1): 14-29.

— Bardina S. M. (2019) “Children, fools, and madmen”: Thomas Hobbes and the Problems of the Sociology of Childhood. *Sociology of Power*, 31 (1): 14-29.— in Russ.

Демоз Л. (2000) *Психоистория*, Ростов-на-Дону: Феникс.

— deMause L. (2000) *Psychohistory*, Rostov-on-Don: Feniks.— in Russ.

Дуденкова И. (2014) «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией. *Социология власти*, (3): 47-59.

— Dudenkova I. (2014) “Children’s Question” in Sociology: Between a Normativity and an Autonomy. *Sociology of Power*, (3): 47-59.— in Russ.

Козловская А., Козлова А. (2020) Детская агентность как предмет теоретической дискуссии и практическая проблема (антропологический комментарий). *Антропологический форум*, (45): 11-25.

— Kozlovskaya A., Kozlova A. (2020) Children’s Agency as a Theoretical Problem and a Practical Concern (an Anthropological Remark). *Anthropological Forum*, (45): 11-25. — in Russ.

Майорова-Щеглова, Колосова. (2018) Дети и детство как объекты социологических исследований. *Социологические исследования*, (3): 62–69.

— Mayorova-Shcheglova S., Kolosova E. (2018) Children and Childhood as Objects of Sociological Research. *Sociological Research*, (3): 62–69. — in Russ.

Майорова-Щеглова С. (ред.) (2018) *Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус*, М.: Изд-во РОС.

— Mayorova-Shcheglova S. (ed.) (2018) *Childhood of the XXI century: a Socio-Humanitarian Thesaurus*, Moscow: Izd-vo ROS. — in Russ.

Никитина-ден Бестен О. (2009) «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы. *ИНТЕР: Интеракция. Интервью. Интерпретация*, (5): 7–24.

— Nikitina-den Besten O. (2009) What's new in the New Social Studies of Childhood? *INTER: Interaction, Interview, Interpretation*, (5): 7–24 — in Russ.

Руссо Ж.-Ж. (1981) *Эмил, или о Воспитании*. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2-х т. Т.1. М.: Педагогика.

— Rousseau J.-J. (1981) *Emile, or On Education*. Rousseau J.-J. Pedagogical works: In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.

Форум: В поисках детской субъектности. (2019) *Антропологический форум*, (42): 9–106.

— Forum: Searching for Children's Agency. *Anthropological Forum*, (45): 11–25. — in Russ.

47

Филипова А., Хуснутдинова М. (2022) А где же ребенок? *Комплексные исследования детства*, 4 (3): 203–209.

— Filipova A., Husnutdinova M. (2022) And Where is the Child? *Comprehensive Child Studies*, 4 (3): 203–209.— in Russ.

Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*, М.: Ad Marginem.

— Foucault M. (1999) *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*, Moscow.: Ad Marginem.— in Russ.

Шеллинг Ф. В. Й. (1987) *Философские письма о догматизме и критицизме*. Сочинения в 2 т.: Т. 1. М.: Мысль.

— Schelling F. W. J. (1987) *Philosophical Letters on Dogmatism and Criticism*. Works in 2 vol.: Vol. 1. Moscow: Mysl'. — in Russ.

Alanen L., Mayall B. (2001) *Conceptualizing Child-Adult Relations*, London, New York: Routledge.

Alanen L. (2017) Childhood Studies and the Challenge of Ontology. *Childhood*, 24 (2): 147–150.

Alderson P. (2016a) The Philosophy of Critical Realism and Childhood Studies. *Global Studies of Childhood*, 6 (2): 199–210.

Alderson P. (2016b) *The Politics of Childhoods Real and Imagined: Practical Application of Critical Realism and Childhood Studies*, London, New York: Routledge.

Andal A. G. (2021) The state of journals on children and childhood studies: Insights and challenges from a citation analysis. *Childhood*, 28 (3): 444–458.

- Canosa A., Graham A. (2020) Tracing the contribution of childhood studies: Maintaining momentum while navigating tensions. *Childhood*, 27 (1): 25-47.
- Corsaro W. A. (1992) Interpretive Reproduction in Children's Peer Cultures. *Social Psychology Quarterly*, 55 (2): 160-177.
- Corsaro W. A. (2015) *The Sociology of Childhood. Fourth edition*, London: SAGE.
- Holmberg L. (2018) The future of childhood studies? Reconstructing childhood with ideological dilemmas and metaphorical expressions. *Childhood*, 25 (2): 158-172.
- James A. (2007) Giving Voice to Children's Voices: Practices and Problems, Pitfalls and Potentials. *American Anthropologist*, 109 (2): 261-272.
- James Al., James Ad. (2012) *Key Concepts in Childhood Studies*, London: SAGE.
- Jenks C. (2005) *Childhood. 2nd ed.*, New York: Routledge.
- Kehily M. J. (2009) *An Introduction to Childhood Studies. Second Edition*, Maidenhead, UK: Open University Press.
- Kennedy D. (2000) The Roots of Child Study: Philosophy, History, and Religion. *Teachers College Record*, 102, (3): 514-538.
- Lancy D. (2012) *Unmasking Children's Agency*, *AnthropoChildren*, 1 (2): 1-20.
- Peters M. A., Johansson J. (2012) Historizing Subjectivity in Childhood Studies. *Linguistic and Philosophical Investigations*, (11): 42-61.
- Prout A. (2004) *The Future of Childhood. Towards the Interdisciplinary Study of Children*. London, New York: Routledge.
- Prout A., James A. (eds.) (1997) *Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*, London: Farmer Press/Taylor & Francis.
- Qvortrup J. (ed.) (1994) *Childhood Matters*, Aldershot: Avebury.
- Qvortrup J., Brown Rosier K., Kinney D. A. (eds) (2009a) *Structural, Historical, and Comparative Perspectives (Sociological Studies of Children and Youth, Vol. 12)*, Bingley: Emerald Group Publishing Limited.
- Qvortrup J. (Ed.) (1987) *The Sociology of Childhood. International Journal of Sociology*, 17 (3).
- Smith C., Greene S. (2014) *Key thinkers in childhood studies*, Bristol: Policy Press.
- Spirou S. (2018) *Disclosing Childhoods. Research and Knowledge Production for a Critical Childhood Studies*, London: Palgrave Macmillan.
- Tisdall E. K. M., Punch S. (2012) Not So 'New'? Looking Critically at Childhood Studies. *Children's Geographies*, 10 (3): 249-264.
- Valentine G. (2003) Boundary Crossings: Transitions from Childhood to Adulthood. *Children's Geographies*, 1 (1): 37-52.
- Woodhead M., Montgomery H. (eds) (2003) *Understanding Childhood: An Interdisciplinary Approach*, Chichester: Wiley/The Open University.

Рекомендация для цитирования:

Серебряков А. С. (2022) Ребенок в мире агентов и структур: об антиномиях исследований детства. *Социология власти*, 34 (3-4): 29-49.

For citations:

Serebryakov A. S. (2022) A Child in a World of Agents and Structures: On the Antinomies of Childhood Studies. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 29-49.

Поступила в редакцию: 02.12.2022; принята в печать: 23.12.2022

Received: 02.12.2022; Accepted for publication: 23.12.2022

МИХАИЛ Д. БЕЛОВ¹

МВШСЭН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8848-2726

МАРИЯ А. ЕРОФЕЕВА²

РАНХиГС, МВШСЭН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0874-5272

Эпистемика наносит ответный удар: ситуативность и порядки взаимодействия в конверсационном анализе

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-50-71

Резюме:

За время существования конверсационного анализа (СА) ученые обнаружили множество систем организации действия (машинерий), описывающих то, как происходит смена говорящих, какие действия являются ожидаемыми, и как поддерживается интересубъективность в разговоре. Однако, когда Джон Херитедж предлагает новую машинерию, изучающую ориентацию участников взаимодействия на знание, между конверс-аналитиками разгорается дискуссия, в которой Майкл Линч и его коллеги радикальные этнометодологи обрушиваются на эпистемiku с критикой. Спор начинается с того, что Линч обвиняет Херитеджа в когнитивизме и внеситуативной природе эпистемики, при том, что исследования по этнометодологии и конверсационному анализу традиционно фокусируются на ситуативных действиях. Дискуссия об эпистемике указывает на внутреннее напряжение в СА относительно того, где проходят границы ситуаций и что, таким образом, может попасть в фокус внимания СА. В этой статье осуществляется реактуализация проблемы ситуативности в СА на основании анализа аргументов в дискуссии об эпистемике. Авторы показывают, что эпистемика и споры вокруг нее являются для СА серьезным испытанием, обнажающим концептуаль-

50

-
- 1 Белов Михаил Дмитриевич — студент, Московская Высшая Школа Социальных и Экономических Наук (МВШСЭН). Научные интересы: мультимодальный конверсационный анализ, феноменологическая социология, политическая социология, социология медиа. E-mail: mikaelbelov@gmail.com
  - 2 Ерофеева Мария Александровна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС, доцент Факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: микросоциология, мультимодальный конверсационный анализ, социология технологий, акторно-сетевая теория. E-mail: erofeeva-ma@gaпepa.ru

ную проблему, до сих пор оставшуюся в тени, — соотношения и потенциальной иерархии различных машинерий. Обращаясь к истокам понятия ситуативности в трудах Гофмана и Сакса, авторы демонстрируют, что для противоборствующих сторон локализация феноменов внутри ситуаций является аналитическим решением относительно того, что можно увидеть в эмпирических данных. В противоположность этому, различие позиции аналитика и участника взаимодействия смещает фокус исследовательского внимания на то, как машинерии становятся релевантными для взаимодействующих, то есть как реализуется их повсеместная релевантность. Авторы аргументируют, что это более продуктивная постановка вопроса, чем вопрос о границах ситуации.

Ключевые слова: ситуативность, организация действия, порядок взаимодействия, радикальная этнометодология, когнитивизм, аналитическое и обыденное

Mikael D. Belov¹

MSEES, Moscow, Russia

Maria A. Erofeeva²

RANEPa, MSEES, Moscow, Russia

Epistemics Strikes Back: Situationality and Interaction Orders in Conversation Analysis

51

Abstract:

Over the lifetime of Conversation Analysis (CA), scholars have discovered many systems of action organisation (machineries) describing how conversational turns occur, what actions are expected, and how intersubjectivity in conversation is maintained. However, when John Heritage proposed a new machinery that examines the knowledge orientation of participants in interactions, a debate broke out between conversation analysts in which Michael Lynch and his colleagues in radical ethnomethodology descend upon on epistemics. The controversy begins with Lynch accusing Heritage of cognitivism and the extra-situational nature of epistemics, while research on ethnomethodology and conversation analysis has traditionally focused on situated action. The discussion of epistemics points to an internal tension in CA as to where the boundaries of situations lie and what, therefore, can be the focus of CA. This article reactualises the problem of

-
- 1 Belov Mikael Dmitrievich — student, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSEES). Research interests: multimodal conversation analysis; phenomenological sociology; political sociology; sociology of media. E-mail: mikaelbelov@gmail.com
  - 2 Erofeeva Maria Aleksandrovna — Candidate of Sociological Sciences, Researcher at the Center for Sociological Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Senior Lecturer of the Faculty of Social Sciences of the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSEES). Research interests: microsociology; multimodal conversation analysis; sociology of technology; actor-network theory. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru

situationality in CA by analysing the arguments in the debate on epistemics. The authors show that epistemics and the debates surrounding it constitute a serious test for CA, revealing a conceptual problem that has hitherto been obscured — the relation and potential hierarchy of different machineries. Turning to the origins of the concept of situationality in the writings of Goffman and Sacks, the authors demonstrate that for opposing sides, the localisation of phenomena within situations is an analytical decision about what can be seen in empirical data. In contrast, distinguishing between the position of the analyst and the participant in the interaction shifts the analyst's attention to how the machineries become relevant to the interactants, that is, how their omnirelevance is realised. The authors argue that this is a more productive formulation of the question than that of the boundaries of the situation.

Keywords: situationality, action organization, interaction order, radical ethnomethodology, cognitivism, analytical and lay

52

В центре внимания этой статьи находится одна академическая дискуссия в одном академическом поле. Конверс-анализ, или конверсационный анализ (CA — Conversation Analysis) — это теория и методология изучения социального взаимодействия и использования языка в «естественных» условиях. CA основывается на предположении, что действия людей упорядочены на микроуровне, и что эта упорядоченность является продуктом общих методов структурирования взаимодействия [Sacks et al. 1974; Schegloff 1968]. Цель CA — выявить и описать эти базовые структуры посредством детального анализа естественно протекающих разговоров и других социальных взаимодействий. Для этого конверс-аналитики обращаются к аудио-и/или видеозаписям, которые подробно транскрибируются для облегчения анализа деталей — интонаций, длины пауз, придыханий и прочих речевых особенностей. Этот подход был предложен Эмануэлем Шеглоффом, Харви Саксом и Гейл Джефферсон в 1960-х годах как альтернатива доминирующим в то время теориям повседневного социального взаимодействия, которые фокусировались на культурном и социальном контексте, а не на мельчайших деталях осуществления социальных действий. За последние 60 лет CA превратился в обширное динамичное сообщество ученых, работающих на разных языках, в разных институциональных контекстах и дисциплинах.

Конверс-аналитики обнаружили и исследовали фундаментальные «общие порядки организации разговора во взаимодействии» [Schegloff 2006: 83].¹ Самым известным из них является система

---

1 Общего термина для этой группы явлений не существует. Например, Сакс называет их «машинериями», используя механистическую метафору и говоря о порядках взаимодействия как о механизмах, позволяющих

чередования говорящих (turn-taking) [Sacks et al. 1974]. Это машинерия, которая локально управляется участниками для передачи права и/или обязанности говорить следующему спикеру. Благодаря ей достигается состояние, когда говорит только один человек за раз, и происходит смена говорящих, что является фундаментальным условием достижения взаимопонимания. Система чередования говорящих основывается на идее Сакса о «следующности» (nextness) — взаимосвязи между текущим чередом и чередом, ему предшествующим, исходя из которого формируется нынешний черед [Sacks 1987]. Например, вопрос делает релевантным ответ (так отдельные социальные действия складываются в последовательности, которые также структурируют разговор на фундаментальном уровне, см. [Schegloff 2007]), но также предполагает смену говорящего.

Со временем конверс-аналитики открывали все больше и больше порядков организации действия. К системе чередования говорящих добавились системы организации последовательностей (sequence organisation), починка (repair) и система предпочтения (preference). Все эти порядки раскрывали фундаментальные принципы, лежащие в основе социального взаимодействия: как действия связываются между собой, как поддерживается интерсубъективность, каковы ожидания людей относительно того, какое действие должно быть следующим. Казалось, что это кумулятивное движение будет мирно продолжаться, пока не будут обнаружены все принципы организации действия, однако нарушителем спокойствия стал новый введенный Джоном Херитеджем порядок — эпистемика, которая описывает способы передачи информации в разговоре. Согласно Херитеджу, эпистемика является ключевым компонентом разговора, поскольку она позволяет говорящим передавать свои знания и сигнализировать об уровне уверенности или неуверенности [Heritage 2012a; 2012b]. В ответ на введение новой системы организации действия Майкл Линч обвиняет Херитеджа в когнитивизме, так как принятие во внимание статуса знания является внеситуативным, и поэтому такое явление не может быть обнаружено в анализируе-

---

участникам использовать различные техники и ресурсы для организации своего участия в любом данном взаимодействии, независимо от того, кем они используются [Sacks 1984a]. В этом смысле у машинерий двойственная природа: они одновременно независимы от контекста, т. е. представляют собой общий принцип, и чувствительны к нему [Sacks et al. 1974], т. е. конкретное проявление этого принципа будет варьироваться в зависимости от ситуации. Также Сакс использует для обозначения машинерий такие выражения как «правила разговора» и «разговорный порядок» [Sacks 1992]. Херитедж, ссылаясь на Сакса, употребляет термин «порядки организации разговора» [Heritage 2018: 44].

мых данных: «он возвращается к скрытому когнитивному порядку, который лежит под или за поверхностью взаимодействия» [Lynch, Wong 2016: 4].

Дискуссия об эпистемике приобретает размах и, в сущности, разделяет конверс-аналитиков на два лагеря, возглавляемых живыми классиками Херитагеджем и Линчем. Стороны по-разному интерпретируют одни и те же данные и обвиняют друг друга в отходе от базовых принципов и некомпетентности [Lynch, Wong 2016; Raymond 2018]. Конверс-анализ фокусируется на «социальных и интеракционных аспектах взаимодействия и ориентации на них, а не на психологических» [Schegloff 2007: 61], поэтому обвинение в когнитивизме и эмпирически не обоснованных суждениях такого уважаемого конверс-аналитика как Херитеджд очень серьезно. Оно требует пересмотра предмета исследовательского интереса конверс-анализа и всего, сделанного в этой области до сих пор. Херитеджд понимает значимость предъявляемых к нему претензий, и только поэтому готов «потерять время» на ответы критикам, хотя считает их позиции «противоречащими самим себе и слабо аргументированными (а то и вовсе не аргументированными)» и несмотря на то что спор по поводу текстов «не [по]способствует развитию знания о социальном взаимодействии» [Heritage 2018: 17].

54

Пожалуй, можно согласиться с Херитедждем в последнем пункте, однако дискуссия об эпистемике может пролить свет на то, как производится знание о социальном взаимодействии. Она указывает, что эпистемика оказывается последней каплей в поиске машинерий, которая заставляет поставить под вопрос саму аналитическую процедуру их выделения. Полемика такого масштаба может послужить в качестве диагностической процедуры для выявления фундаментальных теоретических проблем, которые требуют разрешения для дальнейшего развития академического поля, но по каким-то причинам до сих пор оставались в тени. Как мы покажем далее, такой проблемой для конверс-анализа является соотношение и потенциальная иерархия различных систем организации действия. Однако для того, чтобы понять, почему именно эпистемика, в отличие от всех остальных систем, наделала столько шума, необходимо сначала более подробно разобраться в аргументации сторон, а затем обратиться к базовым принципам и истокам конверс-анализа.

Дискуссия об эпистемике

В 2012 году выходят две статьи Херитеджда об эпистемике [Heritage 2012a; 2012b], а также его ответ комментаторам [Heritage 2012c]. Херитеджд пишет об «эпистемическом двигателе» взаимодействия,

управляющем тем, как говорящие через слова и действия передают слушателям свой эпистемический статус (уровень знаний/уверенности, а также прав и обязанностей что-то знать), который те признают или не признают. Вступая во взаимодействие, акторы занимают позиции на эпистемическом градиенте, который варьируется от статуса осведомленности (К+, от Knowledge) до незнания (К-). Поэтому эпистемический статус является относительным и принципиально изменчивым: как продукт взаимодействия он зависит от его темпоральной и последовательностной организации (это означает, что он может изменяться со временем и в результате совершения людьми действий в разговоре). При этом люди ориентируются на относительный эпистемический статус при формировании и интерпретации высказываний. Согласно Херитеджу, эпистемика — это важный аспект использования языка, поскольку она помогает говорящим и слушающим понять намерения, стоящие за разговорными действиями, и интерпретировать значения произносимых слов. В частности, Херитедж утверждает и эмпирически демонстрирует, что именно ориентация на эпистемический статус, а не морфосинтаксис или просодия, играет решающую роль в определении того, сообщает ли высказывание информацию или запрашивает ее. Попросту говоря, фраза, произнесенная без вопросительной интонации, может тем не менее быть воспринята как вопрос, если слушатель признает, что говорящий не осведомлен в интересующем его предмете.

Что важно, Херитедж наделяет эпистемику фундаментальным статусом, поскольку она покрывает огромное количество социальных действий: люди ориентируются на эпистемические статусы не только, когда что-то спрашивают, делятся новостями и рассказывают истории, но и когда о чем-то просят, предлагают, приглашают и т. д. Аргумент о вездесущности (*omnirelevance*) эпистемики указывает на то, что она пронизывает социальный мир и потенциально релевантна в любой момент разговора (т. е. любое действие может воплощать в себе ориентацию на осведомленность о чем-то или незнание). Именно это ставит ее в один ряд с другими системами организации действия. В конце своей второй статьи Херитедж, будучи предвидя последующую критику, упоминает о том, что в эпистемике «нет ничего оккультного», что такой порядок организации действия присутствует настолько повсеместно, что в гарфинкелевском смысле является «видимым, но не замечаемым» [Heritage 2012b: 50].

В 2016 году выходит специальный выпуск журнала *Discourse Studies* «Эпистемика эпистемики», в котором в четырех статьях вырабатывается радикально-этнометодологическая критика эпистемического подхода. Руководит процессом и пишет введение к этому выпуску Майкл Линч.

Линч и Вонг [Lynch, Wong 2016] критикуют «эпистемическую программу» за опору на когнитивистские представления о коммуникации. По мнению авторов, эпистемика ставит во главу угла обмен информацией в социальном взаимодействии и рассматривает его как основную «движущую силу», а не как случайную особенность разговора-во-взаимодействии. Линч и Вонг утверждают, что такой акцент на обмене информацией соответствует когнитивистским концепциям коммуникации, которые рассматривают язык как средство передачи пропозиционального содержания («сообщения») между говорящими. Этот когнитивистский подход противоречит радикальной интеракционистской концепции разговора, предложенной Саксом, Шеглоффом и Джефферсон, которые подчеркивают контекстуальные и ситуативные факторы, определяющие использование языка. Важнейшим принципом СА является ориентация людей по ходу развертывающегося взаимодействия на действия друг друга, а не предзаданные структуры.

56

Эпистемическая программа, таким образом, нарушает базовые принципы конверс-анализа, где социальные действия рассматриваются как публично доступные, подотчетные (accountable). Смысл действий раскрывается в самом их осуществлении. Поэтому совершенно не важно, что находится у людей в головах, а важно то, как они демонстрируют другим (включая аналитиков), что они делают, и как другие демонстрируют в ответных действиях свои интерпретации. Ключевым доказательством того, как участники взаимодействия ориентируются на действия друг друга, является так называемое подтверждение следующим чередом (next-turn proof procedure), когда в следующей единице взаимодействия становится очевидным, как было понято высказывание или действие, совершенное ранее [Hutchby, Wooffitt 1999: 15]. Сакс, Шеглофф и Джефферсон подчеркивают, что такое понимание доступно как для самих взаимодействующих, так и для аналитика, что является основанием доказательности анализа: «Но хотя понимание чужой чередной реплики демонстрируется со-участникам, оно также доступно для профессиональных аналитиков, которые тем самым получают критерий подтверждения анализа (и процедуру поиска) того, что происходит в чередной реплике. Поскольку понимание участниками предыдущих чередных реплик релевантно для конструирования ими следующих чередов, их понимание необходимо для анализа. Демонстрация этого понимания в последующих чередных репликах предоставляет как ресурс для анализа предыдущих чередов, так и процедуру подтверждения профессионального анализа предыдущих чередов — ресурсы, присутствующие в самих данных» [Сакс и др. 2015: 190].

Таким образом, аналитическая оптика в СА всего лишь помогает приблизиться к обыденному восприятию взаимодействия, такому же, как у его непосредственных участников. Это означает, что конверс-аналитикам необходимо сначала смотреть на данные и из них выводить «порядок взаимодействия», а не искать аналитически предсконструированные паттерны в данных.

В противоположность этому, Линч и Вонг утверждают, что опора эпистемической программы на предположения об информации и знаниях полагается на специальные интерпретационные стратегии, которые приписывают говорящим определенные мотивы и ожидания *post hoc*. Иными словами, аналитический уровень понимания доминирует над обыденным. В сущности, все аргументы группы эпистемики сводятся к тому, что создается непреодолимый разрыв между позицией аналитика и самих действующих, что противоречит базовым теоретико-методологическим установкам СА.

Баттон и Шэррок делают обзор всех приведенных критических аргументов. Они утверждают, что акцент на роли эпистемического статуса в разговоре основан на ряде ошибок¹, включая неправильное понимание «процедуры доказательства» в СА. По их мнению, эпистемика фокусируется на собственной компетенции аналитика как собеседника в понимании действий. Авторы подчеркивают, что следующий черед не является «доказательством» для аналитика, что он правильно проинтерпретировал предшествующее высказывание, а представляет собой практический инструмент, помогающий участникам понимать, как было воспринято их действие. Еще одной ошибкой является опора на вмененные когнитивные механизмы для понимания разговора. Вместо этого конверс-анализ должен изучать организацию действия с акцентом на взаимодействие, а не на действующего, и не прибегать к абстрактным аналитическим конструкциям [Button, Sharrock 2016]. Другие критики из того же лагеря отмечают, что эпистемический подход опирается на когнитивные предположения и абстракции, которые не поддаются прямому наблюдению в данных и поэтому не могут быть использованы для получения строгих и надежных эмпирических результатов [Lindwall et al. 2016]. Линч и Макбет суммируют во введении к выпуску, что эпистемический порядок — это не просто еще одна машинерия, а отдельная система обмена информацией, которая находится на совершенно другом уровне

1 В наши цели не входит полноценный обзор дискуссии, поэтому мы ограничимся только теми аргументами, которые релевантны для этого рассуждения.

анализа и поэтому нерелевантна для СА и противоречит предшествующим работам в этой области [Lynch, Macbeth 2016]. Помещая эпистемику на отдельный уровень, радикальные этнометодологи создают зазор между различными системами организации действия (даже если одна из них, с их точки зрения, выходит за границы порядка взаимодействия).

Несмотря на заявление редакции *Discourse Studies*, что статьи про эпистемику больше не принимаются, через два года выходит новый специальный выпуск, посвященный эпистемике. В нем известные конверс-аналитики, включая самого Херитеджа, опровергают критику со стороны радикальных этнометодологов. Херитедж утверждает, что его работа не является «когнитивистской» в том смысле, что она не полагается на обращение к внешнему знанию для объяснения значений разговорных действий, а скорее фокусируется на нормативной подотчетности (*normative accountability*) социального действия [Heritage 2018]. Так, он демонстрирует, что вопрос-ответные секвенции могут быть переоткрыты и расширены, даже если был достигнут эпистемический баланс (на вопрос был получен ответ). Расширение последовательностей после закрытия (*post-expansion*), например, вопрос на уточнение информации, иллюстрирует его тезис о том, что выражения эпистемического дисбаланса, на которые ориентируются сами участники, служат двигателем разговора (*drive sequences*), но далеко не только они. Понимаемый таким образом, эпистемический подход не противоречит основам и базовым принципам СА. Таким образом, эпистемика является фундаментальным и неизбежным элементом формирования действий-во-взаимодействии, имеющим отношение ко всем аспектам разговора, а не только к тем, которые связаны с явными утверждениями о знании, и потому ее следует рассматривать как одну из систем организации действия. Таким образом, Херитедж возвращает эпистемику на уровень самих действующих, но рассуждение о том, что движет разговором в каждом конкретном случае, ставит вопрос о соотношении различных систем организации действия.

По ходу чтения данной дискуссии нельзя не задаваться вопросом о том, как вообще возможно такое сильное недопонимание между учеными из одного и того же поля. Складывающаяся ситуация отлично отражена в названии статьи Реймнода «Какая эпистемика? Чей конверсационный анализ?» [Ibid.], отсылающая к известной книге Аласдера Макинтайра «Чья справедливость? Какая рациональность?» [MacIntyre 1988], в которой читателю предлагается несколько исторически сложившихся систем рациональности как базовых аппаратов формирования действия и суждений об окружающем мире, параллельных и потому не противоречивых, так как они являются принципиально разными. И хотя Реймонд не подразуме-

вает права на существование позиции радикальных этнометодологов и не признает ее, утверждая, что она попросту неверна, он признает наличие фундаментального противоречия между лагерями Херитеджа и радикальных этнометодологов.

Несмотря на то, что из последующего текста Линча следует, что контраргументы Херитеджа оказались для него неубедительными [Lynch 2018], непримиримые противники оказываются союзниками в том смысле, что оба автора увеличивают разрыв между эпистемикой и другими порядками: Линч — располагая эпистемикой на другом уровне анализа, Херитедж — делая явной ее отличие от других систем. Иными словами, дискуссия об эпистемике подсвечивает ранее остававшуюся в тени проблему соположения машинерий и их локализации относительно ситуации. Наличие единого концептуального истока дискуссии не позволяет нам сказать, что интерпретации Херитеджа и Линча параллельны; хотя у противоборствующих сторон разные представления, первично они оперируют одним и тем же понятием и его параметрами для выстраивания своей аргументационной стратегии. Это понятие — ситуация, а ключевой параметр — ее границы.

Истоки дискуссии: порядок взаимодействия

Дискуссия об эпистемике возвращает нас к фундаментальным проблемам, на основе которых когда-то зарождалась микросоциология. Ирвинг Гофман в своем президентском послании Американской социологической ассоциации [Goffman 1983; Гофман 2014] вводит понятие порядка взаимодействия как отдельной реальности, отличной от социального порядка, но взаимосвязанной с последним. Порядок взаимодействия разворачивается в ситуациях лицом-к-лицу, окруженных своего рода проницаемой мембраной, «фильтрующей то, каким образом во взаимодействии будут задействоваться разнообразные внешне релевантные социальные различия», относящиеся к социальному порядку (например, класс или гендер) [Гофман 2014: 187]. Гофман настаивает на специфике порядка взаимодействия и принципиальной автономии таких феноменов, как организация приветствий и прощаний, выражения вежливости и почтительности, управление совместным вниманием и участием, ролевые распределения и многих других. Это позволяет перейти от рассмотрения «просто включенного в ситуацию к ситуационному <...> к тому, что могло бы произойти только в ситуациях лицом-к-лицу» [Там же: 167].

Различение Гофмана впоследствии проникает в этнометодологию и конверсационный анализ (EMCA) [Sacks 1992: 619; Drew, Wootton 1988], где претерпевает существенные изменения. В частности, ситуационность приобретает не только аналитическое, но и онто-

логическое первенство, в то время как Гофман полагал социальный порядок «первичным во всех отношениях» [Гофман 2004: 74]. Противопоставляя себя более широким объяснениям человеческого поведения, например, культурным или психологическим [Lynch 1994, 2012; Rawls 2013], ученые, занимающиеся ЕМСА, фокусируются на том, как люди осмыслиют и создают социальный порядок *in situ*. ЕМСА как область исследований направлена на понимание конкретного контекста и обстоятельств, в которых происходит социальное взаимодействие, а не на обобщение социального поведения в различных контекстах или ситуациях, что присуще сторонникам психологического или культурного объяснения. Одним из ключевых принципов ЕМСА является идея о том, что у людей есть свои собственные, созданные на локальном уровне методы понимания социального порядка (так называемые этнометоды), которые они используют для взаимодействия с другими людьми в той или иной ситуации [Gaffinkel 1996]. Это означает, что ЕМСА подчеркивает важность изучения социальных взаимодействий в их реальных, локальных контекстах взамен опоры на абстрактные категории понимания социального поведения. Иными словами, главным методологическим отличием ЕМСА является ситуативный подход к изучаемому материалу.

60

Провозгласив ситуационное взаимодействие своим аналитическим фокусом, ученые, занимающиеся ЕМСА, пытаются соревноваться в том, кому принадлежит право называться настоящим наследником «порядка взаимодействия». В дискуссии об эпистемике как Линч, так и Херитедж обращаются к понятию ситуационного, а также связанным с ним терминам, которые позволяют как конкретизировать, так и отличить его от других явлений. В частности, Линч для критики эпистемике как выходящей за пределы ситуации работает с гофмановским понятием внеситуационного (*extrasituational*).

Сам же Гофман вводит понятие ситуационного через противопоставление ему как внеситуационного, так и того, что «просто включено в ситуацию», но на что участники взаимодействия *не ориентируются*. Таким образом, ключевой характеристикой ситуационности у Гофмана является ориентация участников на факторы внутри взаимодействия. Говоря о внеситуационном, Гофман подчеркивает «внеситуативную» природу таких параметров, как «когнитивные отношения» и «сложившаяся биография предыдущих отношений».¹

---

1 Стоит отметить, что Гофман не отказывается полностью от значимости внеситуационного для понимания взаимодействия, а, напротив, подчеркивает важность внеситуативных факторов для исследования порядка взаимодействия [Goffman 1983: 4–5].

Гофман вводит различие внеситуационного и ситуационного, оставляя пространство для интерпретации, так как в строгом смысле определения не приводит. С одной стороны, экстра-ситуативными являются те факторы, которые не связаны с конкретной ситуацией (собственно, приводимый Гофманом пример с биографической ситуацией человека сюда отлично подходит); с другой стороны, под экстра-ситуативным могут пониматься те факторы, которые невозможно обнаружить в ситуации (например, что участник взаимодействия думает на данный момент, или к какому классу он принадлежит, если это напрямую не явлено в его внешнем виде). Так или иначе, эпистемика, с точки зрения Линча, экстра-ситуативна в обоих этих смыслах.

Херитедж, оппонируя Линчу, принимает его правила игры, отрицая внеситуационность своего подхода и оставляя экстра-ситуативные факторы за скобками. Вместо этого он использует понятие транс-ситуативного, впервые введенное Саксом для характеристики разговорных машинерий¹. Тем самым он утверждает, что эпистемика обладает теми же свойствами, что и другие машинерии, и потому должна быть признана одним из равноправных порядков организации действия. Херитедж понимает транс-ситуативное как относящееся к *общему* принципу, проявляющемуся в *конкретной* ситуации. Иными словами, действие машинерии видимо в единичной ситуации, но ею совсем не ограничивается [Heritage 2018]. Таким образом, в одном из прочтений открывается возможность соединения событий, произошедших в разных ситуациях. С одной стороны, речь идет о локальных проявлениях одного и того же феномена, например, разные формы приветствия в зависимости от отношений между говорящими². С другой стороны, транс-ситуативность может быть понята как принцип преемственности ситуаций и объединения их в последовательности, например, когда один из участников ситуации ссылается на события, произошедшие в предыдущей ситуации (ситуациях).

1 Помимо этого, рассуждая о том, что и как изучает конверс-анализ, Сакс говорит о неизбежности принятия во внимание как данных, так и собственного опыта для необходимой степени обобщения и понимания повседневности и обычности изучаемого; в некотором смысле, именно обыденный опыт, согласно Саксу, позволяет нам сформировать аналитическое зрение [Sacks 1984b]. Таким образом, Сакс вовсе не продвигает тезис, защищаемый радикальными этнометодологами, о том, что в своих исследованиях ученые, занимающиеся ЕМСА, должны опираться сугубо на ситуационные данные.

2 На этом понимании основана конверс-аналитическая идея сбора коллекций — совокупности случаев, иллюстрирующих разнообразие работы машинерии.

Таким образом, в обобщенной типологии присутствуют три концепта: ситуативное, экстра-ситуативное и транс-ситуативное. Взгляды Херитеджа и Линча на соответствующие уровни анализа представлены на рисунке 1. При прочтении данной схемы стоит учитывать, как эти уровни проявляются в данных, что, с точки зрения ЕМСА, делает их доступными для эмпирического анализа. Ситуативное всегда видно и заметно внутри данных; не отражаются в данных только те ситуативные факторы, которые остаются вне данных, то есть контекстуально релевантные, но не присутствующие, «обрезанные» данные (например, если у нас есть только аудиозапись взаимодействия лицом-к-лицу). Транс-ситуативные факторы проявляются в единичных ситуациях, но становятся видимы только компаративно (пример на аналитическом уровне см. [Schegloff 1997; Goodwin 2018]) при наличии взаимосвязанного общего контекста нескольких ситуаций, через которые явление становится в них видимым как закономерность. Экстра-ситуативное — то, что является постоянным вне ситуации, и хоть и может влиять на взаимодействие, практически никогда не находит прямого отражения в ней.

62

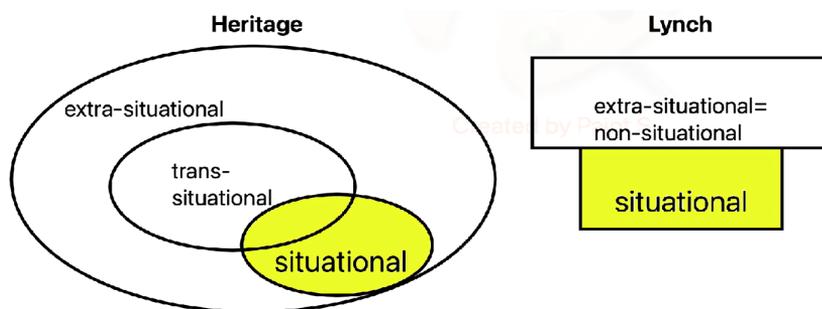

Рис. 1. Порядки взаимодействия и соответствующие им уровни анализа в моделях Херитеджа и Линча. Области, выделенные цветом, — то, что доступно для эмпирического анализа.

Fig. 1. Interaction orders and their respective analytic levels in Heritage and Lynch. Coloured fields represent what is available for empirical scrutiny.

Как видно, для радикальных этнометодологов существует аналитическая дихотомия между ситуативными и внеситуативными/экстра-ситуативными феноменами. Схема ситуационных явлений у Херитеджа гораздо сложнее: внеситуативные (или, как выражается он сам, внеконверсационные [Heritage 2018: 35-38]) феномены могут быть зафиксированы в данных и влиять на ситуацию (такие как отношения между говорящими или их намерения); существу-

ют транс-ситуативные механизмы, которые не ограничиваются данными, присутствующими в ситуации, и могут выходить за ее пределы. Однако анализ может быть проведен только на основе имеющихся данных как свидетельства *наблюдаемых* явлений. Соответственно, основное различие в этих взглядах заключается в том, что можно увидеть в данных, а не в порядке и соотношении систем организации разговора, поскольку выводы обоих доказательно основаны на данных. Так, например, Херитедж и Линч предлагают два разных анализа одного и того же фрагмента (см. Рис. 2).

1	Ron:	I fergot t'tell y'the two best things that
2		happen'tuh me t'day.
3	Bea:	Oh super.=What were they
4	Ron:	I gotta B plus on my math test,
5	Bea:	On yer final?
6	Ron:	Un huh?
7	Bea:	→ Oh that's wonderful
8	Ron:	And I got athletic award.
9	Bea:	REALLY?
10	Ron:	Uh huh. From Sports Club.
11	Bea:	→ Oh that's terrific Ronald.

63

Рис. 2. Роль лексемы «oh» в сообщении хороших новостей. Пример из: [Heritage 2012b: 31], цит. по: [Lynch, Wong 2016: 12].

Fig. 2. The role of the token “oh” in reporting good news. Example from: [Heritage 2012b: 31], cited by: [Lynch, Wong 2016: 12].

Главным образом их несогласие касается роли лексемы “oh” в 7 и 11 строчках, где “oh” предшествует оценочному высказыванию. Херитедж утверждает, что “oh” является лексемой изменения состояния (change-of-state token), предшествующей оценочному суждению относительно представленной другим говорящим информации, и свидетельствует о пред-оценочной идентификации предыдущего высказывания как новости [Heritage 2012b]. В противоположность этому, Линч и Вонг парируют, что если убрать “oh” из 7 и 11 строчек, ничего не изменится не только в этих конкретных строках, но и во всем взаимодействии, так как об оценке, следующей за “oh”, ясно из остальной части диалога: предупреждения о хороших новостях в строках 1 и 2 и первичной готовности выслушать отличные новости (строка 2). Кроме того, критики утверждают, что анализ Херитеджа скорее основан на поиске определенных абстрактных паттернов, чем на действительно существующих структурах разговора и объективных доказательствах, потому что он трактует «oh»

и следующую за ним часть высказывания как два *отдельных* ответа, что не видно в данных [Lynch, Wong 2016].

Последний из приведенных аргументов может указывать на то, что разногласия между сторонами не являются чисто аналитическими (как интерпретировать данные). Однако структура оценочного высказывания, описанная в классической СА литературе [Jefferson 1993], включающая два компонента — компонент начала череда («oh» или «well») и оценочный термин, — не во всех случаях предполагает наличие микропаузы или интонационной остановки между компонентами, что зримо бы их разделило. Поэтому трактовка строк 7 и 11 как одного или двух действий (двух частей одного действия) — это аналитический выбор. В данном кейсе видно, что Херитедж обращает внимание на те характеристики разговора, которые для Линча не локализованы в том же месте, а распространены на весь диалог.

Таким образом, Херитедж в одних и тех же данных может наблюдать действие гораздо большего числа машинерий как транс-ситуационных феноменов, чем предполагают радикальные этнометодологи. Он видит в них пересечение сразу двух систем организации разговора — эпистемики, отвечающей за прием новостей, и системы организации последовательностей, предполагающей оценку как возможный ответ на сообщение новости. Анализ Херитеджа возвращает нас к проблеме, которая была обозначена еще Гофманом и с которой неявно соглашается Линч, когда обращается к понятию экстраситуационного: «отношения между порядками составляют важный самостоятельный предмет исследования, которое предполагает прежде всего разграничение нескольких социальных порядков» [Гофман 2014: 167]. Далее мы покажем, что эта проблема не может быть решена чисто на аналитическом уровне, а имеет онтологическое измерение. Для этого мы обратимся к классическому анализу работы другой машинерии — починки.

64

Починка после двадцать третьего череда

Один из аргументов Херитеджа против Линча строится на повсеместности и вездесущей релевантности (*omnirelevance*) ориентации на знание. В доказательство он приводит, например, грамматические структуры языков, так как все языки имеют выражения для обозначения статуса и/или позиции знания [Heritage 2018]. Однако в попытке защитить эпистемику, в частности относительно ее вездесущности, Херитедж не проводит никакого различия между машинериями. Линч, напротив, не признавая эпистемику и размещая ее за границами ситуации, закладывает основу вопрошания о некоторой иерархии и соположении машинерий. Так, например,

организация передачи череда и эпистемика могут быть повсеместно релевантными в любом взаимодействии, так как в каждый момент разговора осуществляется организация передачи череда как права и/или обязанности говорить; в случае с эпистемикой каждое высказывание можно рассмотреть как ориентированное на решение той или иной задачи, связанной с передачей знания и изменением эпистемических статусов и позиций. Труднее в этом отношении обстоят дела с починкой: не будучи осуществляемой в каждый момент диалога, это явление поднимает вопрос о границах осуществления починки.

Починка (repair) — практика в диалоге, включающая исправление недопонимания, связанного с некорректным произнесением, восприятием или пониманием диалога [Sacks et al. 1977]. Починка позволяет восстановить intersубъективность [Schegloff 1992], принимая различные формы, такие как запросы на уточнение и уточнения, рестарты и парафраз, которые можно классифицировать как явные или неявные. Починка является важным аспектом разговора и помогает гарантировать, что недопонимание не нарушит ход беседы. Принято выделять несколько разновидностей починки, среди которых починка, инициированная говорящим, и починка, инициированная слушателем. Сакс, Щеглофф и Джефферсон отмечают, что структурно предпочитается первый тип, так как первая возможность для осуществления починки возникает именно у говорящего [Sacks et al. 1977].

65

Щеглофф в классической статье приводит анализ целого ряда примеров починки после следующего череда [Schegloff 1992]. Это тип починки, когда источник затруднения в речи говорящего не был замечен ни им самим, ни его слушателем, но по ответу последнего говорящий осознает, что его неправильно поняли, и вслед за этим осуществляет починку. Возможно также еще более позднее осуществление починки, когда именно слушатель осознает, что неправильно понял изначальное высказывание, хотя сразу этого не заметил. Щеглофф называет такой тип починки последней структурно обусловленной защитой intersубъективности, поскольку после этого момента «нет систематического обеспечения для выявления расхождений в понимании» [Ibid: 1325]. Иными словами, если источник затруднения и его неверная интерпретация в следующем чередке остаются незамеченными, после этого собеседники могут столкнуться с фактом недопонимания разве что случайно.

Последний пример в работе Щеглоффа, состоящий из двух отдельных фрагментов диалога на радио, как раз иллюстрирует подобную ситуацию. В первом приведенном отрывке радиоведущий и дозвонившийся на радио обсуждают возможность вывода войск из Вьетнама. Разговор становится напряженным, поскольку оба

собеседника теряют понимание того, о чем они говорят, и делают ссылки как на Южную Корею, так и на Южный Вьетнам, что приводит к недопониманию и разногласиям. Разговор прерывается рекламой и несколькими другими звонками, однако в следующем приведенном фрагменте он продолжается, радиоведущий и звонящий проясняют сложившееся недопонимание, приносят извинения, и разговор заканчивается на дружеской ноте.

В этом примере представлены две отдельные, но связанные ситуации, и во второй из них происходит починка по отношению к потере интерсубъективности, которая произошла в первой. Этот кейс поднимает множество вопросов о границах ситуации. Может ли починка быть осуществлена относительно потери интерсубъективности, произошедшей неделю назад? Насколько ситуационно локальным должен быть материал, и какова степень применимости выводов из него? Противоречит ли Щеглофф сам себе, анализируя прерванное взаимодействие как связанное, и каков, в таком случае, максимальный перерыв между частями взаимодействия для того, чтобы его можно было рассматривать как целостное и, следовательно, подходящее для конверс-аналитиков в качестве предмета исследования? И, самое главное, примером чего является этот кейс?

66

С одной стороны, это пример починки. Однако эта починка видна только в одной ситуации — второй — и не требует анализа предыдущей ситуации. При этом для понимания того, по отношению к чему она происходит, где и как произошли потеря и восстановление интерсубъективности, то есть чтобы *увидеть работу машинерии*, необходимы предшествующие данные. С другой стороны, в первой ситуации нет потери интерсубъективности, если смотреть на нее изолированно. На уровне диалога есть негативные оценки, оскорбления и т. д. [Ibid.: 1336-1337], но участники не демонстрируют друг другу недопонимание. Следовательно, именно профессиональный аналитик сопоставляет эти ситуации и данные и делает вывод о потере интерсубъективности. Он мог бы с тем же успехом сконцентрировать свое исследовательское внимание на первой ситуации и анализировать негативные оценки. Тогда этот кейс не был бы классифицирован как кейс, относящийся к починке. Чтобы увидеть починку в этих двух фрагментах, аналитику необходимо выйти за пределы ситуации и оценить явления *трансситуативно*, переопределить границы ситуации.

Нетрудно заметить, что для участников взаимодействия, независимо от избранного аналитического фокуса, это ситуация потери и восстановления интерсубъективности (о которой аналитик мог узнать, только потому что имел доступ к обоим звонкам). Каждый из них был раздосадован некомпетентностью собеседника, и наверняка оба почувствовали облегчение, когда прояснили, что дело было в простом недопонимании. Щеглофф в данном случае не следует

никакому четкому представлению о границах ситуации, а старается учитывать то, на что ориентируются акторы, пусть для этого и приходится прибегать к объединению двух частей прерванного взаимодействия. Из этого следует лишь один вывод: проведение границ ситуации должно опираться на то, как участники взаимодействия проводят эти границы; иначе говоря, границы ситуации должны быть обыденными или по крайней мере стремиться к этому, насколько позволяет аналитическая позиция в принципе. Щеглофф различает ориентации аналитика и участников, в то время как цель такой аналитической позиции остается той же — «установить версию ... того, что происходило в ней [ситуации] для участников» [Schegloff 1997: 174]. Получается, что независимо от того, куда смотрит аналитик, машинерия починки не перестает работать [Collins, Evans 2014].

Однако это не совсем так. Этот кейс примечателен тем, что это пример *неуспешной* починки после следующего череда. Согласно определению, анализируемый Щеглоффом тип починки как машинерия предоставляет говорящим структурную возможность защитить интерсубъективность *сразу* после того, как затруднение становится заметным в следующем черед. В данном случае участники не воспользовались этой возможностью — потому что не заметили источник затруднения вовремя. Соответственно, машинерия починки оказалась для них нерелевантной. Более того, именно участники вновь приводят ее в действие, когда осуществляют починку источника затруднения не после следующего череда, а после условного двадцать третьего череда. Иными словами, здесь работает не машинерия как структурный оплот интерсубъективности, а участники чинят ее «вручную», подобно тому, как иногда нужно подтолкнуть машину, чтобы она завелась и поехала.

Наблюдаемый здесь феномен — это починка, но не починка после следующего череда. Это явление транс-ситуативно в обоих смыслах, о которых мы упомянули в предыдущем разделе: это проявление действия машинерии в разных ситуациях, но эти ситуации были объединены в последовательность самими участниками. Транс-ситуативность починки в данном случае была обеспечена не исправно работающей машинерией, а взаимодействующими, которые распределили ее на несколько отрезков взаимодействия: источник затруднения локализован в первом звонке, починка же осуществляется во втором.

Данный кейс как пример ситуации, когда люди *не ориентируются* на систему починки, позволяет нам вернуться к вопросу о повсеместной релевантности систем организации действия. Тезис о повсеместной релевантности и тезис о релевантности подчеркивают различие между автономными действиями машинерий и взаимодействующих, которые на них ориентируются. Системы органи-

зации действия со всеми их структурными особенностями всегда доступны для участников, но это не значит, что они становятся релевантными в каждый момент разговора. В этом смысле все машинерии повсеместно релевантны — они присутствуют в ситуации в качестве инфраструктуры взаимодействия [Schegloff 1992], которая может быть использована в каждый отдельный момент, но не обязательно используется. Так, починка не осуществляется каждую секунду, даже когда происходит потеря intersубъективности; люди не ориентируются на статус знания в каждом высказывании; более того, даже передача череда не происходит в каждом релевантном месте перехода.

В контексте рассуждения о ситуациях и их границах это означает, что абсолютно все системы организации действия находятся в ситуациях, но далеко не всегда являются ситуационными. Когда радикальные этнометодологи ограничивают сферу своего интереса исключительно ситуационным, они порывают с наследием классического СА. Именно на этот явно не постулируемый разрыв направлено развиваемое в этом направлении понятие гештальт-контекста — отличительно-идентифицирующих феноменальных деталей *in vivo*, которые составляют конкретную обстановку (setting) и никакую другую [Wieder 1974]. Это один путь. Другой — в поиске того, что можно назвать правилами релевантности. Вместо того чтобы спорить, находятся ли машинерии внутри ситуации или за ее пределами, гораздо продуктивнее задать классический конверс-аналитический вопрос «Почему это сейчас?» применительно к их действию (почему та или иная машинерия сейчас стала релевантной для участников). Например, Стайверс и Робинсон обнаруживают, что система предпочтения иерархизирована: предпочтение ответа в разговоре доминирует над предпочтением того, чтобы отвечал назначенный спикер [Stivers, Robinson 2006]. Гудвин указывает, что вопросы эпистемики релевантны только для определенных типов социальных действий (просьбы, информирование, слухи, рассказывание историй) [Goodwin 2018]. Двигаясь по этому пути, можно начать нащупывать паттерны соотношения машинерий с действиями людей и друг относительно друга.

68

Библиография / References

Гофман И. (2004) *Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта*. Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение».

— Goffman E. (2004) *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. RAS Sociological institute, 'Public opinion' foundation institute. — in Russ.

Гофман И. (2014) Порядок взаимодействия. *Социология власти*, 14 (1): 163-199.

— Goffman E. (2014) The interaction order. *Sociology of power*, 14 (1): 163-199.

Сакс Х., Шеглофф Э. А., Джефферсон Г. (2015) Простейшая систематика организации очередности в разговоре. *Социологическое обозрение*, 14(1): 142-202.

— Sacks H., Schegloff, E. A., Jefferson, G. (2015) A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Russian Sociological Review*, 14(1): 142-202.

Button G., Sharrock W. (2016) In support of conversation analysis' radical agenda. *Discourse Studies*, 18 (5): 610-620.

Collins H., Evans R. (2014) Actor and Analyst: A response to Coopmans and Button. *Social Studies of Science*, 44 (5): 786-792.

Bolden G. B. (2018) Speaking 'out of turn': Epistemics in action in other-initiated repair. *Discourse Studies*, 20 (1): 142-162.

Clift R., Raymond C. W. (2018) Actions in practice: On details in collections. *Discourse Studies*, 20 (1): 90-119.

Drew P., Wootton A. (1988) *Erving Goffman: Exploring the interaction order*. Cambridge: Polity Press.

Drew P. (2018) Epistemics in social interaction. *Discourse Studies*, 20 (1): 163-187.

Jefferson G. (1993). Caveat speaker: preliminary notes on recipient topic-shift implicature. *Research on Language and Social Interaction*, 26: 1-30.

Jefferson G., Sacks H., Schegloff E. A. (1977) The preference for self-correction in the organization of repair in conversation. *Language*, 53 (2): 361-382.

Garfinkel H. (1996) Ethnomethodology's Program. *Social Psychology Quarterly*, 59 (1): 5-21.

Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Goffman E. (1974) *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Harvard University Press.

Goffman E. (1983) The interaction order. *American Sociological Review*, 48 (1): 1-17.

Goodwin, C. (2018). Intertwined knowing. In *Co-operative Action* (pp. 93-104). Cambridge University Press.

Heritage J. (2012a) Epistemics in action: Action formation and territories of knowledge. *Research on Language and Social Interaction*, 45 (1): 1-29.

Heritage J. (2012b) The epistemic engine: Sequence organization and territories of knowledge. *Research on Language and Social Interaction*, 45 (1): 30-52.

Heritage J. (2012c) Beyond and behind the words: Some reactions to my commentators. *Research on Language and Social Interaction*, 45 (1): 76-81.

Heritage J. (2018) The ubiquity of epistemics: A rebuttal to the 'epistemics of epistemics' group. *Discourse Studies*, 20 (1): 14-56.

Hutchby I., Wooffitt R. (2008) *Conversation analysis: Principles, practices, and applications (2nd ed.)*. Cambridge: Polity Press.

Lindwall O., Lymer G., Ivarsson J. (2016) Epistemic status and the recognizability of social actions. *Discourse Studies*, 18 (5): 500-525.

Lynch M., Macbeth D. (2016) The epistemics of epistemics: An introduction. *Discourse Studies*, 18 (5): 493-499.

- Lynch M. (1994) *Scientific Practice and Ordinary Action: Ethnomethodology and Social Studies of Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lynch M. (2012) Revisiting the Cultural Dope. *Human Studies*, 35 (2): 223-233.
- Lynch M., Wong J. (2016) Reverting to a hidden interactional order: Epistemics, informationism, and conversation analysis. *Discourse Studies*, 18 (5): 526-549.
- Lynch M. (2018) *Notes on a display of epistemic authority: A rejoinder to John Heritage's rebuttal to "The epistemics of Epistemics"*. <https://radicalethno.org/documents/lynchrejoinder.pdf>
- McIntyre A. (1988) *Whose Justice? Which Rationality?* University of Notre Dame Press.
- Maynard D. W., Clayman S. E. (2018) Mandarin ethnomethodology or mutual interchange? *Discourse Studies*, 20 (1): 120-141.
- Rawls A. W. (2013) The early years, 1939-1953: Garfinkel at North Carolina, Harvard and Princeton. *Journal of Classical Sociology*, 13 (2): 303-312.
- Raymond G. (2018) Which epistemics? Whose conversation analysis? *Discourse Studies*, 20 (1): 57-89.
- Sacks H. (1984a) Notes on methodology. J. M. Atkinson, J. Heritage (eds.). *Structures of Social Action*. Cambridge: Cambridge University Press: 21-27.
- 70 Sacks H. (1984b) On doing "being ordinary". J. M. Atkinson, J. Heritage (eds.). *Structures of Social Action*. Cambridge: Cambridge University Press: 413-429.
- Sacks H. (1987) On the preferences for agreement and contiguity in sequences in conversation. G. Button, J. R. E. Lee (eds.). *Talk and social organisation*. Clevedon: Multilingual Matters: 54-69.
- Sacks H. (1992) *Lectures on conversation, 2 Vols. (Fall 1964-Spring 1972)*. Blackwell.
- Sacks H., Schegloff, E. A., Jefferson, G. (1974) A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*, 50 (4): 696-735.
- Schegloff E. A. (1968) Sequencing in conversational openings. *American Anthropologist*, 70 (6): 1075-1095.
- Schegloff E. A. (1992) Repair After Next Turn: The Last Structurally Provided Defense of Intersubjectivity in Conversation. *American Journal of Sociology*, 97 (5): 1295-1345.
- Schegloff E. A. (1997) Whose text? Whose context? *Discourse and Society*, 8 (2): 165-187.
- Schegloff E. A. (2006) Interaction: The infrastructure for social institutions, the natural ecological niche for language and the arena in which culture is enacted. N. J. Enfield, S. C. Levinson (eds.) *The Roots of Human Sociality: Culture, Cognition and Interaction*. Berg: 70-96.
- Schegloff E. (2007) *Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis I*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schütz A. (1962) The problem of social reality. *Collected papers, volume 1*. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Stivers T., Robinson J. D. (2006) A preference for progressivity in interaction. *Language in Society*, 35: 367-392.
- Wieder D. L. (1974) *Language and Social Reality*. Mouton.

Рекомендация для цитирования:

Белов М. Д., Ерофеева М. А. (2022) Эпистемика наносит ответный удар: ситуативность и порядки взаимодействия в разговорном анализе. *Социология власти*, 34 (3-4): 50-71.

For citations:

Belov M. D., Erofeeva M. A. (2022) Epistemics Strikes Back: Situationality and Interaction Orders in Conversation Analysis. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 50-71.

Поступила в редакцию: 11.10.2022; принята в печать: 29.10.2022

Received: 11.10.2022; Accepted for publication: 29.10.2022

Владимир И. Бродский¹

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-5333-2816

Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-72-101

Резюме:

72 Политические учения Томаса Гоббса и Карла Шмитта обнаруживают фундаментальные онтологические конструкции, отражающие генезис, становление и уничтожение политического бытия. В статье прослеживаются сходства и различия онтологических оснований двух политических проектов. Особенности используемого подхода являются опора на теоретический анализ изображения, размещенного на обложке трактата «Левиафан», а также привлечение концептуального аппарата проекта *Ното sacer* итальянского мыслителя Джорджо Агамбена. Использование данной оптики позволяет содержательно охарактеризовать политическое значение наличного народа (народа, составленного из живых людей) в рамках учений Гоббса и Шмитта и зафиксировать значительное расхождение двух проектов в этом аспекте. Фиксируется тот факт, что политическое существование в системе координат философии Гоббса предполагает тотальную деполитизацию наличного народа. Делается вывод, что условием, создающим и поддерживающим данную конструкцию (и потому обладающим онтологическим значением), является жизнь представителей наличного народа. Обеспечение ее безопасности сувереном потенциально сохраняет его собственную жизнь и признание со стороны подданных. Исследование учения Шмитта обнаруживает политическую значимость наличного народа как соучастника производства политической воли в рамках аккламационных процедур. Поскольку политическая воля в контексте философии Шмитта мыслится исключительно в контексте политической вражды, необходимым горизонтом которой является вооруженное противостояние, делается вывод о том, что поли-

1 Владимир Игоревич Бродский — старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Научные интересы: политическая теория, политическая онтология, философия К. Шмитта, теории политической репрезентации. E-mail: brodskiy-vi@ganepa.ru

тическая значимость наличного народа сопряжена с готовностью его представителей умереть на войне. В связи с тем, что политическое существование, согласно Шмитту, генерируется в рамках принятия решения о коллективном враге (потенциальной стороне вооруженного конфликта), соучастником которого является наличный народ, исходящая от его представителей решимость принятия перспективы собственной смерти должна быть рассмотрена как ключевой фактор политической онтологии Карла Шмитта. На этом фоне предполагается, что проект «Бытия и времени» Мартина Хайдеггера может быть рассмотрен в качестве шмиттовской неписаной онтологии индивидуального бытия.

Ключевые слова: Гоббс, Шмитт, «Левиафан», политическая философия, политическая онтология, жизнь, безопасность, смерть, война, Агамбен, Хайдеггер

Vladimir I. Brodskiy ¹

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Life, Death, and the Political: Existential Foundations of Thomas Hobbes's and Carl Schmitt's Teachings

73

Abstract:

The political teachings of Thomas Hobbes and Carl Schmitt imply fundamental ontological structures that reflect the processes of the genesis, assertion, and destruction of political being. The article investigates similarities and differences between these political projects. The approach applied by the author is marked by a reliance on the theoretical analysis of the *Leviathan's* frontispiece and by employing the conceptual framework of Giorgio Agamben's *Homo sacer* project. The application of these theoretical optics helps to evaluate the political significance of the present people (the people composed of living human beings) in Hobbes's and Schmitt's contexts and to detect the notable difference between the two projects. The article highlights that political existence presupposes the total depoliticization of the present people in the framework of Hobbes's philosophy. It is argued that the security of the present people's life becomes an underlying condition for the mentioned construction (and is therefore ontologically significant). The provision of security potentially saves the sovereign's own life and guarantees recognition by the subjects. An investigation of Schmitt's teaching reveals the political significance of the present people. Since — according to Schmitt — political will is understood only in the context of political enmity (the necessary “horizon” of which is armed confronta-

1 Vladimir I. Brodskiy — senior lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of Humanities, Institute for Social Sciences. Research interests: political theory, political ontology, Carl Schmitt's philosophy, theories of political representation. E-mail: brodskiy-vi@ranepa.ru

tion), it is concluded that the political significance of the present people is closely associated with its members' readiness to die in the war. Due to the fact that political existence is generated through the decision on the public enemy (in which the present people might be involved via acclamation procedures), the resoluteness toward death that underlies this decision must be considered as the key factor of Carl Schmitt's political ontology. In light of this statement, it is argued that the project of Martin Heidegger's *Being and Time* could be considered as Carl Schmitt's "unwritten" ontology of the individual being.

Keywords: Hobbes, Schmitt, Leviathan, political philosophy, life, security, death, war, Agamben, Heidegger

Введение

74 **Т**омас Гоббс — автор одного из самых влиятельных политических проектов в истории философской мысли. Число авторов, развивающих идеи Гоббса, огромно, однако особо авторитетным продолжателем его начинаний является немецкий мыслитель Карл Шмитт, прозванный за это «Гоббсом XX века». Последний — благодарный ученик первого, говорящий и думающий на его философском языке. Вместе с тем, будучи одним из самых проницательных читателей «Левиафана», Карл Шмитт сочетает свое вдохновение величием гоббсовского государства, объединяющего в себе черты «Бога, человека, зверя и машины» [Шмитт 2006: 129], с указанием на глубочайшие теоретические противоречия, уничтожающие его изнутри. Развивая собственное политическое учение, Шмитт сочетает опору на учение Гоббса со старанием не повторить его ошибок. На этом фоне рецепция Шмиттом политической мысли Гоббса представляется сложной картиной, некоторые детали которой выглядят едва ли не воспроизведением тезисов «Левиафана», в то время как другие — позволяют зафиксировать значительное расхождение двух политических проектов.

Сравнение учений Гоббса и Шмитта — направление многих актуальных исследований [Tralau 2010; Stanton 2011; Altini 2010; Thomsen 1997; McCormick 2016]. Особенно ценными в контексте целей настоящей работы представляются тексты Холмса [Holmes 2010] и Сломпа [Slomp 2010], непосредственно затрагивающие темы жизни и смерти применительно к политической мысли Гоббса и Шмитта. Обращение к политическим проектам Гоббса и Шмитта осуществляется не только в рамках строгой историко-философской реконструкции, но и в целях их радикального переосмысления — данный подход ярче всего проявляется в оригинальном учении итальянского мыслителя Джорджо Агамбена. Несмотря на то что подход Агамбена часто и небезосновательно критикуется за присущий ему прово-

кационный характер и отсутствие должной строгости [Хабибулин 2020: 130], многие работы итальянского автора содержат весьма интригующие предположения и ценные наблюдения в отношении учений Гоббса и Шмитта, которым Агамбен уделяет значительное внимание. Исследователи видят в Агамбене ученого, осмысляющего политические учения и проблемы прежде всего онтологически [Abbott 2012], что делает обращение к его учению оправданным и перспективным в свете тематики данной работы.

Гипотеза автора состоит в том, что политическое в учениях Гоббса и Шмитта онтологически укоренено в двух противоположных факторах — жизни и смерти соответственно. Угроза гибели живого человека рассматривается в настоящей работе как то, что является своего рода точкой выхода из политического в случае учения Гоббса, и наоборот — точкой входа в случае проекта Шмитта. Путь автора к этим заключениям лежит через критический анализ фронтисписа трактата «Левиафан», сравнение гоббсовского понятия народа и шмиттовского концепта политического единства, реконструкцию способов производства политической воли в обоих учениях.

Жизнь как ключевой фактор политической онтологии Томаса Гоббса

75

С античных времен формой существования философии мыслится *логос* — слово, речь, текст. Тем не менее порой философская мысль находит свое не менее содержательное выражение и в форме изображения. В качестве одного из самых ярких примеров подобного явления, безусловно, следует рассматривать фронтиспис гоббсовского трактата «Левиафан». Изображение возвышающегося над городом монструозного тела суверена, окруженное символами, отсылающими к различным формам и проявлениям власти, является предметом большого числа исследований, в том числе совсем недавних [Kristiansson, Tralau 2014; Skinner 2022]. Особенно перспективной в контексте целей настоящей работы представляется интерпретация Джорджо Агамбена, предложенная итальянским мыслителем в трактате «*Stasis*: гражданская война как политическая парадигма» [Агамбен 2021], входящего в фундаментальный проект *Ното sacer*. Подчеркивая обращающую на себя внимание деталь — тот факт, что гигантское тело суверена составлено из обращенных внутрь него маленьких тел, очевидно, иллюстрирующих подданных, — Агамбен отмечает и менее заметный элемент фронтисписа: изображенный на нем город *лишен жителей* [Там же: 50]. Несколько расположенных по периметру человеческих тел, которые можно разглядеть в левой части изображения, — стражники; в двух загадочных темных фигурах, обнаруживаемых правее, угадываются «чумные доктора»

[Там же: 62]. Таким образом, все тела, помещенные Гоббсом внутри города, могут быть рассмотрены как государственные агенты, выполняющие специфически охраняющие функции (доктора связываются с этой ролью в рамках традиции, связывающей суверенитет с постановкой санитарного вопроса [Kristiansson, Tralau 2014: 302]; наиболее известным примером этого подхода является концепция биовласти Мишеля Фуко), в то время как рядовых жителей — торговцев, ремесленников и т. д. — в городе нет. В интерпретации Агамбена прослеживается следующая гипотеза: Гоббс размещает на изображении, открывающем его политический трактат, лишь политическое, лишь то, что обладает политическим существованием, в то время как у населяющих город живых «нет политического значения» [Агамбен 2021: 62], вследствие чего они не изображены на фронтисписе.

76

Описанная художественная метафора отсылает к одному из самых интригующих и требующих серьезного осмысления аспектов политической философии Гоббса. Дело в том, что в интеллектуальной вселенной Гоббса народ как политическое бытие и носитель политической воли несводим к совокупности подданных — живых людей, «жителей города». Более того, два этих феномена открыто противопоставляются друг другу. Как справедливо отмечает Агамбен, народ, согласно учению Гоббса, физически «существует лишь одномоментно» [Там же: 58] — в мгновение заключения общественного договора и отчуждения права всех на все в пользу суверена, после чего составляющие его люди опрокидываются в свое не-политическое инобытие — *multitudo* — множество, совокупность, толпу. Определяя гоббсовский народ как «мерцающий», схожую интерпретацию предлагает российский исследователь А. Марей: «Парадоксальность ситуации подчеркивается тем, что, заключая общественный договор, люди манифестируют себя как народ, то есть политически активный субъект. Но породив Левиафана и отдав в его пользу практически все свои права, люди отказываются, помимо прочего, и от политической активности, превращаясь тем самым в пассивных подданных — в *multitudo* граждан» [Марей 2020: 11]. Важно подчеркнуть, что на фоне заключения общественного договора народ не исчезает, но оказывается навсегда заключенным в суверене — его политическая воля отныне есть воля государства, Левиафана. Все это прекрасно иллюстрирует фронтиспис трактата — народ как политическое бытие не наблюдаем на улицах города, а умозрачен, будучи мысленно отождествленным с сувереном. «Политический» вызов со стороны подданных, телесных «жителей города», в отношении суверена невозможен — любая подобная инициатива, в рамках гоббсовской политической онтологии, оказывается действием *множества, толпы*, направлен-

ным против *народа* (!). Лучше всего эту логику передает следующий фрагмент из гоббсовского трактата «О гражданине»: «Народ есть нечто *единое*, обладающее *единой волей* и способное на *единое действие*. Ничего подобного нельзя сказать о толпе. Народ правит во всяком государстве, ибо и в монархическом государстве повелевает народ, потому что там воля народа выражается в воле одного человека. Масса (*multitudo*) же — это граждане, то есть подданные. <...> И при *монархии* подданные — это толпа, а, как это ни парадоксально, царь есть народ. Низы общества (*vulgus hominum*), да и многие другие, совершенно не замечающие, что дело обстоит именно так, о большом количестве людей всегда говорят как о *народе*, то есть о *государстве*. Они говорят, будто *государство* восстало против царя, что невозможно; или будто народ желает или не желает того или другого, когда этого желают или не желают вечно недовольные ворчуньи-подданные, прикрывающиеся именем народа, подстрекающие граждан против государства, то есть *толпу* против *народа*» [Гоббс 1989а: 395–396]. Развивая мысль Гоббса, можно предположить, что даже наличное, физическое собрание всех живых людей, населяющих воображаемую малую политику, останется стихийным актом не-политического множества и не сможет в силу описанных онтологических оснований конкурировать с сувереном за право быть и называться народом.

77

Фундаментальный онтологический разрыв между правящим сувереном и управляемыми живыми людьми, составляющими не-политическое множество, рассматривается Агамбенем и как элемент сложной картины проекта *Ното sacer*. Подробная реконструкция даже базовых положений этого учения заслуживает отдельного исследования и не входит в круг задач, стоящих перед настоящей работой. Тем не менее следует отметить, что само понятие *Ното sacer* Агамбен заимствует из древнеримских источников, определяя его как человека, убийство которого не является ни «уголовно» наказуемым преступлением, ни ритуальным жертвоприношением. Таким образом, *Ното sacer* — объект абсолютной отверженности, носитель голой жизни, не защищенной ни человеческим (государственным), ни божественным правом [Агамбен 2011а: 91–151]. Именно со способностью производить голую жизнь Агамбен связывает возникновение суверенитета [Там же: 107–108]. Оптика учения *Ното sacer* позволяет итальянскому мыслителю предложить оригинальное видение наиболее фундаментальных структур гоббсовской политической онтологии. Прослеживая тот факт, что возникновение гражданского состояния означает превращение подданных в *Homines sacri*, в носителей голой жизни перед лицом суверена, Агамбен полагает, что тем самым естественное состояние оказывается затянутым в гражданское. На этом фоне

заключение общественного договора предлагается рассматривать не как окончательную и бесповоротную смену парадигмы человеческого существования, а как то, что ложится в основание более сложной структуры, объединяющей в себе природное и гражданское, создающей зону их неразличимости. Описанная структура представляется автору настоящей статьи *метаполитическим* контекстом, в рамках которого формы отношений, характерные для гражданского и естественного состояний, оказываются способны переходить друг в друга. Таким образом, гоббсовское политическое в глазах Агамбена — одна из опций существования в рамках более сложной амбивалентной онтологии. Автор настоящей статьи полагает, что удержание этой формы существования в описанных условиях целиком и полностью обуславливается фактором *жизни*. Этот тезис требует дополнительного прояснения.

78

Согласно Гоббсу, действующее в естественном состоянии право всех на все позволяет совершать убийство, так как любой человек может счесть жизнь любого другого человека своей и распорядиться ей соответствующим образом [Гоббс 1989b: 99]. Вместе с тем некто может усмотреть в этом нарушение определяющего для гоббсовского проекта первого естественного закона, требующего от человека «искать мира и следовать ему» [Там же]. Ответом на это может служить важное наблюдение нидерландского исследователя Йохана Ольсторна, убедительно доказывающего, что любые нарушения естественного закона в естественном состоянии не предполагают совершения несправедливости в отношении того человека, кому нанесен «вред»: несправедливость совершается лишь в отношении Бога, «дающего» человеку естественный закон [Olsthoorn 2015: 25-26]. Эта установка проистекает из самого характера естественных законов: они «не выражают обязательства в отношении других людей; вместо этого они представляют собой предписания разума или обязательства в отношении Бога» [Там же: 26]. Таким образом, единственным потенциальным ограничением, способным отвратить человека от убийства другого в естественном состоянии, оказывается его нежелание совершать несправедливость перед Богом, голос совести. Каких-либо иных внешних препятствий для убийства естественное состояние в себе не несет. Немаловажно и то, что в естественном состоянии каждый человек сам интерпретирует естественный закон (это право впоследствии станет монополией суверена [Филиппов 2006: 44]), и, видя в том или ином встречном потенциальную угрозу собственной безопасности, первый может предположить, что его путь к «миру» лежит через убийство последнего. В этом случае убийство не будет требовать сделок с совестью, а, напротив, окажется способом реализации божественного предписания в глазах убийцы.

На фоне вышесказанного крайне важно отметить, что, согласно Гоббсу, суверен не является *стороной* общественного договора или каких-либо иных соглашений с подданными (этот тезис крайне настойчиво проводится в главе XVIII «Левиафана»), вследствие чего он не имеет перед ними никаких обязательств [Гоббс 1989b: 135] и не подчинен гражданским законам [Там же: 206]. Таким образом, справедливо заключить, что суверен пребывает вне гражданской парадигмы (фронтиспис, на котором суверен расположен *снаружи* города, вновь оказывается прекрасной иллюстрацией этого теоретического положения) и остается включенным в онтологию естественного состояния, в рамках которой все его обязательства остаются обязательствами перед Богом, а любые действия, наносящие «вред» людям, не являются актами несправедливости в их отношении. В системе координат политической философии Гоббса суверен является носителем характерного для естественного состояния права всех на все («Суверен, таким образом, имеет право на все, с тем лишь ограничением, что, являясь сам подданным Бога, он обязан в силу этого соблюдать естественные законы» [Там же: 166]), которое, как было отмечено ранее, может быть реализовано в виде убийства. Таким образом, осмысление Агамбеном гоббсовских подданных как *Homines sacri*, носителей голой жизни перед лицом суверена, представляется продуктивным. В погоне за красивой метафорой итальянский мыслитель называет изображенные на фронтисписе маленькие тела, составляющие гигантское тело суверена, «телами подданных, которых разрешено убивать» [Агамбен 2011a: 160], что представляется не совсем корректным утверждением. Тела, о которых говорит Агамбен, составляют *умозрительный народ*, мыслимую сущность, в отношении которой невозможно физическое убийство. Суверену разрешено убивать *политически незримое* множество жителей города, отсутствующих на изображении. Тем не менее на фоне вышесказанного естественное состояние действительно представляется затянутым в гражданское: обратной стороной политической организации граждан становится их голая жизнь перед лицом суверена.

Обнаруженная в учении Гоббса неразличимость природного и политического, возможно, оказывается даже более глубокой и многогранной, чем представляется Агамбену. Голая жизнь, которую суверен обнаруживает в лице подданных, всегда имеет возможность оказаться зеркальным отражением его собственного положения. Обращаясь к интерпретации основных положений учения Гоббса в философском проекте Агамбена, А. Ф. Филиппов блестяще формулирует ключевые вопросы, которыми необходимо задаться в ее свете: «Может ли политический порядок основываться только на том, что он сохраняет *голую жизнь*? Может ли отношение к дру-

гому вне данного порядка, и тем более внутри его быть отношением одной *голой жизни* к другой *голой жизни*?» [Филиппов 2009: 169]. Первая часть второго вопроса начинает играть новыми красками на фоне напоминания о том, что вне политического порядка пребывает сам суверен.

Как известно, абсолютная лояльность подданного в рамках философии Гоббса оправдана лишь до тех пор, пока она не создает для него непосредственную угрозу жизни. Наиболее красноречивым примером справедливого саботирования приказа суверена становится уклонение от участия в сражении, допускаемое Гоббсом в том случае, если участие в боевых действиях в силу «природной робости» видится ему почти гарантированной гибелью: «...солдат, которому приказано сражаться против врага, может в некоторых случаях, не совершая беззакония, отказаться от этого, хотя суверен имеет право казнить его за отказ» [Гоббс 1989b: 170]. В таком контексте уже подданный обнаруживает себя в парадигме естественного состояния и пользуется неотчуждаемым правом защищать себя любыми возможными способами, в то время как суверен, сохраняя указанное Гоббсом право казнить его согласно норме гражданского закона, продолжает видеть в нем подданного, включенного в гражданскую общину. Этот пример еще раз доказывает, что онтология Гоббса обладает метаполитическим характером, допуская одновременную включенность одного и того же явления (в данном случае — уклонения от сражения) в две, казалось бы, взаимоисключающие парадигмы (естественную и политическую), переключение которых зависит от того, какая сторона — суверен или подданный — осуществляет интерпретацию.

80

Угроза жизни, исходящая со стороны суверена в отношении подданных, может быть и более прямой, в том случае если первый актуализирует свое право на все, не просто рассматривая последних как *Homines sacri*, но и непосредственно атакуя их голую жизнь¹. В этих условиях, как блестяще отмечает Сломп, используя концептуальный аппарат Шмитта, уже подданный «принимает решение об исключении» [Slomp 2010: 106], полагая что его жизнь в опасности, и, внезапно становясь *сам-себе-сувереном*, обнаруживает в «официальном» суверене принадлежащего естественной парадигме рядового врага — очередную голую жизнь, которую ничто не мешает

1 Наиболее характерный пример состоит в следующем: «...если суверен приказывает человеку (хотя бы и по праву осужденному) убить, ранить или изувечить себя, или не оказывать сопротивление тому, кто на него покушается, или воздержаться от пищи, пользования воздухом, употребления лекарств или какой-либо другой вещи, без которой он не может жить, то такой человек свободен не повиноваться» [Гоббс 1989b: 169].

отнять. Способность природного и политического меняться местами говорит в пользу отстаиваемой Агамбеном идеи их изначальной неразличимости.

Предложение Агамбена мыслить происхождение гоббсовского суверенитета не в контрактных категориях, а в логике *отвержения* на фоне всего вышесказанного представляется достаточно перспективным. Так, общественный договор включает суверена и граждан в единую структуру сосуществования, в то же время создавая между ними онтологическую пропасть: «Отвержение — это сила, одновременно притягивающая и отталкивающая, которая соединяет два полюса суверенного исключения: жизнь в ее обнаженном состоянии и власть, *Ното sacer* и суверена» [Агамбен 2011а: 145].

Оптика Агамбена позволяет увидеть, что естественное состояние остается *онтологически непреодоленным* в системе координат политической философии Гоббса. Гражданское состояние не исключает того, что как подданные, так и суверен могут оказаться включенными в отношения, характерные для естественного состояния. Суверен обладает рядом обязанностей, но ответственность за их выполнение он несет только перед Богом. Таким образом, ничто не мешает ему осуществлять открытый террор в отношении подданных. Тем не менее осознание сувереном того, что подобные условия, в рамках которых жизнь подданных окажется в свойственной для естественного состояния перманентной опасности, приведут к тому, что подданные обнаружат себя в ситуации войны всех против всех, скорее предотвратит сценарий государственного терроризма. В парадигме войны всех против всех суверен как живой человек (или группа людей) оказывается в той же опасности, что и все остальные. Оберегая жизни подданных, суверен удерживает подданных в гражданской парадигме существования, тем самым оберегая и свою собственную жизнь от угроз потенциальной войны всех против всех. Таким образом, политическое создается будущими подданными исходя из желания жить, и впоследствии удерживается сувереном, мотивация которого, помимо обязанностей перед Богом, связана с желанием максимально продлить свое земное существование. Таким образом, политическое представляется одним из полюсов существования, тяготение к которому обеспечивается фактором *жизни*.

За мысленным экспериментом общественного договора и системной метафор, часть которых находит свое выражение на фронтисписе, скрывается представление о том, что гражданскую общину прежде всего создает защищенность *жизней* образующих ее людей; по этой же линии проходит и ее социально-политическая граница. Защищенность жизни, обеспечиваемая сувереном, поддерживает осознание живым человеком себя как *подданного* через ассоциацию с умозрительным народом и тем самым сохраняет гражданский

формат отношений. Обнаружение себя в зоне *незащищенности* жизни становится для человека моментом смены парадигмы существования, *разрыва* связи с общиной. Пафос смертельного подвига, самопожертвования во имя народа и государства Гоббсу в связи с этим абсолютно чужд. Как справедливо отмечает Холмс, «Гоббс мог бы согласиться с тем, что война неизбежна, но он никогда не стал бы утверждать, что война делает жизнь осмысленной, захватывающей и серьезной» [Holmes 2010: 118]. Автор настоящей статьи полагает, что эту установку можно радикализировать: если жизнь может быть рассмотрена как точка *входа* в политическое (и как то, что удерживает гражданский формат отношений), то потенциальная *смерть* является возможной точкой *выхода*, причиной смены гражданской парадигмы на естественную. Как только перед подданным как живым человеком из плоти и крови начинается маячить реальная перспектива смерти, дальнейшее соотнесение им самого себя с умозрительным народом и отчуждение в пользу него собственной воли лишено смысла. На этом фоне он уже как *сам-себе-суверен* обнаруживает себя участником войны всех против всех, в число которых входит изображенное на фронтисписе монструозное тело, низвергнутое до *Homo sacer* — обладателя *голой жизни*.

82

Смерть как ключевой фактор политической онтологии Карла Шмитта

Как уже было отмечено выше, выдающийся немецкий мыслитель Карл Шмитт интегрирует в свое учение множество элементов философии Гоббса, многие из которых имеют прямое отношение к теме политической репрезентации [Kelly 2004; Zaffini 2020]. Принимая во внимание результаты имеющихся на сегодняшний день исследований, автор настоящей статьи предлагает сосредоточиться на проведении параллели между гоббсовским «мерцающим» умозрительным *народом* и шмиттовским понятием *политического единства народа* (*politischer Einheit*), или *народа как целого* (*das Volk als Ganze*). Внимательное сравнение двух идей обнаруживает максимальное сходство их определяющих характеристик: как и гоббсовский «мерцающий» *народ*, шмиттовский *народ как целое* не совпадает с наличным народом, составленным из живых людей. Ранее, развивая мысль Гоббса, автор настоящей работы предположил, что наличное собрание всех членов политического сообщества не способно воплотить в себе гоббсовский *народ*; Шмитт же (применительно к собственному концепту) говорит об этом абсолютно напрямую: «...все активные граждане государства, вместе взятые,

не являются в качестве суммы политическим единством народа, но репрезентируют политическое единство, которое возвышается над пространственно объединенным собранием и над моментом собрания» [Шмитт 2010: 42-43]. В «Учении о конституции» Шмитт говорит о *политическом единстве* народа как о «невидимом бытии», являющем себя лишь репрезентативно [Там же: 48], в работе «Римский католицизм и политическая форма» схожее утверждение звучит еще более категорично: «“Целое народа” есть лишь идея» [Шмитт 2016а: 81]. Все это позволяет утверждать, что *политическое единство народа* в контексте мысли Шмитта обладает той же умо-зрительной природой, что и гоббсовский *народ*. Сходства добавляет и тот факт, что *политическое единство* Шмитта немислимо вне репрезентации. Учитывая то, что природой подлинного репрезентатора, согласно Шмитту, обладает лишь правитель [Шмитт 2010: 52] (в широком смысле этого слова), в последнем, вне всякого сомнения, угадываются черты гоббсовского суверена. К слову, рассмотрение Шмиттом возможности объявления чрезвычайного положения в качестве сущностной характеристики суверенитета¹ создает сложную структуру, в рамках которой репрезентатор-суверен одновременно принадлежит правовому порядку (поддерживающему гражданский характер отношений) и пребывает *вне его*. Подобная амбивалентность открыта интерпретациям в используемых Агамбеном категориях и находит свое осмысление в рамках проекта *Ното sacer*: «В действительности чрезвычайное положение располагается не вне и не внутри правопорядка, а проблема его определения связана прежде всего с порогом, или зоной неразличимости, где внешнее и внутреннее не исключают, а просто никак не влияют друг на друга. <...> Поэтому так важны теории, подобные теории Шмитта, которые превращают топографическую оппозицию в более сложную топологическую структуру и ставят под вопрос сами границы правопорядка» [Агамбен 2011b: 41-42].

83

Несмотря на ряд существенных параллелей между двумя учениями, визуальное изображение шмиттовской модели не совпадало бы с фронтисписом «Левиафана». Шмитт отказывается от идеи тотальной деполитизации *наличного народа* (*vorhandenes Volk*), составленного из живых людей и осмысленного Гоббсом в качестве политически незримого *растворившегося множества*. Репрезентация является сущностно важным, но не единственным принципом политического существования: вторым подобным механизмом в глазах Шмитта становится *тождество* (*Identität*) *наличного народа с самим собой как с политическим единством* [Шмитт 2010: 40-41]. Выше уже было отмечено,

1 См.: [Шмитт 2016d: 5-17].

что шмиттовское политическое единство умозрачительно и не может быть полноценно воплощено в пространстве наблюдаемых явлений. Тем не менее сближение осязаемого народа с этим мыслимым идеалом видится Шмитту поддерживающим и укореняющим его политическое существование. Условием самотождественности народа является его гомогенность, природу которой Шмитт не конкретизирует (следует предположить, что ее образуют этнические, религиозные, языковые, культурные факторы или любое их сочетание). Зная контекст шмиттовской мысли, очевидно, что гомогенность оборачивается *политически значимым тождеством* лишь тогда, когда члены политического сообщества обладают общим представлением о коллективном враге.

Характерное для философии Гоббса тотальное отчуждение *политической воли* «жителей города» в пользу суверена также не находит своего отражения в учении Шмитта. На разных этапах своего философского творчества Шмитт обращается к теме *аккламации* — публичного выражения одобрения или неодобрения властной инициативы налично собравшимся народом путем восклицания. В работе 1923 года о парламентаризме Шмитт намекает на то, что аккламация является достойным способом генерирования политической воли [Шмитт 2016b: 110]. В тексте «Народный референдум и предложение о законе по народной инициативе» 1927 года немецкий мыслитель выражается уже более категорично («Нет государства без народа, нет народа без аккламации» [Schmitt 2014: 52]) и повторяет тот же тезис в «Учении о конституции» 1928 года [Шмитт 2010: 102], добавляя к нему, что аккламация способна воплощать в себе «подлинный акт суверенитета» [Там же: 122]. Столь подчеркнутое внимание Шмитта к этой процедуре объяснимо: аккламация сбалансированно сочетает в себе оба описанных принципа политического существования. В контексте аккламации репрезентация осуществляется путем формулирования политической воли в рамках властной инициативы, а тождество народа с самим собой являет себя в единодушном восклицании народного собрания, принимающего данную волю как свою собственную. Исходя из этого, следует заключить, что живые люди, «жители города» на языке гоббсовского фронтисписа, обладают для Шмитта политическим значением как участники аккламационных собраний. Интересно, что случайность и нерегулярность народных собраний является для Гоббса одним из признаков того, что они представляют собой псевдополитическое бурление разрозненной толпы (растворившегося множества) [Третьяк, Тинус: 13], в то время как Шмитт, напротив, закрепляет за аккламацией как способом производства политической воли принципиально неорганизованный характер [Шмитт 2010: 102].

Рассмотрев формальную сторону аккламации, следует прояснить ее содержательный аспект. Поскольку аккламация представляет собой способ определения воли народа как *политического единства* (через синтез процедурных воплощений принципов репрезентации и тождества), ее предметом являются не хозяйственные, а «специфически политические вопросы, затрагивающие народ как целое» [Шмитт 2010: 152]. Речь идет либо о непосредственном «экзистенциальном различении друг-враг» [Там же: 152], либо о вопросах, так или иначе с ним связанных; в противном случае потенциальный предмет решения не будет обладать политической природой и рассматриваться в аккламационном порядке. Таким образом, политическая значимость образующих наличный народ живых людей прежде всего реализуется и являет себя в публичном коллективном восклицании, путем которого выбирается или актуализируется общий враг.

На данном этапе необходимо указать на несколько важнейших деталей, относящихся к шмиттовскому пониманию политической вражды. Определяя понятие политического, Шмитт указывает лежащую в его состоянии дихотомию друг-враг и утверждает, что любая группа людей начинает существовать политически тогда, когда она становится субъектом соответствующих отношений [Шмитт 2016с: 301–303]. Поскольку о *друге* в работах Шмитта практически ничего не говорится, речь прежде всего идет о *вражде*. Важно отметить, что любая форма антагонизма потенциально может обрести политический характер — в том случае, когда противоположная сторона начинает восприниматься как вражеская [Там же: 312]. Особый характер вражды, отличающий ее от иных форм противостояния, наиболее отчетливо проступает на фоне ее исключительного горизонта — «реальной возможности физического убийства» [Там же: 308], или, проще говоря, войны. В связи с этим, возвращаясь к народу, следует подчеркнуть, что говорить о его политическом существовании есть смысл лишь тогда, когда он обладает волей к «бытийственному отрицанию чужого бытия» [Там же], которая одновременно означает готовность к идентичной установке на «отрицание» со стороны врага. Политическое существование народа не требует перманентной вооруженной борьбы, но обязывает рассматривать ее как реальную возможность и потенциальное событие [Там же]. Таким образом, политическое решение, осуществляющее выбор или актуализацию общего врага, одновременно является решением о готовности к убийству людей, составляющих вражеский народ, оборачивающееся готовностью к убийству врагом людей, составляющих собственный наличный народ. Несмотря на то что в свете описанных онтологических структур «Учения о конституции» ответственность за это решение лежит на умозрительном

политическим единстве (мыслимом народе как целом)¹, политическая вражда необходимым образом опрокидывается в перспективу взаимного уничтожения живых людей, относящихся к наличным народам.

Все вышесказанное подводит нас к следующему важному промежуточному выводу: если генерирование политической воли осуществляется в рамках аккламации, одной из сторон которой является наличный народ, а само принимаемое решение так или иначе вписано в логику политической вражды, горизонтом которой является вооруженное противостояние, то политическая значимость «жителей города» из плоти и крови, согласно Шмитту, реализуется в виде их *готовности умереть на войне*. Учитывая то, что необходимым горизонтом любой подлинно политической воли является событие взаимного отрицания чужого бытия, образующие наличный народ живые люди, принимая эту волю как свою собственную, одновременно принимают перспективу собственной смерти.

Описанная процедура аккламации, необходимым элементом которой является обращенная к смерти решимость членов политического сообщества, не обладает эпизодическим или несущественным характером. При первом прочтении «Понятия политического» может показаться, что существование народов, ведущих политическую вражду, — данность, которую остается лишь принять и осмыслить. Тем не менее «Учение о конституции» демонстрирует, что Шмитт, не соглашаясь с контрактным аспектом гоббсовской версии происхождения политического, разделяет взгляд на то, что политическое не возникает само по себе: «...любое политическое единство <...> существует не по природе, а основано на человеческом решении» [Шмитт 2010: 44]. Таким образом, решение о коллективном враге, включающее в себя готовность живых людей умереть на войне, обладает онтологическим значением и становится точкой отсчета политического существования народа.

На первый взгляд может показаться, что фундаментальных противоречий между учениями Гоббса и Шмитта нет, и мы имеем дело лишь с разными фазами развития политического. Некто мог бы предположить, Шмитт оставляет вопрос о происхождении политического единства Гоббсу, а сам концентрируется на том, каким образом оно должно действовать в ситуации экзистенциальной угрозы. Тем не менее Шмитт все же обращается к проблематике генезиса

---

1 На данном этапе будет нелишним напомнить о том, что даже в том случае, когда все без исключения члены политического сообщества имеют возможность собраться для принятия коллективного решения, физическое собрание лишь репрезентирует собственное политическое единство, и субъектом решения признается именно последнее.

политического бытия и наделяет вражду полноценным онтологическим значением: сторона абсолютно любого антагонизма (экономического, религиозного, эстетического и т. д.) начинает существовать в качестве *политической экзистенции* тогда, когда оказывается готовой к вооруженному столкновению с представителями противоположной стороны [Шмитт 2016с: 312–314]. Точка отсчета политического существования сообщества — принятие решения о том, что теперь оно готово конфликтовать на поле боя, готово к физическому уничтожению врага и людским потерям со своей стороны. Гоббс признает, что суверены ведут войну всех против всех [Гоббс 1989b: 96, 167], но участие в этой войне не является смыслом их существования. Будущие подданные заключают общественный договор не для того, чтобы вывести войну всех против всех на коллективный уровень — подобное следствие скорее является неизбежным побочным эффектом создания политического тела. Их основная цель — прекращение вражды между собой, гарантии безопасности. Шмиттовское политическое возникает на совершенно иных основаниях. Воля к политическому существованию есть воля к участию в политической вражде, необходимым горизонтом которой является война [Шмитт 2016с: 310]. Конституирующим мотивом в этом случае становится не желание жить, а готовность умирать и убивать¹.

87

Американский исследователь Джеффри Буссолини, работая с учением Шмитта, вводит в отношении него понятие «продолжающихся конституирующих событий» (*ongoing founding events*) [Bus-solini 2011: 27]. Оно хорошо передает то, что описанное выше пер-

1 Интересное преломление гоббсовской логики в учении Шмитта связано с выбором народа в пользу политического *несуществования*. Если народ «страшится трудов и опасностей политической экзистенции» (то есть не готов убивать и умирать), то находится некий иной народ, берущий на себя миссию по его защите [Шмитт 2016с: 328–329]. В этом случае первый политически покоряется последнему («господину-защитнику»), исходя из сформулированного Гоббсом принципа «извечной взаимосвязи *защиты* и *повиновения*» [Там же: 329]. Таким образом, неготовность к ведению боевых действий (в том числе оборонительных, вследствие чего и появляется «господин-защитник»), страх перед смертью становятся в глазах Шмитта путем к утрате политического существования. В целом Шмитт очень часто обращается к указанному принципу и даже наделяет его статусом *«cogito ergo sum* (мыслю — следовательно, существую (*лат.*)) государства» [Там же]. Тем не менее каждое подобное обращение представляется не воспроизведением, а скорее оригинальной интерпретацией гоббсовской формулы, соответствующей парадигме шмиттовского учения. Приведенный выше пример демонстрирует, что взаимосвязь защиты и повиновения интересует Шмитта не с точки зрения мотивации подданного, а как аргумент в пользу наделяния способности определять общего врага статусом условия политического бытия народа.

вичное различие друга и врага не представляет собой черту, раз и навсегда разделяющую *дополитическое* существование множества индивидов и *политическое* существование народа. Последнее поддерживается последующими конкретными отправлениями политической воли, реактуализирующими готовность народа к войне и смерти и отражающими в себе первичное конституирующее решение. Таким образом, именно *человеческая* готовность к смерти создает и удерживает *политическое* существование сообщества в парадигме шмиттовской мысли, в связи с чем смерть обретает статус ключевого для учения Шмитта онтологического фактора. Смерть может мыслиться и как точка входа в *политическое* для конкретного «жителя города»: полноценным политически значимым представителем своего народа он становится через опыт принятия возможности собственной смерти на войне, приобретаемый им в рамках аккламационного собрания. Несмотря на то что даже во времена написания тех работ Шмитта, опора на которые отличает настоящее исследование, действовали определенные нормы, регулирующие ведение боевых действий и обращение с военнопленными, сама природа боевых действий так или иначе затягивает участвующего в них человека в зону *безнаказанного убийства*. Таким образом, используя концептуальный аппарат Агамбена, можно заключить, что вхождение в *политическое* в рамках учения Шмитта одновременно означает готовность к *заступанию* в сферу взаимодействия людей как *Homines sacri*. В очередной раз голая жизнь оказывается «призрачной тенью» [Vaughan-Williams 2016: 147] гражданства, причастности *политическому*.

Важнейшую роль смерти в контексте учения Шмитта весьма отчетливо передает следующий фрагмент: «Государство как основополагающее *политическое единство* (курсив мой. — В. Б.) сконцентрировало у себя чудовищные полномочия: возможность вести войну и тем самым открыто распоряжаться жизнью людей. Ибо *jus belli* содержит в себе такое полномочие; оно означает двойную возможность: возможность требовать от тех, кто принадлежит собственному народу, готовности к смерти и готовности к убийству и возможность убивать людей, стоящих на стороне врага» [Шмитт 2016с: 321]. Вместе с тем этот же фрагмент указывает на то, что человеческое *заступание в смерть* может иметь в своем основании не индивидуальную решимость, а приказ или требование. Данный механизм может показаться еще более проблематичным в свете того, что аккламация, несмотря на симпатии Шмитта, разумеется, не является единственным способом производства *политической воли*.

На страницах «Учения о конституции» Шмитт действительно рассуждает об *абсолютной репрезентации*, в рамках которой *политическое* локализовано в единоличном правлении и никак не связано

с тождеством наличного народа с самим собой как *политическим единством* [Шмитт 2010: 41]. Вместе с тем шмиттовские формулировки выдают тот факт, что в этом случае речь скорее идет об абстрактной теоретической модели, сближение с которой видится мыслителю нежелательным. В реальности же «никакая репрезентация невозможна без представлений о тождестве» [Там же: 42], и наоборот. Действительно, отсутствие представлений об общем враге и готовности умереть друг за друга в борьбе с ним со стороны людей, составляющих наличный народ, скорее приведет к тому, что в случае реального вооруженного противостояния большая часть из них поведет себя так, как особо трусливые обитатели интеллектуальной вселенной Томаса Гоббса. На этом фоне о репрезентации, вероятно, можно говорить как о *неподлинной* (такое понятие присутствует в шмиттовском учении [Там же: 103]), а о самом народе — как о существующем *политически* лишь на бумаге, а не в действительности. В связи с этим новыми красками начинает играть и шмиттовская критика либерализма, главными принципами которого в глазах немецкого мыслителя являются индивидуальная свобода и универсальное равенство рода человеческого [Шмитт 2016b: 103-106, 129]. Отказ от мышления в категориях «мы» и «они» в пользу глобального «мы» в сочетании с ценностями индивидуального благополучия образуют не слишком адекватный фон для исходящего от государства требования проливать свою и чужую кровь. Либерализм становится не чем иным, как путем к потере народом политической воли и прекращению его политического существования, речь о котором идет в «Понятии политического» [Шмитт 2016c: 326].

89

Обращенное к конкретному представителю народа *требование* быть готовым умереть на войне, речь о котором шла в процитированном фрагменте, имеет смысл лишь на фоне более фундаментальной включенности наличного народа в политическую вражду, сопровождающейся осознанием и принятием ее смертельного горизонта. Тем не менее захваченный политической враждой наличный народ — не абстрактная сущность, а коллектив живых людей из плоти и крови. Их индивидуальная решимость, реализующая заступание в смерть на войне, — одно из онтологических условий возникновения и удержания политического существования народа.

В шмиттовской системе координат полноценный выход индивида из одного политического сообщества возможен в том случае, если он примыкает к другому. Этот акт вновь требует принятия возможности собственной смерти, но уже в новом контексте, зачастую связанном с готовностью умирать и убивать в столкновении с бывшими согражданами или соратниками. Шмитт извлекает урок из опыта работы с наследием Гоббса и открывает политическому единству возможность пресечения случаев саботажа. Как абсолют-

но верно утверждает А. Ф. Филиппов: «Самая большая опасность на войне — предательство. Поэтому ради внутреннего умиротворения оно (политическое единство. — В. Б.) может также объявлять кого-либо врагом и внутри себя, так что, возможно, это приводит к гражданской войне, победа в которой означает торжество нормального, политически солидарного, мирного состояния» [Филиппов 2006: 74]. Так, политическое единство не ждет, пока некое лицо проявит нелояльность в момент прямого вооруженного столкновения, а выдавливая, исключает его из самого себя, относя к категории внутреннего врага.

Что касается выхода из политического режима существования на уровне сообщества, то, как уже было отмечено ранее, подобное возможно на фоне общей потери политической воли, складывающейся из неготовности большинства представителей народа умереть на войне, наиболее вероятной причиной которой является размывание образа общего врага и приоритет индивидуалистических ценностей. На этом этапе можно вновь зафиксировать характерный для шмиттовской системы координат контрполитический потенциал либерализма.

90

Представленные выше наблюдения могли бы вызвать протест самого Шмитта, ассоциирующего политическое исключительно с публичным [Шмитт 2016b: 109; Шмитт 2010: 99]. Эта установка находит свое отражение в исследованиях, подчеркивающих, что индивидуальному нет места в шмиттовской политической системе координат, поскольку оно полностью поглощено коллективным [Holmes 2010: 127]. Частное, приватное действительно ассоциируется с гетерогенностью и уникальностью предпочтений — всем тем, что в глазах Шмитта скорее имеет контрполитическую природу. Вместе с тем актуальные исследования обнаруживают значительный политический потенциал и в сфере индивидуального бытия, включенной в шмиттовскую систему координат. Серьезный прорыв на этом направлении осуществлен в рамках недавней работы Башкова [Башков 2022], остро ставящей вопрос о политическом значении *одиночки*. Один из важных тезисов этого текста находит новые подтверждения в контексте тезисов данной работы: «...политико-теологическая критика современности, помимо выпадов против прогрессизма и секуляризации, несет в себе также мощный индивидуалистический заряд» [Башков 2022: 78]. Настоящее исследование показало, что шмиттовское политическое онтологически захватывает индивидуальное — без личной решимости живых людей умереть на войне политическое единство оборачивается спекуляцией.

Тот факт, что шмиттовское учение создает определенные ожидания в отношении одиночки, разумеется, не гарантирует их реализацию. А. Ф. Филиппов справедливо полагает, что шмиттовское

учение ставит перед нами следующий вопрос: «Насколько можно рассчитывать на антропологический ресурс человека, мобилизуя его мотивацию исключительно для потребностей политического единства?» [Филиппов 2006: 79]. Не менее справедливым является и его указание на то, что самому Шмитту скорее не удастся ответить на этот вопрос [Там же]. Необходимую Шмитту антропологию нужно искать в другом источнике.

На этом фоне неписаной шмиттовской онтологией индивидуального бытия представляется «Бытие и время» Мартина Хайдеггера. Напомним, что человеческое бытие (*Dasein*) обретает себя как собственную возможность за счет осознания и принятия смерти как горизонта собственного бытия. «Смерть открывается как наиболее своя <...> возможность» [Хайдеггер 2015: 250], позволяя *Dasein* обрести перспективу собственного, аутентичного бытия, вырвать себя из повседневности как *несобственного* способа бытия бегущих от смерти других (*das Man*) [Там же: 255-260]. Именно в бытии-к-смерти имеет «свою исходнейшую конкретность» [Там же: 251] экзистенциал заботы, который впоследствии Хайдеггер начинает осмыслять политически [Mardet 2014: 40], прослеживая в нем основание государства [Radloff 2005: 82]. Наконец, «собственное бытие к смерти, т. е. конечность временности, есть потаенная основа историчности присутствия (*Dasein*. — В. Б.)» [Хайдеггер 2015: 386] — еще одного экзистенциала, онтологически связывающего человеческое бытие с историческим путем народа (*Geschick*). Реализация своего события исходя из исторической судьбы народа — важный шаг человеческого бытия, *Dasein*, в направлении аутентичности [Там же: 384-385], берущий свое начало в «заступающей (в смерть. — В. Б.) решимости». Этому тезису может быть дано достаточно простое объяснение: «Чтобы понять, что требует от него собственная сущность¹, индивид должен понять происхождение этой сущности и судьбу, связывающую его с другими, со своим народом» [Haggies 1976: 652].

1 Следует отметить, что речь идет не о готовой, предзаданной сущности человека, а скорее о желаемой версии самого себя. Историческое наследие народа содержит память о героях, истории которых могут быть учтены при создании подобной версии. «Отчетливое преемство» по отношению к судьбам героев — условие возвращения *Dasein* к самому себе из плена других (*das Man*) [Хайдеггер 2015: 385]. В этом прослеживается одна из важнейших линий, связывающих потенциальное аутентичное бытие индивидуально-го *Dasein* с историческим путем народа. Другие (*das Man*) существуют в вечном сегодня, от них сокрыты как их будущее (возможность), так и *собственное* прошлое (наследие, которое может быть использовано для определения того, во что эта возможность может воплотиться) [Там же: 391]. Первичная причина подобного растворения в повседневности — попытка забыть о собственной смерти или, точнее, не вспомнить о ней [Там же: 390].

Едва ли не главная цель проекта «Бытия и времени» — описание возможности аутентичного существования *Dasein*. Реализация этой возможности невозможна вне связи с народом [Wolin 1990a: 61], требует «подчинения индивида общей судьбе» [Haggies 1976: 651]. Решимость бытия-к-смерти играет в этом процессе ключевую роль, так как открывает саму возможность аутентичности; на этом фоне *Dasein* «возвращается к “самому себе” и необходимости использования тех фундаментальных возможностей и решений, что достаются ему благодаря наследию, разделяемому им со своим сообществом» [Radloff 2008: 157].

Признание смерти в качестве точки входа в политическое, аналогичной шмиттовскому учению, было бы достаточно грубой интерпретацией мысли Хайдеггера. Проект Хайдеггера имеет более фундаментальный характер и не вполне вписывается в подобные категории. Тем не менее именно осознание собственной смертности лежит в основании того, что *Dasein* ставит себя в один ряд со своим народом¹. Другим (*das Man*), прячущимся от смерти в повседневности, неведомо историческое событие народной общности².

92 Разумеется, речь не идет о том, что Шмитт напрямую интегрирует положения «Бытия и времени» в свое учение. Многие из процитированных в этой работе произведений Хайдеггера публикуются раньше «Бытия и времени». Тот факт, что важнейший в контексте настоящего исследования текст Шмитта «Понятие политического» и «Бытие и время» публикуются в один год, также говорит об отсутствии прямого влияния, но остается весьма примечательным. Современный исследователь Ричард Волин, сближающий проекты Шмитта и Хайдеггера в ряде своих работ [Wolin 1990a: 28-29, 31-32;

1 Вопрос о том, присутствует ли в учении Хайдеггера политическое, является сложным и дискуссионным (см.: [Wolin 1990a: 1-15]). Тем не менее если в философии Хайдеггера и присутствует политическая линия, то ее главным и *единственным* действующим лицом является народ (наиболее ярко тема становления народного бытия представлена в ректорской речи Хайдеггера [Хайдеггер 1995], прочитанной спустя шесть лет после публикации «Бытия и времени»). Шмиттовский подход к политическому, предполагающий возможность возникновения политической вражды на любой почве, допускает и альтернативные политические единства.

2 Достаточно полезным в связи с этим тезисом представляется комментарий Славоя Жижека: «...здесь неявная политизация “Бытия и времени” достигается своей наивысшей точки: нет ли в оппозиции между современным анонимным рассеянным обществом *das Man* с людьми, увлеченными своими повседневными заботами, и Народом, подлинно принимающим свою судьбу, сходства с оппозицией между упадочной современной “американизированной” цивилизацией лихорадочной ложной активности и консервативным “подлинным” ответом на нее?» [Жижек 2014: 42].

38–40; Wolin 1990b; Wolin 1992: 442], указывает на то, что оба учения возникают на фоне единого «интеллектуального климата» [Wolin 1990b: 394]. Немецкая философия межвоенного периода порождает полноценную традицию «метафизики смерти», в рамках которой смерть рассматривается как «экзистенциальная кульминация человеческой жизни как таковой» [Там же: 394–395]. Шмитт причастен этому контексту, и соответствующие представления об индивидуальном человеческом бытии оказываются не всегда проговариваемым фоном его политического учения. Наиболее предметное воплощение они получают в «Бытии и времени», вследствие чего обращение к этому произведению может сделать картину, частью которой является шмиттовское политическое бытие, более широкой и целостной. В своих дневниках Шмитт отзывается о Хайдеггере достаточно противоречиво, называя его «своим дорогим другом и славным врагом» [Marder 2010: 6]. Тем не менее уже современники Шмитта отмечают, что он, вероятно, недооценивает испытанное им влияние феноменологии и экзистенциализма [Там же].

Рассмотрение учения Шмитта через призму хайдеггеровской аналитики *Dasein* было впервые предложено одним из учеников Хайдеггера — еврейским мыслителем Карлом Лёвитом, предположившим, что в основании шмиттовского проекта лежит «политически понятая “свобода-к-смерти”» [Лёвит 2012: 127]. Лёвит подчеркивает, что в учении Шмитта «базисом» [Там же: 131] политического становится «“крайний случай” войны», требующий от человека «пожертвовать жизнью» [Там же: 127]. Единственным сущностным аспектом политического является готовность умирать и убивать, вследствие чего политическое существование народа абсолютно немислимо вне контекста смерти. Подобно тому, как зашагивание в смерть дает индивидуальному *Dasein* возможность управлять собственным существованием, «отвоевав» себя у *других*, «тот голый факт, что в войне готовность умирать и убивать является чем-то высшим, дает ему (политическому *Dasein*. — В. Б.) суверенитет над всем, что есть» [Там же]. Лёвит подчеркивает, что государство «принимает суверенные решения о жизни людей» [Там же: 132], то есть определяет, кому суждено жить, а кому умирать во время войны. Государство пре-

1 Тем самым Лёвит обращается к хайдеггеровскому концепту и утверждает, что началом шмиттовского проекта является его политический аналог. В «Бытии и времени» понятие свободы-к-смерти наиболее предметно представлено в следующем контексте: «...заступание обнажает присутствию затерянность в человеко-самости и ставит его перед возможностью, без первичной опоры на озоботившуюся заботливость, быть самим собой, но собой в страстной, отрешившейся от иллюзий людей, фактической, в себе самой уверенной и ужасающей свободе-к-смерти» [Хайдеггер 2015: 266].

тендует на абсолютную монополию на данное решение, требует от представителей народа умирать исключительно *ради него*. Тем не менее Лёвит все же прослеживает возможность реализации индивидуальной свободы-к-смерти вопреки требованиям суверена: человек способен убить себя исходя из собственных мотивов даже на войне, вследствие чего его смерть не станет смертью ради государства. В том случае, когда это происходит путем того, что человек дает другим убить себя, подобная приватизированная свобода-к-смерти может быть ошибочно принята за «жертву ради жизни» [Там же: 136]. Таким образом, Лёвит утверждает, что шмиттовская политическая экзистенция всем своим существом опирается на человеческую свободу-к-смерти, но напоминает, что последняя всегда остается под контролем индивида.

94 Французский исследователь Эммануэль Фай, предлагающий противоречивую интерпретацию учения Хайдеггера, видит связь индивидуального *Dasein* с исторической судьбой народа в «предвосхищении смерти и самоотдаче, принесении самого себя в жертву (*Selbstaufgabe*) в пользу сообщества, народа и в целях “продолжения борьбы”» [Фай 2021: 25]. Данная установка напрямую отражается в решимости принятия перспективы собственной смерти на войне, которая, как было выяснено в рамках настоящей работы, онтологически поддерживает шмиттовское политическое. Особенно ярко этот механизм являет себя в феномене партизанства, которому посвящена поздняя работа Шмитта [Шмитт 2007], задуманная им как дополнение к «Понятию политического». Партизан — важная «единица политического» [Башков 2022: 272], действующая «на свой страх и риск» [Там же: 269]. С одной стороны, для партизана характерна особая интенсивность вражды, делающая его субъектом наивысшей политической вовлеченности [Шмитт 2007: 27], с другой — его выбор в пользу экзистенциальных рисков в большинстве случаев является абсолютно добровольным¹. Движение, основанное на добровольном зашагивании в смерть, оказывается наивысшей формой политического единства, объединяющей людей «сильнее и эффективнее любого государства» [Башков 2022: 272]. Отметим, что партизан — наиболее соответствующая определению *Homo sacer*

1 На первый взгляд может показаться, что партизанские движения представляют собой совершенно альтернативную по отношению к государству форму политического единства. На самом же деле партизанское движение вписано в ту же базовую политическую структуру, объединяющую в себе принципы тождества и репрезентации. Отличие состоит в том, что партизанское движение оказывается значительно ближе к полюсу тождества, приближается к нему вплотную. В этих условиях люди из плоти и крови образуют монолитное единство и полностью отдают себя вражде.

фигура шмиттовского учения, так как он не защищен Женевскими конвенциями и не обладает правами, гарантированными комбатанту [Шмитт 2007: 42]. Так политическое вновь обретает наиболее предметное, концентрированное воплощение в том пространстве, где человеческая жизнь отнимается без совершения преступления. Здесь же мы наблюдаем важную точку размежевания Шмитта и Гоббса: учитывая, что оккупант обеспечивает жителей занятых территорий средствами к существованию¹, Гоббс не признал бы за партизанскими движениями право на существование². Вместе с тем шмиттовский партизан упрямо отказывается растворяться в новой версии «умозрительного народа» и продолжает «защищать дом, очаг и родину от чужого захватчика» [Шмитт 2007: 48].

Заключение

Осуществленная в данной работе попытка реконструкции «диалога» Томаса Гоббса и Карла Шмитта привлекла к дискуссии еще двух заметных участников — Джорджо Агамбена и Мартина Хайдеггера. Оптика нашего итальянского современника позволила осмыслить онтологию Гоббса как амбивалентную структуру, в рамках которой естественное и политическое сосуществуют так, что каждая из парадигм способна опрокидываться в свое инобытие. В системе координат Гоббса присутствует лишь один подлинно *политический* фактор — *жизнь*. Именно общая защищенность жизней создает политическое сообщество и поддерживает нашедшую свое воплощение в изображении на фронтисписе «Левиафана» логику заключения в суверене умозрительного народа, с которым соотносят себя лояльные подданные. Последние с онтологической точки зрения оказываются в глазах суверена носителями голой жизни, которую можно как защищать, так и жестоко уничтожать. Вселенная Гоббса допускает самые разные сценарии, в том числе онтологически допустимый террор суверена в отношении подданных. Тем не менее если суверен не хочет обнаружить самого себя как *Ното sacer*, наиболее последовательной стратегией для него становится ответственная защита жизни граждан (в том числе — и от самого себя путем самоограничения), поскольку так, удерживая политическое, он защищает и собственную жизнь. Для подданного политическое обрывается тогда, когда дальнейшее соотнесение себя с заключенным

1 Шмитт открыто говорит об этом в «Номосе земли», см.: [Шмитт 2008: 458].

2 Возникновение описываемых условий оккупации рассматривается Гоббсом как «момент, когда подданный становится обязан повиноваться завоевателю»; см.: [Гоббс 1989b: 537].

в суверене народом сулит ему смерть. Гоббс признает и защищает неготовность подданного героически умереть на войне.

В заключении «Левиафана» Гоббс озвучивает тезис, который на первый взгляд вплотную сближает его со Шмиттом: «...всякий человек обязан в силу естественного закона защищать на войне всеми силами ту власть, от которой он сам получает защиту в мирное время» [Гоббс 1989b: 536]. Статус этого утверждения очень высок, поскольку Гоббс открыто говорит о том, что это — еще один полноценный естественный закон, о котором он не упомянул в соответствующей главе. Тем не менее этот тезис подчинен привычной логике и восходит к первому естественному закону, требующему искать мира любым способом. Суверен — защитник, и участвуя в войне, мы инвестируем в собственную безопасность, не давая ему погибнуть. Призванный на войну подданный остается одним из «людей Гоббса»¹, в сознании которого «присутствует модус заботы о себе и своем домохозяйстве, но отсутствует модус заботы о чужом» [Филиппов 2009: 71]. Участие в боевых действиях вписано в логику стремления к индивидуальному благополучию. Путь подданного к «миру» становится более тернистым в экстремальных условиях войны суверенов, но сохраняет привычный вектор. Все это едва ли соответствует идее политической вовлеченности, в рамках которой продолжение существования политического сообщества признается самоцелью, оправдывающей индивидуальные экзистенциальные риски.

Далее Гоббс уточняет, что подданный, взявший на себя обязанности солдата, должен сохранять преданность суверену до тех пор, пока «старая власть удерживает свои позиции и дает ему средства существования в армии или гарнизоне» [Гоббс 1989b: 537]. Благодаря Шмитту мы знаем, что, какая бы риторика в этот момент ни исходила от суверена, подданный сам определяет, произойдет или не произойдет обещанное чудо [Шмитт 2006: 184–192]. Осознавая, что суверен обречен или не может в корне улучшить катастрофическую ситуацию на том участке фронта, где воюет подданный, последний не просто может, а *должен* принять решение о присяге врагу. Для Шмитта подобный сценарий скорее является еще одной импликацией провала гоббсовского проекта, чем примером для подражания. Едва ли не антиподом гоббсовского солдата, меняющего лояльность на фоне «недостатка защиты» [Гоббс 1989b: 537], является шмиттовский партизан, «сущностью и экзистенцией» которого «становится то, что он находится вне любого оберегания» [Шмитт 2007: 21].

---

1 Подробнее о концепте «людей Гоббса» см.: [Филиппов 2009].

В рамках настоящего исследования также была проведена параллель между гоббсовским понятием народа и шмиттовским концептом политического единства. Обе сущности имеют умозрительную, мыслимую природу и являются репрезентативно: в лице гоббсовского суверена и шмиттовского правительства (в широком смысле этого слова). В учении Гоббса одним из важнейших следствий этой установки является тотальная деполитизация «жителей города», представляющих собой не-политическое растворившееся множество. В этом аспекте проекты Гоббса и Шмитта значительно расходятся: в последнем «жители города» политически значимы, так как способны нести в себе тождество с самим собой как целым, являющееся в глазах Шмитта не менее важным проводником политического единства, чем репрезентация. Наиболее ярко включенность живых людей в политическое являет за счет аккламации, в рамках которой наличный народ принимает сформулированную репрезентатором политическую волю как свою собственную. Поскольку содержание политической воли так или иначе связано с политической враждой, необходимым горизонтом которой является вооруженное столкновение, наличный народ как соучастник производства политической воли оказывается перед лицом потенциальной гибели. Таким образом, включение «жителя города», живого человека из плоти и крови, в шмиттовское политическое осуществляется ценой его готовности умереть на войне, заступления в смерть. Предпосылкой этой установки представляется более фундаментальная онтологическая картина, связывающая индивидуальное человеческое бытие с судьбой народа через историчность, открытую в опыте бытия-к-смерти. Последняя характерна для раннего творчества Мартина Хайдеггера, нашедшего наиболее предметное воплощение в трактате «Бытие и время».

97

Библиография / References

Агамбен Д. (2011a) *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*, М.: Издательство «Европа».

— Agamben G. (2011a) *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*, М.: Publishing House “Europe”. — in Russ.

Агамбен Д. (2011b) *Homo sacer. Чрезвычайное положение*, М.: Издательство «Европа».

— Agamben G. (2011b) *Homo Sacer. State of Exception*, М.: Publishing House “Europe”. — in Russ.

Агамбен Д. (2021) *Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer II, 2*, СПб.: Владимир Даль.

— Agamben G. (2021) *Stasis: Civil War as a Political Paradigm. Homo sacer II, 2*, SPb.: Vladimir Dal'. — in Russ.

Башков В. (2022) *Репетиция политического. Сёрен Кьеркегор и Карл Шмитт*, СПб.: Владимир Даль.

— Bashkov V. (2021) *Repetition of the Political. Søren Kierkegaard and Carl Schmitt*, SPb.: Vladimir Dal'. — in Russ.

Гоббс Т. (1989а) О гражданине. *Сочинения в 2 томах. Т. 1*, М.: Мысль: 270–506.

— Hobbes T. (1989a) On the Citizen. *Writings in 2 Volumes. Vol. 1*, М.: Thought: 270–506. — in Russ.

Гоббс Т. (1989b) Левиафан. *Сочинения в 2 томах. Т. 2*, М.: Мысль.

— Hobbes T. (1989b) Leviathan. *Writings in 2 Volumes. Vol. 2*, М.: Thought. — in Russ.

Жижек С. (2014) *Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии*, М.: ИД «Дело» РАНХиГС.

— Žižek S. (2014) *The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology*, М.: Publishing House “Delo” RANEPa. — in Russ.

Лёвит К. (2012) Политический децизионизм. *Логос*, 5 (89): 115–142.

— Löwith K. (2012) Political Decisionism, *Logos*, 5 (89): 115–142. — in Russ.

Марей А. (2020) «Народ» в политической мысли европейского модерна: Гоббс, Спиноза, Пуфендорф. *Слово.ру: Балтийский акцент*, 11 (3): 8–24.

— Marey A. (2020) “People” in the Political Thought of European Modernity: Hobbes, Spinoza, Pufendorf, *Slovo.ru: Baltic Accent*, 11 (3): 8–24. — in Russ.

Третьяк А., Тинус Н. (2019) Политическая логика “Multitudo” в работах Гоббса и Спинозы. *Полития*, 95 (4): 6–24.

— Tretyak A., Tinus N. (2019) The Political logic of “Multitudo” in the Works of Hobbes and Spinoza. *Politia*, 95 (4): 6–24. — in Russ.

Фай Э. (2021) *Хайдеггер, введение нацизма в философию: на материалах семинаров 1933–1935 гг.*, М.: ИД «Дело» РАНХиГС.

— Faye F. (2021) *Heidegger: The Introduction of Nazism into Philosophy in Light of the Unpublished Seminars of 1933–1935*, М.: Publishing House “Delo” RANEPa. — in Russ.

Филиппов А. (2006) Критика Левиафана. Шмитт К. *Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа*, СПб.: Владимир Даль: 5–100.

— Filippov A. (2006) The Critique of Leviathan. Schmitt C. *The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes: Meaning and Failure of a Political Symbol*, SPb.: Vladimir Dal': 5–100. — in Russ.

Филиппов А. (2009) Актуальность философии Гоббса. Статья вторая. *Полития*, 55 (4): 141–157.

— Filippov A. (2009) Actuality of the Philosophy of Thomas Hobbes. The second article. *Politia*, 55 (4): 141–157. — in Russ.

Хабибулин Т. (2020) Спасение традиции. О методологии политико-правового проекта Джорджо Агамбена. *Труды Института государства и права Российской академии наук*, 15 (4): 127–150.

- Khabibulin T. (2020) Rescue of the Tradition. On the Methodology of Political and Legal Project of Giorgio Agamben. *Works by the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 15 (4): 127-150. — in Russ.
- Хайдеггер М. (1995) Самоутверждение немецкого университета. *Историко-филологический ежегодник*. 1994, М.: Наука: 298-304.
- Heidegger M. (1995) The Self-Assertion of the German University. *Yearbook of History of Philosophy*. 1994, М.: Science: 298-304.
- Хайдеггер М. (2015) *Бытие и время*, М.: Академический проект.
- Heidegger M. (2015) *Being and Time*. М.: Academic Project. — in Russ.
- Шмитт К. (2016а) Римский католицизм и политическая форма. Шмитт К. *Понятие политического*, СПб.: Наука: 60-92.
- Schmitt C. Roman Catholicism and Political Form. Schmitt C. *The Concept of the Political*, SPb.: Science: 60-92. — in Russ.
- Шмитт К. (2006) *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа*, СПб.: Владимир Даль.
- Schmitt C. *The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes: Meaning and Failure of a Political Symbol*, SPb.: Vladimir Dal'. — in Russ.
- Шмитт К. (2007) *Теория партизана*, М.: Праксис.
- Schmitt C. *Theory of the Partisan*, М.: Praxis. — in Russ.
- Шмитт К. (2008) *Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum*, СПб.: Владимир Даль.
- Schmitt C. *The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum*, SPb.: Vladimir Dal'. — in Russ.
- Шмитт К. (2010) Учение о конституции (фрагмент). Шмитт К. *Государство и политическая форма*, М.: ИД ВШЭ: 33-236.
- Schmitt C. (2010) Constitutional Theory (fragment). Schmitt C. *The State and Political Form*, М.: HSE: 33-236. — in Russ.
- Шмитт К. (2016b) Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Шмитт К. *Понятие политического*, СПб.: Наука: 93-170.
- Schmitt C. (2016b) The Crisis of Parliamentary Democracy. Schmitt C. *The Concept of the Political*, SPb.: Science: 93-170. — in Russ.
- Шмитт К. (2016c) Понятие политического. Шмитт К. *Понятие политического*, СПб.: Наука: 280-356.
- Schmitt C. (2016c) The Concept of the Political. Schmitt C. *The Concept of the Political*, SPb.: Science: 280-356. — in Russ.
- Шмитт К. (2016d) Политическая теология. Шмитт К. *Понятие политического*, СПб.: Наука: 5-59.
- Schmitt C. (2016c) Political Theology. Schmitt C. *The Concept of the Political*, SPb.: Science: 5-59. — in Russ.
- Abbott M. (2012) No life is bare, the ordinary is exceptional: Giorgio Agamben and the question of political ontology. *Parrhesia*, 14 (2012): 23-36.

Altini C. (2010) "Potentia" as "potestas". An interpretation of modern politics between Thomas Hobbes and Carl Schmitt. *Philosophy & social criticism*, 36 (2): 231-252.

Bussolini J. (2011) Ongoing Founding Events in Carl Schmitt and Giorgio Agamben. *Telos*, 157 (Winter 2011): 60-82.

Harries K. (1976) Heidegger as a Political Thinker. *The Review of Metaphysics*, 29 (4): 642-669.

Holmes S. (2010) Does Hobbes have a concept of enemy? Tralau J. (ed.) *Thomas Hobbes and Carl Schmitt. The Politics of Order and Myth*, London and New York: Routledge: 113-132.

Kelly D. (2014) Carl Schmitt's political theory of representation. *Journal of the History of Ideas*, 65 (1): 113-134.

Kristiansson M., Tralau J. (2014) Hobbes's hidden monster: A new interpretation of the frontispiece of Leviathan. *European Journal of Political Theory*, 13 (3): 299-320.

Marder M. (2010). *Groundless Existence: The Political Ontology of Carl Schmitt*, London and New York: Continuum.

Marder M. (2014) The Question of Political Existence: Hegel, Heidegger, Schmitt. P. Trawny, M. Sá Cavalcante Schuback, M. Marder (eds) *On Hegel's Philosophy of Right. The 1934-35 Seminar and Interpretative Essays*, New York: Bloomsbury Academic: 37-48.

100

McCormick J. P. (2016) Teaching in Vain: Carl Schmitt, Thomas Hobbes, and the Theory of the Sovereign State. Meierhenrich J., Simons O. (eds) *The Oxford Handbook of Carl Schmitt*, New York: Oxford University Press: 269-290.

Olsthoorn J. (2015) Why justice and injustice have no place outside the Hobbesian State. *European Journal of Political Theory*, 14 (1): 19-36.

Radloff B. (2005) Heidegger and Carl Schmitt: The Historicity of the Political: Part Two. *Heidegger Studies*, 21 (2005): 75-94.

Radloff B. (2008) Machination and the Political in Heidegger's "Mindfulness", *Heidegger Studies*, 24 (2008): 145-166.

Schmitt C. (2014) *Volksentscheid und Volksbegehren*. Berlin: Duncker & Humblot.

Skinner Q. (2022) Bridge between Art and Philosophy: The Case of Thomas Hobbes. *European Review*, 30 (5): 627-638.

Slomp G. (2010) The liberal slip of Thomas Hobbes's authoritarian pen. Tralau J. (ed.) *Thomas Hobbes and Carl Schmitt. The Politics of Order and Myth*, London and New York: Routledge: 99-112.

Stanton T. (2011) Hobbes and Schmitt. *History of European Ideas*, 37 (2): 160-167.

Thomsen J. A. (1997) Carl Schmitt — The Hobbesian of the 20th Century? *Social Thought & Research*, 20 (1/2): 5-28.

Tralau J. (2010) Thomas Hobbes, Carl Schmitt, and three conceptions of politics. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 13 (2-3): 261-274.

Vaughan-Williams N. (2016) Carl Schmitt, Giorgio Agamben and the "nomos" of contemporary political life. S. Prozorov, S. Rentea (eds) *The Routledge Handbook of Biopolitics*, London and New York: Routledge: 140-154.

- Wolin R. (1990) *The Politics of Being*, New York and Oxford: Columbia University Press.
- Wolin R. (1990b) Carl Schmitt, Political Existentialism, and the Total State. *Theory and Society*, 19 (4): 389–416.
- Wolin R. (1992) Carl Schmitt: The Conservative Revolutionary Habitus and the Aesthetics of Horror. *Political Theory*, 20 (3): 424–447.
- Zaffini S. (2020) Real Unity and Representation in Hobbes, Schmitt, and Barth. *Polity*, 52(1): 35–63.

Рекомендация для цитирования:

Бродский В. И. (2022) Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта. *Социология власти*, 34 (3-4): 72-101.

For citations:

Brodskiy V. I. (2022) Life, Death, and the Political: Existential Foundations of Thomas Hobbes's and Carl Schmitt's Teachings. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 72-101.

Поступила в редакцию: 03.12.2022; принята в печать: 21.12.2022

Received: 03.12.2022; Accepted for publication: 21.12.2022

Статьи. Исследования

АНДРЕЙ И. ЖДАНОВ¹

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4492-7903

АНДРЕЙ В. КОРОТАЕВ²

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3014-2037

Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа³

102

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-102-127

Резюме:

Данная статья посвящена исследованию влияния выборов на риски революционной дестабилизации. Авторы изучают разные подходы к оценкам вероятности возникновения революционных событий в год

---

1 Жданов Андрей Игоревич — Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», стажер-исследователь научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации. E-mail: aizhdanov@edu.hse.ru

2 Коротаев Андрей Витальевич — Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий научно-учебной лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала. E-mail: akorotayev@gmail.com

3 Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

Acknowledgements: The study was carried out as part of the HSE Fundamental Research Program in 2022 with the support of the Russian Science Foundation (project no. 18-18-00254).

проведения выборов. Выделяются типы революционных выступлений в рамках степени применения политического насилия оппонентами власти, а также определяются основные причины активизации политически активной части населения как в автократиях, так и в переходных политических режимах. Среди подобных причин авторы рассматривают фракционализацию элит, активизацию «спящих» институтов, рост политической компетентности у индивидов, консолидацию продемократической оппозиции и ее институционализацию, электоральные фальсификации и другие проявления нечестной политической конкуренции, эмоциональную вовлеченность населения в политические процессы и так далее. Проведенное исследование подтверждает вывод о том, что выборы способствуют развитию мирных революционных протестов и снижают вероятность вооруженных восстаний. Новизна исследования заключается в том, что влияние выборов на риски революционной дестабилизации рассматривается в режимном контексте. Авторы исследуют, каким образом выборы влияют на насильственные или ненасильственные революционные выступления внутри типологии политических режимов Дж. Голдстоуна (полные автократии, частичные автократии, фракциональные демократии, частичные демократии и полные демократии). По результатам исследования авторы пришли к выводам, что, с одной стороны, проведение выборов понижает риски вооруженной революционной дестабилизации во всех типах режима, кроме фракциональных демократий. С другой стороны, невооруженные революционные выступления более вероятны в год проведения выборов — во всех типах режима, кроме полных демократий. При этом сильнее всего проведение выборов повышает риски невооруженных революционных выступлений в промежуточных режимах/анократиях. Однако и среди анократий выделяются фракциональные демократии, где в год выборов риски невооруженных (как, впрочем, и вооруженных) революционных конфликтов возрастают значительно больше, чем и в частичных автократиях, и в частичных нефракциональных демократиях. При этом для консолидированных демократий проведение выборов является фактором скорее ингибирующим, чем провоцирующим революционную дестабилизацию. В полных автократиях риск невооруженных революционных выступлений в год выборов повышается, но не так сильно, как в промежуточных режимах.

103

Ключевые слова: революции, протесты, насильственные выступления, ненасильственные выступления, выборы, дестабилизация, политические режимы

Andrew I. Zhdanov¹

HSE University, Moscow, Russia

¹ Zhdanov Andrew Igorevich — Moscow, HSE University, trainee researcher of the scientific and educational laboratory for monitoring the risks of socio-political destabilization. E-mail: aizhdanov@edu.hse.ru

Andrey V. Korotayev¹

HSE University; RANEPA, Moscow, Russia

Elections, Regime Type, and Risks of Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis

Abstract:

This article is devoted to the study of the nature of the influence of elections on the risks of revolutionary destabilization. The authors study different approaches to estimating the probability of revolutionary events in an election year. Different types of revolutionary events are distinguished within the framework of the level of political violence. The primary reasons for the activation of the politically active part of the population, both in autocracies and in transitional political regimes, are identified, including the factionalization of elites, the activation of “sleeping” institutions, the growth of political competence among individuals, the consolidation of the pro-democratic opposition and its institutionalization, electoral fraud and other manifestations of unfair political competition, greater emotional involvement of the population in political processes, and so on. The findings support the conclusion that elections promote peaceful revolutionary episodes and reduce the likelihood of armed uprisings. The novelty of the study lies in the fact that the influence of elections on the risks of revolutionary destabilization is considered in the regime context. The authors explore how elections affect violent or non-violent revolutionary actions in certain political regimes, according to Jack A. Goldstone’s typology (full autocracies, partial autocracies, factional democracies, partial democracies and full democracies). The authors conclude that holding elections reduces the risks of armed revolutionary destabilization in all types of regimes, except for factional democracies. On the other hand, unarmed revolutionary action is more likely in an election year — in all regime types except full democracies. At the same time, holding elections primarily increases the risks of unarmed revolutionary uprisings in intermediate regimes/anocracies. However, even among anocracies, factional democracies stand out, where in the election year the risks of unarmed (as well as armed) revolutionary episodes increase significantly more than in partial autocracies and in partial non-factional democracies. At the same time, for consolidated democracies, holding elections is a factor that inhibits rather than provokes revolutionary destabilization. In full autocracies, the risk of unarmed revolutionary action increases in an election year, but not as much as in intermediate regimes.

Keywords: revolutions, protests, violent performances, non-violent performances, elections, destabilization, political regimes

104

---

1 Korotayev Andrey Vitalievich — Moscow, HSE University, Professor, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Research and Educational Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Leading Researcher of the International Laboratory for Demography and Human Capital. E-mail: akorotaev@hse.ru

Введение

Глобальное распространение выборов, предвыборных кампаний, референдумов, плебисцитов и других избирательных практик по всему земному шару делает их важным объектом изучения для сравнительной политологии. На данный момент выборы проводятся почти в каждой стране и в подавляющем большинстве случаев имеется как минимум видимость какой-либо конкуренции. Иными словами, текущая мировая практика проведения выборов далека от советских избирательных практик, при которых явка и число поданных голосов за безальтернативного кандидата достигали 99% [Little, Tucker, LaGatta 2015: 1154].

Подобие электоральной конкуренции после Второй мировой войны наблюдается в том числе и в авторитарных государствах. Появление авторитарных режимов, чей институциональный дизайн основан на многопартийных выборах с наличием хотя бы формальной конкуренции, привлек внимание как ученых-обществоведов, так и представителей политических элит, заинтересованных в консервации недемократических режимов демократическими методами. В результате влияние электоральной конкуренции на выживание тех или иных режимов стало значимой проблемой в научном сообществе [Rød 2019: 19].

Отдельные исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой выживание авторитарного режима во многом обусловлено его способностью легитимизовать свое правление в глазах общества и элит, при этом чем реже для подтверждения собственной легитимности автократу требуется сила, тем устойчивее его правление [Smyth 2020]. Как правило, для этих целей используются не репрессивные механизмы, такие как создание доминантных партий, манипуляции на выборах, контроль СМИ и т. д. В то же время эффективность подобных инструментов зиждется на молчаливом одобрении обществом сложившегося status quo [Reuter 2017]. Иными словами, в случае отсутствия накопления критической массы политически активных граждан, недовольных авторитарным правлением, и серьезных социально-экономических и внешних вызовов, проведение выборов становится своего рода политическим амортизатором, обеспечивающим авторитарному режиму большую стабильность. Помимо этого, отдельные исследователи феномена авторитарных выборов сообщают, что проведение выборов способствует выживанию недемократического режима посредством внесения расколов в ряды оппозиции и повышения риска ее фракционализации во время политической гонки [Seeberg 2014: 1268].

В то же время помимо исследований, рассматривающих выборы как стабилизирующий механизм [Magaloni 2006; Lust 2009], суще-

ствуует противоположная точка зрения, подчеркивающая, что авторитарные выборы могут подрывать режим и способствовать разворачиванию механизмов демократического транзита [Lindberg 2007; Lindberg 2009; Howard, Roessler 2006]. Так, с 1989 по 2011 год 80% всех продемократических протестов проходили против инкумбента, выигравшего выборы, проведение поствыборных протестов в три раза увеличивает шансы продемократической оппозиции добиться успеха в борьбе с автократом [Brancati 2016: 96; Hafner-Burton, Hyde, Jablonski 2018: 5–6]. Данное противотечение позволило отдельным исследователям установить парадокс взаимосвязи выборов и рисков революционной дестабилизации, как одну из наиболее значимых проблем политической науки [Seeberg 2014].

Подобного рода «пробелы» относительно влияния выборов на стабильность в политической науке касаются и демократических режимов. Классическая теория демократии, согласно Адаму Пшеворскому, постулирует, что демократический режим является самоподдерживающейся системой, т. к. выживаемость демократий основана на использовании выборов как наиболее цивилизованной альтернативы насилию при разрешении политических конфликтов [Przeworski 1991]. В данном случае подразумевается, что рациональные политические акторы предпочтут скорее смириться с поражением и готовиться к следующему избирательному циклу, чем способствовать эскалации политического конфликта путем конфронтации со своими соперниками, риски которой превышают издержки поражения на выборах [Chernykh, Svolik 2015].

106

Однако на фоне деконсолидации «старых» демократий Евроатлантического региона¹, отдельные исследователи отмечают, что на фоне поляризации, которой подвержены страны Западной Европы и в особенности США, радикально настроенные политические лидеры способствуют развитию центробежных тенденций, нарушая привычный избирательный процесс. Так, значительным объектом для изучения стали события 6 января 2021 года у Капитолия США², которые заставили отдельных политических ученых пересмотреть свои подходы, касающиеся факторов режимной стабильности в демократиях как таковых и в Соединенных Штатах в частности [Walter 2022].

В то же время предыдущие эмпирические исследования показали — выборы увеличивают риск невооруженных революцион-

1 О процессах деконсолидации см.: [Norris, Inglehart 2019; Shin 2018; Foa, Mounk 2016; Oberhauser, Krier, Kusow 2019; Zhdanov, Korotayev 2022; Жданов 2020].

2 Отметим, что некоторые исследователи рассматривают данные события в качестве революционного эпизода [Goldstone et al. 2022].

ных выступлений; что же касается насильственных революций, то проведение выборов в тот же год, в качестве предиктора, является незначимым [Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017]¹.

Новизна данной работы, в свою очередь, заключается в том, что влияние выборов на риски революционной дестабилизации рассматривается в контексте разных политических режимов.

Таким образом, проблемой данного исследования является противоречие между известными политологическими теориями

1 Отметим, что эти авторы предпочитают называть невооруженные революционные выступления «ненасильственными максималистскими кампаниями». При этом, вслед за П. Аккерманом и К. Крюглером [Ackerman, Kruegler 1994], Э. Ченовет и М. Стивен определяют «кампанию» как «серию наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик в преследовании политической цели». Более того, в вышеупомянутых исследованиях рассматриваются кампании «с целями, которые воспринимаются как максималистские [фундаментальное изменение политического порядка]; ...мы намеренно выбираем только кампании с целями, которые воспринимаются как максималистские по своей природе: смена режима или национальное самоопределение» [Stephan, Chenoweth 2008: 68]. Таким образом, в вышеупомянутых работах изучаются «серии наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик, преследующих фундаментальные изменения политического порядка: смену режима или национальное самоопределение». Нетрудно видеть, что данное определение практически идентично нижеприведенным определениям революции Дж. Голдстоуна и Дж. Лоусона, на которые мы опираемся в настоящей работе. Сопоставление этих определений показывает, что «максималистские кампании» — это не что иное, как революции (в том числе национально-освободительные); следовательно, вышеупомянутые работы действительно изучают революции (довольно причудливо обозначенные как «кампании»). В пользу этого говорит и тот факт, что в базе данных Э. Ченовет *NAVCO: Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes* «кампаниями» названы все бесспорные революции с 1900 года — включая российские революции 1905–1907 и 1917 годов, Конституционную революцию в Иране, Синьхайскую революцию в Китае, Мексиканскую революцию 1910–1917 годов и так далее [Chenoweth, Shay 2020]. Таким образом, результаты исследований факторов начала «максималистских кампаний» оказываются вполне релевантны и для нашего анализа одного из факторов революционной дестабилизации. Отметим также, что М. Кадивар и Н. Кечли вполне убедительно показали, что участники большинства т.н. «ненасильственных максималистских кампаний» прибегали к насилию в достаточно серьезных масштабах (здесь можно вспомнить хотя бы Египетскую революцию 2011 года или Украинскую революцию (Евромайдан) 2013–2014 гг., которые Э. Ченовет вполне уверенно квалифицирует именно как «ненасильственные максималистские кампании»), в связи с чем они с полными на то основаниями полагают, что называть такие революционные выступления «ненасильственными» неправильно, предлагая обозначать их как «невооруженные» [Kadivar, Ketchley 2018].

о влиянии выборов на стабильность тех или иных типов режимов и наблюдаемой политической реальностью.

Теоретический аспект влияния выборов на риски революционной дестабилизации в разных политических режимах

В контексте данного исследования в первую очередь необходимо определить, каким образом авторы понимают революцию. Мы пользуемся следующими определениями: «Революция — это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [Голдстоун 2006: 61]. «Революция — это коллективная мобилизация, которая пытается быстро и насильственно свергнуть существующий режим с целью трансформации политических, экономических и символических отношений» [Lawson 2019: 5].

108

Отметим также, что под приведенные определения попадают как победоносные революционные события, так и революционные события, закончившиеся неудачей.

При этом очень важно разделять вооруженные и невооруженные революционные выступления, поскольку, как было убедительно показано к настоящему времени, уровни рисков их начала связаны с действием существенно разных факторов, когда позитивный предиктор вооруженного революционного выступления может оказываться негативным предиктором выступления невооруженного, и наоборот [Устюжанин и др. 2022; Goldstone 2004; Stephan, Chenoweth 2008; Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017; Gleditsch, Rivera 2017; Gleditsch et al. 2021; Beissinger 2022].

Взаимосвязь между выборами и ростом протестной активности и революционных событий изучена гораздо более скудно, чем влияние иных факторов революционной дестабилизации. Отчасти это связано с методологическими трудностями проверки влияния результатов выборов на протестные движения, а отчасти из-за скудной системной спецификации «механизмов связи», соединяющих рутинные политические процессы [Gold, Peña 2019: 325; Wong, Chan 2021]. В то же время современная политическая наука указывает на выборы как на критически важный фактор, который может привести к структурным изменениям и значительным образом повлиять на стабильность тех или иных институциональных конфигураций. Так, отдельные исследователи находили доказательства глобального распространения выборов как триггеров, в первую оче-

редь ненасильственного сопротивления. Однако также существуют исследования, утверждающие, что выборы увеличивают вероятность как мирных, так и насильственных протестов — особенно в развивающихся обществах [Baldwin, Mvukiyeye 2015: 715–16; Beissinger 2022: 100], поскольку выборы побуждают широкие слои населения к активным политическим действиям, особенно это касается случаев массовых фальсификаций результатов выборов [Butcher, Svensson 2016: 313–21].

В современных политологических исследованиях, изучающих влияние выборов на риски возникновения революционных событий, различаются несколько факторов, посредством которых проведение выборов способствует разворачиванию массовых протестов и увеличивает риск революционной дестабилизации.

В первую очередь даже самые «фиктивные» выборы побуждают правящие элиты допускать возможность минимального уровня организации масс «снизу» для формирования предвыборных штабов, агитационных кампаний, сети сторонников и т. д. Помимо этого, выборы подразумевают некую долю политического плюрализма, что позволяет реформаторам, встроенным в политическую систему или даже являющимся частью истеблишмента, выйти из тени и заявить о своих программах или амбициях [Chenoweth, Ulfelder 2017: 309–10]. Таким образом, возникают межэлитные разногласия, являющиеся одним из центральных факторов успешного протеста и предоставляющие одну из наиболее важных возможностей для ненасильственной мобилизации, т. к., согласно концепции Адама Пшеворского, для успешного демократического протеста необходима консолидация (союз) между умеренными лидерами оппозиции и реформаторски настроенной частью элит. В результате на фоне цивилизованной предвыборной кампании лидеры оппозиции, видя готовность элит к сотрудничеству, воздерживаются от крайних методов борьбы, а элиты, отмечая ненасильственный характер оппозиционной деятельности, отказывают в поддержке сторонникам «твердой линии», предлагающим инструмент политических репрессий в качестве разрешения возникшего противоречия [Przeworski 1991: 121].

Иными словами, выборы могут способствовать развитию расколов среди правящих элит, появлению у оппозиции влиятельных союзников, вовлечению в политические процессы новых акторов и широких слоев населения, что способствует развитию протестных кампаний [Beissinger 2022: 93–94]. В то же время можно было бы ожидать, что в более свободных обществах выборы не будут иметь такого же мобилизующего эффекта на население, как в авторитарных режимах, где выборы представляют собой важное централь-

ное событие, вокруг которого можно мобилизовать сторонников для революционной борьбы [Chenoweth, Ulfelder 2017: 310].

Другим немаловажным аспектом выборов является мобилизация широких слоев населения, которые, в особенности в авторитарных странах, зачастую подвержены политическому абсентеизму. Одной из центральных компонентов любого авторитарного режима является фальсификация предпочтений, под влиянием которой индивиды, даже будучи достаточно недовольны, чтобы присоединиться к протестным действиям, уклоняются от публичной манифестации своей позиции, считая, что находятся в меньшинстве, хотя в реальности социально-политическая конфигурация может быть совсем иной [Kuran 1997].

110   Выборы же, в свою очередь, приковывают внимание населения к ранее не интересовавшим его политическим вопросам. Международные наблюдатели, освещение в СМИ, правозащитные организации, предоставляя достоверную информацию о нарушениях избирательных прав граждан, заостряют внимание индивидов на изъянах режима и несправедливых институциональных правилах, чем побуждают тех к более явной артикуляции своих политических претензий в форме уличного протеста. Тем самым, в рамках авторитарных выборов, политические акторы борются не только за власть, но и за правила игры. И даже проиграв выборы, оппозиционные партии нередко обращаются к инструменту массовых протестов, чтобы попытаться добиться изменений в институциональной структуре и уравнять шансы на следующих выборах [Bell, Chernykh 2019: 461–62]. Имели место случаи, когда оппозиция, на фоне зафиксированных процессуальных нарушений или незначительного перевеса у инкумбента, мобилизовала широкие массы населения к участию в протестах для оспаривания выборов, которые на самом деле были ею проиграны [Chernykh, Svolik 2015: 148].

Иными словами, выборы, сигнализируя все большему числу людей об уязвимостях и слабости правительства, а также демонстрируя потенциальную нерешительность правящих элит, могут спровоцировать каскадообразное обрушение фальсификации предпочтений [Kuran 1997], когда все большее число противников режима перейдут от апатии к активным действиям, присоединившись к борьбе против автократа и консолидируя протестные силы [Hafner-Burton, Hyde, Jablonski 2018: 15–18]. Вероятность каскадообразных массовых акций протеста повышается из-за того, что, во-первых, выборы снижают издержки участия в политической борьбе для индивида, во-вторых, вовлечение оппозиционных сил в политическую борьбу против инкумбента размывает основу его поддержки и способствует укреплению уверенности оппозиции в возможности одержать победу [Little, Tucker, LaGatta 2015: 1149].

Таким образом, несмотря на то что автократы на выборах сигнализируют о своей непобедимости, они все же могут столкнуться с угрозой объединения всех недовольных в гражданский протест как во время, так и после окончания выборов [Seeberg 2014: 1271; Baldwin, Mvukiyehe 2015: 721].

Важной составляющей, способствующей развитию протестов в авторитарных государствах, является использование инкубентом электоральных фальсификаций. Согласно множеству исследований, столкнувшись в рамках предвыборной кампании с тем фактом, что его поддержка далеко не так абсолютна, как казалось ранее, автократ вынужден прибегать к двум альтернативам: или попытаться победить в рамках максимально честных и открытых выборов, чтобы никто не мог усомниться в их результате (а в случае поражения уйти в полудобровольную отставку, как генерал Августо Пиночет), или прибегать к механизму фальсификаций результатов выборов [Harvey, Mukherjee 2020: 534-36; Chernykh, Svolik 2015: 409].

Во втором случае высока вероятность возникновения поствыборных протестов, которые происходили в каждой четвертой автократии с конкурентными выборами в период с 1950 по 2010 год [Rød 2019: 12]. Данный факт связан с тем, что фальсификацию выборов во множестве исследований называют триггером и основной движущей силой народных восстаний, в особенности в посткоммунистических государствах [Beissinger 2022: 97]. Так, фальсификация выборов подтверждает порочность режима колеблющимся индивидам и усиливает недовольство тех, кто уже склоняется к участию в политической борьбе. Одновременно информация о фальсификациях решает проблему коллективных действий, объединяя всех недовольных неправомерными действиями властей, независимо от их политических взглядов, этнической или социальной принадлежности [Rød 2019: 12-13]. Иными словами, мошенничество на выборах не только само по себе является значимым фактором дестабилизации авторитарного режима, но и ведет за собой активизацию иных стимулов разворачивания широкой кампании общественного недовольства [Harvey, Mukherjee 2020: 534-40; Hafner-Burton, Hyde, Jablonski 2018: 12].

Важной составляющей предвыборного процесса сегодня является активизация населения в социальных сетях. Во время выборов происходит резкая политизация социальных сетей, что значительно увеличивает риск и интенсивность революционной дестабилизации по причине того, что их главной аудиторией является молодежь — наиболее политически активная часть населения. Для многих молодых людей предвыборная гонка становится первым опытом политизации (особенно если продолжительность авторитарного правления достаточно высока), что накладывает отпечаток

на их дальнейшую политическую самоидентификацию [Bacallao-Piño 2016: 814–20]. Еще одним проявлением массовой коммуникации в социальных сетях в рамках предвыборной кампании является т.н. феномен «виртуальной толпы» — консолидация протестного электората вокруг единой структуры, накопление сил, кооптация новых сторонников и их дальнейшая активизация на улицах. Подобный феномен наблюдался в рамках протестов в Белоруссии в 2020 году [Esiiev 2021: 2].

Помимо прочего, основным компонентом даже наименее конкурентных выборов является эмоциональная вовлеченность избирателей в предвыборную гонку. Согласно множеству исследований, для успешного разворачивания протестных акций необходимо в том числе возникновение, с одной стороны, «эмоций приближения», таких как солидарность, с идеологическими союзниками и протестующими, а с другой, «эмоций отчуждения» — гнева или страха, побуждающих индивидов участвовать как в голосовании, так и в протестах. При этом гнев рассматривается как основной мотиватор участия в протестах [Aytaç, Stokes 2018]. Оскорбительные действия со стороны властей (такие как манипуляции, фальсификации выборов и другие злоупотребления) в отношении больших групп граждан приводят к их большей эмоциональной вовлеченности в разворачивающиеся политические события; особенно это касается протестных акций, которые дают наилучшую возможность реализации накопленного гнева [Harvey, Mukherjee 2020]. Государственные репрессии в ответ на предвыборные успехи оппозиции, такие как лишение свободы по политическим мотивам, похищения оппозиционных лидеров или видных активистов, также приводят к росту раздражения среди населения и повышают его готовность к участию в массовых акциях [Bell, Chernykh 2019]. Также граждане становятся более агрессивными, когда видят, что реальные результаты инкумбента отличаются от декларируемых [Little, Tucker, LaGatta 2015]. Помимо этого, выборы обостряют чувство гражданской ответственности за политическое будущее своей страны и убеждают индивидов в важности, необходимости и желательности политического участия, вследствие чего возникает «воронка вовлеченности» в результате участия в избирательном процессе до протестных кампаний и в особенно острых конфликтах — революционных действиях.

Также важным сопутствующим компонентом выборов, который увеличивает вероятность протестов, массовых акций недовольства, революций и т.п. политических конфликтов, является тот факт, что выборы способствуют увеличению заметности оппозиции, стимулированию формирования гражданских объединений, прививанию гражданам демократических норм, способствуют появлению у оппозиции опыта ведения политической борьбы (независимо от успеха

в день голосования), появлению на политической сцене компетентных и амбициозных политических лидеров, способных объединять вокруг себя людей для массовых акций, развитию локальных сообществ и малых объединений, которые являются «кирпичиками» как гражданского общества, так и демократии в целом [Seeberg 2014: 1267; Beissinger 2022: 127–28; Baldwin, Mvukiyehe 2015: 692–93].

Другим значимым последствием предвыборных кампаний является возникновение избирательных штабов оппозиционных кандидатов, которые становятся, с одной стороны, «точкой сборки» для недовольных текущим политическим режимом индивидов, а с другой — разными путями способствуют увеличению вероятности возникновения революционных протестных акций. Так, как правило, избирательные штабы производят параллельно официальным каналам коммуникации инкумбента кампании по информированию населения, содействуя развитию политической культуры индивидов, придают недовольным бóльшую уверенность в своих силах, организуют кампании по наблюдению за выборами, что приводит к раскрытию фактов фальсификаций и мошенничества и еще больше повышает вероятность поствыборных протестов, координируют действия своих сторонников, проводят социологические опросы, разрушающие миф о всенародной поддержке автократа, и принимают непосредственное участие в организации массовых выступлений [Little, Tucker, LaGatta 2015: 1144; Bacallao-Pino 2016: 830].

113

Помимо этого, важной составляющей, способствующей развитию протестов и революционных акций в год выборов, являются попытки дисквалификации популярных оппозиционных кандидатов, которые представляют наибольшую опасность для автократа [Esiev 2021]. Подобного рода действия воспринимаются обществом как проявление нечестной политической конкуренции и еще больше обостряют противоречия между властью и гражданами, подталкивая тех к выражению своей политической воли на улицах, при отсутствии возможности выразить ее в рамках голосования [Yana, Matti 2019].

Демократические режимы, в свою очередь, также подвержены рискам революционной дестабилизации в годы выборов; особенно разворачиванию широкой политической конфронтации подвержены переходные демократии с несложившейся институциональной структурой (когда суды, избирательные комиссии, глава государства и другие органы власти не являются полностью политически беспристрастными), анократии, нелиберальные демократии и так далее [Chernykh, Svolik 2015: 409; Walter 2022; Estes-Pérez 2021].

Таким образом, в год выборов значительно повышается вероятность разворачивания широкомасштабных протестов по при-

чине того, что в выборный период обостряется множество проблем и институциональных изъянов авторитарного режима, что значительно ослабляет его политическую резистентность кампаниям общественного давления [Brancati 2016: 80]. Выборы тем самым аккумулируют не только максимальное число недовольных общественных групп, но и способствуют информированию индивидов о наиболее уязвимых точках авторитарного режима — коррупции, несправедливости, фальсификациях, наличии фальсификации предпочтений, замалчивании большинства проблем, скрытом недовольстве [Kselman, Niou 2011: 397-400; Estes-Pérez 2021]. Иными словами, выборы в разрезе влияния на вероятность роста риска революционной дестабилизации и разворачивания массовых протестов обладают кумулятивным эффектом, в результате чего одни факторы и обстоятельства (а также долгосрочные и краткосрочные движущие силы революций) накладываются друг на друга [Yana, Matti 2019: 4; Bacallao-Pino 2016: 815; Molina 2002: 220].

На основании вышесказанного авторы формулируют следующие гипотезы:

114

- Н1: Вероятность революционных выступлений повышается в год выборов.
- Н2: Вероятность ненасильственных революционных выступлений в год выборов выше, чем насильственных.
- Н3: Вероятность революционных выступлений в год выборов в фракциональных демократиях и переходных режимах больше, чем в полных автократиях.

Эмпирический анализ

Авторы данной статьи предполагают следующий дизайн исследования — использование логистической регрессии для редких событий (Rare Events Logistic Regression), где зависимая переменная — наличие революционного эпизода в стране (на панельных данных), а предиктор — наличие выборов в этот год [Firth 1993]. Указанный подход позволяет выполнять статистические расчеты по таким зависимым переменным, как революционные выступления, которые происходят крайне редко, из-за чего суммарная выборка на панельных данных существенно смещается, так как в большинстве наблюдений революционных ситуаций не наблюдается [Kosmidis, Firth 2021].

Для анализа мы используем информацию, предоставляемую базой данных *Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO) 1.3* [Chenoweth, Shay 2020], которая идентифицирует 622 революционных выступления/«кампаний», происходивших с 1900 по 2019

год. Она описывает революционные выступления по целям, продолжительности, успеху или неудаче и, что важно для нас, по методам — вооруженным и невооруженным. Именно последняя классификация — было ли революционное выступление/«кампания» вооруженной или нет — будет взята нами в качестве основы для создания двух зависимых переменных. Так, первой зависимой переменной будет наличие вооруженного революционного выступления за определенный год в конкретной стране, когда «1» — произошло вооруженное революционное выступление, а «0» — или отсутствие любого события, или невооруженное выступление. Вторая зависимая переменная — наличие невооруженного революционного выступления, которое получено тем же образом, однако «1» свидетельствует о невооруженном характере события. Дополнительная кросс-валидация проводилась по нашей собственной базе данных революционных событий [Коротаев и др. 2022; Grinin, Grinin 2022].

В результате анализа таблицы сопряженности мы можем заключить, что существует статистически значимая взаимосвязь между революционными событиями и выборами, проходящими в этот год (см. табл. 1).

Таблица 1. Таблица сопряженности между революционными событиями и выборами

Table 1. Table of contingencies between revolutionary events and elections

			Год выборов		Всего
			Нет	Есть	
Революционное событие	Нет	Количество	5921	1948	7869
		Ожидаемое количество	5905,7	1963,3	7869,0
		%	75,2	24,8	100,0
	Есть	Количество	92	51	143
		Ожидаемое количество	107,3	35,7	143,0
		%	64,3	35,7	100,0

Хи-квадрат Пирсона равен 8,926, p-value = 0,003**

Применение логистической регрессии с редкими событиями к указанному данным показывает, что выборы являются статистически значимым предиктором революционных событий вообще и ненасильственных протестов в частности (см. табл. 2).

Таблица 2. Соотношение между выборами и рисками революционной дестабилизации: Логистическая регрессия с редкими событиями (Rare events logistic regression)

Table 2. Correlation between elections and risks of revolutionary destabilization: Rare events logistic regression

	Революционное событие	Вооруженное революционное выступление	Невооруженное революционное выступление
Константа	-4,15*** (0,1)	-3,85*** (0,09)	-3,85*** (0,09)
Выборы	0,52** (0,17)	-0,19 (0,19)	0,42** (0,15)
AIC	1430	1565	1781

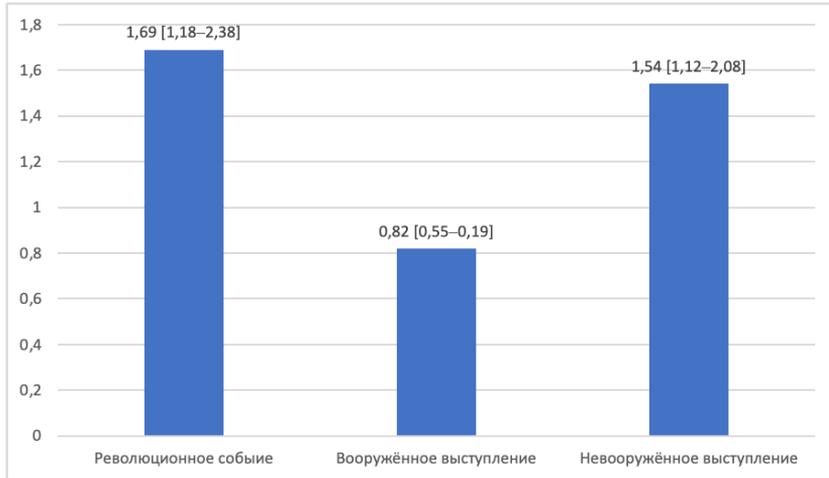
Стандартные ошибки расположены в скобках.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

При этом, согласно рассчитанному отношению шансов революционной дестабилизации в зависимости от проведения в тот же год выборов, выборы в наибольшей степени провоцируют наступление революционных событий как таковых и ненасильственных протестных акций. В то же время проведение выборов снижает вероятность насильственных восстаний (см. рис. 1). Данный результат совпадает с выводами предыдущих исследований, касательно влияния выборов на разные типы революционных событий [Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017].

Что касается влияния выборов на риски революционной дестабилизации в режимном контексте, то в данном случае авторы используют типологию Дж. Голдстоуна [Goldstone et al. 2010: 196]. Данный подход выделяет пять типов политических режимов на основе двух показателей базы данных Polity — EXREC (Executive Recruitment: «Способ прихода к власти главы государства») и PARCOMP (Competi-

tiveness of Political Participation: «Соревновательность политического участия») с использованием схемы, представленной в следующей таблице (см. табл. 3).

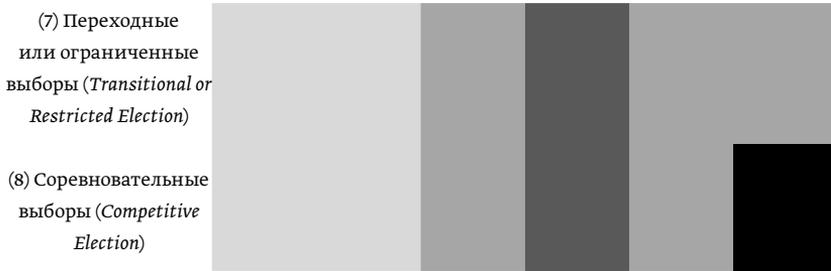
Рисунок 1. Результаты бинарной логистической регрессии на риск революционной дестабилизации для разных типов протестных акций (отношение шансов)

Figure 1. Results of binary logistic regression on the risk of revolutionary destabilization for different types of protest actions (odds ratio)

В результате расчета отношения шансов для возникновения риска разного рода революционных событий в зависимости от проведения выборов в тех или иных политических режимах были получены следующие результаты. Как мы можем убедиться, выборы снижают риски возникновения вооруженных восстаний во всех режимах, кроме фракциональных демократий (анократий) и увеличивают риск возникновения невооруженных выступлений во всех типах режима (см. рис. 2, 3). Базовым категорием при этом является отсутствие выборов. Под анократиями понимаются промежуточные типы режима, находящиеся между полными автократиями и полными демократиями: частичные автократии, фракциональные демократии и частичные демократии. Напомним, что фракциональная демократия — это такая демократия, когда размежевание политических сил идет не по линиям типа «правые — левые» или «либералы — консерваторы», а по таким линиям, как «сунниты — шииты», «последователи клана Салехов — последователи клана Ахмаров» и т. д. [Korotayev, Vaskin, Romanov 2021; Коротаев и др. 2019].

Таблица 3. Схема определения типа режима по Дж. Голдстоуну
 [Goldstone et al. 2010: 196]
 Table 3. Scheme for determining the type of regime according to J. Goldstone
 [Goldstone et al. 2010: 196]

Соревновательность политического участия (PARCOMP: Competitiveness of Political Participation)	
Способ прихода к власти главы государства (EXEC: Executive Recruitment)	Полностью подавляется (Repressed) (1) Подавляется/ограничивается (Suppressed) (2) Не регулируется (Unregulated) (0) Фракционная (Factional) (3) Промежуточная (Transitional) (4) Полностью соревновательная (Competitive) (5)
(1) Аскрипция (по праву рождения, <i>Ascription</i>)	
(2) Сочетание аскрипции и назначения (<i>Ascription + Designation</i>)	
(3) Назначение (через неформальное соревнование среди элиты, <i>Designation: Informal competition within an elite</i>)	
(4) Самоназначение (через захват власти, <i>Self-selection by seizure of power</i>)	
(5) Переходный от самоназначения (<i>Gradual Transition from Self-Selection</i>)	
(6) Сочетание аскрипции и выборов (<i>Ascription + Election</i>)	

Условные обозначения к Табл. 3
Legend to Tab. 3

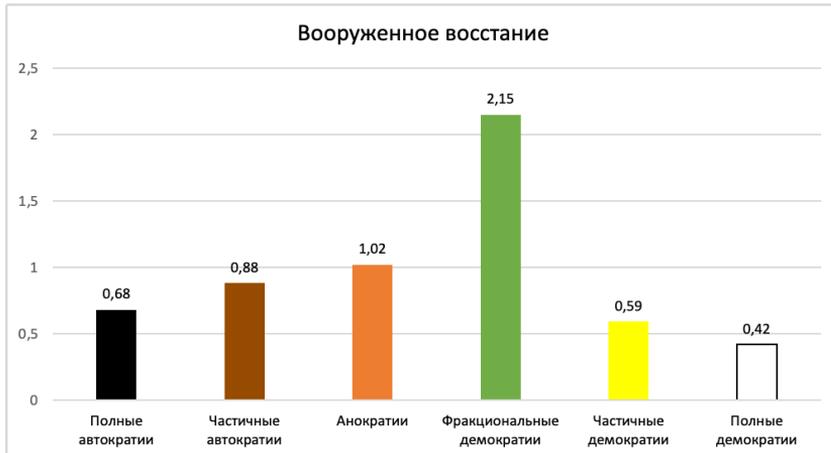
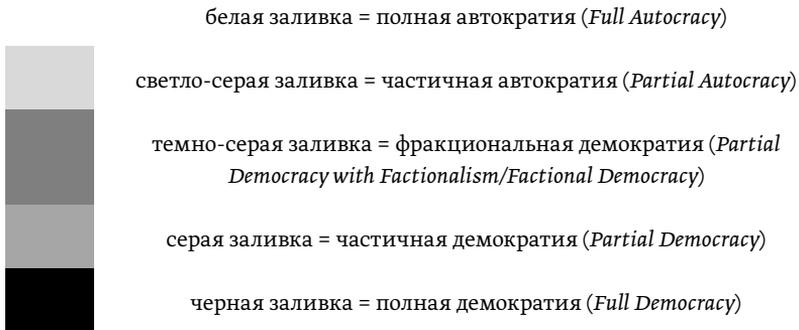
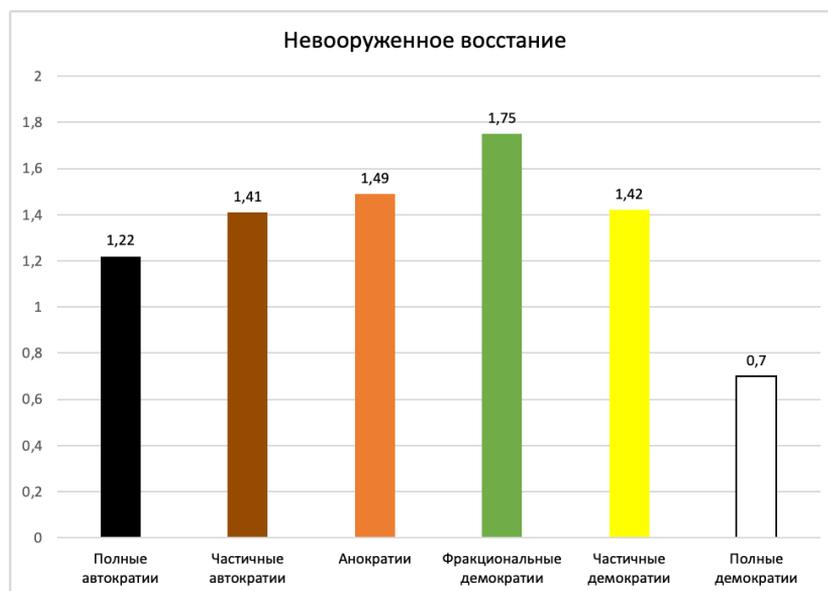

Рисунок 2. Результаты бинарной логистической регрессии на риск революционной дестабилизации для разных типов протестных акций (отношение шансов).

Figure 2. Results of binary logistic regression on the risk of revolutionary destabilization for different types of protest actions (odds ratio).

120

Рисунок 3. Результаты бинарной логистической регрессии на риск революционной дестабилизации для разных типов протестных акций (отношение шансов).

Figure 3. Results of binary logistic regression on the risk of revolutionary destabilization for different types of protest actions (odds ratio).

Анализ результатов логистической регрессии, в свою очередь, подтверждают данные рисунков 2 и 3 о том, что проведение выборов повышает вероятность возникновения вооруженных восстаний во фракциональных демократиях (см. табл. 4).

Таблица 4. Соотношение между выборами и рисками революционной дестабилизации в разных типах режима: Логистическая регрессия с редкими событиями (Rare events logistic regression)

	Революционные события	Революционные события	Невооруженные восстания	Вооруженные восстания
Константа	-4,71	-4,73	-4,06***	-4,02***
	(0,16)	(0,17)	(0,12)	(0,12)

Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации...

Выборы	0,57**	0,66	0,29	-0,25
	(0,2)	(0,35)	(0,29)	(0,36)
Частичная автократия	1,2***	1,24***	0,4	0,44*
	(0,21)	(0,24)	(0,22)	(0,21)
Фракционная демократия	0,84***	0,93***	0,53**	-0,74*
	(0,22)	(0,25)	(0,2)	(0,31)
Частичная демократия	1,38***	1,39***	0,68**	0,33
	(0,23)	(0,24)	(0,21)	(0,23)
Полная демократия	-1,63***	-1,81**	-1,6***	-2,52***
	(0,49)	(0,65)	(0,42)	(0,64)
выборы* Частичная автократия		0,06	0,56	0,1
		(0,5)	(0,46)	(0,62)
выборы* Фракционная демократия		-0,34	-0,18	1,33*
		(0,5)	(0,45)	(0,58)
выборы* Частичная демократия	-1,05*	-1,14*	0,31	-0,08
	(0,5)	(0,58)	(0,43)	(0,63)
выборы* Полная демократия		0,62	-13,1	-0,06

		(0,96)	(298)	(0,09)
Количество наблюдений	7566	7566	7602	7602
AIC	1711	1716	2135	1617

Стандартные ошибки расположены в скобках.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Выводы

Таким образом, проведение выборов в целом является значимым предиктором революционной дестабилизации, однако при детальном рассмотрении видна асимметрия влияния выборов на вероятность возникновения разных типов революционных событий — вооруженных или невооруженных. При этом для консолидированных демократий проведение выборов является фактором скорее ингибирующим, чем провоцирующим революционную дестабилизацию. Выборы повышают риск невооруженных революционных выступлений в авторитарных и в особенности переходных режимах.

Значительная асимметрия влияния выборов на риски разворачивания революционных процессов проявляется как в рамках характера этих процессов (насильственные/ненасильственные), так и в контексте типа режима. Так, выборы снижают риск вооруженных восстаний, являясь своего рода политическим амортизатором — способствуя большему гражданскому воспитанию населения, развивая политическую культуру и прививая индивидам склонность к цивилизованным методам политической борьбы во всех типах режима, кроме фракциональной демократии. В то же время невооруженные революционные выступления более вероятны в год проведения выборов во всех типах режима, кроме полных демократий. При этом сильнее всего проведение выборов повышает риски невооруженных революционных выступлений в промежуточных режимах/анократиях. Однако и среди анократий выделяются фракциональные демократии, где в год выборов риски невооруженных (как, впрочем, и вооруженных) революционных конфликтов возрастают значительно больше, чем и в частичных автократиях, и в частичных нефракциональных демократиях¹.

1 Это служит неплохим подтверждением некоторых предыдущих исследований, показавших, что фракциональные демократии являются ти-

Библиография / References

Голдстоун Д. (2006) К теории революции четвертого поколения. *Логос*, 56 (6): 58–103.

— Goldstone D. (2006) Toward a Fourth Generation Theory of Revolution. *Logos*, 56(6): 58–103. — in Russ.

Жданов А. И. (2020) Угрозы деконсолидации либеральной демократии: определение магистрального пути эрозии демократического режима на примере Соединенных Штатов Америки. *История и современность*, 38 (4): 62–71.

— Zhdanov A. I. (2020) Threats to the Deconsolidation of Liberal Democracy: Identifying the Main Path to Democratic Regime Erosion in the Case of the United States of America. *History and Modernity*, 38 (4): 62–71. — in Russ.

Есиев Э. Т. (2021) Интернет-технологии политической мобилизации в белорусских протестах на предвыборном этапе. *Вестник Московского государственного областного университета*, (2): 23–37.

— Esiev E. T. (2021) Internet technologies of political mobilization in Belarusian protests at the pre-election stage. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, (2): 23–37. — in Russ.

Коротаев А., Васькин И., Романов Д. (2019) Демократия и терроризм: новый взгляд на старую проблему. *Социологическое обозрение*, 18 (3): 9–48.

— Korotayev A., Vaskin I., Romanov D. (2019) Democracy and terrorism: a re-analysis. *Russian Sociological Review*, 18(3): 9–48. — in Russ.

Коротаев А., Гринин Л., Медведев И., Слав М. (2022) Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке. *Социологическое обозрение*, 21 (4): 9–65.

— Korotayev A., Grinin L., Medvedev I., Slav M. (2022) Types of political regimes and risks of revolutionary destabilization in the 21st century. *Russian Sociological Review*, 21 (4): 9–65. — in Russ.

Устюжанин В. В., Гринин Л. Е., Медведев И. А., Коротаев А. В. (2022) Образование и революции (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?). *Журнал политической философии и социологии политики «Политея»*, 104 (1): 50–71.

— Ustyuzhanin V. V., Grinin L. E., Medvedev I. A., Korotayev A. V. (2022) «Education and Revolutions (Why Do Some Revolutions Take up Arms while Others Do Not?)». *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics “Politeia”*, 104 (1): 50–71. — in Russ.

пом режима, наиболее подверженным дестабилизации [Goldstone et al. 2010; Slinko et al. 2017; Korotayev, Vaskin, Romanov 2021; Коротаев и др. 2019].

Ackerman P., Christopher K. (1994) Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century. *Choice Reviews Online*, 31 (09): 725–726.

Aytaç S. E., Susan C. S. (2018) *Why Bother?: Rethinking Participation in Elections and Protests*, Cambridge: Cambridge University Press.

Bacallao-Pino L. M. (2016) Redes sociales, acción colectiva y elecciones: los usos de Facebook por el movimiento estudiantil chileno durante la campaña electoral de 2013. *Palabra Clave — Revista de Comunicación*, 19 (3): 810–37.

Baldwin K., Mvukiyehe E. (2015) Elections and Collective Action: Evidence from Changes in Traditional Institutions in Liberia. *World Politics*, 67 (4): 690–725.

Beissinger M. R. (2022) *The revolutionary city: urbanization and the global transformation of rebellion*, Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Bell S. R., Chernykh S. (2019) Human Rights Violations and Post-Election Protest. *Political Research Quarterly*, 72 (2): 460–72.

Brancati D. (2016) *Democracy Protests: Origins, Features, and Significance*, Cambridge: Cambridge University Press.

Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 60 (2): 311–39.

Chenoweth E., Ulfelder J. (2017) Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution*, 61 (2): 298–324.

Chenoweth E., Shay C. (2020) List of Campaigns in NAVCO 1.3. Harvard Dataverse. 07 May 2022. <https://doi.org/10.7910/DVN/ON9XND>

Chernykh S., Svolik M. W. (2015) Third-Party Actors and the Success of Democracy: How Electoral Commissions, Courts, and Observers Shape Incentives for Electoral Manipulation and Post-Election Protests. *The Journal of Politics*, 77 (2): 407–20.

Esteso-Pérez A. (2021) Illiberalism, revolution and the 2016 Macedonian elections: The effects of social movements on electoral accountability. *Intersections*, 7 (4): 32–51.

Firth D. (1993) Bias Reduction of Maximum Likelihood Estimates. *Biometrika*, 80 (1): 27–38.

Foa R. S., Mounk Y. (2016) The Democratic Disconnect. *Journal of Democracy*, 27 (3): 5–17.

Gleditsch K., Dahl M., Gates S., González B. (2021) Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics. *The Economics of Peace and Security Journal*, 16 (1): 1–49.

Gleditsch K., Rivera M. (2017) The Diffusion of Nonviolent Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 61 (5): 1120–1145.

Gold T., Peña A. M. (2019) Protests, Signaling, and Elections: Conceptualizing Opposition-Movement Interactions during Argentina's Anti-Government Protests (2012–2013). *Social Movement Studies*, 18 (3): 324–45.

- Goldstone J. (2004) More Social Movements or Fewer? Beyond Political Opportunity Structures to Relational Fields. *Theory and Society*, 33 (3/4): 333–365.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science*, 54 (1): 190–208.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022) Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events // Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (Eds.) Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer. P. 1–34.
- Gorokhovskaia Y., Dollbaum M. J. (2019) Russian Regional Elections. *Russian analytical digest*, (239): 1–12.
- Grinin L., Grinin A. (2022) Revolutionary waves and lines of the 20th century // Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (eds.) Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer. P. 315–388.
- Hafner-Burton E. M., Hyde S. D., Jablonski R. S. (2018) Surviving Elections: Election Violence, Incumbent Victory and Post-Election Repercussions. *British Journal of Political Science*, 48 (2): 459–88.
- Harvey C. J., Mukherjee P. (2020) *Methods of Election Manipulation and the Likelihood of Post-Election Protest Government and Opposition*, 55 (4): 534–56.
- Howard M. M., Roessler P. G. (2006) Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes. *American Journal of Political Science*, 50 (2): 365–381.
- Kadivar M. A., Ketchley N. (2018) Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, (4): 1–16.
- Korotayev A., Vaskin I. & Romanov D. (2021) Terrorism and Democracy: A Reconsideration. *Comparative Sociology*, 20(3): 344–379.
- Kosmidis I., Firth D. (2021) Jeffreys–Prior Penalty, Finiteness and Shrinkage in Binomial-Response Generalized Linear Models. *Biometrika*, 108 (1): 71–82.
- Kselman D., Emerson N. (2011) Protest Voting in Plurality Elections: A Theory of Voter Signaling. *Public Choice*, 148 (3–4): 395–418.
- Kuran T. (1997) *Private Truths, Public Lies: The Social Consequences of Preference Falsification*, Cambridge (Mass.): Harvard university press.
- Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lindberg S. (2007) Democracy and Elections in Africa. *Choice Reviews Online*, 44 (11): 606–608.
- Lindberg S. I. (2009) *Democratization by elections: a new mode of transition*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Little A. T., Joshua A. T., LaGatta T. (2015) Elections, Protest, and Alternation of Power. *The Journal of Politics*, 77 (4): 1142–1156.
- Lust E. (2009) Competitive Clientelism in the Middle East. *Journal of Democracy*, 20 (3): 122–35.

Magaloni B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*, Cambridge: Cambridge University Press.

Marshall M. G., Gurr T. R., Jagers K. (2021) *Polity5 Project: Polity5 Annual Time-Series, 1946–2018*, Vienna, VA: Center for Systemic Peace. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p5v2018.xls>

Molina V., José E. (2002) The Presidential and Parliamentary Elections of the Bolivarian Revolution in Venezuela: Change and Continuity (1998–2000). *Bulletin of Latin American Research*, 21 (2): 219–247.

Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*, Cambridge: Cambridge University Press.

Oberhauser A. M., Krier D., Kusow A. M. (2019) Political Moderation and Polarization in the Heartland: Economics, Rurality, and Social Identity in the 2016 U. S. Presidential Election. *The Sociological Quarterly*, 60 (2): 224–44.

Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*, Cambridge: Cambridge University Press.

Reuter O. J. (2017) *The Origins of Dominant Parties: Building Authoritarian Institutions in Post-Soviet Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.

Rød E. G. (2019) Fraud, Grievances, and Post-Election Protests in Competitive Authoritarian Regimes. *Electoral Studies*, (58): 12–20.

Seeberg M. B. (2014) State Capacity and the Paradox of Authoritarian Elections. *Democratization*, 21 (7): 1265–1285.

Shin D. C. (2018) The Deconsolidation of Liberal Democracy in Korea: Exploring its Cultural Roots. *Korea Observer — Institute of Korean Studies*, 49 (1): 107–36.

Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. (2017) Regime type and political destabilization in cross-national perspective: a re-analysis. *Cross-Cultural Research*, 51(1): 26–50.

Smyth R. (2020) *Elections, Protest, and Authoritarian Regime Stability: Russia 2008–2020*, Cambridge: Cambridge University Press.

Stephan M. J., Chenoweth E. (2008) Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. *International Security*, 33 (1): 7–44.

Walter B. F. (2022) *How civil wars start*. New York: Crown.

Wong S. H-W., Chun-Man Chan K. (2021) The Impact of Pre-Election Protests in Electoral Autocracies: The Case of Hong Kong's Anti-ELAB Movement. *Issues & Studies*, 57 (03): 1–21.

Zhdanov A., Korotayev A. (2022) Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States. *Cliodynamics*, 13: 1–34.

Рекомендация для цитирования:

Жданов А. И., Коротаев А. В. (2022) Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социология власти*, 34 (3-4): 102-127.

For citations:

Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2022) Elections, Regime Type and Risks of Revolutionary Destabilization: Quantitative Experience. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 102-127.

Поступила в редакцию: 04.07.2022; принята в печать: 20.08.2022

Received: 04.07.2022; Accepted for publication: 20.08.2022

АНДРЕЙ В. ШЕВЧУК¹

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6287-4617

Труд и власть в российской модели платформенного капитализма

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-128-155

Резюме:

По мере диджитализации экономики и общества в мире появляются различные вариации «платформенного капитализма». В статье представлена первая попытка критического осмысления модели «гиг-экономики», которая складывается в современной России. Проблематизируя нарративы, доминирующие в зарубежных исследованиях платформенной занятости, автор демонстрирует укорененность процессов платформизации в сложившейся хозяйственной системе. В отличие от стран с развитой рыночной экономикой, «трудовые платформы» в России являются частью гигантских платформенных экосистем, контролируемых олигархическим бизнесом и государством, которое в ходе «ползучей национализации» усиливает свое влияние через структуры собственности и управления. В ключевых секторах платформенной занятости формируются квазимонополии с доминированием одной компании. В условиях геополитической напряженности завершается процесс «суверенизации» и замыкания платформенной экономики. Осуществив успешную платформизацию неформальных рынков труда в некоторых секторах, платформы становятся инструментом легализации занятости в руках государства, движимого преимущественно фискальными интересами. В России формируется либеральная модель регулирования гиг-экономики на основе правового закрепления категории самозанятых при отсутствии должного внимания к трудовым правам и социальной защите работников. В условиях укрепления авторитарного характера госу-

128

---

1 Шевчук Андрей Вячеславович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ). Научные интересы: экономическая социология, социология труда и занятости, социология хозяйственного развития, сравнительный анализ хозяйственных систем. E-mail: shevchuk@hse.ru

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments: The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

дарственной власти возможности самоорганизации и коллективного отстаивания интересов платформенных работников блокируются. Автор делает вывод, что в российской модели «платформенного капитализма» государство вступает в альянс с крупным капиталом и потребителями против труда: государство усиливает контроль за экономикой и налоговыми поступлениями, крупные платформенные компании с меньшими издержками используют рабочую силу, а потребители получают дешевые услуги посредством удобных цифровых сервисов. Автор призывает интегрировать проблематику платформенного капитализма в более широкие дискуссии о российской модели социально-экономического развития.

Ключевые слова: социология труда, цифровые платформы, гиг-экономика, неформальная занятость, самозанятость, профсоюзы, модели капитализма, российская экономика

Andrey V. Shevchuk¹

HSE, Moscow, Russia

Labor and Power in the Russian Model of Platform Capitalism

Abstract:

With the digitalization of the economy and society, varieties of “platform capitalism” appeared in the world. The article presents the first attempt at a critical understanding of the “gig economy” model that is taking shape in contemporary Russia. By problematizing the narratives that dominate foreign studies of platform employment, the author shows the embeddedness of platformization in the current economic system. Unlike countries with a developed market economy, labor platforms in Russia are part of giant platform ecosystems controlled by oligarchic businesses and the state, which, in the course of “creeping nationalization”, increases its influence through ownership and management structures. In key sectors of platform employment, quasi-monopolies are formed with the dominance of one company. In the context of geopolitical tensions, the process of “sovereignization” and the closure of the platform economy is being completed. Having successfully platformized informal labor markets in some sectors, platforms are becoming a tool for the legalization of employment in the hands of the state, driven primarily by fiscal interests. In Russia, a neoliberal model of regulation of the gig economy is being formed based on the legal introduction of the category of ‘self-employed’ in the absence of due attention to labor rights and the social protection of workers. With the strengthening of the authoritarian nature of the state, the possibilities of self-organiza-

129

1 Andrey V. Shevchuk — Associate Professor, Department of Economic Sociology, Higher School of Economics; Senior Researcher, Laboratory of Economic and Sociological Research (LESI). Research interests: economic sociology, sociology of work and employment, sociology of economic development, comparative political economy. E-mail: shevchuk@hse.ru

tion and collective defense of the interests of platform workers are blocked. The author concludes that in the Russian model of “platform capitalism”, the state enters an alliance with big capital and consumers against labor: the state strengthens control over the economy and tax revenues, large platform companies use labor at lower costs, and consumers receive cheap services through convenient digital services. The author calls for an integration of the issues of platform capitalism into broader discussions about the Russian model of socio-economic development.

Keywords: sociology of work, digital platforms, gig economy, informal employment, self-employment, trade unions, models of capitalism, Russian economy

Введение

130 «Платформенная экономика» [Kenney, Zysman 2016] или «платформенный капитализм» [Срничек 2019; Boyer 2022] все чаще обсуждаются как качественно новый этап социально-экономического развития, в том числе в связи с трансформацией занятости и трудовых отношений [Rani et al. 2021]. Цифровые платформы, способные координировать труд множества отдельных работников, рассредоточенных в пространстве и времени, представляют собой новый способ хозяйственной организации [Vallas, Schor 2020; Старк, Паис 2021]. Расширяющиеся масштабы и формы платформенной занятости формируют так называемую гиг-экономику (gig economy) — экономику разовой работы по требованию (on-demand) и по вызову (on-call) посредством веб-сайтов и мобильных приложений [Woodcock, Graham 2020]. Эта работа может осуществляться как удаленно в онлайн-среде (информационные и творческие услуги), так и в привычных физических пространствах (такси, курьерская доставка, личные услуги), а модели платформ варьируются от «трудовых маркетплейсов» до «теневых корпораций» [Шевчук 2020].

Дефицит базовой информации породил спрос на описательные исследования, отвечающие на вопросы о масштабах платформенной занятости, социально-демографических и профессиональных характеристиках работников, а также основных параметрах их занятости [Pesole et al. 2018; Hall, Krueger 2018; Piasna, Zwysen, Dragkoupi 2022; Rani et al. 2021]. Социологи сконцентрировались на трудовом опыте платформенных работников, особенно в связи с вопросами алгоритмического управления [Wood et al. 2019; Шевчук и др. 2021; Rosenblat, Stark 2016]. Специалисты в области права обсуждают проблемный юридический статус платформенных работников, а также способы их интеграции в систему трудовых и социальных гарантий [Prassl, Risak 2017; De Stefano 2015; Лютов, Войтковская 2020; Чесалина 2022]. Повышается внимание к вопро-

сам коллективного представительства интересов платформенных работников, формам коллективного действия и роли профсоюзов [Johnston, Land-Kazlauskas 2019; Bessa, Joyce 2022; Lei 2021]. Проводятся исследования отдельных секторов гиг-экономики: таксомоторных перевозок [Rosenblat 2018], курьерской доставки [Cant 2019], удаленной работы фрилансеров [Стребков, Шевчук 2022], микро-работы [Ivani 2015], личных и бытовых услуг [McDonald, Williams, Mayes 2021].

Следующим логичным шагом является осмысление платформенной занятости на макроуровне в связи с ее укорененностью в различных социально-экономических системах. Развивая широкий пласт литературы о «многообразии моделей капитализма» (*varieties of capitalism*) [Шевчук 2008], можно говорить о формировании различных моделей «платформенного капитализма». Этот подход уже намечен в ряде работ, выполненных в духе сравнительной политической экономии и институционализма, выполненных на материале стран с развитой рыночной экономикой [Boyer 2022; Thelen 2018; Uzunca, Rigtering, Ozcan 2018]. В данной статье мы попытаемся наметить контуры подобного анализа применительно к России.

131

По данным Центра стратегических разработок (ЦСР), общее число платформенных работников в России составляет от 2 до 5 млн человек, или 2,6–6,6% экономически активного населения¹. Согласно оценкам Института социальной политики НИУ ВШЭ, в 2022 году в России начитывается порядка 1,7 млн работников, указавших платформы в качестве своей основной занятости, и до 15,5 млн человек, задействованных в формате эпизодических или регулярных подработок на платформах [Синявская и др. 2022]. По подсчетам Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИ-ЭЗ) НИУ ВШЭ на основе выборочного обследования рабочей силы Росстата, к практикам платформенной занятости прибегает хотя бы раз в неделю около 5% всех занятых (3,7 млн человек)². В целом это укладывается в общемировые тенденции: в большинстве стран платформенная занятость, несмотря на поступательный рост, все еще имеет относительно скромные масштабы [Piasna, Zwysen, Drahočovič 2022]. Тем не менее платформенная экономика находится в центре общественных и научных дискуссий, так как представляет собой новую модель, бросающую вызов сложившимся механизмам организации и регулирования рынков и несущую риски нормализации неустойчивой прекарной занятости [Woodcock, Graham 2020].

1 <https://www.kommersant.ru/doc/5009303>

2 <https://issek.hse.ru/news/797813349.html>

В статье представлена первая попытка критического осмысления модели платформенной занятости, формирующейся в современной России. Речь идет о концептуализации и теоретическом осмыслении происходящих процессов, когда мы в первом приближении, крупными мазками стараемся обрисовать общие контуры и структурные условия, уловить качества и характерные черты, определить тренды и возможные траектории развития. Это полемический текст, призванный инициировать дискуссию не только о частных проблемах платформенной занятости, но об общей модели платформенного капитализма в России. В этом отношении наши рассуждения вписываются в более широкие дебаты о российской хозяйственной модели вообще [Кордонский 2007; Бессонова 2006; Глинкина 2017; Кирдина 2014; Косалс 2006; Яковлев 2021; Szelényi, Mihályi 2019]¹. При этом статья не замыкается исключительно на российской действительности, но и ставит общетеоретические вопросы, проблематизирует нарративы, которые доминируют в зарубежных исследованиях платформенной занятости, подвергает сомнению универсализм многих процессов. Работа выполнена в духе политэкономического подхода, для которого ключевой является категория власти, охватывающая способности реализовывать свои интересы, навязывать свою волю другим акторам, утверждать правила игры и воспроизводить свои преимущества [Флигстин, Фогел 2021]. Работа основана на анализе открытых источников и научной литературы, многолетнем наблюдении за рынком и собственных эмпирических исследованиях различных сегментов платформенной занятости в России.

Государственный капитализм платформ

В странах с развитой рыночной экономикой растет озабоченность расширяющейся властью платформенных компаний. Указывается на то, что платформы представляют собой монополии нового типа [Rahman, Thelen 2019], которые контролируют социально значимую инфраструктуру [Plantin et al. 2018], «приватизируют» целые рынки и выступают как «частный регулятор» [Boudreau, Nagiu 2009], подменяя собой государство [Lehdonvirta 2022]². Зачастую платформенные компании выступают в качестве «институциональных», или «регуляторных предпринимателей» (*regulatory entrepreneurs*), не просто

1 Непосредственное обсуждение этих концепций не входит в наши задачи.

2 По оценкам, в США около 70% всей сферы услуг (более 5,2 млн предприятий) находится в зоне влияния одной или нескольких платформ [Kenney, Bearson, Zysman 2021].

эксплуатируя существующие пробелы в регулировании, а делая правовые и институциональные изменения важной частью своего бизнес-плана [Pollman, Ваггу 2017]. В развернувшихся дискуссиях о том, как вернуть платформы под публичный контроль, главная надежда возлагается на государство. Можно сказать, что во многих странах с развитой рыночной экономикой государство как субъект власти противостоит платформам, усиливая свое регулирующее воздействие. В России платформенные компании сами тесно связаны с государством через капитал, корпоративное управление и неформальный политический контроль, и эта тенденция только нарастает.

Этот (неравный) союз государства и капитала в России строится на нескольких основаниях. Во-первых, в рамках олигархического (кланового) капитализма наиболее прибыльные виды деятельности находятся под контролем лиц, имеющих тесные связи с властью [Глинкина 2017; Косалс 2006; Яковлев 2021; Szelényi, Mihályi 2019]. Если исходить из того, что «данные — новая нефть» [Срничек 2019], а значит, потенциальный источник ренты, в экономической системе, построенной на ее извлечении, крупные игроки рано или поздно должны были заинтересоваться платформенным бизнесом. Если в странах с развитой рыночной экономикой цифровые предприниматели (включая основателей платформ) стремительно ворвались в бизнес-элиту и составили серьезную конкуренцию капиталу из традиционных отраслей¹, пионеры отечественной цифровой экономики не задерживаются у руля своих компаний, которые в итоге попадают под контроль олигархического бизнеса или государства. Российские платформенные компании (например, VK, Mail.ru, Яндекс) проделали путь от частных стартапов до компаний, интегрированных в олигархические бизнес-структуры. Примечательно также, что в США и Европе крупнейшие трудовые платформы (например, Uber, Deliveroo, Upwork, Fiverr) — независимые публичные компании с обращением акций на фондовом рынке², тогда как в России трудовые платформы, как правило, являются частью гигантских платформенных экосистем («цифровых империй»), принадлежащих олигархическому бизнесу и государству³. В определенном смысле можно говорить о своего рода «ползучей национализации» платформенных компаний в России.

1 Достаточно взглянуть на список богатейших людей планеты: <https://www.forbes.com/billionaires/>

2 <https://finance.yahoo.com/news/10-best-gig-economy-stocks-133209416.html>

3 Среди крупных глобальных игроков заметным исключением является платформа для микроработы Amazon Mechanical Turk, принадлежащая техногиганту Amazon.

Во-вторых, так как за счет контроля над данными своих пользователей платформы формируют структуры «надзорного капитализма» [Зубофф 2022], у государства возникает искушение использовать эти данные в неэкономических целях (например, в целях национальной безопасности и борьбы с терроризмом¹). Авторитарные режимы заинтересованы в более тесном контроле над потоками информации и большими данными о своих гражданах, чтобы гарантировать сложившийся политический порядок. Этого можно достичь как за счет законодательного расширения доступа государства к данным платформенных компаний (вплоть до полной «национализации данных»), так и посредством структур собственности и управления компаниями («национализация платформ»).

Платформенные рынки изначально тяготеют к олигополистической структуре, позволяющей в полной мере реализовать сетевые эффекты [Срничек 2019]. Три крупнейших отечественных компании, проявляющих наибольшую активность в платформенном бизнесе, — Яндекс, VK и Сбербанк: им принадлежит основная часть популярных онлайн-сервисов и торговых маркетплейсов, а также службы такси, доставки еды и продуктов. Если прежде эти крупные игроки конкурировали друг с другом на различных рынках, то в последнее время они предпринимают скоординированные действия по разделению сфер влияния, что ведет к образованию квазимонополий². На российских платформенных рынках просматриваются отчетливые перспективы формирования монополий с отсутствием конкуренции среди работодателей в рамках одной категории услуг. Это означает, что только одна платформенная компания будет выступать в роли «частного регулятора», фактически определяя условия и уровень оплаты труда на всем рынке. В России в двух ключевых секторах платформенной занятости (такси и доставка еды из ресторанов) такой компанией становится Яндекс³.

134

1 В 2022 году в Государственная дума приняла в первом чтении законопроект, предусматривающий автоматизированный удаленный доступ Федеральной службы безопасности к информационным системам и базам данных агрегаторов такси. См.: <http://duma.gov.ru/news/54842/>

2 В августе 2022 года Яндекс, VK и Сбербанк объявили о цепочке сделок, которые приведут к перераспределению активов между технологическими гигантами. В частности, к Яндексу отойдет его прямой конкурент в сфере доставки еды — Delivery Club. См.: <https://www.forbes.ru/investicii/475109-sber-vk-i-andeks-delat-aktivy-cto-eto-znacet-dla-akcij-kompanij>

3 На рынке такси доля Яндекса выросла с 27% в 2019 году до 66% в 2021-м, а с 2022 года (после ухода нескольких конкурентов) окажется еще больше. После присоединения Delivery Club в 2022 году доля Яндекса на рынке доставки готовой еды может достигнуть 77%. Яндекс также владеет краудсорсинговой платформой для микроработы «Толока», занимающей

Почему обсуждение тесной связи крупного капитала и государства в России является важным для анализа сферы труда и занятости? Исследователи отмечают, что в разных национальных и исторических контекстах формируются различные конфигурации социально-политических сил. Расцвет индустриального общества после Второй мировой войны обеспечивался институциональным компромиссом между трудом и капиталом, который гарантировало государство. Суть компромисса заключалась в том, что работники приняли «фордистские» методы организации труда в обмен на более высокий уровень жизни, а работодатели поделились с рабочими частью прибыли от возросшей производительности [Харви 2021]. Платформенный капитализм строится на союзе капитала и потребителей против труда. Капитал получает дополнительную прибыль от снижения затрат на рабочую силу и частично делится ей с потребителями, предлагая более низкие цены в рамках удобных сервисов [Rahman, Thelen 2019]. При этом во многих странах (например, в Европе) государство пытается сбалансировать этот конфликт, учитывая интересы труда. В России государство может вступить в (или даже возглавить) коалицию капитала и потребителей, играющих на одной стороне против труда. Признаки подобного сценария видны, в частности, из дальнейших сюжетов, которые мы обсудим.

Суверенизация и деглобализация

Во все более взаимозависимом «геотехническом мире» (geotech world) быстро обнаружилось, что цифровые технологии могут быть мобилизованы не только в целях международной экономической конкуренции, но и в геополитической борьбе. Цифровая инфраструктура (включая платформы) может использоваться государствами в качестве оружия (weaponized), причем такие возможности есть не у всех, а прежде всего у технологических лидеров — США, Европы и Китая [Farrell, Newman 2019]. Во многих странах мира актуализируется повестка «цифрового суверенитета» (digital sovereignty), способная объединить интересы национального капитала и власти [Schmitz, Seidl 2022]. Национальный капитал заинтересован в «цифровом протекционизме» — ограничении конкуренции с крупными глобальными игроками, а государство — в независимой национальной инфраструктуре, обеспечивающей экономическую и технологическую автономию.

монопольное положение в своем секторе, сервисами доставки продуктов и курьерских услуг. См.: <https://mobile-review.com/all/articles/analytics/dostavka-edy-ot-yandeksa-delivery-club-i-yandeks-eda-v-odnih-rukah>

Нарастающая изоляция России в ходе реализации Западом масштабных экономических санкций, достигшая кульминации в 2022 году, внесла определяющий вклад в становление «суверенной платформенной экономики» в России и обусловила ее развитие на годы вперед. При этом, в отличие от, например, глобальных медиаплатформ («социальных сетей»), иностранные трудовые платформы никогда не были ключевыми игроками на российском рынке. Главный претендент — американская компания Uber — потерпела неудачу, не сумев встроиться в олигархическую структуру российского бизнеса¹. Компания вошла на российский рынок в 2013 году (на два года позже Яндексa), в 2017-м осуществила слияние с Яндексом (с первоначальной долей в общем бизнесе в 37%, которая постепенно сокращалась)². Отдельное приложение Uber для такси после слияния сохранялось, а вот сервис Uber Eats был закрыт. Доля израильской компании Gett в России составляла около 5% легального рынка такси, а китайская компания DiDi и эстонская компания Bolt работали только в нескольких регионах в течение короткого времени. В начале 2010-х гг. глобальная биржа удаленной работы Freelancer.com, делающая ставку на захват рынка путем слияний и поглощений по всему миру, интересовалась покупкой отечественных игроков, но в итоге сделка не состоялась. На сегодняшний день практически все иностранные трудовые платформы уже покинули или собираются покинуть российский рынок³.

Российские платформенные компании также осуществляли международную экспансию, пытаясь конкурировать на внешних рынках. Например, на начало 2022 года сервис Яндекс.Такси работал в 19 странах мира (в некоторых под брендом Yango), на которые приходилась примерно четверть всех поездок компании (также в нескольких странах функционировал сервис доставки еды)⁴. В настоящее время перспективы международного направления туманны, некоторые европейские страны уже заблокировали сервис. Отечественным платформам для фрилансеров удалось создать уникальный русскоязычный рынок удаленной работы, функционирующий поверх государственных границ и являющийся примером низовой

1 См.: <https://inosmi.ru/20220712/biznes-254983286.html>

2 Интересно, что подобная судьба постигла компанию Uber в Китае в 2016 году, когда она слилась с «национальным чемпионом» Didi.

3 Сообщается, что Минтруд обсуждает вопрос о законодательном закреплении допустимой доли иностранного участия (или даже его полном запрете) в платформах, которые нанимают самозанятых. См.: <https://www.rbc.ru/economics/17/02/2022/620cf7099a79470d8f0aeec>

4 См.: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/02/15/909391-yandeks-vpervie-raskril-dolyu-zarubezhnih-poezdok-v-servise-taksi>

(движимой участниками рынка, а не государствами) экономической интеграции на постсоветском пространстве [Стребков, Шевчук 2022]. Доля фрилансеров, проживающих за пределами России (главным образом в странах ближнего зарубежья), постоянно возрастала, достигнув к 2014 году 38%. Последующий конфликт между Россией и Украиной нарушил растущий тренд, резко сократив вовлеченность украинских фрилансеров (с 26% в 2014 г. до 17% в 2019 г.), а его новое обострение в 2022 году грозит не только еще сильнее подорвать транснациональный характер русскоязычного рынка, но и нарушить сложившиеся в мире потоки «виртуальной миграции» [Стребков 2022]. Крупные глобальные платформы удаленной работы (например, Upwork и Fiverr) присоединились к санкциям и заблокировали аккаунты россиян, продемонстрировав власть платформ как собственников инфраструктуры и «частных регуляторов» рынков труда. Ранее Россия стабильно была заметным поставщиком рабочей силы на глобальных рынках удаленной работы (особенно в IT-сфере)¹.

Цифровые платформы часто представляют как агентов экономической глобализации [Graham, Anwar 2019], однако в современных условиях при активном участии государств они превращаются в действенный инструмент суверенизации и замыкания национальных экономик. В России платформы могут стать элементом «экономики сопротивления» [Яковлев 2021], в очередной раз мобилизуя ресурсы в ответ на внешние угрозы [Кордонский 2013]².

137

Платформизация неформальности

В рамках индустриального капитализма фабричная система стала инструментом стандартизации и формализации хозяйственной жизни. В последнее десятилетие платформы обеспечили реорганизацию целых отраслей и сложившихся там трудовых отношений. Например, Uber коренным образом перестроил рынок таксомоторных перевозок, Airbnb существенно повлиял на отельный бизнес, а биржи удаленной работы стали неотъемлемой частью IT-сектора и креативных индустрий.

В странах с развитой рыночной экономикой в нарастающей платформизации рынков труда видят не только флексибилизацию или

1 См.: <https://spendmatters.com/2017/07/13/online-workers-located-oxford-internet-institute-tool-breaks>; <https://freelancernews.co.uk/the-digital-freelance-hub-of-the-world-serbia/>

2 В частности, уже разрабатываются концептуальные обоснования платформенной экономики «как инструмента снижения санкционных рисков». См.: [РГСУ 2022]

дестандартизацию занятости, но и ее общую дезорганизацию, деформализацию и последующую прекаризацию [Rani, Gobel 2022]. Труд выносится за пределы формальных корпоративных структур, жестких бюрократических правил, сложившихся механизмов регулирования на отраслевом, региональном и общенациональном уровне, зачастую попадая в серые (внеправовые) зоны¹. Расцветают гибкие формы занятости с растущим многообразием режимов и условий труда [Schor et al. 2020]. Одновременно сужается зона действия социальных и трудовых гарантий, присущих стандартной занятости [De Stefano 2015].

Однако цифровые платформы могут оказывать разное влияние на рынки труда в зависимости от их изначальных характеристик, в частности, от степени распространения неформальной занятости. Если с точки зрения подвергающейся эрозии модели стандартной занятости платформы несут с собой потенциал дезорганизации (точнее, нелиберальной реорганизации), то применительно к неформальной экономике они скорее выполняют организующую (формализующую) роль с помощью внедрения процедур, стандартов и правил, усиленных технологиями алгоритмического контроля и управления.

138

Формальные требования начинаются с необходимости регистрации на платформе с предоставлением определенного перечня документов и данных. Стандартизация проявляется, в частности, в категоризации услуг, унификации трудовых процедур и требований к качеству. Персонализированное доверие, доступное только посредством неформальных сетей, сменяется открытыми для всех участников рынка формализованными репутационными системами, включая рейтинги, оценки и отзывы. На место гибких личных договоренностей приходят строгие контрактные механизмы, в том числе основанные на алгоритмическом мэтчинге контрагентов. Институционализируются процедуры разрешения споров, а роль арбитра переходит к платформам. Оплата все чаще проходит через электронные системы, а не в наличной форме. Платформы накапливают большие данные о пользователях и транзакциях, открывая возможности отслеживания (traceability), учета и анализа. Интересно также, что сам факт появления платформы как общего «псевдоработодателя», которому можно адресовать свои требования, способен запустить процесс коллективной организации работников по отстаиванию своих интересов [Ford, Nonan 2019]. Разнообразные формализующие эффекты цифровых платформ задокументиро-

1 Так, компания Uber печально известна спланированной стратегией внеправового захвата рынков, с надеждой на последующую легализацию [Pollman, Ваггу 2017; Thelen 2018].

ваны в исследованиях стран с большой долей неформального сектора [Frey 2020; Randolph, Galperin, Khan 2019; Weber et al. 2021]. Подобные эффекты мы наблюдаем и в современной России.

Если в США и Европе компания Uber прежде всего разрушала сильно зарегулированную отрасль таксомоторных перевозок, то в России «цифровые агрегаторы» (типа Яндекс) нанесли сокрушительный удар по теневому рынку частного извоза¹. В результате с улиц крупных городов практически исчезли так называемые «бомбилы»². Примечательна траектория развития отечественного рынка курьерских услуг, которая демонстрирует, что архитектура платформ несет в себе разный потенциал формализации [Шевчук 2020]. Первоначально этот рынок в более свободной манере пытались организовать «трудоустройственные маркетплейсы» (например, YouDo), функционирующие на основе прямых (peer-to-peer) договоренностей между заказчиками и исполнителями услуг. Однако вскоре крупные «теневые корпорации» (службы доставки еды и такси) развернули, по сути, индустрию массового производства на основе стандартизации и алгоритмического управления. Готовую еду, продукты, мелкие посылки и документы в крупных городах теперь доставляют брендированные автомобили и курьеры в униформе.

139

Осуществляемая платформами формализация трудовых практик автоматически не ведет к выводу их из тени с точки зрения правового регулирования, налогообложения и статистического учета. Хотя в России всегда существовали определенные возможности правового оформления индивидуальной трудовой деятельности, большинство платформенных работников не имели официального правового статуса, не подписывали договоры и не платили налоги. Так, например, на протяжении целого десятилетия (2008–2019 гг.) среди фрилансеров, совершающих сделки на биржах удаленной работы, официальные договоры регулярно использовали не более 12–15% [Стребков, Шевчук 2022]. Согласно опросу Института социальной политики ВШЭ 2022 года, среди всех респондентов, имеющих опыт платформенной занятости, только 32,7% указали, что оформляют выполненные работы официально; 18,7% отметили, что оформляют официально только часть работ; 36,2% никак не оформляют заказы или работу через платформы, а еще 12,4% затруднились с ответом [Синявская и др. 2022]. Агрегаторы такси и службы доставки использовали модель опосредованного найма через «прокладки»,

1 См.: <https://ac.gov.ru/news/page/rynku-taksi-nuzna-cifrovizacia-15801>

2 По оценкам экспертов, водители-нелегалы составляют 13% от общего количества таксистов, в выручке на их долю приходится 16%. См.: <https://transportrussia.ru/razdely/itogi-i-perspektivy/9448-pravovoe-pole-dlya-taksomotora.html>

или «подключашки»: фирмы или ИП заключают партнерский договор с платформами, а затем нанимают работников на условиях подряда или вовсе неформально¹. Подобным образом платформы избегали как значительной налоговой нагрузки, так и возможных претензий со стороны регулирующих органов. Биржи удаленной работы и другие трудовые маркетплейсы вовсе не интересовались формальным юридическим статусом работников.

Формализация (и, как мы увидим далее, легализация) не всегда ведет к улучшению положения работников. Трудовая деятельность в формальном секторе тоже может быть связана с низкой оплатой, плохими условиями труда, реальным отсутствием социальных гарантий и низкой удовлетворенностью работой, что хорошо известно из российской действительности [Гимпельсон, Капелюшников 2013]. При этом платформенная занятость в России не обязательно усиливает прекаризацию и ухудшает качество рабочих мест; напротив, платформенная занятость может быть вполне привлекательной в глазах работников в сравнении с аналогичными позициями на рынке труда [Шевчук и др. 2021; Witte 2018]². Так, например, работа курьером в доставке еды вряд ли уступает труду в ресторанах быстрого питания или на стройке с точки зрения общего качества занятости, а фрилансеры зачастую не проигрывают своим офисным коллегам в уровне материального и субъективного благополучия [Стребков, Шевчук 2022]. В целом вопрос о взаимосвязи гиг-экономики с процессами прекаризации требует более глубокого осмысления. Доминирующий нарратив связан с тем, что платформенная занятость порождает прекаризацию, однако изначальная прекаризация является питательной средой для процветания гиг-экономики.

140

Можно заключить, что в России цифровые платформы успешно встроились в неформальные рынки труда, лишь частично способствовали легализации и, по-видимому, не сильно изменили положение работников, осуществив своеобразную «платформизацию неформальности».

Неолиберальная легализация

Платформенная бизнес-модель изначально предполагает использование труда самозанятых работников или, в категориях американ-

1 При этом вопрос о возможной тесной аффилиации самих «подключашек» с платформами (особенно в секторе доставки еды) остается открытым. См.: <https://vc.ru/food/78214-na-kogo-na-samom-dele-rabotayut-kurery-yandeks-edu-i-delivery-club>

2 Аналогичные эффекты платформенной занятости зафиксированы в менее развитых странах мира [Freu 2020].

ского права, «независимых подрядчиков» (independent contractors). Платформы публично позиционируют своих работников как своего рода индивидуальных предпринимателей, обладающих широкой автономией, самостоятельно решающих, где, когда и сколько работать. В этой логике работники должны нести полную ответственность за свое благополучие, принимая разнообразные финансовые и производственные риски. Это ведет к более уязвимому положению платформенных работников по сравнению со штатными сотрудниками организаций. Во-первых, на платформенных работников не распространяются нормы трудового права, обеспечивающие определенные условия труда, включая продолжительность рабочего времени, безопасность на рабочем месте и др. Во-вторых, платформенные работники во многом исключены из национальных систем социальной защиты, включая пособия по безработице, медицинское страхование и пенсионное обеспечение. В-третьих, их права на объединение в профсоюзы и проведение забастовок сильно ограничены.

В Европе и США положение платформенных работников практически сразу же стало предметом острых научных и общественно-политических дискуссий. Обсуждаются предложения о признании платформенных работников сотрудниками организаций (employees) или разработке особого статуса «платформенного работника», а в судах рассматриваются многочисленные иски против платформенных компаний (в частности, против Uber и Deliveroo) [De Stefano 2015; Prassl, Risak 2017; Синявская и др. 2021; Чесалина 2022]. Движимое преимущественно фискальными интересами, российское государство, напротив, самостоятельно утверждает либеральный режим регулирования платформенной занятости в ходе легализации неформального сектора и пока мало интересуется трудовыми правами и социальным положением работников.

141

С начала 2000-х годов российское государство планомерно прилагало усилия по сокращению теневой экономики: сначала основным объектом внимания стали крупные корпорации, затем средний и малый бизнес, а в последние годы фокус сместился на неформально занятых индивидов. С 2019 года работникам предложена упрощенная система регистрации деятельности в качестве самозанятых через цифровое приложение при чрезвычайно низких налоговых ставках (4–6%)¹. В отличие от ряда предыдущих попыток эта государственная инициатива имеет определенный успех: на сегодняшний момент в качестве самозанятых зарегистрировалось более 5,5 млн человек².

---

1 См.: <https://npd.nalog.ru/>

2 <https://www.interfax.ru/russia/855499>

Российское государство активно продвигает статус самозанятого для легализации платформенной занятости. Симптоматично, что до сих пор это лишь особый налоговый режим, а не полноценная категория российского трудового права¹. Представляется также неслучайным, что всплеск интереса к платформенной занятости в российских СМИ, а также в академической литературе совпадает по времени с имплементацией нового налогового режима для самозанятых². Тем не менее публичные и научные дискуссии по данной проблеме находятся в зачаточном состоянии. В отсутствие государственного и общественного внимания к особенностям социального положения платформенных работников нетрудно предвидеть один из негативных сценариев. На первом этапе государство стремится наладить учет и налогообложение самозанятых. Затем государство может вменить платформам функцию налогового агента, самостоятельно рассчитывающего и взимающего налоги с работника³. Наконец, вслед за «обелением» сектора может проявить себя «грабьящая рука» государства в виде увеличения налоговой нагрузки на работников⁴.

142

Стратегия легализации платформенной занятости в существующем виде может успешно сработать в секторах таксомоторных перевозок и курьерской доставки, где действуют крупные платформы, организованные по принципу «теневых корпораций» [Шевчук 2020]. Эти платформы в одностороннем порядке могут навязывать свои условия работникам, так как у последних мало альтернативных возможностей заниматься подобной работой за пределами со-

1 Новый вариант закона «О занятости населения», в котором планируется закрепить правовой статус самозанятого, находится в разработке и вступит в силу не ранее 2024 года. В частности, он предусматривает добровольные отчисления работников на пенсионное и медицинское обслуживание. См.: <https://www.rbc.ru/economics/03/11/2022/63626c709a7947cc0a9cce1d>

2 Первые доклады ведущих (окологосударственных) научно-исследовательских и аналитических центров по данной проблеме начинают массово публиковаться с 2021 года, т. е. десять лет спустя после появления агрегаторов такси и служб доставки еды и более пятнадцати лет с момента начала функционирования бирж удаленной работы [Синявская и др. 2022; РГСУ 2022; Синявская и др. 2021; ЦСР 2021].

3 Об этом говорил М. Мишустин, еще будучи главой Федеральной налоговой службы (ФНС) России. См.: <https://tass.ru/interviews/5561204>. Это положение также содержится в готовящемся новом варианте закона «О занятости населения». См.: <https://www.rbc.ru/economics/03/11/2022/63626c709a7947cc0a9cce1d>

4 Подобные опасения традиционно сильны в среде самих неформально занятых работников, например, фрилансеров [Стребков, Шевчук 2022]. На сегодняшний момент установлено, что специальный налоговый режим будет действовать до 31 декабря 2028 года.

зданной платформами инфраструктуры¹. С учетом растущей монополизации этих секторов вполне вероятно, что крупные платформы в итоге успешно переоформируют всех своих работников как самозанятых и потенциально смогут успешно контролировать финансовые потоки работников в интересах государства².

Иная ситуация на рынках удаленной работы, а также в сфере личных услуг (ремонт, уход, красота и др.), где помимо специализированных платформ у работников существует множество других (в том числе цифровых) каналов поиска работы: постоянная клиентура, социальные связи и рекомендации, персональные сайты, социальные медиа, интернет-форумы, группы в мессенджерах и др. [Стребков, Шевчук 2022]. В этих секторах платформы в основном выступают в роли «трудовых маркетплейсов», не обладая монопольной властью и соответствующими возможностями контроля. Напротив, платформы сами сильно зависят от количества пользователей и сделок. Поэтому давление на работников может обернуться их исходом с платформ³. Здесь перспективы легализации более туманны и вероятно сохранение значительных масштабов неформальной занятости⁴.

Основной вывод заключается в том, что институционализация платформенной занятости в России происходит посредством правового закрепления категории самозанятых, а задачи легализации неформального сектора решаются за счет либерализации системы занятости. Это еще одно свидетельство альянса государства, капитала и потребителей против труда: государство усиливает контроль экономики и собирает налоги, крупные платформенные компании с меньшими издержками используют рабочую силу, а потребители получают дешевые услуги надлежащего качества⁵.

- 1 Агрегаторы такси активно рекламируют водителям преимущества работы в статусе самозанятых, предлагают дополнительные льготы, используют стратегии «наджинга» (подталкивания). Например, Яндекс поместил в свое приложение для водителей специальную кнопку «стать самозанятым».
- 2 Находящийся на рассмотрении в Госдуме новый законопроект о работе такси, призванный разрешить имеющиеся правовые коллизии, предусматривает возможность для водителей работать с агрегаторами напрямую в статусе самозанятых. См.: <https://rg.ru/2022/11/23/samozaniatye-taksisty-zhdut-novyj-zakon-o-taksi.html>
- 3 Подобный отток пользователей фиксируется на трудовых маркетплейсах каждый раз, когда они осуществляют невыгодные работникам нововведения (например, повышают комиссии).
- 4 Следует также отметить, что многие работники хотя и получают статус самозанятого, но реально декларируют лишь малую долю своих заработков.
- 5 В готовящемся к принятию новом законе о такси заметно скорее повышенное внимание к качеству предоставляемых агрегаторами услуг и защите

Может показаться, что тезис о «государственном капитализме платформ» противоречит тезису о «неолиберальной легализации». Однако ряд работ показывает, как в России, несмотря на гипертрофированную роль государства (точнее, именно благодаря ей), реализуется неолиберальная логика радикального экономизма, позволяющая говорить об «авторитарном либерализме» [Mogris 2021]. Другой «неономенклатурный» сценарий, шансы которого возрастают одновременно с мобилизационным характером экономики, связан с прямым государственным регулированием трудовых отношений. Доминирование государства будет проявляться «в определении границ и размеров заботы о работниках и населении», подкрепленном риторикой «все для блага человека» [Бизюков 2022: 28]. В этом отношении для государства цифровые платформы являются чрезвычайно привлекательным инструментом управления и контроля¹.

Труд в сужающемся коридоре возможностей

144

Организованное представительство интересов работников посредством профсоюзов и коллективных переговоров стало ключевым элементом институционализации классового конфликта в индустриальном обществе и способствовало становлению «государства всеобщего благосостояния». В отличие от типичных отраслей массового производства, потенциал юнионизации в гиг-экономике изначально ограничен мощными структурными факторами. Организационная децентрализация и индивидуализация труда, дефицит соприсутствия, социальная неоднородность работников и их интересов, правовая уязвимость неформально занятых и мигрантов препятствуют широкомасштабным коллективным действиям, а законодательство многих стран напрямую запрещает коллективные объединения самозанятых или существенно урезает их права. Пока профсоюзы адаптируются к новой реальности и ищут решения, платформенные работники пытаются самостоятельно отстаивать свои права.

Согласно данным проекта Leeds Index of Platform Labour Protest, анализирующим данные онлайн-медиа по всему миру, за период с января 2017 года по июль 2020-го только в четырех секторах (таксомоторные перевозки, доставка еды, курьерские услуги и доставка

прав потребителей, но не к условиям труда водителей. См.: <http://duma.gov.ru/news/54842/>

1 Уже несколько лет циркулируют слухи о создании некой государственной цифровой платформы для самозанятых.

продуктов) зафиксирован как минимум 1271 случай протеста платформенных работников в 57 странах [Bessa, Joyce 2022]¹. Помимо забастовок и демонстраций другими формами борьбы являются скоординированные онлайн-акции и разного рода манипуляции с приложениями (например, массовый логат работников такси в пиковые часы с целью затруднить работу платформенных сервисов). Если в Европе и США коллективные действия платформенных работников более организованные, массовые и заметные, поддерживаются профсоюзами, а в судах рассматриваются индивидуальные и коллективные иски работников к платформам, то в России ситуация иная.

По-видимому, Россия не относится к странам с высоким уровнем трудовых протестов платформенных работников. Проект Leeds Index of Platform Labour Protest за период с января 2017 года по июль 2020-го зафиксировал только 11 случаев². Для сравнения, за этот же период наибольшее число протестов было в США (189). Значительно большая, чем в России, протестная активность наблюдалась в ряде европейских стран (Великобритания — 117, Испания — 86, Франция — 68, Австралия — 32, Германия — 29) и других государствах мира (Китай — 160, Индия — 118, Аргентина — 114, Мексика — 62) [Bessa, Joyce 2022]³. При этом российский проект «Мониторинг трудовых протестов», основанный на ежедневном анализе сообщений в интернете, дает другие оценки: за период с 2017-го по 2022 год только в сфере платформенных таксомоторных перевозок было организовано 126 акций, что составляет 43% от всех зафиксированных в сегменте городского пассажирского транспорта, или 7% от общего числа трудовых протестов [Бизюков 2022]. Напрямую сравнивать эти исследования некорректно из-за разницы в методологии; оче-

- 1 Коллективным действиям в данных секторах гиг-экономики способствуют стандартизация труда и относительные возможности физического присутствия в формальных и стихийных точках сбора работников. Среди занятых удаленной работой коллективные действия более редкие и происходят в онлайн-среде.
- 2 Хотя, как обсуждается в дальнейшем, отслеживание протестов по сообщениям СМИ в странах с авторитарной властью и низким уровнем независимости прессы может занижать их количество.
- 3 В контексте сравнительного анализа положения трудящихся в различных моделях капитализма Китай представляет собой интересный случай. Несмотря на авторитарный характер государственной власти, запрет независимых профсоюзов, гонения на неправительственные организации, коллективные выступления работников (в том числе платформенных) широко распространены [Lei 2021].

видно, что в плане сравнительных межстрановых сопоставлений еще предстоит большая работа¹.

Можно сказать, что протесты платформенных работников в России менее массовые и менее длительные. Хотя с точки зрения количества участников большинство протестных акций во всем мире являются небольшими, в азиатских странах, Европе и США проходили крупные забастовки и демонстрации платформенных работников с количеством участников более тысячи человек². Также, несмотря на краткосрочный характер большинства акций, обычно укладываемых в один день, в мире зафиксированы продолжительные многодневные и даже многонедельные протесты³. Ничего подобного в России не случилось.

146 В России традиционные профсоюзы не вовлечены в протестные акции платформенных работников, а их зарождающиеся организации пока единичны и малочисленны. Хотя большинство протестов в гиг-экономике возникает спонтанно и иницируется самоорганизующимися группами работников, профсоюзы в той или иной степени участвуют в каждой третьей протестной акции платформенных работников, а в США и Европе еще чаще [Bessa, Joyce 2022: 17]⁴. В некоторых европейских странах платформенные работники являются членами крупных традиционных профсоюзов (3F в Дании, GMB в Великобритании, IG Metall в Германии) [Joyce, Stuart 2021]. В России сформировалось всего несколько организаций, называющих себя «профсоюзами» (Курьер, Таксист, Платформа солидарности и др.), призванными защищать интересы платформенных работников, эффективность деятельности которых оценить пока трудно. В целом противоречивая траектория развития профсоюзного движения в постсоветской России привела к тому, что профсоюзы не обрели подлинную субъектность, не став силой, способной влиять на принятие важных решений и формировать актуальную повестку, а трудовые протесты постепенно деинституционализируются и выражаются в жалобы властям [Бизюков 2021].

В России зафиксировано единичное число судебных исков работников к цифровым платформам, при этом суды вставали на сто-

1 Также есть данные, что в целом доля трудовых протестов в общем количестве протестных акций в России неуклонно снижается, отодвигая трудовую повестку на второй план [Давыдов 2022].

2 См., например: <https://labourreview.org/strikes-of-platform-workers/>

3 Так, в Шеффилде курьеры компании JustEat бастовали более ста дней. См.: <https://www.huckmag.com/perspectives/the-uks-longest-gig-economy-strike-isnt-letting-up>

4 Интересно, что традиционные профсоюзы вовлекаются даже чаще, чем независимые (18,3% против 13,1%) [Bessa, Joyce 2022: 17].

рону последних, проявляя правовой формализм и не пытаясь разобраться в непростой проблеме по существу [Коршунова 2020; Чесалина 2022]. При этом российские суды склонны удовлетворять иски пассажиров к агрегаторам такси, рассматривая их в данном случае не как информационный сервис, а как транспортные компании. Это демонстрирует относительную слабость труда не только по сравнению с капиталом и государством, но по сравнению с потребителями. Обращение в судебные инстанции можно считать самостоятельным способом отстаивания своих прав, к которому чаще других прибегают платформенные работники в США [Bessa, Joуse 2022]. Несмотря на противоречивость зарубежной судебной практики, в последние годы суды создали ряд прецедентов по признанию отношений работников с платформами в качестве трудовых, внося важный вклад в формирование моделей регулирования платформенной занятости [Синявская и др. 2021; Чесалина 2022].

Тактика протеста платформенных работников в России была направлена прежде всего на привлечение внимания СМИ и последующее публичное освещение проблем с требованием уступок со стороны платформенных компаний. Как правило, действия координировались и осуществлялись узким неформальным кругом активистов, а на многих акциях количество журналистов превышало число протестующих. Но и эта тактика поступательно наталкивалась на политические ограничения, которые окончательно оформились после обострения конфликта между Россией и Украиной в 2022 году. Во-первых, в течение последнего десятилетия постепенно усиливался государственный контроль над деятельностью СМИ, который в итоге привел к исчезновению независимых изданий и жесткой цензуре, в том числе касающейся нежелательности освещения низовых протестов. Во-вторых, нарастают риски государственной политизации трудовых протестов с их последующей криминализацией. Хотя сами работники, как правило, не выдвигают политических требований, силовые ведомства все больше склонны квалифицировать низовые коллективные действия как политические¹. Вышесказанное не является уникальным для сферы трудовых отношений, но скорее характеризует общий авторитарный характер государственной власти.

1 Дело Кирилла Украинцева, руководителя профсоюза «Курьер», является важным прецедентом, фактически криминализирующим организованные трудовые протесты. В апреле 2022 года он был арестован по обвинению в рамках уголовного дела о неоднократном нарушении порядка проведения митингов (ст. 212.1 УК РФ) и на момент написания текста все еще находится в тюрьме. См.: <https://www.kommersant.ru/doc/5328587>

Основной вывод заключается в том, что в современной России «коридор возможностей» для коллективного отстаивания своих интересов у платформенных работников сужается. Помимо структурных преград (обусловленных особенностями платформенной организации труда), формирования либеральной модели регулирования на основе самозанятости (с ограничением возможных функций профсоюзов)¹, общей слабости российских профсоюзов, авторитарное государство задействует репрессивный аппарат для контроля над зачатками самоорганизации граждан. Это еще раз подчеркивает, что в формирующейся российской модели платформенного капитализма труд исключается из числа субъектов, оказывающих влияние на принятие решений, что актуализирует изучение положения трудящихся в рамках авторитарных политических режимов (например, в Китае и Турции).

Заключение

148

Есть веские основания полагать, что мир входит в новую историческую фазу «организованного капитализма» [Nölke, May 2019], в рамках которой и будут разворачиваться в дальнейшем процессы платформизации экономики и общества, формироваться национальные модели «платформенного капитализма» [Boyer 2022]. Развитие платформенной экономики в России совпадает по времени с изменением политического курса в стране, а также в системе международных отношений [Яковлев 2021]. Этот факт еще предстоит осмыслить, но уже сейчас можно сделать несколько предварительных наблюдений.

Усиление роли государства проявляется в нескольких важных моментах. Во-первых, происходит «ползучая национализация» платформенной экономики через прямое и опосредованное участие государства в собственности и управлении крупными платформенными компаниями. В результате формируются подконтрольные государству технологические гиганты, монополизующие ключевые платформенные рынки. Во-вторых, в русле разворачивающейся в мире волны деглобализации реализуется курс на «суверенизацию» платформенной экономики, исключение иностранного капитала и усиление самодостаточности. В-третьих, государство присоединяется к своеобразному союзу капитала и потребителей против труда, знаковому для платформенного капитализма [Rahman, Thelen 2019]. Движимое преимущественно фискальными интересами, государ-

---

1 Хотя российское законодательство и не запрещает объединения самозанятых, эти объединения не могут представлять интересы работников в отношениях с «работодателем». См.: [Макаров 2022].

ство пошло по пути институционализации либерального режима регулирования платформенной занятости, в котором интересы труда в должной мере не учитываются, а возможности самоорганизации и коллективного представительства блокируются. Иными словами, российское государство скорее склонно защищать права человека как потребителя, но не как работника, и тем более не как гражданина. В-четвертых, в будущем государство может использовать цифровые платформы как инструмент «паноптического контроля» над экономикой и гражданами, как это делается в Китае [Boyer 2022].

Во многом описанные процессы характеризуют не только сферу платформенной занятости, но и общую траекторию развития авторитарного капитализма в современной России. С одной стороны, процессы платформизации укоренены в существующей социально-экономической системе, являясь ее отражением, с другой стороны — они позволяют этой системе открывать новые возможности, эволюционировать и трансформироваться, обретая иные качества. Поэтому по мере нарастающей диджитализации экономики и общества актуализируется задача интеграции проблематики платформенного капитализма в более широкие дискуссии о путях развития России. Как цифровые платформы встраиваются в существующую социально-экономическую систему и преобразуют ее? Какая модель платформенного капитализма формируется в России? Каково положение работников в этой модели? Каковы ее экономические, социальные и политические последствия? Опыт каких стран поможет нам лучше понять российские реалии? Эти и другие вопросы потребуют более глубокого анализа в ближайшие годы.

Библиография / References

Бессонова О. Э. (2006) *Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации*, М.: РОССПЭН.

— Bessonova O. E. (2006) *Distribution economy of Russia: Evolution through transformations*, M.: ROSSPEN. — in Russ.

Бизюков П. В. (2021) Траектория развития постсоветских профсоюзов: От традиции к альтернативе и обратно. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 132 (1-2): 29–61.

— Bizyukov P. V. (2021) Trajectory of development of post-Soviet trade unions: From tradition to alternative and back. *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions*, 132 (1-2): 29–61. — in Russ.

Бизюков П. В. (2022) Нужен ли новый трудовой контракт? *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 14 (3): 10–30.

— Bizyukov P. V. (2022) Do you need a new employment contract? *Interaction. Interview. Interpretation*, 14 (3): 10–30. — in Russ.

Глинкина С. П. (2017) Постсоциалистические трансформации в свете дискуссий о многообразии моделей капитализма. *Общественные науки и современность*, (2), 5–22.

— Glinkina S. P. (2017) Post-socialist transformations in the light of discussions about the diversity of models of capitalism. *Social Sciences and Contemporary World*, (2), 5–22. — in Russ.

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. (2013) Жить «в тени» или умереть «на свету»: Неформальность на российском рынке труда. *Вопросы экономики*, (11), 65–88.

— Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. (2013) Live “in the shadows” or die “in the light”: Informality in the Russian labor market. *Voprosy ekonomiki*, (11), 65–88. — in Russ.

Давыдов Д. А. (2022) Динамика массовых протестных акций в современной России: Событийный анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (5): 72–93.

— Davydov D. A. (2022) The Dynamics of Mass Protest Actions in Modern Russia: An Event Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (5): 72–93. — in Russ.

Зубофф Ш. (2022) Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти, М.: Издательство Института Гайдара.

— Zuboff S. (2019) *The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*, N. Y.: Public Affairs.

150

Кирдина С. Г. (2014) Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию, СПб.: Нестор-История.

— Kirdina S. G. (2014) *Institutional matrices and development of Russia. Introduction to X-Y-theory*, St. Petersburg: Nestor-History. — in Russ.

Кордонский С. Г. (2007) *Ресурсное государство*, М.: Regnum.

— Kordonsky S. G. (2007). *Resource State*, М.: Regnum. — in Russ.

Коршунова Т. Ю. (2020) Работа на основе интернет-платформ: Возможно ли признание отношений трудовыми? *Комментарий судебной практики*, (26): 40–55.

— Korshunova T.Yu. (2020) Work based on Internet platforms: Is it possible to recognize labor relations? *Jurisprudence Commentary*, (26): 40–55. — in Russ.

Косалс Л. (2006) Клановый капитализм в России. *Неприкосновенный запас*, 6 (50). (<http://www.intelros.ru/index.php?newsid=288>)

— Kosals L. (2006) Clan capitalism in Russia. *Emergency Reserve*, 6 (50). — in Russ.

Люттов Н. Л., Войтковская И. В. (2020) Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: Каковы правовые последствия «уберизации» труда? *Актуальные проблемы российского права*, 15 (6): 149–159.

— Lyutov N. L., Voitkovskaya I. V. (2020) Taxi drivers doing work through online platforms: What are the legal implications of the “uberization” of labor? *Actual Problems of Russian Law*, 15 (6): 149–159. — in Russ.

Макаров Е. И. (2022) Самозанятость в России. Преимущества и недостатки, выявленные в ходе эксперимента по введению налога на профессиональный доход в 2018–2020 годах, СПб.: СПбГУП.

- Makarov E. I. (2022) *Self-employment in Russia. Advantages and disadvantages identified during the pilot to introduce a tax on professional income in 2018–2020*, SPb: SPb-GUP. — in Russ.
- РГСУ (2022) *Платформенная экономика как инструмент снижения санкционных рисков для российской экономики*, М.: РГСУ. (https://rgsu.net/netcat_files/1159/2560/Platformennaya_ekonomika_kak_instrument_snizheniya_sanktsionnyh_risikov_dlya_rossiyskoj_ekonomiki.pdf)
- RSSU (2022) *Platform economy as a tool to reduce sanctions risks for the Russian economy*, М.: RSSU. — in Russ.
- Синявская О. В., Бирюкова С. С., Аптекарь А. П., Горват Е. С., Грищенко Н. Б., Гудкова Т. Б., Карева Д. Е. (2021) *Платформенная занятость: Определение и регулирование*, М.: НИУ ВШЭ.
- Sinyavskaya O. V., Biryukova S. S., Aptekar A. P., Gorvat E. S., Grishchenko N. B., Gudkova T. B., Kareva D. E. (2021) *Platform Employment: Definition and Regulation*, М.: NRU HSE. — in Russ.
- Синявская О. В., Бирюкова С. С., Горват Е. С., Карева Д. Е., Стужук Д. А., Чертенков К. О. (2022) *Платформенная занятость в России: Масштабы, мотивы и барьеры участия*, М.: НИУ ВШЭ. (<https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2494-7>)
- Sinyavskaya O. V., Biryukova S. S., Gorvat E. S., Kareva D. E., Stuzhuk D. A., Chertenkov K. O. (2022) *Platform employment in Russia: Scale, motives and barriers to participation*, М.: NRU HSE. — in Russ.
- Срничек Н. (2019) *Капитализм платформ*, М.: НИУ ВШЭ.
- Srnicek N. (2019) *Platform Capitalism*, М.: HSE. — in Russ.
- Старк Д., Паис И. (2021) Алгоритмическое управление в экономике платформ. *Экономическая социология*, 22 (3): 71–103.
- Stark D., Pais I. (2020) Algorithmic Management in the Platform. *Economy Sociologica*, 14 (3): 47–72.
- Стребков Д. О. (2022) Платформенная занятость и фриланс в эпоху перемен. *Социодиггер*, 3 (10–11): 29–32.
- Strebkov D. O. (2022) Platform employment and freelancing in an era of change. *Sociodigger*, 3 (10–11): 29–32. — in Russ.
- Стребков Д. О., Шевчук А. В. (2022) Что мы знаем о фрилансерах? *Социология свободной занятости*, М.: НИУ ВШЭ.
- Strebkov D. O., Shevchuk A. V. (2022) What do we know about freelancers? *Sociology of free employment*, М.: NRU HSE. — in Russ.
- Флигстин Н., Фогел С. (2021) Политическая экономия после неолиберализма. *Экономическая социология*, 22(4): 35–48.
- Fligstein N., Vogel S. (2020) Political Economy After Neoliberalism. Boston Review. (<https://bostonreview.net/class-inequality/neilfligstein-steven-vogelpolitical-economy-afterneoliberalism>)
- Харви Д. (2021) *Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений*, М.: ВШЭ.

— Harvey D. (1989) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry Into the Origins of Cultural Change*, Oxford: Basil Blackwell.

ЦСР (2021) *Формы занятости на рынке курьерских услуг*, М.: ЦСР. (<https://www.csr.ru/publications/formy-zanyatosti-na-rynke-kurerskikh-uslug>)

— CSR (2021) *Forms of employment in the market of courier services*, М.: SCR. (<https://www.csr.ru/publications/formy-zanyatosti-na-rynke-kurerskikh-uslug>). — in Russ.

Чесалина О. В. (2022) Юридическая природа платформенной занятости. С. Ю. Головина, Н. Л. Лютов (ред.) *Трудовое право: Национальное и международное измерение*, Т. 2, М.: Норма.

— Chesalina O. V. (2022) The legal nature of platform employment. In S.Yu. Golovina, N. L. Lyutov (Eds.) *Labor Law: National and International Dimension*, Vol. 2, М.: Norma. — in Russ.

Шевчук А. В. (2008) Модели современного капитализма: Основы сравнительного институционального анализа. *Экономическая социология*, 9 (5): 17-29.

— Shevchuk A. V. (2008) Models of Modern Capitalism: Fundamentals of Comparative Institutional Analysis. *Journal of Economic Sociology*, 9 (5): 17-29. — in Russ.

Шевчук А. В. (2020) От фабрики к платформе: Автономия и контроль в цифровой экономике. *Социология власти*, 32 (1): 30-54.

152

— Shevchuk A. V. (2020) From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy. *Sociology of Power*, 32 (1): 30-54. — in Russ.

Шевчук А. В., Чижова Д. А., Демина Д. Е., Чугункова В. А. (2021) Труд водителей такси в условиях алгоритмического управления. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (3): 356-381.

— Shevchuk A. V., Chizhova D. A., Demina D. E., Chugunkova V. A. (2021) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (3): 356-381. — in Russ.

Яковлев А. А. (2021) Конкуренция моделей капитализма: Проекция на Россию. *Вопросы теоретической экономики*, (4): 41-49.

— Yakovlev A. A. (2021) Competition of models of capitalism: Projection on Russia. *Theoretical Economics*, (4): 41-49. — in Russ.

Bessa I., Joyce S. (2022) A global analysis of worker protest in digital labour platforms. *ILO Working Paper 70*, Geneva: ILO.

Boudreau K. J., Hagiu A. (2009) Platform rules: Multi-sided platforms as regulators. A. Gawer (Ed.) *Platforms, markets and innovation*, Cheltenham: Edward Elgar.

Boyer R. (2022) Platform capitalism: A socio-economic analysis. *Socio-Economic Review*, 20 (4): 1857-1879.

Cant C. (2019) *Riding for Deliveroo: Resistance in the New Economy*, Cambridge: Polity Press.

De Stefano V. (2015) The rise of the just-in-time workforce: On-demand work, crowdwork, and labor protection in the gig-economy. *Comparative Labor Law and Policy Journal*, 37 (3): 461-471.

Farrell H., Newman A. L. (2019) Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, 44 (1): 42-79.

Ford M., Honan V. (2019) The limits of mutual aid: Emerging forms of collectivity among app-based transport workers in Indonesia. *Journal of Industrial Relations*, 61 (4): 528-548.

Frey B. (2020) Platform labor and in/formality: Organization among motorcycle taxi drivers in Bandung, Indonesia. *Anthropology of Work Review*, 41(1): 36-49.

Graham M., Anwar M. A. (2019) *The global gig economy: Towards a planetary labour market?* First Monday, 24(4).

Hall J. V., Krueger A. B. (2018) An Analysis of the Labor Market for Uber's Driver-Partners in the United States. *ILR Review*, 71(3): 705-732.

Irani L. (2015) The cultural work of microwork. *New Media & Society*, 17(5): 720-739.

Johnston H., Land-Kazlauskas C. (2019) Organizing on-demand representation, voice, and collective bargaining in the gig economy. *ILO Working Papers, Conditions of Work and Employment Series No. 94*, Geneva: ILO.

Joyce S., Stuart M. (2021) Trade union responses to platform work: An evolving tension between mainstream and grassroots approaches. J. Drahokoupil, K. Vandaele (Eds.) *A Modern Guide To Labour and the Platform Economy*, Cheltenham: Edward Elgar: 177-192.

Kenney M., Bearson D., Zysman J. (2021) The platform economy matures: Measuring pervasiveness and exploring power. *Socio-Economic Review*, 19 (4); 1451-1483.

Kenney M., Zysman J. (2016) The rise of the platform economy. *Issues in Science and Technology*, 32 (3): 61-69.

Lehdonvirta V. (2022) *Cloud Empires: How Digital Platforms Are Overtaking the State and How We Can Regain Control*, MIT Press.

Lei Y.W. (2021) Delivering Solidarity: Platform Architecture and Collective Contention in China's Platform Economy. *American Sociological Review*, 86 (2): 279-309.

McDonald P., Williams P., Mayes R. (2021) Means of control in the organization of digitally intermediated care work. *Work, Employment and Society*, 35 (5): 872-890.

Nölke A., May C. (2019) Liberal Versus Organised Capitalism: A Historical-Comparative Perspective. T. Gerócs, M. Szanyi (Eds.) *Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System*, Cham: Springer: 21-42.

Pesole A., Brancati U., Fernández-Macías E., Biagi F., González Vázquez I. (2018) Platform Workers in Europe. *Evidence from the COLLEEM Survey*, EUR29275 EN, Luxembourg: Publications Office of the European Union.

Piasna A., Zwysen W., Drahokoupil J. (2022) The Platform Economy in Europe: Results from the Second ETUI Internet and Platform Work Survey (IPWS), *Working paper 2022.05*, Brussels: ETUI.

Plantin J. C., Lagoze C., Edwards P. N., Sandvig C. (2018) Infrastructure studies meet platform studies in the age of Google and Facebook. *New Media & Society*, 20 (1): 293-310.

Pollman E., Barry J. M. (2017) Regulatory Entrepreneurship. *Southern California Law Review*, 90 (3): 383-448.

Prassl J., Risak M. (2017) The Legal Protection of Crowdworkers: Four Avenues for Workers' Rights in the Virtual Realm. P. Meil, V. Kirov (Eds.) *Policy Implications of Virtual Work*, Cham: Springer: 273-295.

Rahman K. S., Thelen K. (2019) The Rise of the Platform Business Model and the Transformation of Twenty-First-Century Capitalism. *Politics & Society*, 47 (2): 177–204.

Randolph G., Galperin H., Khan L. (2019) New Opportunities in the Platform Economy: On-ramps to Formalization in the Global South. Just Job Network. (<https://www.justjobsnetwork.org/wp-content/uploads/2019/09/T-20-Report-v3.pdf>)

Rani U., Gobel N. (2022) Job instability, precarity, informality, and inequality: Labour in the gig economy. I. Ness (Ed.) *The Routledge Handbook of the Gig Economy*, NY: Routledge: 15–32.

Rani U., Kumar Dhir R., Furrer M., Göbel N., Moraiti A., Cooney S. (2021) *World employment and social outlook: The role of digital labour platforms in transforming the world of work*, Geneva: International Labour Organisation.

Rosenblat A. (2018) *Uberland: How Algorithms Are Rewriting the Rules of Work*, Oakland: University of California Press.

Rosenblat A., Stark L. (2016) Algorithmic Labor and Information Asymmetries: A Case Study of Uber's Drivers. *International Journal of Communication*, (10): 3758–3784.

Schmitz L., Seidl T. (2022) Protecting, Transforming, and Projecting the Single Market. Open Strategic Autonomy and Digital Sovereignty in the EU's Trade and Digital Policies. SocArXiv. (<https://osf.io/preprints/socarxiv/wjb64/>)

Schor J. B., Attwood-Charles W., Cansoy M., Ladegaard I., Wengronowitz R. (2020) Dependence and precarity in the platform economy. *Theory and Society*, 49 (5): 833–861.

Szelényi I., Mihályi P. (2019) *Varieties of post-communist capitalism: A comparative analysis of Russia, Eastern Europe and China*, Leiden: Brill.

Thelen K. (2018) Regulating Uber: The Politics of the Platform Economy in Europe and the United States. *Perspectives on Politics*, 16 (4): 938–953.

Uzunca B., Rigtering J. C., Ozcan P. (2018) Sharing and shaping: A cross-country comparison of how sharing economy firms shape their institutional environment to gain legitimacy. *Academy of Management Discoveries*, 4 (3): 248–272.

Vallas S., Schor J. B. (2020) What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology*, 46 (1): 273–294.

Weber C. E., Okraku M., Mair J., Maurer I. (2021) Steering the transition from informal to formal service provision: Labor platforms in emerging-market countries. *Socio-Economic Review*, 19 (4): 1315–1344.

Witte K. (2018) Self-exploitation or working time autonomy? Yandex Taxi drivers in Moscow. DOC Research Institute. (<https://doc-research.org/2018/10/self-exploitation-work-autonomy-yandex-taxi-drivers-moscow>)

Wood A. J., Graham M., Lehdonvirta V., Hjorth I. (2019) Good Gig, Bad Gig: Autonomy and Algorithmic Control in the Global Gig Economy. *Work, Employment and Society*, 33 (1): 56–75.

Woodcock J., Graham M. (2020) *The gig economy: A critical introduction*, Cambridge: Polity.

Рекомендация для цитирования:

Шевчук А. В. (2022) Труд и власть в российской модели платформенного капитализма. *Социология власти*, 34 (3-4): 128-155.

For citations:

Shevchuk A. V. (2022) Labor and Power in the Russian Model of Platform Capitalism. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 128-155.

Поступила в редакцию: 30.11.2022; принята в печать: 24.12.2022

Received: 30.11.2022; Accepted for publication: 24.12.2022

МАРИЯ А. ЕРОФЕЕВА¹

РАНХиГС, МВШСЭН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0874-5272

НИЛЬС КЛОВАЙТ²

РАНХиГС, МВШСЭН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7347-099X

ДЕНИС Р. ЗАБАБУРИН³

РАНХиГС, Москва, Россия

Как говорить без слов: переосмысляя материальность, агентность и коммуникативную компетентность в виртуальной реальности⁴

156

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-156-181

-
- 1 Ерофеева Мария Александровна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС, доцент факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: микросоциология, мультимодальный разговорный анализ, социология технологий, акторно-сетевая теория, исследования образования. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru
  - 2 Кловайт Нильс — научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований РАНХиГС, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: микросоциология, мультимодальный разговорный анализ, технологии смешанной и виртуальной реальности, исследования образования. E-mail: nils.klowait@gmail.com
  - 3 Забабурин Денис Романович — студент магистратуры «Психология управления» ИОН РАНХиГС. Научные интересы: разговорный анализ, фрейм-анализ, виртуальная реальность, переговоры, принятие решений, когнитивные искажения, системы оценки и обучения персонала. E-mail: denzababurin@gmail.com
  - 4 Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы Центра социологических исследований РАНХиГС «Анализ повседневных практик использования технологических устройств: интервенция, адаптация, ассимиляция» (2022).

Acknowledgments: This text was prepared in the context of the research project “Analyzing everyday practices of device use: intervention, adaptation, assimilation” (2022) conducted by the Center for Sociological Research, RANEPa.

Резюме:

Данная статья представляет собой попытку реконцептуализации материальной агентности для целей микросоциологии. В то время как мыслители поворота к материальному предлагают новые концептуальные ресурсы для разговора о нечеловеческих онтологиях, исследователи взаимодействия пытаются пересобрать социальную ситуацию, раздробленную телекоммуникационными технологиями. В перспективе конверсационного анализа исследовалась в основном конститутивная роль технических объектов, однако они также могут нарушать текущие проекты действия участников и при этом оставаться «невидимыми и незамечаемыми», как, например, задержка в видеозвонках. Попытка рассмотрения неподотчетных частей материального контекста ставит под удар сами основания конверс-аналитического проекта, поскольку аналитическая позиция отделяется от позиции участников взаимодействия. В противоположность этому взгляду мы предлагаем концептуализацию связи между участником и средой взаимодействия как источника агентности, которая позволяет сохранить полностью эмпирическую перспективу. Мы иллюстрируем наши тезисы на основании анализа кейса взаимодействия между глухим и слышащим участником в социальном приложении в виртуальной реальности VRChat. Данный кейс является частью более обширного этнографического исследования сообщества Глухих в виртуальной реальности, проводившегося нашей командой на протяжении трех месяцев. В рассматриваемом кейсе виртуальные карандаши, оставляющие долговечные надписи в воздухе, используются участниками для коммуникации. Мы анализируем очень простую вопрос-ответную последовательность и показываем, что: участники относятся к производимым надписям как к материальным; слышащий участник оказывается менее способен к коммуникации в этом пространстве, чем Глухой; ответ на вопрос производится совместно благодаря инструкционной работе Глухого участника. В целом полученные результаты позволяют сделать следующие выводы о природе материальности, агентности и коммуникативной компетентности: 1) материальность среды не является чисто аналитической категорией, а конструируется участниками взаимодействия; 2) агентность участников зависит от среды и в то же время имеет распределенный характер; 3) коммуникативная компетентность не связана напрямую с «внутренними» характеристиками агента, такими как атипичность.

157

Ключевые слова: экологический поворот, этнометодология и конверсационный анализ, мультимодальность, атипичная коммуникация

Maria A. Erofeeva¹

RANEPА; MSSES, Moscow, Russia

- 1 Erofeeva Maria Aleksandrovna — Candidate of Sociological Sciences, Researcher at the Center for Sociological Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Senior Lecturer of the Faculty of Social Sciences of the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES). Research interests: microsociology; multimodal conversation analy-

Nils Kloweit¹

RANEPA; MSSSES, Moscow, Russia

Denis R. Zababurin²

RANEPA, Moscow, Russia

How to Speak Silently — Rethinking Materiality, Agency, and Communicative Competence in Virtual Reality

Abstract:

While thinkers of the material turn offer new conceptual resources for talking about non-human ontologies, interaction researchers are trying to reassemble the social situation fragmented by telecommunication. Conversation analysts tend to see technical objects in their situation-constitutive role, but they can also disrupt the current projects of the participants whilst remaining “unseen and unnoticed” (e.g. Zoom delays). We propose a conceptualization of the relationship between the participant and the interaction environment as a source of agency, which makes it possible to preserve an emic perspective. We illustrate our thesis by analyzing a case study of interaction between a Deaf and a hearing participant in VRChat. In this case, virtual pencils that leave durable inscriptions in the air are used by participants for communication. We analyze a simple question-and-answer sequence and demonstrate that: the participants treat the inscriptions as material; the hearing participant is less capable of communicating in this space than the Deaf person; the answer to the question is produced jointly due to the instructional work of the Deaf participant. The results allow us to draw the following conclusions about the nature of materiality, agency and communicative competence: 1) the materiality of the environment is not a purely analytical category, but is constructed by the participants in the interaction; 2) the agency of the participants depends on the environment and at the same time has a distributed character; 3) communicative competence is not directly related to the “internal” characteristics of the agent, such as atypicality.

Keywords: ecological turn, ethnomethodology and conversation analysis, multimodality, atypical interaction, virtual reality

158

---

sis; sociology of technology; actor-network theory; education research. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru

- 1 Kloweit Nils — Research Fellow at the Center for Innovative Social Research, RANEPA, Lecturer of the Faculty of Social Sciences, MSSSES. Research interests: microsociology; multimodal conversation analysis; mixed and virtual reality technologies; education research. E-mail: nils.klowait@gmail.com
- 2 Zababurin Denis Romanovich — student of the Master’s degree programme “Psychology of management”, RANEPA. Research interests: conversation analysis, frame analysis, embodied interactions in virtual reality, negotiations, decision-making, cognitive distortions, employee evaluation and training systems. E-mail: denzababurin@gmail.com

Введение

Классическое определение социальной ситуации как нахождение группы людей «в пределах видимости и слышимости» друг друга [Goffman 1981: 145] на сегодняшний день устарело. Современные формы коммуникации становятся все более опосредованными: мы сидим на видеозвонках и параллельно переписываемся в социальных сетях, относимся к смартфонам как к неотъемлемому элементу встреч лицом-к-лицу [Avgustis, Oloff 2022], управляем техническими устройствами с помощью «умных колонок» и разговариваем с ними [Корбут 2021]. Пандемия коронавируса внесла немалый вклад в трансформацию социальной ситуации: работа и обучение на дому стали частью повседневной рутины, появились многочисленные «гибридные» форматы, объединяющие офлайн- и онлайн-присутствие. Иными словами, многие аспекты нашей жизни стали *конститутивно* опосредованными.

В этом контексте дискуссии о природе сложной материальной среды становятся все более актуальными. Мыслители поворота к материальному предлагают новые концептуальные ресурсы для разговора о нечеловеческих онтологиях [Caronia, Cooren 2014; Cetina 1997; Latour 1996; Pels, Netherington, Vandenberghe 2002], например, парламент вещей [Latour 1993], интеробъективность [Latour 1996], диахроническое социальное конструирование технологии [Pinch, Bijker 1984]. В этих дискуссиях социальная ситуация обычно не переопределяется, а игнорируется как нерелевантный аналитический концепт. Если границы социальной ситуации размыты благодаря техническому опосредованию [Latour 1994], нет такой вещи, как «порядок взаимодействия».

В противоположность этому взгляду микросоциологи всех мастей начали пересобирать социальную ситуацию. Например, К. Кнорр-Цетина говорит о «синтетической ситуации» [Cetina 2009], опосредованной экранами и добавляющей информационную глубину взаимодействию лицом-к-лицу. Конверс-аналитики концептуализируют «коммуникативные аффордансы» технологий [Hutchby 2001] и «раздробленные экологии» [Luff et al. 2003], когда у участников социального взаимодействия есть доступ только к части среды собеседника, как в видеозвонках. Разнообразие методов и концептов, с помощью которых современные микросоциологи работают с материальностью [Klowait 2019], указывает, что это благодатная почва для теоретических и методологических нововведений.

В этой статье на основе мультимодального конверс-анализа мы предлагаем концептуализацию связи между участником и сре-

дой взаимодействия, которая учитывает собственное осмысление участником этой связи. С помощью анализа кейса мы продемонстрируем, что новые неортодоксальные интерактивные экологии, такие как виртуальная реальность, являются уникальным объектом для иллюстрации защищаемых нами тезисов: 1) что материальность среды не является чисто аналитической категорией, а конструируется участниками взаимодействия; 2) что агентность участников зависит от среды и в то же время имеет распределенный характер; 3) что коммуникативная компетентность не связана напрямую с «внутренними» характеристиками агента, такими как атипичность¹.

Специфика взаимодействия в виртуальной реальности

160

Описываемый ниже кейс основан на видеоматериале, собранном в рамках проекта по исследованию особенностей мультимодального взаимодействия в виртуальной реальности (VR)², когда по крайней мере некоторые участники использовали VR-шлемы и нателные датчики, передающие их телесные движения в виртуальную среду³. Участники VR были представлены в форме гуманоидного аватара, который передавал их воплощенные (embodied) действия.

В течение трех месяцев наша команда собирала видеоэтнографические данные в VRChat — крупной полнотелесной виртуальной социальной сети, где общаются люди со всего мира. Ее спецификой является то, что большинство пространств и аватаров созданы самими пользователями. Выбор этого объекта был продиктован именно тем, что VRChat дает участникам широкие возможности устройства окружающей среды по своему вкусу. В результате такой свободы творчества в VRChat к настоящему моменту образовался

-
- 1 Мы используем понятие «атипичность» для обозначения людей с ограниченными возможностями здоровья и понятие «нормотипичность» для обозначения людей без таковых. Эта терминология позволяет уйти от негативной коннотации *ограниченных* коммуникативных способностей людей с инвалидностью. Как будет показано ниже, полностью нормотипичные участники бывают более ограничены в своих возможностях, чем атипичные.
  - 2 Мультимодальный конверс-анализ учитывает телесное поведение участников (жесты, взгляды, положение тела в пространстве и т. д.) в совместном производстве действия. Подробнее см. в: [Goodwin 2000; Mondada 2016].
  - 3 В некоторые пространства VR можно войти с компьютера, наличие шлема VR не является необходимостью.

растущий рынок пользовательских аватаров, которые не обязательно должны быть гуманоидными или даже двуногими. Примеры необычных аватаров, с которыми наша команда столкнулась во время исследования: поющий тостер размером с автомобиль, большой банкетный стол, летающая атомная подводная лодка, американские горки размером с комнату, а также миниатюрный хомячок, которого едва можно было разглядеть, когда он уворачивался от ног аватаров обычного размера.

Такое разнообразие телесных конфигураций имеет прямые следствия для анализа взаимодействия. Например, у некоторых аватаров нет глаз или шеи, что не позволяет использовать направление взгляда в качестве ресурса для управления участием во взаимодействии¹. Отсутствие привычных телесных средств для совершения действия заставляет нас обратить внимание на то, как специфические черты VR начинают использоваться участниками для реализации их практических целей. К примеру, некоторые аватары могут рисовать в воздухе, и эти надписи можно использовать во взаимодействии, что будет далее обсуждаться в этой статье. Такая же гибкость присутствует и в самих интерактивных пространствах VR. Их создатели способны изменить законы физики, например, скорректировать способ распространения звука в пространстве и материальные свойства среды, а также ограничить набор действий, доступных участникам.

161

Отсутствие глаз для управления взглядом является лишь крайним случаем общего принципа: действие локализовано на пересечении субъекта и среды. Во время встречи в кафе только половина тела доступна взаимному наблюдению (та, что над столом); сложно говорить на громком концерте; а при езде на велосипеде диапазон жестов ограничен. Во всех этих примерах взаимодействие симметрично, потому что ограничения или возможности создаются для участников среды в равной степени. В противоположность этому «атипичность» или даже инвалидность предполагает асимметричное соотношение субъекта и окружающей среды. В мире, созданном исключительно для нужд двуногих, люди, передвигающиеся без ног, как правило, находятся в невыгодном положении; в этом заключается по крайней мере один ключевой аспект политической природы «обустроенной» среды².

---

1 Предварительные размышления на эту тему представлены в: [Зизина 2019].

2 О том, как фундаментальные структуры взаимодействия дискриминируют атипичных участников, см. в: [Ерофеева 2021].

В отличие от устоявшихся материальных сред и коммуникативных структур, «странные» пространства с пока неясными правилами могут работать как отличные уравниватели. Например, людям с нарушениями слуха трудно вербально взаимодействовать в больших шумных помещениях. Участие в видеоконференции нивелирует интерактивную значимость упомянутой «инвалидности», поскольку системы видеоконференции типа Zoom позволяют повышать громкость, а также изолируют речь других участников. Иными словами, понятие инвалидности имеет структурное сходство с реляционной категорией аффорданса как характеристики, возникающей на пересечении субъекта и среды [Gibson 1986]. Этот аффорданс, в свою очередь, не является характеристикой, закодированной в перцептивных структурах агента или зависящей от статической среды, — он может стать объектом (воз)действия и рефлексии самих участников.

162

В общем, VRChat иллюстрирует, что «нормальное тело» не является локусом какого-то первичного неопосредованного действия, в то время как аватар представляет собой всего лишь его бледную копию. Наоборот, практические цели участников могут быть достигнуты с помощью подручных средств, какими бы они ни были. Даже сам термин «под рукой» (at-hand) кажется устаревшим, т. к. он подразумевает первичность «нормальной» телесности. Не у всех участников VR есть руки. Что имеется в виду, так это возможность ситуативно использовать какой-либо ресурс для реализации цели здесь-и-сейчас. В VR бестелесная «подручность» может стать «подконтрольностью»¹ или любой другой «-ностью», которая определяет специфику среды социального взаимодействия.

Наш аргумент заключается в том, что необычные, новые, гибкие интерактивные среды с неясными нормативными ожиданиями позволяют наглядно показать, как участники с разными способностями обустроят свои тела и окружающую среду для достижения практических целей.

Данные

В нашем кейс-стади мы фокусируемся на одном конкретном сообществе, активно использующем VRChat: Helping Hands. Это сообщество Глухих² в виртуальной реальности, в котором продвигается

---

1 Контроллеры, отслеживающие движения рук, используются в VR для управления практически всеми действиями аватара.

2 Мы используем понятие «Глухие» (Deaf) с большой буквы как самоименование членов сообщества. Различение между «Глухими» (с большой буквы)

обучение жестовому языку. Вот как они сами описывают это пространство:

Helping Hands создавалось как сообщество для всех, кто хочет научиться жестовому языку, чтобы иметь возможность взаимодействовать с различными сообществами и культурами Глухих внутри VRChat, а также приобретать навыки, которые можно применить и в реальном мире. Первоначально Para Thelius создал Helping Hands в октябре 2018 года для объединения пользователей жестового языка в VRChat. Впоследствии наш Discord стал семьей для жестикулирующих, которой мы являемся сегодня. Она включает всех, от начинающих до носителей жестового языка.

Наша миссия состоит в том, чтобы разрушить барьеры, разделяющие культуру слышащих и Глухих. Предоставляя доступ к различным культурам через интернет, в частности через виртуальную реальность, мы объединяем людей из разных социальных миров (backgrounds), чтобы лучше понимать друг друга [*Helping Hands mission statement, n.d.*].

Этот кейс интересен по ряду причин. С одной стороны, люди с атипичными телесными возможностями (ЛАТВ) при использовании виртуальной реальности сталкиваются с рядом уникальных проблем. Большинство популярных систем виртуальной реальности рассчитано на «среднего» пользователя и состоят из шлема, который отслеживает свободное движение головы и передает аудиовизуальные данные, и двух контроллеров, которые необходимо держать в руках (см. рис. 1). Таким образом, нормотипичный дизайн технологии может вступать в противоречие с интерактивными способностями ЛАТВ. Например, в VR-пространствах довольно редко присутствуют субтитры, что делает практически невозможным восприятие речи для человека с нарушениями слуха. Кроме того, некоторые ЛАТВ могут испытывать трудности со сложными движениями рук, необходимыми в некоторых пространствах VR, и даже сам шлем может быть трудно надеть.

163

и «глухими» (с маленькой буквы) является культурным конструктом. Глухие (с большой буквы) воспринимают себя как носителей специфической культуры Глухих (Deaf culture), а не просто как людей, объединенных общей физической особенностью. Обычно это люди с врожденной глухотой, хотя это не обязательно так. Helping Hands — это открытое сообщество, поэтому в него также могут входить слышащие люди, которые хотят изучать жестовый язык.

164

Рис. 1. Пользователь VR со шлемом и двумя контроллерами. Фото авторов
Fig. 1. VR user with a helmet and two controllers. Photo of the authors

С другой стороны, гибкость VR-пространств позволяет также найти новые способы адаптации среды к собственным потребностям. Например, к речи в виртуальной реальности *можно* добавлять субтитры. Тем самым новые формы общения с ЛАТВ становятся возможными.

Рассматриваемый нами кейс позволяет проиллюстрировать конкретную адаптацию окружающей среды к потребностям людей с нарушениями слуха.

Виртуальные карандаши

Как упоминалось ранее, пространства VRChat не обязательно воспроизводят ограничения физических пространств. Ярким примером могут служить специальные карандаши, которые оставляют в воздухе долговечные надписи, подобные надписям на стенах

или заборах в реальном мире. Такие виртуальные карандаши есть в некоторых комнатах¹, изначально задумывавшихся для презентаций, и ими могут пользоваться все участники, обладающие руками. Когда такой карандаш находится в руке, по нажатию кнопки на контроллере он оставляет след в виде цветной линии, и этот след виден другим участникам комнаты. Если никто не нажмет кнопку глобального «сброса» или не сотрет надпись ластиком, она будет висеть в воздухе, доступная для наблюдения под разными углами.

Когда виртуальный карандаш используется для коммуникации, участникам приходится учитывать положение тел друг друга: если два человека стоят лицом к лицу, и карандаш используется, чтобы написать что-то в воздухе между ними, то написанный текст будет отображаться зеркально для одного из них:

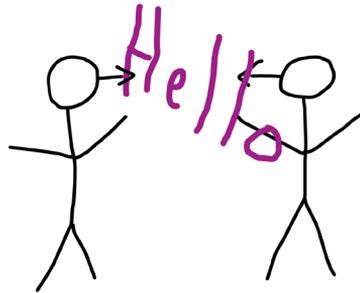

Рис. 2. Асимметрия виртуального текста
Fig. 2. Asymmetry of virtual text

Это обстоятельство оказывает непосредственное влияние на взаимодействие, в частности на то, какие лицевые формации (facing formations) [Kendon 2009] занимают люди, использующие виртуальные карандаши. Под лицевой формацией понимается взаимное позиционирование тела и взгляда друг относительно друга, что важно для управления совместным вниманием. В случае виртуальных карандашей участники могут с самого начала писать зеркально отраженным шрифтом; или они могут пригласить собеседника изменить положение своего тела после написания сообщения; наконец, сообщение может быть написано либо под углом 90 градусов, что позволяет расположиться полулицом, либо когда

¹ Комнатой в VRChat называется ограниченное пространство взаимодействия, обычно включающее до 20–40 человек. Комнаты могут быть тематическими, например, комната для презентаций, караоке, бар и т. д.

оба участника сразу смотрят в одном направлении, как показано на рисунке ниже.

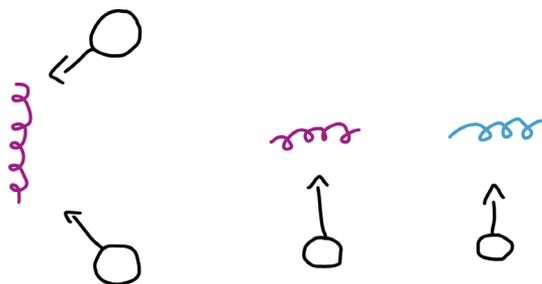

Рис. 3. Типичные лицевые формации при использовании виртуального карандаша

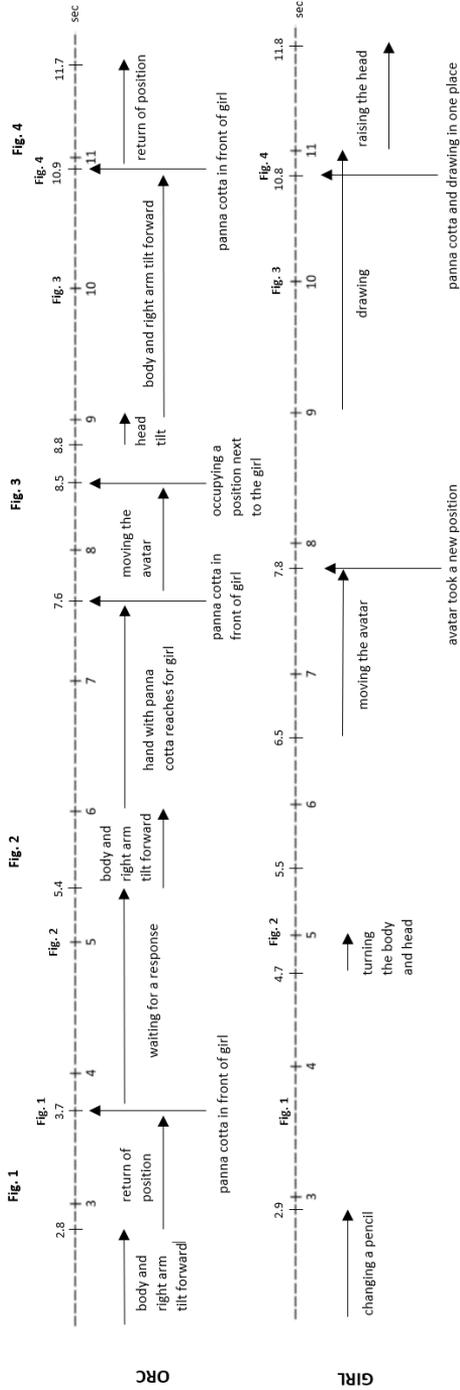
Fig. 3. Typical facing formations when using a virtual pencil

166 Еще один интеракционно релевантный аспект виртуальных карандашей, обнаруженный нами в этнографической практике: они могут указывать направление взгляда. Поскольку аватары в VRChat могут быть разного размера, а видимые индикаторы направления взгляда часто отсутствуют, положение карандаша, рисующего линию в воздухе, может быть единственным надежным ресурсом для установления контакта глаз. Ниже приведен пример такого использования виртуального карандаша (см. транскрипты 1.1 и 1.2)¹.

В этом фрагменте персонаж-орк (ORC), от лица которого мы наблюдаем взаимодействие, предпринимает неоднократные попытки поместить виртуальную панна-котту перед персонажем-девушкой (GIRL), которая в этот момент использует карандаш. Девушка никак не реагирует на размещение панна-котты в непосредственной близости от нее (fig. 1-3 в транскрипте 1.1). Поскольку направление взгляда и поле зрения в VR трудноопределимы, нельзя сказать, что панна-котта была размещена «перед» ней в традиционном смысле, типичном для взаимодействия в физической реальности.

Девушка реагирует — сначала она приостанавливает текущее действие рисования (fig. 7 в транскрипте 1.2), а затем берет панна-котту (fig. 8) — только после того, как орк повторно размещает панна-котту перед ней, на этот раз прямо *внутри рисунка* (fig. 5-6).

1 В верхней части транскрипта расположена временная шкала, где одна черточка обозначает десятую долю секунды. Воплощенные действия двух участников представлены под их временными шкалами. Положение рисунков также синхронизировано с временной шкалой.

Транскрипт 1.1. Процедура передачи панна-котты I

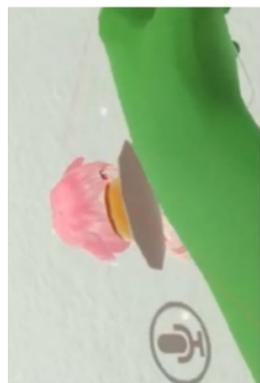

Fig. 8

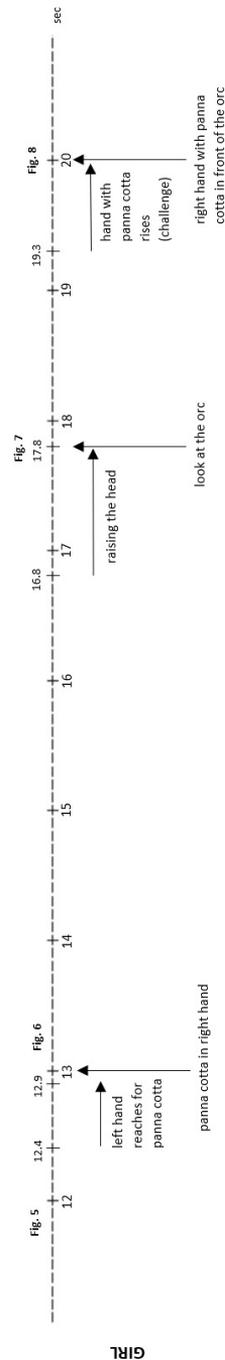
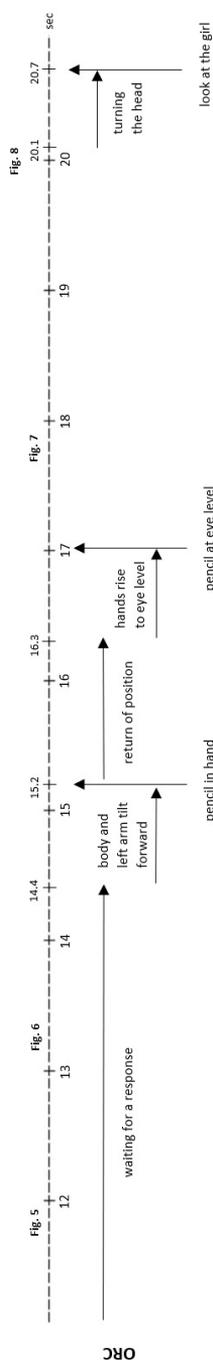
Fig. 7

Fig. 6

Fig. 5

Транскрипт 1.2. Процедура передачи панна-котты II

Иными словами, рисунок является взаимно доступным объектом, указывающим на то, куда в данный момент направлено внимание участника. В рассмотренной коммуникации он функционально заменяет взгляд и положение тела, обычно используемые для управления вниманием и участием во взаимодействии.

Виртуальные карандаши в сообществе Helping Hands

В то время как для нормотипичных людей виртуальные карандаши — это скорее забавные игрушки, Глухие воспринимают их как объекты, позволяющие им коммуницировать в нормоцентричной среде.

В комнате, специально посвященной истории сообщества Helping Hands, о виртуальных карандашах говорится следующее:

<...> игра [VRChat] не предназначена для глухих людей. Это связано с тем, что большинство людей использует для общения встроенную в VRChat [голосовую] систему “teamspeak” <...> Глухие игроки не могут слышать, поэтому они вынуждены приходить в «Комнату для презентации», в которой есть рабочие карандаши. Только там они могут писать в воздухе и общаться с другими, а также имеют возможность научить других использовать ASL [американский жестовый язык]. Завести друзей оказывается непросто, однако это также касается мьютов (mutes)¹ и слабослышащих людей. Из-за молчания их обычно игнорируют во многих мирах [комнатах], за исключением некоторых комнат с карандашами и клавиатурами. Они могут использоваться для общения с другими. Но во многих мирах у глухих нет никакой возможности общаться с другими².

169

Иными словами, виртуальные карандаши не только выступают средством общения для Глухих людей, но и фигурируют в самоописании сообщества как средство вовлечь других пользователей в обучение жестовому языку, т. е. расширить границы сообщества.

В следующем разделе мы проанализируем ситуативную роль виртуальных карандашей для сообщества Helping Hands (НН). На материале отдельного кейса мы продемонстрируем, как они используются в качестве ресурса для организации взаимодействия, в котором участвуют люди с отличающимися телесными возможностями.

1 Мьюты — отдельная категория пользователей VRChat; это люди, сознательно не использующие микрофоны для коммуникации.

2 Цит. по: Музей жестового языка в мире Sign&Fun MrDummy_NL.

Карандаши вместо речи

Коммуникация участников с разными способностями становится возможной, если они разделяют хотя бы некоторые семиотические ресурсы, в частности язык или другие символические структуры¹. К примеру, Гудвин убедительно продемонстрировал, как человек, утративший речь в результате инсульта, может оставаться активным спикером, относясь к богатым языковым структурам собеседников с помощью других ресурсов — просодии и жестикуляции [Goodwin 1995]. Тем не менее такое общение дается сложнее; можно указать на чужую речь, но референт такого указания неоднозначен, что превращает довольно простое действие, такое как выбор блюда на завтрак, в продолжительные последовательности намеков-и-догадок (hint-and-guess sequences).

В нашем случае участники разделяют символический язык, но практически не могут его использовать, так как один из них не слышит, а другой не понимает язык жестов. На помощь приходят виртуальные карандаши, поскольку они заменяют способность говорить. Свойства создаваемых таким образом надписей тем не менее резко отличаются от речи — они производятся гораздо медленнее; в то же время они более долговечны, поскольку написанный текст остается в воздухе. Далее мы рассмотрим, как участники с разными способностями обращаются к этому ресурсу для достижения взаимопонимания во взаимодействии.

В анализируемом эпизоде Билл (Глухой человек) проводит экскурсию по виртуальному музею истории сообщества НН для Энн (человека, не владеющего языком жестов). Билл — опытный пользователь VRChat, и у него VR-система с отслеживанием всего тела, что означает, что все его физические движения передаются в виртуальную реальность (в отличие от обычной парадигмы, когда отслеживаются только голова и руки). Энн посещает VRChat с компьютера, а это значит, что она может двигаться, смотреть и писать в воздухе, используя только мышь и клавиатуру. Также она раньше никогда не пользовалась виртуальными карандашами; их значительно сложнее использовать с мышью, чем с виртуальной рукой, поскольку мышь дает только три степени свободы (вращение) по сравнению с контроллером (вращение + перемещение).

170

---

1 Исследования несимволического взаимодействия в человеческом обществе демонстрируют, что отсутствие общезначимых символов делает коммуникацию крайне затруднительной, но не невозможной. Так, Д. Гуд в исследовании слепоглухих детей [Goode 1994] демонстрирует, что взаимопонимание может быть достигнуто на фундаментальном телесном уровне.

Последовательность (транскрипты 2.1-2.3¹) начинается с вопроса Билла «did you come here before», который он пишет в воздухе. На производство первой парной части (вопроса)² уходит более 17 секунд. Из-за пространственных характеристик надписей участника вынуждены располагать свои тела таким образом, чтобы слова были взаимно видимыми. Для этого они занимают параллельную лицевую формацию (side-by-side F-formation) [Kendon 2009]. Однако это не так-то просто. Поскольку слова занимают место и частично скрыты спиной пишущего, Энн приходится дважды изменить положение, чтобы иметь возможность прочитать то, что пишется в воздухе (строки 1, 4 транскрипта 2.1). Как только окончание вопроса становится предсказуемым (когда появляется часть слова «bef(ore)»), Энн отворачивается и идет к другому концу комнаты, где размещены виртуальные карандаши. Она берет один из них (строка 12) и возвращается в исходное место рисования (13). Карандаши позволяют писать в любом месте пространства, но Энн возвращается к тому же месту, где остался парящий в воздухе вопрос, чтобы написать ответ рядом с ним. Наблюдаемая траектория движения — не единственный доступный вариант, что видно из ответных действий Билла. Он последовал за ней (строка 13) и, соответственно, находился в формации, чтобы воспринять ее ответ раньше, или ближе. Выбор вернуться к исходному месту рисования указывает на то, что Энн рассматривает надпись в воздухе как материальную инфраструктуру для действия, своего рода доску для письма, на которой уместно разместить ответ на вопрос. Вторая парная часть в рассматриваемом кейсе становится условно релевантной³ дважды: это не только временная, но и пространственная последовательность действий. Хотя слова в воздухе нематериальны в традиционном смысле, с ними обращаются как с таковыми.

171

- 1 В транскрипте 2.1 используется упрощенная система Мондады (2001). Поскольку рассматриваемые действия протекают скорее последовательно, чем одновременно, мы используем временную шкалу как точку отсчета только там, где это необходимо (строки 1, 4, 13). Во всех остальных случаях время производства надписи или действия указано в скобках. Рисунки во всех случаях отражают финальную фазу действия.
- 2 Смежные пары (adjacency pairs) — простейший элемент последовательной организации действия. Они состоят из двух частей, где появление первой подразумевает вторую. Например, приветствие-приветствие, вопрос-ответ, приглашение-принятие/отказ. Подробнее см. в: [Schegloff 2007].
- 3 Условная релевантность — центральное понятие конверс-анализа, описывающее отношение между социальными действиями. Производство одного действия делает определенные ответные действия релевантными и потому нормативно ожидаемыми. Подробнее см. в: [Schegloff 2007].

```

1 B: did (0.3) +(0.9)          + (1.7)
  A:          +positions right+ #fig1
2 (0.4)
3 B: you (2.6)
4 (2.8) +(1.2)
  A:          +repositions left--> + #fig2
5 B: come (2.2)                + (0.1)
6 (0.3)
7 B: here (2.2)
8 (0.8)
9 B: bef (1.9)

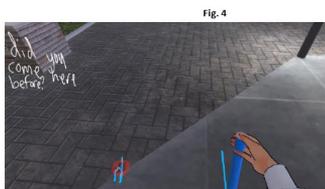
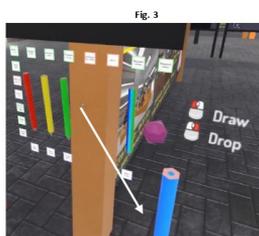
```



```

10 (0.1)
11 A: walks tw pens (3.5)
12 +(1.1) (0.5)  +
  A: +.....grabs pen+ #fig3
13 +(0.4) *(1.9)  * (1.2)+
  A: +walks back  +
  B:          *walks tw A*
14 A: ǀ (3.6)
15 (0.1)
16 A: looks down (2.2)
17 A: steps back (1.2)
18 A: returns (1.7)
19 A: ǀ (2.0) #fig4
20 A: looks down (1.5)

```


Транскрипт 2.1. Производство смежной пары «вопрос-ответ» в VR I

После того, как Энн возвращается на исходное место, она изо всех сил старается дать ответ. Положение карандаша в ее руке неудачное: она не видит то, что пишет, т. к. схватила карандаш скорее как ручку метлы, нежели как пишущий инструмент. Это заставляет ее приостанавливать действие и постоянно проверять, что получилось (строки 16–17, 20). В итоге Энн удается создать два символа (14, 19), по форме которых можно сделать вывод, что ее ответ «нет», так как первой парной частью был полярный вопрос (предполагающий ответ «да» или «нет»). Тем не менее этот ответ не принимается Биллом. Вместо того чтобы двигаться дальше, он начинает давать Энн инструкции о том, как пользоваться виртуальными карандашами.

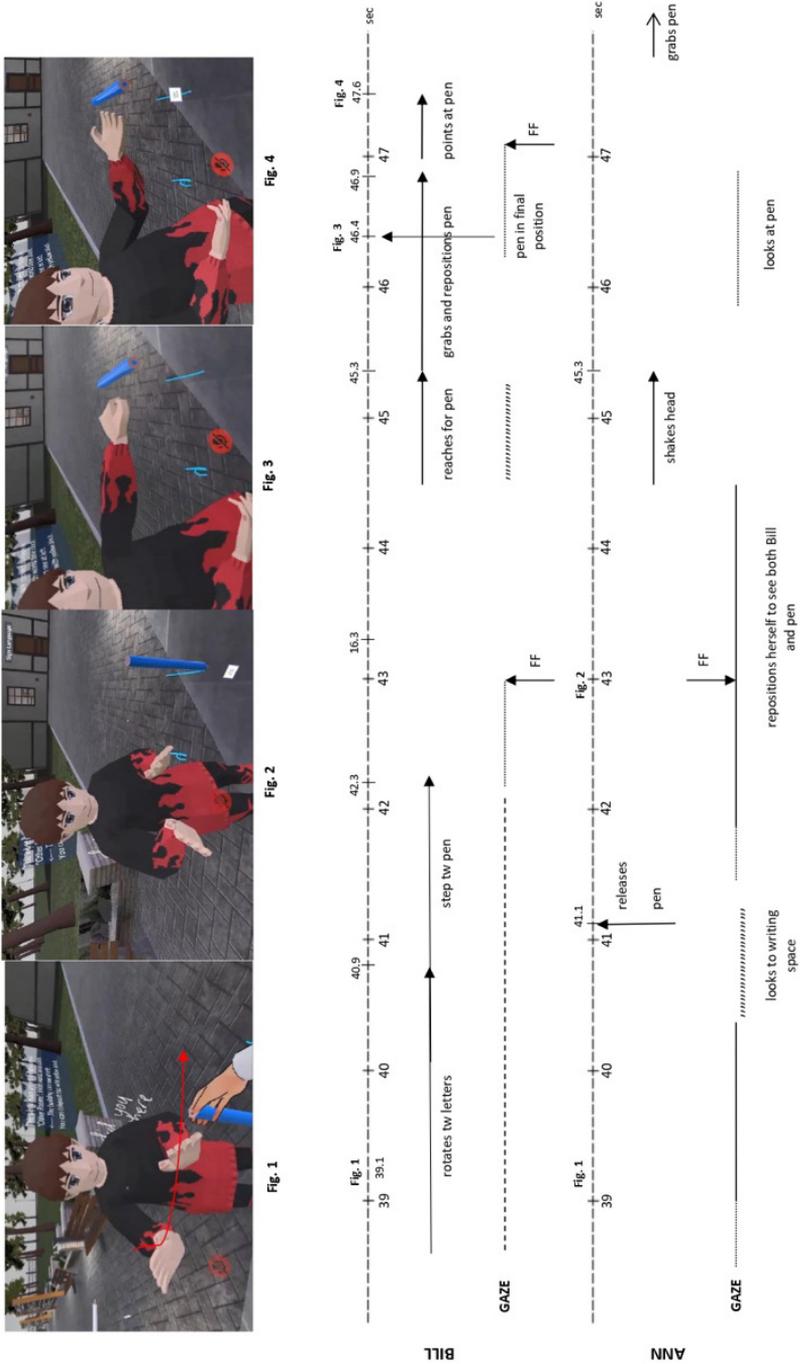
В следующих транскриптах (2.2 и 2.3) мы используем систему, разработанную Гудвином для отслеживания взгляда [Goodwin 1981], которая представлена под строкой, описывающей воплощенное поведение. Ряд точек обозначает, что одна сторона поворачивается к другой, а сплошная линия указывает на то, что участник смотрит в сторону другого. В этом случае пунктирная линия указывает на то, что взгляд обращен на место для письма¹.

Билл начинает поворачиваться к символам, нарисованным Энн (fig. 1 транскрипта 2.2), после чего она переводит взгляд на него и понимает, что действие, которое он начал, касается письма в воздухе. Мы делаем такой вывод, потому что она переводит взгляд на «место для письма» еще до того, как Билл закончил двигаться. Билл направляется в сторону карандаша, который Энн держит в руке, и она отпускает его, а тот остается висеть в воздухе. Затем Энн смотрит на Билла, по-видимому, чтобы понять, чего он от нее хочет, и корректирует свое поле зрения, отступая назад, чтобы видеть и Билла, и карандаш.

Когда Энн перестала смотреть в сторону «места для письма» и начала двигаться, Билл прервал свое текущее действие — поправить карандаш, чтобы помочь Энн правильно написать ответ. Они достигают F-формации лицом-к-лицу (fig. 2) примерно на полпути, но Билл не предпринимает никаких других действий до завершения движения Энн. Когда она останавливается, участники продолжают свои проекты действий: Энн делает резкое движение головой вперед-назад, похожее на качание головой, в то время как Билл тянется к карандашу. Движение головы Энн может быть простой моторной неловкостью, такой как неверный щелчок мышью, но есть основания полагать, что она пытается дать ответ «нет» другими доступными ей средствами. Она все еще может не до конца понимать, что Билл от нее хочет, но она точно знает по отсутствию его реакции, что ее предыдущий «ответ» не был воспринят как достаточный.

Билл никак не отреагировал на это качание головой, так как в этот момент выполнял действие «схватить карандаш». Энн следит за его движениями и смотрит на карандаш, пока Билл меняет его положение (fig. 3). Поскольку Энн не берет карандаш, Билл переводит на нее взгляд и указывает ладонью на пишущий инструмент (fig. 4), как бы приглашая ее взять его. В этот момент Энн, кажется, наконец понимает, что происходит, и берет карандаш в руку.

1 Одной из особенностей виртуальной реальности является то, что направление взгляда можно понять, наблюдая за движением головы, а не глаз, потому что движения глаз не отслеживаются. Эта особенность также затрудняет отслеживание точного направления взгляда; следовательно, это примерная оценка как для аналитиков, так и для самих участников.

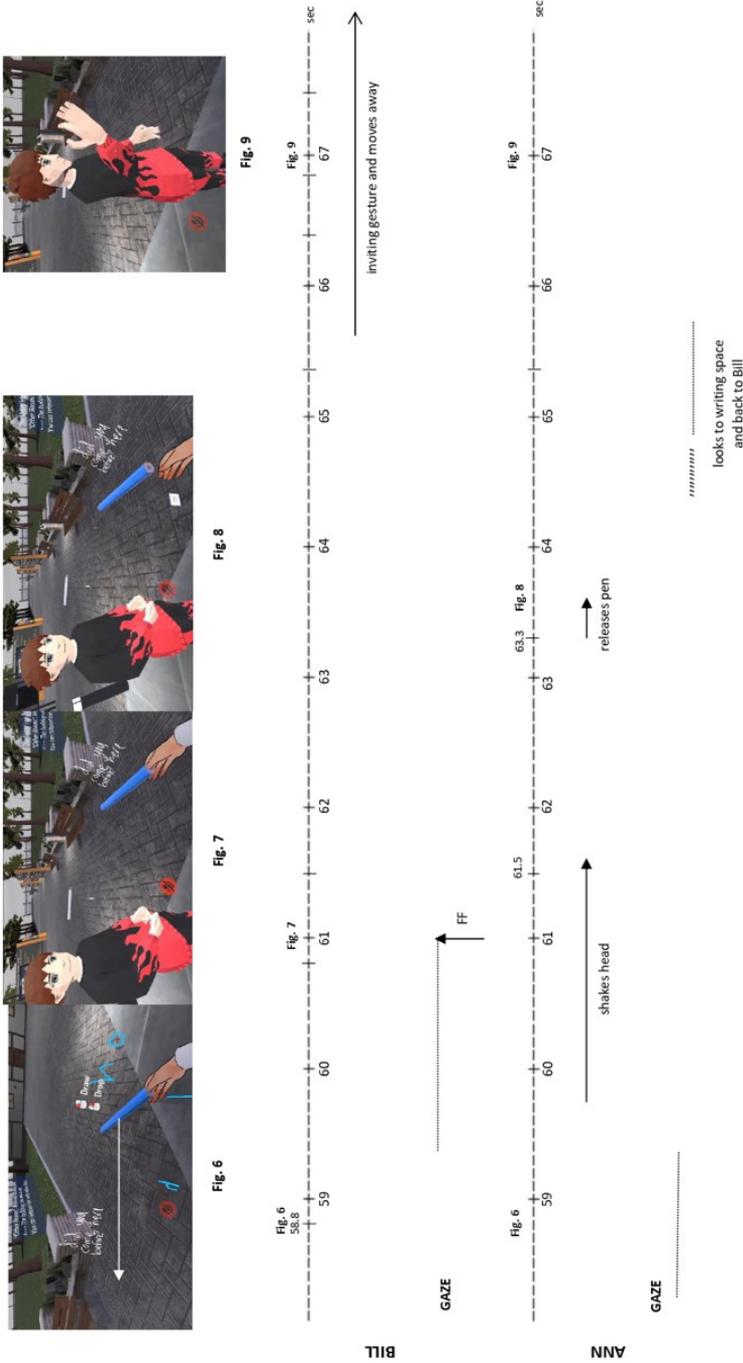

Транскрипт 2.2. Производство смежной пары «вопрос-ответ» в VR II

После того, как Энн взяла карандаш, она начала писать «по» в воздухе, что заняло у нее примерно 8 секунд (не отражено в транскрипте). Затем она поворачивается к Биллу (fig. 6 транскрипта 2.3), чтобы узнать, примет ли он ее ответ теперь, и еще раз качает головой взад-вперед (на этот раз траектория движения ровная). Тем самым она повторяет свой письменный ответ движением головы, возможно, прибегая к более знакомой модальности. Поскольку Энн использует компьютерное приложение и управляет аватаром с помощью мыши, она не может выполнять действия одновременно, поэтому она *сначала* пишет, а *потом* качает головой. Это движение кажется излишним, поскольку теперь ответ написан ясно, но, как показал Гудвин [2018], семиотические модальности не просто повторяют друг друга, а скорее помогают участникам выполнять действия в конкретном контексте. Когда Энн писала, Билл смотрел на «место для письма». Переводя на него взгляд и качая головой, она привлекает его внимание (fig. 7). Энн необходимо подтверждение: хотя ответ был дан, последовательность не может считаться закрытой, ведь Билл не подтвердил две ее предыдущие попытки. Через 1,8 секунды Энн отпускает карандаш (fig. 8) и бросает короткий взгляд в сторону места для письма и снова на Билла, словно ища подтверждения своего ответа. Она так и не получила прямого подтверждения; однако после ее движения Билл явно инициирует новую последовательность, выполняя «приглашающий» жест (fig. 9) и удаляясь. Таким образом, переход к следующей последовательности ознаменовал собой, что предыдущая была закрыта.

175

Как видно из этого примера, участники рассматривают надписи, созданные виртуальными карандашами, как «материальные», а их пространственные свойства структурируют то, как организована последовательность взаимодействия. Энн, у которой нет АТВ в физической реальности, будучи помещенной в виртуальное тело с одной только мышью для выражения всех ее «модальностей», а также при отсутствии опыта пребывания в этом пространстве, испытывает неимоверные трудности, для того чтобы дать ответ на простой вопрос. Это указывает на ситуативную природу агентности и коммуникативной компетентности, которая коренится в локальной экологии виртуального пространства и его специфических ресурсах. Более того, Энн не смогла бы в принципе дать ответ, если бы Билл не помог ей. Участники сконструировали ответ сообща, используя виртуальные карандаши, а также свои тела и взгляды для координации действий. Таким образом, агентность, которую мы наблюдаем в данном случае, не только ситуативная, но и распределенная между участниками.

Транскрипт 2.3. Производство смежной пары «вопрос-ответ» в VR III

Заключение

Растущее внимание к воплощенности и мультимодальности взаимодействия [Goodwin 2000; Mondada 2016; Nevile 2015] влечет за собой возобновление интереса к роли материальной среды в социальном взаимодействии [Nevile, Haddington, Heinemann, Rauniomaa 2014]. Сторонники материального поворота [Caronia, Cooren 2014; Cetina 1997; Latour 1996; Pels et al. 2002] ищут способы концептуализации агентности вещей [Latour, 2016]. В противоположность этому в конверс-анализе объекты изучались как фасилитаторы совместной деятельности [Brassac, Fixmer, Mondada, Vinck 2008; Fox, Heinemann 2015; Lindström, Norrby, Wide, Nilsson 2017], интегральные части элементарных действий [Day, Wagner 2014; Mondada 2019] и средства поддержания социальных отношений [Licoppe et al. 2017]. Эти конститутивные роли, возможно, не наделяют объекты агентностью, поскольку они рассматриваются как ресурсы или продукты человеческой деятельности — как «простые посредники» [Latour 1996]. Тем не менее на другой стороне спектра нам приходится иметь дело с явлениями, которые нарушают текущие проекты действия участников, такими как задержка в видеозвонках [Seuren, Wherton, Greenhalgh, Shaw 2021].

177

Еще более насущная проблема, которую ставит перед исследованием взаимодействия материальный поворот, касается самого понятия социальной ситуации. Опосредованные формы коммуникации «раздробили» [Luff et al. 2003] взаимодействие, но даже классические социальные ситуации содержат мириады материальных объектов, которые были созданы несоприсутствующими агентами задолго до текущего взаимодействия. Они привносят в ситуацию *историчность*, которая размывает локальность и ставит под вопрос роль материальной среды для микросоциологии.

Один ответ, совместимый с этнометодологией и конверс-анализом, сосредоточен на понятии подотчетности (accountability). Наиболее яркой его иллюстрацией, возможно, является понятие коммуникативных аффордансов [Hutchby 2001] — возможностей для действия, которые открываются благодаря использованию технологий в конкретной социальной ситуации. Они не только позволяют совершать определенные действия, но и *предполагают* их как следующие релевантные. Например, поле зрения веб-камеры позволяет отображать множество объектов, но видеозвонок предполагает, что в кадре будет находиться «говорящая голова», и это побуждает участников соответствующим образом настраивать свои веб-камеры. Следовательно, коммуникативные аффордансы имеют значение только тогда, когда на них обращают внимание участники. Этот ответ был оспорен различными попытками приписать агентность

элементам материальной среды [Caronia, Mortari 2015]. Например, интерактивные эффекты задержки в видеозвонках описываются как «невидимые и незамечаемые» [Seuren et al. 2021], но имеющие последствия для разворачивающегося взаимодействия. Если неподотчетные части материального контекста начинают рассматриваться как значимые, становится неясным, какие из них релевантны для взаимодействия.

Мы утверждаем, что идея Гудвина о публичных субстратах предлагает более подходящий ответ на вопрос о материальной агентности в социальном взаимодействии. Проанализированный кейс показывает, что виртуальные карандаши используются в качестве замены речи; однако благодаря свойствам надписей вновь созданный таким образом поток «речи» становится гораздо более устойчивым. В отличие от речи, надписи парят в воздухе и создают общий фокус внимания. Благодаря своей долговечности они становятся публичными субстратами для последующих действий. Таким образом, хотя написанные слова являются виртуальными, и сквозь них легко можно пройти, они воспринимаются участниками как материальные в самом прямом смысле — они создают воображаемую письменную доску, которая является фокусом взаимодействия. Модель Гудвина позволяет говорить об историчности социальной ситуации благодаря понятию публичного субстрата — предшествующего действия, которое «осело» в окружающей среде. Тем не менее он имеет значение только в том случае, если люди повторно используют его в последующих действиях (например, подчеркивают что-то в парящей надписи).

178

Этот подход помогает концептуализировать нечеловеческую агентность, не редуцируя объекты ни к простым посредникам, ни к противникам человеческой деятельности. Как показал наш анализ, виртуальные карандаши помогают Глухому участнику коммуницировать, но представляют собой практически непреодолимое препятствие для нормотипичного участника. Таким образом, они не являются ни ресурсами, ни ограничителями, если рассматривать их отдельно от контекста использования. Скорее, они открывают определенные возможности для действия, которые, переплетаясь с другим набором возможностей действия, связанных с аватарами и телами участников, создают способность действовать. Агентность, таким образом, не только локализована в ситуации, но и распределена между различными элементами окружающей среды, в том числе телами участников.

Более того, вопрос об агентности неразрывно связан с вопросом о коммуникативной компетентности. Глухой человек может «говорить», так как знает, как управлять своим аватаром и карандашом. Коммуникативный репертуар людей, не входящих в это сообще-

ство практики, будет сильно ограничен в сравнении. Таким образом, человеческая агентность не только распределяется на другие элементы окружающей среды (такие как виртуальные карандаши), но также зависит от компетентности участника в манипуляциях материальным миром.

Библиография / References

Ерофеева М. А. (2021) Интерсубъективность в асимметричном взаимодействии. *Журнал исследований социальной политики*, 19(4): 635–650. — in Russ.

— Erofeeva M. (2021) Achieving Intersubjectivity in Asymmetric Interaction. *The Journal of Social Policy Studies*, 19(4): 635–650.

Зизина О. (2019) Феномен вежливого невнимания в VRChat. Блог Лаборатории Виртуальной Реальности МВШСЭН. <https://www.vrstudies.ru/ru/civil-inattention-vrchat/>

— Zizina O. (2019) The phenomenon of polite inattention in VR Chat. Blog of the MSS-ES Virtual Reality Laboratory. <https://www.vrstudies.ru/ru/civil-inattention-vrchat/>

Корбут А. М. (2021) Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 193–216.

— Korbut A. M. (2021) Domestication of Artificial Intelligence: Smart Speakers and Transformation of Everyday Life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1: 193–216. — in Russ.

Avghostis I., Oloff F. (2022) Bringing smartphone users (back) into the conversation. 17th International Pragmatics Conference, Panel “Technology use in social interaction: enabling vs. constraining participation”, 27 June — 2 July, Winterthur, Switzerland (online).

Brassac C., Fixmer P., Mondada L., Vinck D. (2008) Interweaving Objects, Gestures, and Talk in Context. *Mind, Culture, and Activity*, 15(3): 208–233.

Caronia L., Cooren F. (2014) Decentering our analytical position: The dialogicity of things. *Discourse & Communication*, 8(1): 41–61.

Caronia L., Mortari L. (2015) The agency of things: how spaces and artefacts organize the moral order of an intensive care unit. *Social Semiotics*, 25(4): 401–422.

Cetina K. K. (1997) Sociality with Objects. *Theory, Culture & Society*, 14(4): 1–30.

Day D., Wagner J. (2014) Objects as tools for talk. M. Nevile, P. Haddington, T. Heineemann, M. Rauniomaa (eds.) *Interacting with objects: Language, materiality, and social activity*, Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Erofeeva M. (2021) Achieving Intersubjectivity in Asymmetric Interaction. *The Journal of Social Policy Studies*, 19(4): 635–650.

Fox B. A., Heinemann T. (2015) The Alignment of Manual and Verbal Displays in Requests for the Repair of an Object. *Research on Language and Social Interaction*, 48(3): 342–362.

- Gibson J. J. (1986) *The ecological approach to visual perception*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Goffman E. (1981) *Forms of talk*. University of Pennsylvania publications in conduct and communication, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Goode D. (1994) *A World without Words: The Social Construction of Children Born Deaf and Blind*, Philadelphia: Temple University Press.
- Goodwin C. (1981) *Conversational organization: Interaction between speakers and hearers. Language, thought, and culture*, New York, London: Academic Press.
- Goodwin C. (1995) Co-Constructing Meaning in Conversations With an Aphasia Man. *Research on Language and Social Interaction*, 28(3): 233-260.
- Goodwin C. (2000) Action and embodiment within situated human interaction. *Journal of Pragmatics*, 32(10): 1489-1522.
- Goodwin C. (2018) *Co-operative action. Learning in doing*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Helping Hands mission statement (n.d). Retrieved from. https://docs.google.com/document/d/1KFTiPRIER_Lf0a1bqfHDOWGqsl9aoyY2DGzeoqz5zD0/edit
- Hutchby I. (2001) *Conversation and technology: From the telephone to the Internet*, Cambridge: Polity.
- Kendon A. (2009) Conducting interaction: Patterns of behavior in focused encounters (Transf. to digital printing). Studies in interactional sociolinguistics. Vol. 7. Cambridge, New York: Cambridge Univ. Press.
- 180 Klovait N. O. (2019) Interactionism in the age of ubiquitous telecommunication. *Information, Communication & Society*, 22(5): 605-621.
- Cetina K. K. (2009) The Synthetic Situation: Interactionism for a Global World. *Symbolic Interaction*, 32: 61-87.
- Latour B. (1996) On Interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity*, 3(4): 228-245.
- Latour B. (1994) On technical mediation. *Common Knowledge*, 3(2): 29-64.
- Latour B. (2016) How Better to Register the Agency of Things. M. Matheson (eds.) *The Tanner lectures on human values*, Salt Lake City, Utah: University of Utah Press: 79-117.
- Latour B. (1993) *We have never been modern*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Licoppe C., Luff P. K., Heath C., Kuzuoka H., Yamashita N., Tuncer S. (2017) Showing Objects. G. Mark, S. Fussell, C. Lampe, m. Schraefel, J P. Hourcade, C. Appert, D. Wigdor (eds.) *Proceedings of the 2017 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, New York, USA: ACM: 5295-5306.
- Lindström J. K., Norrby C., Wide C., Nilsson J. (2017) Intersubjectivity at the counter: Artefacts and multimodal interaction in theatre box office encounters. *Journal of Pragmatics*, 108: 81-97.
- Luff P., Heath C., Kuzuoka H., Hindmarsh J., Yamazak, K., Oyama S. (2003) Fractured Ecologies: Creating Environments for Collaboration. *Human-Computer Interaction*, 18(1-2): 51-84.
- Mondada L. (2016) Challenges of multimodality: Language and the body in social interaction. *Journal of Sociolinguistics*, 20(3): 336-366.

Mondada L. (2019) Contemporary issues in conversation analysis: Embodiment and materiality, multimodality and multisensoriality in social interaction. *Journal of Pragmatics*, 145: 47–62.

Mondada L. (2001) *Conventions for multimodal transcription*. <https://www.lorenzamondada.net/multimodal-transcription>

Nevile M. (2015) The Embodied Turn in Research on Language and Social Interaction. *Research on Language and Social Interaction*, 48(2): 121–151.

Nevile M., Haddington P., Heinemann T., Rauniomaa M. (2014) *Interacting with objects: Language, materiality, and social activity*, Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Pels D., Hetherington K., Vandenberghe F. (2002) The Status of the Object. *Theory, Culture & Society*, 19(5-6): 1–21.

Pinch T. J., Bijker W. E. (1984) The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other. *Social Studies of Science*, 14: 399–441.

Schegloff E. A. (2007) *Sequence Organization in Interaction*, Cambridge: Cambridge University Press.

Seuren L. M., Wherton J., Greenhalgh T., Shaw S. E. (2021) Whose turn is it anyway? *Latency and the organization of turn-taking in video-mediated interaction*. *Journal of Pragmatics*, 172: 63–78.

Рекомендация для цитирования:

Ерофеева М. А., Кловайт Н., Забабурин Д. Р. (2022) Как говорить без слов: переосмысляя материальность, агентность и коммуникативную компетентность в виртуальной реальности. *Социология власти*, 34 (3-4): 156-181.

For citations:

Erofeeva M. A., Klowait N., Zababurin D. R. (2022) How to Speak Silently — Rethinking Materiality, Agency, and Communicative Competence in Virtual Reality. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 156-181.

Поступила в редакцию: 15.11.2022; принята в печать: 19.12.2022

Received: 15.11.2022; Accepted for publication: 19.12.2022

МАРИЯ Е. ГЛУХОВА¹

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-5135-092X

«Либо фигня, либо капец»: кросс-культурный анализ опыта депрессии студентов из Санкт-Петербурга и Хельсинки

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-182-209

Резюме:

Несмотря на то что в последние годы депрессия становится одним из самых распространенных заболеваний в мире и существенно ухудшает качество жизни, многие люди, столкнувшись с ее симптомами, не обращаются к врачу и остаются без лечения. Одной из причин избегания медицинской помощи при депрессии может быть страх стигматизации. Ввиду разной степени распространенности стереотипов и предубеждений о психических заболеваниях и способах их лечения в разных культурах, представляется интересным сравнить опыт столкновения со стигмой в нескольких странах. В данном исследовании рассматривается влияние культурного контекста на опыт стигматизации студентов из Санкт-Петербурга и Хельсинки. Сбор данных проводился в 2019–2020 гг. с использованием двух методов: глубинных интервью и автобиографий. Диверсификация методов позволила увеличить отклик информантов в Финляндии. Анализ полученных данных был выполнен в технике тематического кодирования Уве Флика, разработанной для сравнения двух и более групп информантов. Результаты исследования показали, что финский социокультурный контекст был более дружелюбен по отношению к студентам с депрессией: участники из Хельсинки отмечали снижение стигматизации вокруг этого состояния в последнее время. Обращение к врачу было для них способом снизить стигматизацию, продемонстрировав окружающим попытки бороться с болезнью. В Санкт-Петербурге студенты боялись стигматизации, связанной с обращением за медицинской помощью, и откладывали поход к врачу. Им было сложнее, чем финским студентам, рассказать о своем состоянии близким, особенно родственникам. Раскрывая факт депрессии окружающим, участники из Санкт-Петербурга задействовали различные стратегии борьбы со стигмой.

182

1 Глухова Мария Евгеньевна — аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология психиатрии и психического здоровья, социология эмоций, гендерная социология, критические исследования мужчин и маскулинностей. E-mail: mglukhova@eu.spb.ru

Ключевые слова: депрессия, кросс-культурный анализ, стигматизация, студенты

Maria E. Glukhova¹

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

“Either Bullshit or You’re Screwed”: A Cross-Cultural Analysis of the Experience of Stigmatizing Students with Depression in St. Petersburg and Helsinki

Abstract:

Even though depression has become one of the most common diseases in the world and significantly worsens the quality of life, many people who encounter its symptoms do not seek professional help and remain without treatment. One reason for avoiding medical care for depression could be the fear of stigmatization. Considering the varying levels of stereotypes and prejudices about mental illness and how it is treated in different cultures, it is interesting to compare the experience of dealing with stigma in several countries. This study examines the influence of the cultural context on the experience of stigmatization of students from St. Petersburg and Helsinki. Data collection was carried out in 2019-2020 using in-depth interviews and autobiographies. The diversification of collection methods has increased the response of informants in Finland. The analysis of the obtained data was carried out using the Uwe Flick thematic coding technique which was developed to compare two or more groups of informants. The results of the study showed that the Finnish socio-cultural context was more friendly towards students with depression: participants from Helsinki noted a decrease in stigma around this condition in recent years. Seeking professional help was a way to reduce stigma by showing others that they are fighting the disease. In St. Petersburg, students feared the stigma associated with seeking medical help and put off going to a therapist. It was more difficult for them than for Finnish students to tell their relatives about their condition. In revealing the fact of depression to others, participants from St. Petersburg used various strategies to combat stigma.

183

Keywords: depression, cross-cultural analysis, stigmatization, students

В последние годы депрессия становится одним из самых распространенных заболеваний в мире: согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в 2017 году этот диагноз затронул 264 миллиона человек во всем мире [James et al. 2018]. Несмотря на то что депрессия существенно ухудшает качество жизни [Ibid.],

1 Glukhova Maria Evgenievna — post-graduate student of the European University at St. Petersburg. Research interests: sociology of psychiatry and mental health, sociology of emotions, gender sociology, critical studies of men and masculinities. E-mail: mglukhova@eu.spb.ru

многие люди не обращаются к врачу при появлении депрессивных симптомов [Barbui & Tansella 2006]. По оценкам ВОЗ, в странах с низким и средним уровнем дохода эта цифра может достигать 76–85% [WHO]. Одной из причин избегания медицинской помощи при депрессии может быть стигма, существующая как в целом вокруг психических заболеваний [Thornicroft 2008], так и вокруг конкретных способов поиска помощи [Conner et al. 2010; Owen, Thomas & Rodolfa 2013].

Считается, что стигма — одна из основных причин неравенства в области здравоохранения [Hatzenbuehler, Phelan & Link 2013]. Заболевания и нетрудоспособность сами по себе накладывают существенные ограничения на жизнь человека, и стигма представляет собой дополнительное бремя, усиливающее трудности, с которыми сталкиваются стигматизированные из-за заболеваний люди. Стигма вокруг психических заболеваний стала причиной возникновения многочисленных форм дискриминации людей с ментальными особенностями, основанной на ограничении доступа к ресурсам в сфере трудоустройства, оплаты труда, образования и здравоохранения [см., например: Link et al. 2004; Livingston & Boyd 2010; Mak et al. 2007].

184

С начала 2000-х годов в социологии и психологии отмечается стабильный рост исследований, посвященных рассмотрению различных видов стигмы, связанной с психическими заболеваниями [Fox et al. 2018]. Было показано, что стигма негативно влияет на благополучие и удовлетворенность жизнью среди людей с психическими заболеваниями [Markowitz 1998] и усугубляет симптоматические проявления болезни [Livingston & Boyd 2010]. Ряд исследований, посвященных взаимосвязи стигматизации и поиска помощи при депрессии, предоставляли противоречивые результаты, указывающие как на восприятие стигмы как значительное препятствие к обращениям за помощью [Bagney et al. 2006], так и на отсутствие взаимосвязи между этими переменными [Schomerus, Matschinger & Angermeyer 2009]. Значительное количество исследований было посвящено анализу рассмотрения степени распространенности дискриминации и стереотипов (см., например: Pescosolido et al. 2008; Wang & Lai 2008; Tzouvara, Papadopoulou & Randhawa 2016; Seeman et al. 2016). Однако субъективный опыт переживания стигмы гораздо реже становится предметом исследований и на сегодняшний день остается малоизученным [Fox et al. 2018]. Немногочисленные качественные исследования сравнивают опыт стигматизации людей с разными психическими заболеваниями [Dinos et al. 2004] и опыт дискриминации в разных социальных контекстах [Lakeman et al. 2012; Hansson, Stjernswärd & Svensson 2014; Hamilton et al. 2016]. Например, в одном из недавних исследований авторы в ходе фокус-

групп с людьми с разными психическими заболеваниями анализируют иерархию стигматизирующих ярлыков и стратегии противостояния стигме, которые используют эти люди [Nuggett et al. 2018].

Существует относительно мало социологических исследований, помещающих опыт стигматизации из-за психического заболевания в сравнительный контекст. Из-за недостатка внимания к проблеме опыта переживания депрессии со стороны отечественной социологии субъективный опыт стигматизации людей, столкнувшихся с этим заболеванием в России, практически не изучен. Представленное исследование нацелено на заполнение этих пробелов посредством выявления влияния социокультурного контекста на различные аспекты опыта стигматизации депрессии, а также на рассмотрение сходств и отличий переживаемой и ожидаемой (experienced and anticipated) стигматизации, с которой сталкиваются студенты с депрессией в разных социокультурных контекстах.

В данном исследовании предлагается сравнить опыт стигматизации студентов из двух стран — России и Финляндии. С одной стороны, статистика фиксирует приблизительно равный уровень депрессии в этих двух странах: 5,5% в России и 5,6% в Финляндии [WHO 2017]. С другой стороны, в рассматриваемых социокультурных контекстах действуют разные эмоциональные режимы, которые влияют на то, как эмоции (в том числе связанные с депрессией) выражаются и интерпретируются [Thoits 1989; Illouz, Gilon & Shachak 2014]. Терапевтический поворот [Furedi 2004] в Финляндии происходит раньше, что выражается в активном развитии индустрии счастья и самопомощи, а также в широком распространении психологического дискурса [Salmenniemi 2016; Tiaynen-Qadir 2019]. В России этот процесс начинается позднее и опосредуется сильным влиянием советского наследия, что приводит к формированию специфической формы эмоциональной культуры, которую Юлия Лернер характеризует как «эмоциональный социализм» [Lerner 2015]. По ее мнению, современная терапевтическая эмоциональная культура России не является результатом распространения психологического знания среди широких слоев населения, а формируется под влиянием как западных терапевтических дискурсов, так и русского и советского культурного бэкграунда.

В свою очередь, Санкт-Петербург и Хельсинки могут выступать объектами сравнения исходя из общности нескольких релевантных характеристик. Во-первых, это крупные города, которые аккумулируют большие потоки людей и финансов и предоставляют разнообразные возможности для лечения депрессии (включая государственные и частные институты здравоохранения). Во-вторых, эти города являются центрами образовательной миграции вследствие локализации нескольких крупных университетов. Наконец, они

обладают схожим географическим положением и климатическими условиями, что также является немаловажным в случае изучения депрессии.

Определим используемое в статье понятие стигмы. И. Гофман определяет стигму как постыдное качество индивида, нечто, образующее «особый тип несоответствия между виртуальной и истинной социальной идентичностью» [Гофман 2001: 3]. Со времени первой публикации его влиятельной работы понятие стигмы неоднократно подвергалось пересмотру и уточнению. Высокие темпы прироста эмпирического знания привели к отсутствию последовательности в операционализации понятия стигмы и согласованности используемого инструментария [Fox et al. 2018]. Высказываются опасения, что это понятие утратило аналитическую ценность из-за отсутствия ясности и разницы в употреблении [Pescosolido & Martin 2015]. Концептуализация стигмы в представленном исследовании основана на концепции Энни Фокс и коллег [Fox et al. 2018] — *Mental Illness Stigma Framework*. Согласно этой теории, психическое заболевание понимается как культурно обусловленная негативно маркируемая идентичность. Данное исследование сосредоточено на двух типах стигмы: переживаемой и предполагаемой (experienced and anticipated). Согласно определению, данному Э. Фокс и ее коллегами, *переживаемая стигма* — это опыт столкновения со стереотипами, предубеждениями и дискриминацией в прошлом или настоящем. *Предполагаемая стигма* — это степень, в которой человек с депрессией ожидает стать целью стереотипов, предубеждений и дискриминации в будущем. Вслед за этими исследователями, стереотипы в представленном исследовании операционализируются как несправедливые суждения о депрессии и людях, которые с ней столкнулись, предубеждения — как негативная реакция, основанная на этих стереотипах, и, наконец, дискриминация — как несправедливое поведение, направленное на человека с соответствующим диагнозом или самоидентификацией. В данном исследовании стереотипы, предубеждения и дискриминация определяются исходя из субъективной оценки информантов. В этом случае внутренняя перспектива, точка зрения стигматизируемого дает возможность уточнить, какие суждения студенты с депрессией считают стереотипными, и какое поведение воспринимают как несправедливое, дискриминационное.

Так как в рамках исследования депрессия понимается прежде всего как идентичность, обладание формальным психиатрическим диагнозом не является необходимым условием для участия в проекте. Однако его наличие или отсутствие предположительно может повлиять на опыт стигматизации, которой подвергается человек с депрессией. В предыдущей литературе в исследования опыта

стигматизации включались в основном люди, имеющие диагноз либо находящиеся в поиске лечения. Особенности опыта стигматизации людей на основании их самоидентификации как страдающих от депрессии остаются малоизученными. В данном исследовании студенты без медицинского диагноза рассматриваются как отдельная подгруппа и сравниваются со студентами, обладающими медицинским подтверждением депрессии.

Методология

Сбор данных

Данные для анализа были собраны в 2019/20 году в Санкт-Петербурге и Хельсинки. Всего в исследовании приняли участие 36 информантов (22 из России, 14 из Финляндии). Неравное количество интервью обусловлено трудностями проникновения в поле в Финляндии, которые объясняются двумя факторами. В первую очередь депрессия часто связана с сензитивным опытом, и положение аутсайдера (иностранного студента по обмену) могло повлиять на доверие к исследованию и желание потенциальных информантов участвовать. Этот фактор частично нивелировался сотрудничеством с национальной организацией по защите психического здоровья студентов *Nyyti ry* в поиске информантов (в частности, приглашения к участию в проекте были размещены на страницах организации в Facebook и Instagram, а также распространялись среди участников различных активистских групп, связанных с *Nyyti*). Еще одной платформой поиска информантов были группы поддержки людей с депрессией, где также были размещены объявления. Помимо этого, исследование проводилось на английском языке, и затруднение в его использовании со стороны информантов было источником дискомфорта в ситуации интервью и ограничивало круг потенциальных информантов (хотя английский язык крайне распространен в Финляндии — по данным Евробарометра, в 2012 году на нем говорили 70% финнов [Special Eurobarometer 2012]). В связи с этим сбор данных в Финляндии проводился с использованием полуструктурированных глубинных интервью и с написанием кратких автобиографий с использованием адаптированных вопросов из гайда. В России данные были собраны только посредством проведения интервью, а приглашения к участию были размещены в студенческих группах Санкт-Петербурга в социальных сетях. В обеих странах эти способы формирования выборки были дополнены методом «снежного кома»: участникам после интервью было предложено рассказать об исследовании своим знакомым, которым может быть интересно принять в нем участие, и поделиться их контактами.

Критериями включения в выборку были наличие медицинского диагноза или самостоятельного определения собственного опыта как депрессии, а также локализация депрессивного периода во время получения высшего образования. Все информанты из Хельсинки на момент проведения сбора данных были студентами университетов, в то время как двое опрошенных из Санкт-Петербурга завершили обучение и трое — временно его прервали. Средний возраст участников исследования в России — 23 года, в Финляндии — 25 лет при возрастном диапазоне от 18 до 30 лет в России и от 20 до 35 лет в Финляндии. В обеих выборках женщины представлены лучше, чем мужчины: среди информантов из Санкт-Петербурга было 16 женщин и 6 мужчин, а в Хельсинки участие в исследовании приняли 3 мужчин и 11 женщин. Гендерный разрыв в составе участников исследования может быть объяснен как меньшим уровнем диагностирования депрессии у мужчин [Ritchie & Roser 2018], так и следствием трудностей распознавания депрессии [Wagren 1983] и редкостью обращения к врачу с депрессивными симптомами [Möller-Leimkühler 2002; O'Brien, Hunt, Hart 2005] среди мужского населения, в связи с чем мужчины гораздо реже откликались на объявления об исследовании. В Финляндии все участники исследования имели медицинский диагноз, в то время как в России половина опрошенных самостоятельно идентифицировали свой опыт как депрессию.

Во время нахождения в поле я позиционировала себя как члена студенческого сообщества, обладающего схожим жизненным опытом. Таким образом, я пыталась найти баланс между близостью и дистанцией, необходимый при исследовании сензитивных тем. При проведении интервью соблюдались основные этические принципы информированного согласия, избегания вреда и предоставления конфиденциальности. Я предупреждала участников о том, что не являюсь врачом или психологом, и интервью не носит терапевтический характер.

Анализ данных

Для ответа на исследовательский вопрос было решено использовать метод тематического кодирования, предложенный Уве Фликом [Flick 2009]. Его метод исходит из предпосылки о множественности социальных реальностей и соответствует конструктивистской эпистемологической позиции в исследовании. Техника тематического кодирования была разработана для проведения сравнительного анализа качественных данных, в которых группы для сравнения предзаданы в соответствии с исследовательским вопросом. В случае данного исследования это группы студентов из Санкт-Петер-

бурга и Хельсинки, а также подгруппы студентов с медицинским диагнозом и без него. Цель метода — выявить различные взгляды на процессы и феномены, распространенные в разных группах, и специфические способы их понимания и переживания [Flick 2009: 318]. В данном исследовании были составлены тематические структуры для трех исследуемых групп: студенты из Санкт-Петербурга с медицинским диагнозом, студенты из Санкт-Петербурга без медицинского диагноза и студенты из Хельсинки. На первом этапе анализа сравнивались тематические структуры интервью со студентами из России в зависимости от наличия диагноза, затем полученные выводы сопоставлялись с результатами тематического анализа интервью с участниками из Финляндии.

Результаты

Студенты из Санкт-Петербурга с медицинским диагнозом и без него

Тематические структуры интервью со студентами из Санкт-Петербурга с диагнозом и без него в целом можно назвать схожими. Были обнаружены несколько пересекающихся тем, в том числе: ожидаемая стигматизация как препятствие к поиску помощи, конфликт поколений в интерпретации депрессии и национальные особенности депрессии. Дальнейший анализ различий в тематической структуре двух групп указывает на важность установления медицинского диагноза с точки зрения процесса стигматизации. Для интерпретации этой находки используется понятие «моральной карьеры пациента» И. Гоффмана и сравнение с «карьерой депрессивного пациента», разработанной в исследовании Дэвида Карпа [1994].

189

Важной характеристикой российского контекста является представление о депрессии как о «модном диагнозе». Сами информанты приписывали своим ровесникам злоупотребление понятием депрессии в обыденном понимании — в качестве обозначения переходящего состояния грусти и временного уныния. Также информанты отмечали, что нередко депрессия для молодых людей выступает как субкультура, включающая демонстративное, направленное на других поведение и определенные внешние атрибуты. Это представление появилось, по мнению участников исследования, еще в 2010-х, когда они были подростками, но в какой-то степени продолжает существовать и сейчас. В этом случае, по мнению опрошенных студентов, для некоторых молодых людей депрессия становится индульгенцией на совершение неодобряемых поступков (прогулы учебы, конфликты со старшими и пр.).

Также понимание депрессии как субкультуры формировало соответствующий образ человека, страдающего этим заболеванием, который включал определенные модели поведения, дресс-код и другие символические атрибуты. Эстетика депрессии, воспроизводящаяся в том числе в интернете, становилась привлекательной для молодого поколения:

Ну стереотипы о депрессии — это всякие мрачные паблики с такой полуготической символикой, где девушки либо непонятные нимфетки, либо, наоборот, грустные барышни, анорексички, режущие себе вены. Это, с одной стороны, эстетизируется, и многие подростки на это подсаживаются. Либо это, наоборот, высмеивается, и высмеивается, что люди на самом деле не хотят ничего [делать со своим состоянием], и хотят нить (ИНФ.17).

Эта своеобразная «мода на депрессию», которую информанты из Санкт-Петербурга замечали среди поколения своих ровесников, приводила к страху обесценивания своих психических проблем внешним миром и стремлению скрыть депрессию от окружающих. Студенты, принявшие участие в исследовании, боялись, что другие сочтут их «ищущими внимания» и не отнесутся к их словам серьезно.

190

Вообще тема ожидаемой стигматизации, препятствующей поиску помощи, была одной из наиболее крупных тем, выявленных в результате анализа. Характеризуя современное российское общество в целом, студенты из Санкт-Петербурга, вне зависимости от предпринятого ими лечения, негативно оценивали отношение общества к депрессии. Например, ИНФ.10 замечает, что тема депрессии в нашем обществе замалчивается:

И я сейчас знаю некоторых людей с нашего факультета, которые тоже прошли через это, которые прошли через депрессию, и для меня это шок, потому что никто ни о чем не говорит, это тишина, это такая стигма, такое табу, что просто об этом никто ничего не слышит, вот так вот уйдет человек — и никто не поймет, почему он ушел, потому что никто не знал, что он болеет (ИНФ.10).

Информанты предполагали, что могут столкнуться со стигматизацией депрессии как в контексте семьи и близких отношений, так и в контексте институтов здравоохранения и образования, а также в сфере трудовых отношений. Этот страх способствовал откладыванию поиска помощи и попыток справиться со своим состоянием привычными способами управления стрессом. Для части информантов самостоятельное преодоление депрессии завершилось успешно — через некоторое время они почувствовали себя лучше и заметили, что депрессивный период закончился. Свои ментальные проблемы они предпочитали скрывать от близких, боясь быть отвергнутыми:

В магистратуре у меня были, и сейчас есть, близкие друзья, но при этом я не хочу им эти проблемы рассказывать, потому что я боюсь, что это их как-то оттолкнет, или они не поймут — они молодые, веселые, зазорные. Я могу в шутку что-то рассказать, но в целом — нет. Ну и в аспирантуре мы общаемся в основном о науке, о каких-то там общих проблемах университетских, а прямо о таком личном, сокровенном, у нас никто не говорит. Поэтому не рассказывала (ИНФ.17).

Для другой части студентов из Санкт-Петербурга самостоятельное преодоление депрессии оказалось не таким успешным. Без медицинской помощи их состояние ухудшалось, и, несмотря на свои страхи, они были вынуждены обратиться к врачу. Одним из самых распространенных ожиданий при обращении в медицинские институты было столкнуться с обесцениванием психических проблем, с которыми студенты пришли за помощью, а также с негативными последствиями лечения:

Я считала, что меня упекут в психушку, что меня поставят на учет, такое вот советское, никакого учета нет на самом деле. Что это отразится на моей карьере, личной жизни. Во-вторых, что врач может быть некомпетентным, что она сейчас меня закормит какими-нибудь таблетками и на этом все. Ну и третье, что она мне просто скажет: «Поднимайся и уходи отсюда, потому что ты все себе напридумывала, ты мне врешь» (ИНФ.10).

191

Вопреки своим ожиданиям, оказавшись внутри российской системы психиатрической помощи, студенты, как правило, не сталкивались со стигматизацией со стороны медицинского персонала и часто положительно оценивали свой опыт лечения. Предвзятое отношение и несправедливые оценки ждали обратившихся к врачу информантов со стороны родных и близких людей. Стереотипы и предубеждения, исходившие от членов семьи (чаще всего родителей), были связаны со страхом перед медицинскими диагнозами, а также предполагаемыми последствиями лечения депрессии (как институциональными — сложность в устройстве на работу, так и физиологическими — зависимость от антидепрессантов). Например, ИНФ.10 так описывает реакцию своей матери на ее признание:

И на свою голову, потому что мне было очень плохо, я решила поделиться этим с мамой. Ну и что сказала мама, там понятно, что она начала рыдать, она начала кричать, что «Ты псих!» и все не так. Когда она успокоилась, она сказала: «Не смей пить таблетки, ты будешь овощем» (ИНФ.10).

Стремясь избежать стигматизации, некоторые из участников исследования приняли решение не говорить родителям о своем диагнозе. Например, ИНФ.1 рассказала, что ее родители знают о том,

что она лежала в психиатрической больнице, а сейчас принимает медикаменты, но диагноз она им не сообщала:

Ну все равно иногда в общении видно ее [матери], скажем так, советское отношение ко всему этому — то, что каких-то неизлечимых психических болезней, которые как-то радикально могут повлиять на твою жизнь, не существует. Отец таких же взглядов: депрессия — это выдумка, а шизофрения — это когда ты совсем овощ. Поэтому частенько от них можно услышать: «Ну а когда ты уже сможешь перестать пить эти таблетки? Когда тебя вылечат?», вот это вот все. Я ей [маме] до сих пор даже про свой диагноз-то не сказала. <...> Про диагноз я ей говорить боюсь: она загулит, она начитается всяких разных ужасов, лучше не надо (ИНФ.1).

192

Во время курса лечения от депрессии, который часто занимал продолжительное время, отношение членов семьи информантов к этому заболеванию могло меняться. Некоторые участники исследования упоминали, что их родственники, узнав больше о депрессивных расстройствах, стали воспринимать это состояние как «настоящую» болезнь. Например, ИНФ.10 заметила, что ее мама пересмотрела отношение к этому заболеванию и поняла, что один из ее знакомых в прошлом мог совершить самоубийство именно потому, что был болен депрессией. Другие информанты отмечали, что члены их семей не могут до конца принять, что депрессия — это психическое заболевание, но стараются поддерживать своих детей, которые с ней столкнулись.

При описании стереотипов, с которыми они столкнулись или ожидали столкнуться, студенты, вне зависимости от наличия диагноза, фиксировали поколенческую разницу в отношении к депрессии. В частности, информанты замечали, что старшему поколению свойственно амбивалентное восприятие этого заболевания. С одной стороны, депрессия воспринималась как лень или блажь, а ее медицинская трактовка — выдумки или даже «заговор врачей». С другой стороны, при ухудшении состояния, характерном для некоторых стадий этого заболевания, депрессия воспринималась как сумасшествие или очень тяжелая болезнь, сродни шизофрении. ИНФ.14 метко охарактеризовал связь между этими конфликтующими трактовками депрессии:

Так, на уровне контроля, на уровне тяжести этого состояния есть предубеждение в принципе против психологических проблем. То есть, опять же, у людей на два типа они делятся: либо фигня, либо капец. «Фигня» — как бы сам справишься, а «капец» не лечится. В дурку ложись и умирай (ИНФ.14).

Некоторые из информантов, вне зависимости от наличия диагноза, отметили, что поколение их родителей нередко относилось к их депрессии как к отличительному свойству современной молодежи — переходному возрасту или их общей «слабости духа». Часто

опрошенные студенты сталкивались с предубеждением, что причиной депрессии могут быть только серьезные жизненные испытания, которые молодым людям еще не встречались, а их затяжная печаль — следствие безделья и слишком беспечной жизни. Участники исследования из Санкт-Петербурга упоминали, что старшее поколение обесценивало их опыт депрессии из-за приписываемой им неопытности и молодости:

Ну, в общем, я ее [преподавательницу] встретила в коридоре, она говорит мне: «Я слышала, с вами что-то произошло?» Я такая: «Да, у меня тревожно-депрессивное расстройство». Она: «Ну как, вы ж такая молодая, как у вас может быть тревожно-депрессивное расстройство?» (ИНФ.6).

Часто информанты ожидали, что представители старшего поколения станут отождествлять депрессию и переходный возраст, обесценивая их проблемы и приписывая их «подростковому максимализму». Участники исследования объясняли существование этого стереотипа тем, что родителям легче принять, что психические проблемы их детей носят временный характер и пройдут, когда дети это перерастут.

Информанты из Санкт-Петербурга также отмечали, что старшее поколение часто воспринимало депрессию как надуманную проблему или нежелание взять себя в руки, полагая, что страдающий депрессией человек может ее контролировать. Эти представления соотносятся с культивируемым чувством стыда и вины за свое заболевание, которое отмечали некоторые участники исследования из Санкт-Петербурга вне зависимости от диагноза. Соответственно своим представлениям старшие родственники или другие окружающие люди среднего и старшего возраста в качестве приемлемых способов борьбы с этим состоянием предлагали труд, спорт, работу и поменьше свободного времени:

Ну, я думаю, [стереотипы есть] у старшего поколения, то есть родители, бабушки, дедушки, они не могут понять, что это такое, [для них] все лечится трудом. Я начинаю что-то говорить, а потом мне в ответ: «А я в твоё время, у меня был теленок, и сестры, хозяйство все на мне» (ИНФ.15).

Как следует из анализа интервью, сокрытие депрессии является предпочтительной стратегией борьбы со стигматизацией. Однако небольшая часть студентов с медицинским диагнозом упоминала об альтернативных стратегиях, таких как высмеивание стереотипов и просветительская деятельность. В рамках последнего способа преодоления стигматизации информанты опровергают стереотипы и стараются подробно и открыто говорить о своих ментальных особенностях.

Из интервью студентов с диагнозом и без такового можно заметить, что многие из них сталкивались с трудностью определения своего состояния на начальных этапах заболевания. Многие из тех, кто не обратился к врачу, лишь после окончания депрессивного периода распознали свое прошлое состояние как депрессию. При этом такие студенты не были склонны рассказывать кому-либо из окружающих о своих психических проблемах и подозрениях относительно нормальности своего состояния (если последние существовали). Так, с одной стороны, отсутствие самоидентификации, а с другой — неразглашение ментальных проблем способствовало тому, что информанты без медицинского диагноза оказались меньше подвержены стигматизации — они не вспоминали случаев направленной на них дискриминации и в целом гораздо меньше говорили о стереотипах и предубеждениях.

Для тех же, кто получал помощь в медицинских учреждениях, постановка диагноза стала переломным моментом в моральной карьере человека с депрессией. Медицинский диагноз выступал как своеобразная легитимация подозрений, которые информанты предъявляли к своему психическому состоянию, поэтому эта информация часто встречалась с облегчением и встраивалась в представление о своей идентичности:

194

Самое главное, это, может быть, сквозит у меня в интервью, самое главное — это узнать, кто ты есть на самом деле в плане медицины. Ведь пока у тебя нет таких диагнозов, ты не знаешь, кто ты есть в плане медицины, медицинского портрета. Есть личностный, а есть медицинский портреты, то есть человек, допустим, знает, что у него там диабет, тут у него косточка смещена, тут еще что-то такое. Пока тебе не дают: «А у вас было ментальное расстройство, было и есть». Когда ты это знаешь, у тебя последний штрих в твой ментальный портрет, ты как-то успокаиваешься: вот он я. Как в зеркало смотришь (ИНФ.7).

Как и информанты без диагноза, студенты, обратившиеся к врачу, до этого момента часто скрывали свое состояние от семьи и друзей. Дэвид Карп (1994) в своем исследовании о карьере депрессивного пациента описывает, что такое поведение соответствует этапам становления идентичности в ходе опыта переживания болезни: на начальных стадиях моральной карьеры пациенты редко говорят о своем состоянии с другими, сохраняя подозрения о ненормальности своего состояния в приватном пространстве. С обращением за помощью совпадает раскрытие депрессии окружающим людям. В данном исследовании обращение в медицинские институты можно рассмотреть как первый этап вынесения депрессии в публичное пространство. Легитимация подозрений о своем состоянии, основанная на авторитете медицинского знания, способствовала

дальнейшему вынесению депрессии на обсуждение с доверенными людьми из ближнего круга информантов, а отсутствие такого подтверждения извне препятствовало поиску помощи. Можно заметить, что для студентов из Санкт-Петербурга в обсуждении депрессии сохраняется разделение на приватную и публичную сферы — в первой, включающей семью, партнеров и друзей, говорить о депрессии считается допустимым (хотя и не всегда возможным), а из второй депрессия выталкивается и исключается. Предполагаем, что в этом случае границы доверия совпадают с границами доверия в целом: доверителями являются близкие люди, чаще всего — женщины [Алексеева 2009].

Многие информанты из Санкт-Петербурга, вне зависимости от наличия диагноза, упоминали, что склонность к депрессии может быть характерной чертой современного российского общества. Так, избегание медицинской помощи при депрессии, по мнению некоторых информантов, является результатом действия местных эмоциональных режимов, регламентирующих способы выражения эмоций (в том числе по гендерному признаку):

Ну у нас, в отличие от стран Запада, не принято говорить о своих проблемах каких-то ментальных. Это все умалчивается. Тем более мужчинам еще сложнее, потому что это может подрывать стандарты маскулинности и тому подобное (ИНФ.22).

195

Советское прошлое, воспроизводящееся в представлениях старшего поколения, неоднократно упоминалось опрошенными студентами. Страх «карательной психиатрии», идущий из времен СССР, участники называли еще одним культурно-специфичным препятствием к поиску помощи в отечественной психиатрической системе:

Мне кажется, вот все, все, чего касается сфера психического здоровья, все окружено очень большой и жирной стигмой. <...> Вот, и естественно, ну, по моему мнению, это все из нашего печального прошлого, вот этой карательной психиатрии, вот эта вялотекущая шизофрения, вот это все, этот весь бред. И люди боятся. Страх, и из этого страха растут ноги и у этой стигмы (ИНФ.10).

Другие информанты обращают внимание на те особенности российского контекста, которые, по их мнению, влияют на возникновение депрессии — широко распространенную стигматизацию психических заболеваний в нашем обществе, а также социальные и климатические условия жизни:

Возможно, это какая-то нормальная реакция на то, что происходит снаружи. Мне кажется, да, у нас, я не знаю, как на Западе, к сожалению, но вот у нас в России сам бог велел всем болеть депрессией (ИНФ.6).

Студенты из Хельсинки и из Санкт-Петербурга

Сравнение тематических структур интервью со студентами из Санкт-Петербурга и Хельсинки выявило как сходства, так и различия в опыте стигматизации участников исследования из двух разных стран. Например, в отличие от студентов из Санкт-Петербурга, информанты из Хельсинки были более внимательны к вопросам стигматизации депрессии: они чаще замечали несправедливое отношение к ним в своей повседневной жизни и владели языком для описания дискриминационного опыта, с которым сталкивались. Так, они активно использовали такие термины, как «stigma» и «discrimination», при описании своих ожиданий относительно поведения других в семье, на работе и в университете. Вероятно, это в том числе особенность русского языка, в котором эти слова являются терминами суженного употребления.

Одной из основных тем интервью, выявленных в результате анализа, была тема снижения стигматизации депрессии в финском обществе. В целом финские студенты указывали на тренд на снижение стигматизации вокруг депрессии в последние годы и были более открыты по отношению к своим родным и близким, а некоторые из них упоминали, что вообще не сталкивались с предубеждениями и несправедливостью на основании депрессии. Все больше людей, по оценкам информантов из Хельсинки, рассказывают о своем опыте переживания этого заболевания, и нарастающая публичность этого состояния способствует снижению предубеждений против него:

Здесь, в Финляндии, я думаю, что мы наконец избавляемся от стигмы, связанной с депрессией. В последние годы все больше и больше обсуждается депрессия и то, как она влияет на людей, а также способы ее лечения. Я очень рада, что есть эти публичные дискуссии о депрессии, потому что знаю, что без них многим людям было бы гораздо труднее в повседневной жизни (ИНФ.30).

Тем не менее финские студенты также отмечают существование отдельных стереотипов о депрессии, с которыми они не сталкивались напрямую, но отмечали их присутствие в медиа или рассказах друзей. Содержание этих стереотипов перекликается с некоторыми из представлений, распространенных в России, но отличается меньшим разнообразием. Так, наиболее типичные стереотипы приравнивали депрессию к лени, грусти и — реже — переходному возрасту (или подростковому кризису).

Отличительным свойством стигматизации депрессии в Финляндии можно назвать распространенное представление о том, что люди, столкнувшиеся с ней, должны сами активно себе помогать, на них лежит ответственность за преодоление этого

заболевания. Прохождение медицинского лечения становится способом избежать чувства вины за эту несостоятельность. Так, в следующем фрагменте информант описывает, как столкнулся с осуждением окружающих из-за недостаточной активности в преодолении собственной депрессии. Причиной депрессии он видит нарушения нейрохимического баланса в мозге, которые, в свою очередь, препятствуют ее излечению, так как делают студента более пассивным по отношению к собственному здоровью. Именно отсутствие видимых усилий по преодолению депрессии, а не ее причины или проявления, становятся здесь предметом стигматизации:

Если оставить в стороне прямую дискриминацию, гораздо чаще встречается нечто более тонкое. Я получил свою долю повторяющихся вопросов на тему «Почему бы тебе просто не сделать X?», когда ответ был таков: химические вещества моего мозга делают это невозможным. Эту часть депрессии большинство людей не поймут, если не сталкивались с ней (ИНФ.31).

Отсутствие возможности обсуждать свой опыт депрессии в публичном пространстве (например, на работе и в университете) информанты из Хельсинки считали проявлением сохранившейся стигматизации. Это отличает их от участников из Санкт-Петербурга, считавших приемлемым обсуждение депрессии исключительно в приватной сфере. Все опрошенные студенты из Хельсинки рассказали своим родным либо друзьям о своем состоянии и диагнозе, обсуждали методы лечения или делились переживаниями. Основными агентами ожидаемой и переживаемой стигматизации в Финляндии были преподаватели и работодатели. Информанты из Хельсинки упоминали, что они и их знакомые раскрывали свой диагноз сотрудникам университета, чтобы попросить перенести крайний срок выполнения задания, как они поступили бы в случае соматического заболевания, и чаще всего их просьбы были удовлетворены. В целом сравнение депрессии и соматических заболеваний (например, сломанной ноги) — это частая метафора в интервью студентов из обеих стран. Она иллюстрирует отсутствие контроля над ситуацией заболевшего человека: как невозможно самостоятельно вылечить сломанную ногу, так невозможно и силой позитивного мышления избавиться от депрессии. Примечательно, что в представленном исследовании это сопоставление использовалось участниками в разных контекстах. Информанты из России приводили этот пример членам своей семьи, которые призывали их «взять себя в руки», в то время как студенты из Финляндии упоминали его в контексте отношений на работе или на учебе. Так, одна из информанток сравнила депрессию с соматическим заболеванием в описании эпизода стигматизации в университете:

У меня было несколько действительно неприятных случаев, когда я начинала плакать в классе. Один раз, я помню, одна преподавательница после урока отвела меня в сторону и спросила: «Вы понимаете, насколько это непрофессионально и насколько незрело, может быть, университет — не место для вас?» И очень злилась на меня. Сначала мне было очень плохо, хотя я абсолютно понимала, из чего она исходит: она не понимала, что такой человек действительно болен. Если бы меня, например, вырвало в классе, она не отреагировала бы так, понимаешь, потому что она бы подумала: «О, она больна. У нее вирус или что-то в этом роде» (ИНФ.23).

198

Многие из опрошенных в Хельсинки студентов предполагают, что столкнутся со стигматизацией из-за депрессии во время трудоустройства или на работе. ИНФ.29 упоминает, что на собеседовании ей придется что-то выдумывать, чтобы объяснить пробел в резюме, случившийся из-за депрессии, в противном случае работодатель может подумать, что она плохой работник — нецелеустремленный, нетрудолюбивый. ИНФ.31 упоминает, что условия работы, предлагаемые на рынке труда, могут быть дискриминационными по отношению к людям с депрессией, так как не все из них по состоянию здоровья могут работать 40 часов в неделю. ИНФ.26 поделилась произошедшим в ее жизни случаем дискриминации на работе — из-за депрессии на работе ее отправили в неоплачиваемый отпуск и не оплатили больничный. Также несколько информантов из Хельсинки во время обучения встретились с предубеждением, что людям с депрессией не подходят те профессии, на которые они учились (например, комика или социального работника).

Как и в случае информантов из Санкт-Петербурга, одной из основных тем в интервью со студентами из Хельсинки был конфликт поколений из-за разницы представлений о депрессии. Участники из Финляндии упоминали, что представители старшего поколения (поколения родителей) часто критично относятся к этому заболеванию, в то время как поколение их ровесников более открыто к опыту людей с ментальными особенностями в целом. Так, ИНФ.23 отмечает, что поколению ее родителей свойственно замалчивать психологические проблемы и откладывать обращение к врачу:

Я бы сказала, что они оба [мои родители] также страдали от депрессии, или проблем с самооценкой, или чего-то подобного, но я думаю, что в их поколении это было гораздо более стигматизировано. Об этом просто не принято говорить. А помощь нужно искать, только если ты уже сходишь с ума. Знаешь, это было нечто большее как в личном плане, так и в том, как их научили думать о психических заболеваниях вроде депрессии (ИНФ.23).

Примечательно, что в тяжелом прошлом своих родителей и в их воспитании опрошенные студенты из Финляндии часто видят систем-

ную проблему, способствующую воспроизводству депрессии из поколения в поколение. К другим национальным особенностям депрессии в Финляндии студенты относили растущую индивидуализацию финского общества. Из анализа интервью следует, что неолиберальная логика индивидуальной ответственности определяет доминирующий способ рассмотрения проблем людей с депрессией. ИНФ.23 предполагает, что это связано с влиянием американской культуры:

В Финляндии, под влиянием американской идеологии, много внимания уделяется тому, как ты сам стремишься преодолеть свою депрессию, сам вытягиваешь себя из болота. <...> Да, стигма есть, но я думаю, это немного похоже на стигматизацию бедных людей. В том смысле, что они сами себе не помогают (ИНФ.23).

Моральная карьера человека с депрессией в случае студентов из Финляндии также отличалась от выводов Дэвида Карпа (1994). Вероятно, на это могло повлиять изменение общественных представлений о депрессии (как общая тенденция для западных стран, и, как видно из интервью, для Финляндии), которые теперь предполагают необходимость скорейшего лечения ментального дистресса для возвращения к нормальному состоянию полностью функционального индивида. Из анализа интервью следует, что студенты обращались за помощью к врачу раньше, чем их состояние достигало того критического пика (потери контроля), который описывают участники из России и из исследования Карпа. Среди возможных объяснений для этого наблюдения можно назвать растущую осведомленность о психических заболеваниях и методах их лечения, высокую доступность психиатрической помощи для финских студентов, а также меньшее ожидание стигматизации. Тем не менее, как и участники из Санкт-Петербурга, информанты из Хельсинки были склонны рассказывать о депрессии своим близким только после получения медицинского диагноза и подтверждения своих подозрений. Таким образом, значение постановки диагноза как поворотного момента в моральной карьере человека с депрессией было обнаружено и в финских интервью.

Стратегиям борьбы со стигматизацией в интервью со студентами из Финляндии было уделено значительно меньше внимания, чем в интервью русских студентов. В качестве одного из объяснений, можно предположить, что им не так часто приходилось самостоятельно бороться со стереотипами от близких людей. Но некоторые из опрошенных упомянули, что они или их знакомые писали в интернете о своей депрессии, в том числе чтобы внести свой вклад в уменьшение стигматизации психических заболеваний в финском обществе. Для студентов из Санкт-Петербурга подобная стратегия была нехарактерна.

Заключение

200

Целью представленного исследования было сравнить опыт стигматизации студентов из России и Финляндии, столкнувшихся с депрессией. По результатам проведенного анализа можно сказать, что финский социокультурный контекст был более дружелюбен по отношению к людям, страдающим от этого заболевания. В России стигматизация остается ощутимой проблемой для студентов, столкнувшихся с депрессией, в то время как в Финляндии участники отмечали снижение стигматизации этого заболевания за последнее время. Этот вывод согласуется с существующими данными по Финляндии, показывающими, что стигматизация вокруг психических расстройств в финском обществе уменьшается, особенно среди молодых людей [Wahlbeck & Aromaa 2011]. Данные проведенного исследования подтверждали выводы предыдущих исследований [Vagneу et al. 2006], указывая на то, что ожидаемая стигматизация является одним из препятствий к поиску помощи, причем не только в медицинских институтах, но и в неформальных сетях общения. Эта проблема в большей степени характерна для российского контекста, чем для финского. В последние десятилетия исследователи отмечают рост недоверия к экспертному знанию врача и системе здравоохранения в целом, что объясняет растущую популярность практик самопомощи и самолечения [Аронсон 2006]. Важно отметить, что при этом увеличивается важность неформальных сетей общения [Там же], которые становятся главными ресурсами поддержки. Исследования показывают, что доверенные лица из ближнего круга (семья, друзья или партнеры) нередко направляют людей, столкнувшихся с психическими заболеваниями, в институты здравоохранения [Horwitz 1978; Griffiths et al. 2011]. Опасаясь стигматизации как от близких людей, так и от врачей, студенты из России нередко оказываются отрезанными от любых источников помощи, что может привести к ухудшению депрессии. В то же время для студентов из Хельсинки в данном исследовании характерна практически противоположная ситуация. Специфическим проявлением стигматизации в Финляндии становится неолиберальное представление о личной ответственности за выздоровление от депрессии. В других исследованиях описано, как стереотипные представления о депрессии в финском обществе характеризуют депрессию как состояние, зависящее от силы воли человека [Issakainen 2014]. Информанты из Хельсинки упоминали, что прохождение медицинского лечения для них становится способом избегания стигмы, связанной с приписываемым бездействием. Из-за растущих требований к вовлеченности в терапевтический

процесс лечение депрессии для финских студентов становится не правом, а обязанностью.

Постановка диагноза — важная точка в моральной карьере человека с депрессией как в России, так и в Финляндии. Ключевое отличие состоит в том, что в Санкт-Петербурге обращение к врачу происходило гораздо позднее, чем в Хельсинки, и часто предпочтением отдавалось самостоятельному преодолению депрессии. Непосредственным триггером к поиску помощи для студентов из Санкт-Петербурга выступает потеря контроля над своим состоянием, его сильное ухудшение — например, суицидальные настроения или суицидальное поведение. Получение медицинского диагноза часто приносит облегчение и встраивается в представление человека о своей идентичности. В случае самостоятельной борьбы с этим заболеванием идентичность человека с депрессией формируется уже после выздоровления в ходе пересмотра и переинтерпретации своего опыта. Для студентов из Хельсинки обращение к врачу было закономерной реакцией и мерой воздействия на длительные симптомы эмоционального дистресса. Таким образом, моральные карьеры финских студентов с депрессией гораздо больше соответствовали этапам, выделенным в работе Дэвида Карпа [1994] о моральной карьере депрессивного пациента.

201

В Санкт-Петербурге студенты использовали различные стратегии борьбы со стигматизацией депрессии: высмеивание стереотипов, просвещение окружающих и сокрытие своего психического состояния. При этом последняя стратегия была наиболее предпочтительной для опрошенных из Санкт-Петербурга. Предыдущие исследования свидетельствуют о том, что люди, использующие различные способы противодействия стигме (а не избегания ее), имеют более высокую самооценку [Illic et al. 2012]. Информанты из Хельсинки были более свободны в обсуждении депрессии с родными и близкими и меньше упоминали стратегии борьбы со стигматизацией.

Интересно, что и в России, и в Финляндии в интервью студентов присутствовала тема национальной специфики депрессии для финской или российской культуры. В качестве культурно специфических причин депрессии в своей стране информанты из Санкт-Петербурга отметили культуру умолчания о ментальных проблемах, низкий уровень грамотности в сфере психического здоровья и «советское прошлое». В свою очередь, студенты из Хельсинки называли потенциальными причинами высокого уровня депрессии такие черты, как индивидуализм и влияние американской культуры. Интересно, что США в интервью информантов из России часто фигурировало как эталонный случай отношения к людям с депрессией, в то время как в Финляндии влияние американской неолибе-

ральной этики воспринималось менее однозначно. Тем не менее такое частое использование США как объекта сравнения соотносится с представлением о том, что терапевтический дискурс, предполагающий психологизацию эмоций и возникающих в повседневной жизни проблем, зародился и стал популярен именно в Соединенных Штатах, откуда распространился по всему миру [Illouz 2008]. Можно предположить, что разница в восприятии американского терапевтического дискурса связана со степенью его распространения в двух исследуемых социокультурных контекстах. В установившейся терапевтической культуре Финляндии информанты становятся критично настроенными по отношению к излишней личной ответственности за управление своим психическим состоянием. Напротив, в России, где становление психологической культуры ставится исследователями под сомнение [Сироткина, Смит 2008], информанты склонны идеализировать западную модель отношения к депрессии.

202

Данные проведенного исследования подтверждают предыдущие выводы о том, что в странах с низким и средним уровнем дохода люди чаще избегают медицинской помощи при депрессии, чем в странах с высоким уровнем дохода [WHO]. Так, по данным Всемирного банка, Финляндия занимает 11-е место в рейтинге государств по уровню ВНД на душу населения и относится к странам с высоким уровнем дохода [The World Bank]. Все опрошенные студенты из Хельсинки обратились за помощью к врачу, тогда как информанты из России (на 65-м месте в рейтинге стран по уровню ВНД) были склонны к самостоятельному преодолению депрессии и обращались в медицинские учреждения только в крайних случаях.

Известно, что разные социальные группы в разной степени подвержены депрессии. Например, считается, что женщины, люди с низким социально-экономическим статусом и не состоящие в браке имеют больше шансов столкнуться с этим психическим заболеванием [Mirotnik 1998; Lorant et al. 2003; Silva, Loureiro & Cardoso 2016]. Универсальность этих выводов для разных социокультурных контекстов, а также влияние культуры на связь между депрессией и различными социальными характеристиками остаются под вопросом¹. Подобные пересечения остались за рамками представлен-

---

1 Например, Инаба и коллеги [2005], сравнивая эти тенденции на примере США и Японии, показывали, что для последней не характерна связь между уровнем образования и депрессией, которая наблюдается в США и других западных странах.

ного исследования из-за ограниченной выборки, но заслуживают стать предметом будущих научных изысканий.

У проведенного исследования есть ряд ограничений. Хотя оно, как и любое качественное исследование, не претендует на репрезентативность, все же особенности формирования выборки могли способствовать исключению некоторых участников из исследования, а значит, исключению новых точек зрения. Так, при проведении рекрутинга информантов в Финляндии ни один участник без медицинского диагноза не откликнулся. Это может быть объяснено высоким уровнем обращения за профессиональной медицинской помощью: так, Светлана Филатова, один из авторов исследования депрессии среди финской молодежи, проведенным Университетом Турку, объясняет быстрый рост депрессии среди молодежи увеличением количества обращений в институты здравоохранения и повышением «видимости» этого заболевания¹.

Ограничения на сравнимость выводов по группам налагает вынужденное комбинирование нескольких методов сбора данных в Финляндии, которое тем не менее помогло привлечь к исследованию больше информантов. Мое собственное положение в поле также выступало ограничением: с одной стороны, позиция члена студенческого сообщества, обладающего схожим опытом, способствовала установлению доверительных отношений в ситуации интервью и получению личных подробностей об опыте болезни. С другой стороны, в финском поле я занимала скорее позицию аутсайдера, будучи иностранным студентом по обмену без знания финского языка. В ходе проведения полевой работы я старалась трансформировать это положение в позицию «наивного наблюдателя», чувствительного даже к тем аспектам культуры и повседневности, которые не проблематизируются и воспринимаются само собой разумеющимися.

Наконец, хотя изучение субъективной перспективы пациента становится современным трендом в исследованиях в области социологии психического здоровья, выводы, полученные в результате такого исследования, характеризуют только одно из возможных измерений ситуации стигматизации. Для того чтобы получить более полное представление о проблеме стигматизации в разных странах, могут быть полезны количественные исследования среди людей с депрессией и без.

1 https://yle.fi/uutiset/osasto/news/rise_in_youth_depression_diagnoses_may_reflect_change_in_attitudes/10958906

Список информантов

Студенты из Санкт-Петербурга с медицинским диагнозом:

ИНФ.1	женщина	21 год
ИНФ.2	женщина	25 лет
ИНФ.3	женщина	22 года
ИНФ.4	женщина	23 года
ИНФ.5	женщина	21 год
ИНФ.6	женщина	28 лет
ИНФ.7	женщина	29 лет
ИНФ.8	женщина	19 лет
ИНФ.9	женщина	22 года
ИНФ.10	женщина	24 года
ИНФ.11	женщина	22 года

Студенты из Санкт-Петербурга без диагноза:

ИНФ.12	женщина	18 лет
ИНФ.13	мужчина	28 лет
ИНФ.14	мужчина	24 года
ИНФ.15	женщина	22 года
ИНФ.16	женщина	22 года
ИНФ.17	женщина	23 года
ИНФ.18	женщина	23 года
ИНФ.19	мужчина	30 лет

ИНФ.20	мужчина	22 года
ИНФ.21	мужчина	23 года
ИНФ.22	мужчина	21 год
<i>Студенты из Хельсинки:</i>		
ИНФ.23	женщина	24 года
ИНФ.24	женщина	23 года
ИНФ.25	женщина	26 лет
ИНФ.26	женщина	23 года
ИНФ.27	женщина	26 лет
ИНФ.28	женщина	26 лет
ИНФ.29	женщина	26 лет
ИНФ.30	женщина	20 лет
ИНФ.31	мужчина	28 лет
ИНФ.32	мужчина	35 лет
ИНФ.33	женщина	24 года
ИНФ.34	женщина	31 год
ИНФ.35	женщина	20 лет
ИНФ.36	мужчина	27 лет

Библиография / References

Алексеева А. Ю. (2009) Основные элементы и структура межличностного доверия. *Социологический журнал*, (3): 22–40.

— Alekseeva A.Yu. (2009) Basic elements and structure of interpersonal trust. *Sociological Journal*, (3): 22–40. — in Russ.

Аронсон П. Я. (2006) Утрата институционального доверия в российском здравоохранении. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 9(2): 120–131.

— Aronson P. Y. (2006) Loss of institutional trust in Russian healthcare. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 9(2): 120–131. — in Russ.

Гоффман И. (2000) Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью [Электронный ресурс]. НИУ ВШЭ: официальный сайт. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 20.10.2022).

— Goffman E. (2000) Stigma: notes on the management of damaged identity [Electronic resource]. *National Research University Higher School of Economics: official site*. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (date of access: 20.10.2022). — in Russ.

Гоффман Э. (2001) Моральная карьера душевнобольного пациента. *Социальные и гуманитарные науки. Серия 11*: 105–148.

— Goffman E. (2001) The moral career of the mentally ill patient. *Social and human sciences. Series 11*: 105–148. — in Russ.

Сироткина И. Е., Смит Р. (2008) «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России. *Методология и история психологии*, 3(3): 73–90.

— Sirotkina I. E., Smith R. (2008) “Psychological Society” and socio-political changes in Russia. *Methodology and History of Psychology*, 3(3): 73–90. — in Russ.

Barbui C., Tansella M. (2006) Identification and management of depression in primary care settings. A meta-review of evidence. *Epidemiology and Psychiatric Sciences*, 15(4): 276–283.

Barney L. J., Griffiths K. M., Jorm A. F., Christensen H. (2006) Stigma about depression and its impact on help-seeking intentions. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 40(1): 51–54.

Boardman F., Griffiths F., Kokanovic R., Potiriadis M., Dowrick C., Gunn J. (2011) Resilience as a response to the stigma of depression: A mixed methods analysis. *Journal of affective disorders*, 135(1-3): 267–276.

Conner K. O., Copeland V. C., Grote N. K., Koeske G., Rosen D., Reynolds III C. F., Brown C. (2010) Mental health treatment seeking among older adults with depression: the impact of stigma and race. *The American Journal of Geriatric Psychiatry*, 18(6): 531–543.

Dinos S., Stevens S., Serfaty M., Weich S., King M. (2004) Stigma: the feelings and experiences of 46 people with mental illness: qualitative study. *The British Journal of Psychiatry*, 184(2): 176–181.

Fox A. B., Earnshaw V. A., Taverna E. C., Vogt D. (2018) Conceptualizing and measuring mental illness stigma: The mental illness stigma framework and critical review of measures. *Stigma and health*, 3(4): 348.

Goffman E. (2009) *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Simon and Schuster.

Griffiths K. M., Crisp D. A., Barney L., Reid R. (2011) Seeking help for depression from family and friends: a qualitative analysis of perceived advantages and disadvantages. *BMC psychiatry*, 11(1): 1–12.

Hamilton S., Pinfold V., Cotney J., Couperthwaite L., Matthews J., Barret K., ... Henderson C. (2016) Qualitative analysis of mental health service users' reported experiences of discrimination. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 134: 14–22.

Hansson L., Stjernswärd S., Svensson B. (2014) Perceived and anticipated discrimination in people with mental illness — An interview study. *Nordic Journal of Psychiatry*, 68(2): 100–106.

Hatzenbuehler M. L., Phelan J. C., Link B. G. (2013) Stigma as a fundamental cause of population health inequalities. *American journal of public health*, 103(5): 813–821.

Horwitz A. (1978) Family, kin, and friend networks in psychiatric help-seeking. *Social Science & Medicine. Part A: Medical Psychology & Medical Sociology*, 12: 297–304.

Huggett C., Birtel M. D., Awenat Y. F., Fleming P., Wilkes S., Williams S., Haddock G. (2018) A qualitative study: experiences of stigma by people with mental health problems. *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 91(3): 380–397.

Ilic M., Reinecke J., Bohner G., Hans-Onno R., Beblo T., Driessen M., ... Corrigan P. W. (2012) Protecting self-esteem from stigma: A test of different strategies for coping with the stigma of mental illness. *International Journal of Social Psychiatry*, 58(3): 246–257.

Eva Illouz, *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley, CA: University of California Press, 2008. — 320 p.

Illouz E. (2008) *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley, CA: University of California Press.

Inaba A., Thoits P. A., Ueno K., Gove W. R., Evenson R. J., Sloan M. (2005) Depression in the United States and Japan: gender, marital status, and SES patterns. *Social science & medicine*, 61(11): 2280–2292.

James S. L. et al. (2018) Global, regional, and national incidence, prevalence, and years lived with disability for 354 diseases and injuries for 195 countries and territories, 1990–2017: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2017. *The Lancet*, 392, № 0159: 1789–1858.

Karp D. A. (1994) Living with depression: Illness and identity turning points. *Qualitative health research*, 4(1): 6–30.

Lakeman R., McGowan P., MacGabhann L., Parkinson M., Redmond M., Sibitz I., ... Walsh J. (2012) A qualitative study exploring experiences of discrimination associated with mental-health problems in Ireland. *Epidemiology and psychiatric sciences*, 21(3): 271–279.

Link B. G., Yang L. H., Phelan J. C., Collins P. Y. (2004) Measuring mental illness stigma. *Schizophrenia bulletin*, 30(3): 511–541.

Livingston J. D., Boyd J. E. (2010) Correlates and consequences of internalized stigma for people living with mental illness: A systematic review and meta-analysis. *Social science & medicine*, 71(12): 2150–2161.

Lorant V., Deliège D., Eaton W., Robert A., Philippot P., Ansseau M. (2003) Socioeconomic inequalities in depression: a meta-analysis. *American journal of epidemiology*, 157(2): 98–112.

Markowitz F. E. (1998) The effects of stigma on the psychological well-being and life satisfaction of persons with mental illness. *Journal of health and social behavior*, 335–347.

Mirotnik J. (1998) Epidemiological findings on selected psychiatric disorders in the general population. *Adversity, stress, and psychopathology*, 235–284.

Möller-Leimkühler A. M. (2002) Barriers to help-seeking by men: a review of socio-cultural and clinical literature with particular reference to depression. *Journal of affective disorders*, 71(1-3): 1–9.

O'brien R., Hunt K., Hart G. (2005) "It's caveman stuff, but that is to a certain extent how guys still operate": men's accounts of masculinity and help seeking. *Social science & medicine*, 61(3): 503–516.

Owen J., Thomas L., Rodolfa E. (2013) Stigma for seeking therapy: Self-stigma, social stigma, and therapeutic processes. *The Counseling Psychologist*, 41(6): 857–880.

Pescosolido B. A., Olafsdottir S., Martin J. K., Long J. S. (2008) Cross-cultural aspects of the stigma of mental illness. *Understanding the stigma of mental illness: Theory and interventions*, 19–35.

Pescosolido B. A. & Martin J. K. (2015) The stigma complex. *Annual review of sociology*, 41: 87.

Ritchie H. & Roser M. (2018) Mental health. Published online at OurWorldInData.org. *Our World in Data*.

208

Schomerus G., Matschinger H., Angermeyer M. C. (2009) The stigma of psychiatric treatment and help-seeking intentions for depression. *European archives of psychiatry and clinical neuroscience*, 259(5): 298–306.

Seeman N., Tang S., Brown A. D., Ing A. (2016) World survey of mental illness stigma. *Journal of affective disorders*, 190, 115–121.

Silva M., Loureiro A., Cardoso G. (2016) Social determinants of mental health: a review of the evidence. *The European Journal of Psychiatry*, 30(4): 259–292.

The World Bank Official Website: GNI per capita, Atlas method (current US\$) Available at: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD?name_desc=false 15.01.2021

"Europeans and their languages". Special Eurobarometer 386. June 2012. P. 21. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/f551bd64-8615-4781-9be1-c592217dad83>

Thoits P. A. (1989) The sociology of emotions. *Annual review of sociology*, 317–342.

Thornicroft, G. (2008) Stigma and discrimination limit access to mental health care. *Epidemiology and Psychiatric Sciences*, 17(1): 14–19.

Tzouvara V., Papadopoulos C., Randhawa G. (2016) Systematic review of the prevalence of mental illness stigma within the Greek culture. *International Journal of Social Psychiatry*, 62(3): 292–305.

Wahlbeck K., Aromaa E. (2011) Research on stigma related to mental disorders in Finland: a systematic literature review. *Psychiatria Fennica*, 42, 87–109.

Wang J., Lai D. (2008) The relationship between mental health literacy, personal contacts and personal stigma against depression. *Journal of affective disorders*, 110(1-2): 191–196.

Warren L. W. (1983) Male intolerance of depression: A review with implications for psychotherapy. *Clinical Psychology Review*, 3(2): 147-156.

WHO Official Website: Depression Overview. Available at: https://www.who.int/health-topics/depression-tab=tab_1 05.11.2022

Depression, WHO (2017) Other common mental disorders: global health estimates. Geneva: *World Health Organization*, 24.

Рекомендация для цитирования:

Глухова М. Е. (2022) «Либо фигня, либо капец»: кросс-культурный анализ опыта депрессии студентов из Санкт-Петербурга и Хельсинки. *Социология власти*, 34 (3-4): 182-209.

For citations:

Glukhova M. E. (2022) “Either Bullshit or You’re Screwed”: A Cross-Cultural Analysis of the Experience of Stigmatizing Students with Depression in St. Petersburg and Helsinki. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 182-209.

Поступила в редакцию: 11.10.2022; принята в печать: 29.10.2022

Received: 11.10.2022; Accepted for publication: 29.10.2022

ЕВГЕНИЙ Г. ЦУРКАН¹

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0807-6558

Причины возникновения и роста социальных движений в контексте интернет-исследований

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-210-226

Резюме:

Статья посвящена описанию и классификации причин возникновения и роста социальных движений в контексте распространения интернет-сетей. Выделяется пять групп причин возникновения и развития социальных движений на трех уровнях исследования общества. Функциональные причины, находящиеся на макроуровне анализа, структурные и пространственные условия, предоставляющие поле возможностей для протестной деятельности, психологические и идеологические причины, мотивирующие участников социальных движений на микроуровне. Выделенные причины разбиваются на пять тем, каждая из которых соотносится с именами классиков XIX столетия, занимавшихся тематизацией и разработкой соответствующей причины: а) тема Дюркгейма — общее коммуникативное пространство; б) тема Тенниса — психическая мотивация; в) тема Маркса — «объективные» структурные напряжения в обществе; г) тема Вебера — изменение структуры политических возможностей; д) тема Сен-Симона и Конта — идеологическая мотивация. В статье осуществлено двойное теоретическое движение. С одной стороны, описываются причины возникновения и роста социальных движений, с другой — указываются классические исследования социальных движений и современные интернет-исследования, в рамках которых данные причины получили свое описание. Обозначенные темы составляют своего рода координат-

210

---

1 Цуркан Евгений Геннадьевич — кандидат философских наук, старший преподаватель Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Научные интересы: социальная философия, философия техники, теория медиа, интернет-исследования. E-mail: unigendeth@gmail.com
Публикация подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Acknowledgments: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

ную сетку, которая позволяет установить причины появления и развития социальных движений. В конкретных социальных движениях одна или несколько причин могут преобладать или, напротив, влиять лишь в незначительной степени в сравнении с другими. Ни одна из причин, взятая в отдельности, не представляет собой достаточного основания для роста социальных движений и протестной активности, поэтому при изучении социальных движений должна учитываться каждая.

Ключевые слова: социальные движения, протестная активность, интернет, коммуникативное пространство, структурное напряжение, психическая мотивация, структура политических возможностей, идеология

Evgeniy G. Tsurkan¹

Lomonosov Moscow State University, Russia

Reasons for the Emergence and Increase of Social Movements in the Context of Internet Studies

Abstract:

The article is devoted to the description and classification of causes for the emergence and increase of social movements in the context of the spread of internet networks. The article identified five groups of causes for emergence and development of social movements at three levels of social studies. The author identifies functional causes at the macrolevel of analysis, structural and space conditions that provide a field of opportunities for protest activity, and psychological and ideological reasons that motivate participants of social movements at the microlevel. The article divides the highlighted causes into five themes, each of which correlates to relevant classical scholars of the XIX century: a) Durkheim's theme — communicative space; b) Tönnies' theme — mental motivation; c) Marx's theme — "objective" structural strain in society; d) Weber's theme — changing the structure of political opportunities; e) the theme of Saint-Simon and Comte — ideological motivation. The article describes the reasons for emergence and growth of social movements and cites classical studies of social movements and modern Internet Studies, in which these reasons were described. The designated themes are a coordinate grid that allows researchers to determine the causes of emergence and development of social movements. In particular social movements, one or more causes may prevail or, on the contrary, exert a comparatively minor influence. Nevertheless, none of the groups of causes, taken separately, are a sufficient basis for the growth of social movements and protest activity, therefore, each reason must be considered in the study of social movements.

211

¹ Evgeniy G. Tsurkan — PhD, Senior Lecturer, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Research interests: Social philosophy, philosophy of technology, media theory, Internet research. E-mail: unigendeth@gmail.com

Keywords: social movements, protest activity, internet, communicative space, structural strain, mental motivation, structure of political opportunities, ideology

На протяжении XX века оптика, распознающая социальные движения¹ в качестве маргинальных и иррациональных событий, сигнализирующих об «общественной дисфункции», была последовательно заменена. Функции и статус социальных движений стали пониматься в более конструктивном ключе и соответствующим образом описываться. Г. Блумер называл социальные движения «одним из главнейших способов, которым переделываются современные общества» [Blumer 1969: 165]. Л. Киллиан обозначал социальные движения как «создателей социальных преобразований» [Killian 1964: 426], М. Адамсон и С. Боргос — в качестве «носителей исторических проектов» [Adamson, Borgos 1984: 12].

212

Появились различные конкурирующие между собой теоретические подходы к описанию социальных движений. Структурно-критический подход «настаивает на функции вскрытия протестом структурных напряжений или противоречий, возникающих в обществе» [Бараш, Антоновский 2019: 102]. Сходным образом волнения в обществе как результат структурного напряжения были описаны в функционалистской теории Н. Смелзера [Smelser 1962]. В ресурсно-мобилизационном подходе протест рассматривается как ресурс извлечения и максимизации «прибыли» относительно издержек участия в движении [Бараш, Антоновский 2019; Гидденс, Саттон 2019].

В результате волны протестов, прокатившейся по миру в 1960-х годах, на политическую арену вышли «новые социальные движения», имевшие более свободные организационные формы, что сформировало запрос в научном сообществе на разработку нового языка описания социальных движений или уточнение старого. Ответом стала теория «коллективной идентичности», носители которой передают символические сообщения о назревших в обществе проблемах [Melucci 1989]. Данный подход близок к «символически-интеракционистскому», в котором «протестное движение рассматривается как ключевой фактор социальной динамики, состоящий в борьбе за публичное определение ситуации, как фактор

---

1 Под социальными движениями мы понимаем свободно организованный неинституционализированный тип коллективного действия, базирующийся на общих для участников ценностях и целях и направленный на осуществление изменений в обществе или активно препятствующий таковым. Социальным движениям свойственно регулярное использование различных форм протеста.

в определении, генерировании и продвижении собственной идентификации, воплощение новых образов жизни» [Момджян, Бараш (ред.) 2019: 5]. Все описанные выше теории объединяет положение, согласно которому социальные движения являются не результатом общественной дисфункции или социальной аномии, но обладают функцией, которую нужно зафиксировать и описать.

В современном мире возникает и развивается все больше социальных движений, в том числе радикальных. Протест становится частью нормальной работы политической системы. Устойчивый рост количества различных социальных движений и их тематического разнообразия позволяет исследователям заявить о наступлении «эры социальных движений» [Штомпка 1996: 343] или появлении «общества социальных движений» [Meyer, Tarrow 1997]. В настоящий момент социальные движения переживают трансформацию, связанную с распространением интернета — информационной технологии, опосредующей протестную коммуникацию. Целью данного исследования является выявление и классификация причин, обусловивших особую важность социальных движений в цифровую эпоху, и соответствующих теоретических разработок. Помимо функциональных причин, находящихся на макроуровне анализа, следует выделить психологические и идеологические причины, мотивирующие агентов на микроуровне, а также структурные и пространственные условия, составляющие поле возможности для осуществления протестной деятельности. Мы предполагаем, что ни одна из групп причин не представляет собой достаточного основания для роста социальных движений. Обозначенные нами причины находятся в отношении взаимодополнительности.

213

Для достижения обозначенной цели мы воспользуемся теоретическими разработками П. Штомпки, который в произведении «Социология социальных изменений» выделил семь причин роста протестных движений в конце XIX — начале XX столетия. Выделенные причины П. Штомпка разбивает на пять тем, приписывая каждую классику XIX столетия, который занимался разработкой данной объяснительной модели: а) тема Дюркгейма, б) тема Тенниса, в) тема Маркса, г) тема Вебера, д) тема Сен-Симона и Конта. В качестве отдельных, не соотношенных с именами классиков, причин бурного роста социальных движений он выделяет образовательный подъем и возникновение средств массовой информации [Штомпка 1996: 343–344]. В нашу классификацию последние две «безымянные» причины не попадут, поскольку появление и развитие средств массовой информации является общей темой для данного исследования (исследование посвящено тематизации социальных движений в интернет-исследованиях), а определенный уровень образования является базовым условием использования интернета. Задачей на-

шего исследования станет рецепция пяти классических тем, в которых ухватываются отдельные причины появления и роста социальных движений, и их применение к описанию современной волны протестов, связанной с распространением интернета.

Мы решили воспользоваться именно классификацией Штомпки ввиду *трех причин*. Во-первых, это позволит реактуализировать наследие классиков, что даст в дальнейших исследованиях большое количество теоретических ресурсов и крепкую методологическую основу. Во-вторых, в классификации Штомпки осуществлено двойное описательное движение: с одной стороны, описываются причины возрастания значимости социальных движений как общественного явления, с другой стороны, эти причины обозначены в качестве тем, то есть теоретических традиций. Схожий концептуальный жест мы собираемся осуществить в данной статье, одновременно указывая как на причины роста социальных движений, так и на конкретные работы, в которых эти причины тематизированы. В-третьих, современные исследования, посвященные установлению связи между повышением протестной активности и распространением интернета, часто повторяют классические исследовательские ходы и используют схожие объяснительные модели с учетом изменившихся политико-социального и технологически-медийного контекстов. Теперь обратимся непосредственно к каждой из тем и раскроем, как каждая из них работает в контексте современных интернет-исследований.

214

Тема Дюркгейма: коммуникативное пространство

Первой темой и причиной, обусловившей возрастание значения социальных движений в новейшей истории, является тема Дюркгейма, под которой подразумевается простое физическое скопление больших масс людей, связанное с урбанизацией и индустриализацией. «Это создает большие возможности для контактов и взаимодействия, выработки единой точки зрения, общей идеологии и сплочения единомышленников. Короче говоря, шансы для мобилизации социальных движений существенно увеличиваются» [Штомпка 1996: 343].

Следуя логике данной темы, само скопление больших масс людей в одном *физическом* пространстве дает возможность для мобилизации социальных движений. В современных условиях цифровизации публичного пространства этот тезис можно видоизменить, отчего он не потеряет своей убедительности: простое наличие людей с потенциально общими интересами в едином *коммуникативном* пространстве интернета мобилизует протест. Пространство интернета, конечно, не является единым, распадаясь на различные

платформы и пучки взаимодействий. Однако в обыденных интернет-практиках большинство людей используют социальные сети, в которых взаимодействуют с достаточно ограниченным кругом пользователей. Алгоритмы рекомендаций, формирующие новостную ленту, выполняют гомогенизирующую функцию, предлагая пользователю ту информацию, к которой он уже проявил интерес. Согласно теории Дж. Ланира, работа алгоритмов приводит к повышению «плотности» коммуникации и вовлечения пользователя, вместе с тем создавая иллюзию, что его точка зрения на политические процессы является наиболее представительной и адекватной. Информационный пузырь, созданный работой алгоритмов, приводит к формированию внутри информационного пространства социальных сетей закрытых групп людей, разделяющих общие политические взгляды [Lanier 2018].

Нахождение в пространстве интернета как причина протестной активности встречается в достаточно большом количестве русских и зарубежных статей, написанных в период между 2011 и 2013 годами и посвященных интернет-протесту. Как пишут в своем исследовании З. Кныжова и И. Суслов: «...своеобразие российского научного дискурса в первой половине 2010-х заключалось в определении Интернета как первопричины протестной мобилизации» [Кныжова, Суслов 2019: 60]. Серьезное влияние интернета на политические события заинтересовало Российских исследователей во время протестных движений 2011–2013 годов, главной символической локацией которых стала Болотная площадь. Обнаружив корреляцию между распространением интернета и участием людей в митингах, исследователи поспешили сделать вывод о наличии причинно-следственной связи. Е. Драчева и А. Щербак в своем исследовании указывают на связь между уровнем проникновения интернета и числом протестов в российских регионах [Драчева, Щербак 2012]. В западных исследованиях акцент был сделан на возможности мобилизации граждан посредством интернета против авторитарных режимов [Reuter, Szakonyi 2013]. Более того, события «арабской весны» настолько вдохновили американских исследователей, что «Facebook-революция» и «Twitter-революция» стали расхожими фразами, протестные манифестации на площади Тахрир в Каире были объявлены заслугой Кремниевой долины, а социальные сети чуть ли не главным проводником демократизации авторитарных режимов [Lanier 2018: 81–82].

Обозначение распространения интернета в качестве причины роста протестной активности является в высшей степени проблематичным. Согласно количественному исследованию Г. Волфсфельда и др., проведенному в 2013 году на материале опроса респондентов из 20 арабских стран, более значимой статистической корреляцией

является соотношением политической активности с уровнем коррупции и соблюдения прав человека, а не со степенью интернетизации. Авторы приходят к выводу, что повышение активности использования интернет-сети является следствием протестной активности, а не причиной. Об этом свидетельствует рост количества зарегистрированных в Facebook пользователей в тех арабских странах, где протесты уже начались [Wolfsfeld, Segev, Sheaffer 2013]. К схожим выводам пришли С. Гонзалес-Бейлон и ее коллеги в результате опроса авторов твитов о протестах в Испании в 2011 году (движение «Indignados»). Проведенное исследование показало, что большинство пользователей, писавших протестные твиты, активизировались только после начала протестов [Gonzalez-Bailon, Borge-Holthoefer, Mogeno 2013].

216

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что интернет является полезным инструментом для: а) мобилизации и координации протеста; б) преодоления цифровых блокад, выстраиваемых провластными СМИ вокруг протестной активности; в) формирования коллективной идентичности протестующих. Однако сама возможность коммуникации в цифровом пространстве не является достаточной причиной роста протестной активности. В интернете могут коммуницироваться различные темы. Это «генеративное» или плодovitое сообщество в терминах Дж. Зиттрейна [Zittrain 2008], в избытке производящее коммуникацию, но чтобы эта коммуникация была именно протестной и массовой, должны быть дополнительные причины. Это приводит нас к теме Маркса, в которой акцент ставится на референте протестной коммуникации — внешнем объекте, к которому коммуникация отсылает, то есть к структурным напряжениям и общественным дисбалансам.

Тема Маркса: структурные напряжения

Под темой Маркса Штомпка понимает «беспрецедентный рост социального неравенства, ступенчатую иерархию богатства, власти и престижа, что характерно для современной капиталистической экономики» [Штомпка 1996: 344]. Чрезмерная эксплуатация, поляризация общества, гендерное неравенство и экономические кризисы являются значимыми причинами для объединения людей. В более общем виде данную тему можно обозначить как структурные напряжения, выступающие в качестве внешнего референта протестной коммуникации. В теме Маркса основной причиной протестной активности выступает «объективный» дисбаланс в работе социальных макросистем, порождающий общественное напряжение.

Согласно К. Марксу, антагонистическая форма процесса общественного производства, к которой относятся буржуазные производственные отношения, в своей работе усиливает имеющийся антагонизм, вместе с тем создавая материальные условия для его разрешения, причем под «разрешением» понимается исключительно революция. Несмотря на имеющиеся попытки, ни одной неантагонистической формы общественного производства на данный момент создано не было, поэтому мы воспользуемся усеченной версией вышеизложенного тезиса, а именно: в процессе нормальной работы основные макросистемы общества порождают объективные экономические, политические и иные формы неравного распределения ресурсов, которые становятся референтом протестной коммуникации.

Относительно событий «арабской весны», помимо приведенного выше исследования Г. Волфсфельда и др. [Wolfsfeld, Segev, Sheaffer 2013], объективные структурные напряжения в качестве основной причины протеста заявляются в исследовании С. Циреля, который приходит к заключению, что накал протестов в арабских странах тем опасней, чем выше уровень безработицы среди молодежи и доля дискриминируемых национально-религиозных групп [Цирель 2012]. И. Аллагуи и Дж. Кеблер также отмечают значимость для протестной мобилизации таких факторов, как безработица, классовое неравенство, коррупция и цензура [Allagui, Kuebler 2011].

217

Несмотря на высокую степень влияния структурных напряжений на протестную активность, данная причина не является ни единственной, ни доминирующей ввиду двух обстоятельств. Первое состоит в том, что социальной несправедливости, чтобы вызвать протестные настроения, мало просто быть, ей надо быть очевидной. Общественное напряжение должно быть в достаточной степени явным, чтобы быть тематизированным в протестной коммуникации и выступать ее референтом. Многие общественные институты рефлексивно или нерефлексивно подразумевались в качестве «нормальных» до тех пор, пока не были артикулированы в качестве латентной формы угнетения. Например, институты патриархальной семьи, монархии, рабства могут признаваться «нормальными» всеми членами общества и не вызывать протестных настроений, но будучи заявленными в качестве несправедливых и угнетательских явлений в рамках социального движения суффражисток, республиканской революции или восстания Спартака, они становятся «объективными» причинами протеста. То есть социальные явления просто «есть» до тех пор, пока внутри протестной коммуникации они не получают статус «несправедливых», только после этого они могут стать причиной протеста. Таким образом, протестные движения не только выступают против существующих про-

блем, являясь в этом смысле «реактивными», но и выявляют новые, создают их, являясь «проактивными».

Второе обстоятельство состоит в том, что, если оставлять за протестной коммуникацией лишь функцию практической рефлексии уже существующих проблем, нельзя объяснить, почему при сходном наборе вводных данных мы в одном случае получаем на выходе рост протестной активности, а в другом — нет. Например, проблемы электоральной системы в Белоруссии, которые коммуницировались в белорусских протестах 2020–2021 годов, существовали и в 2015 году, на прошлом витке электорального цикла, но к массовым протестам привели только в 2020-м.

Тема Вебера: структура политических возможностей

218

В теме Вебера внимание акцентируется на демократических преобразованиях политической системы, при которых объединение в политические группы и отстаивание своих интересов из маргинального и негативно санкционируемого поведения становится не просто законным правом, но гражданским долгом. В более общем виде эту тему можно сформулировать следующим образом: причиной роста протестной активности служит расширение поля политических возможностей. Данное расширение может быть достигнуто различными средствами: либеральными преобразованиями по типу включения в политическое поле ранее исключенных из него групп, реформированием действующих демократических институтов с целью устранения явных и неявных барьеров, затрудняющих процедуры делегирования и волеизъявления граждан, наконец, внедрением новых медиа, опосредующих публичную политику. Развивая тему Вебера в контексте интернет-исследований, следует задаться вопросом: каким образом внедрение интернета в существующие институты власти и модели политического действия видоизменяет распределение власти, а также тактики и стратегии, используемые в социальных движениях.

Согласно мнению одного из самых известных интернет-теоретиков М. Кастельса интернет, будучи встроенным в существующие политические структуры, приводит к их существенному видоизменению, открывая новое поле действия для социальных движений. В работе «*Networks of Outrage and Hope*» [Castells 2012] Кастельс формулирует гипотезу, согласно которой новые формы социальных движений, впервые появившись в Исландии в конце 2008 — начале 2009 года («кастрюльная революция»), распространились в Тунисе и Египте, а позже во всех арабских странах («арабская весна»). Затем новые формы сетевых протестных практик были применены

в Испании (движение «Indignados») и американским движением «Occupy Wall Street». Согласно Кастельсу, сетевые формы протестных движений являют собой новую форму гражданского общества. Социальные движения, использующие для мобилизации и координации интернет-сети, оказались столь востребованными и популярными по причине того, что старые политические институты не отвечают требованиям граждан, из-за чего образуется «дефицит демократии», при котором граждане перестают доверять своим представителям. Кастельс отмечает, что в описанных им социальных движениях интернет выступает в качестве автономного, горизонтального и децентрализованного пространства, свободного от государственного и корпоративного контроля, где люди могут делиться своими возмущениями и надеждами напрямую, без необходимости делегировать право высказывания политическому представителю, и каждый может быть услышанным. Возможность транслировать информацию сквозь национальные границы и экспортировать протестные практики также отмечает А. Келдераро [Calderaro 2018].

С рядом положений Кастельса можно согласиться, однако достаточно распространенная точка зрения, состоящая в том, что коммуникация, в том числе протестная, опосредованная интернет-сетью, является децентрализованной и горизонтальной, не выдерживает критики. Как пишет С. Гонзалес-Бейлон в совместной с Н. Вангом статье: «Эмпирический анализ показывает, что онлайн-сети высокоцентрализованные и фрагментированные структуры, а не горизонтальные и изменчивые, какими их часто представляют» [Gonzales-Bailon, Wang 2016: 97]. Кастельс исходит из положения о том, что контроль над информационным потоком порождает асимметрию, давая людям, контролирующим «информационные шлюзы», власть, а интернет децентрализует поток информации и подрывает старые модели власти и гегемонии, демократизируя политические процессы [Castells 2013]. Подразумевается, что власть опирается на способность контролировать общественное мнение, то есть «власть основана на контроле над коммуникацией и информацией, будь то макровласть государства и медиакорпораций или микровласть организаций всех сортов и видов» [Castells 2013: 3]. Интернет же разрушает возможности монопольного владения информацией, лишает «привратников» выделенного положения и, следовательно, власти. Однако социологическое исследование испанского движения «Indignados» и американского «Occupy Wall Street», проведенное С. Гонзалес-Бейлон и Н. Вангом методом снежного кома, показало, что большинство онлайн-сетей организованы вокруг структурных дыр, которые препятствуют распространению информации. Наличие мостов,

переброшенных через эти дыры, и содействие со стороны информационных «брокеров» являются необходимыми условиями для распространения любой информации, в том числе и протестной. Естественно, положение посредника является структурно выделенным и порождает асимметрию, которая в свою очередь является источником власти, возможности которой не разрушены, а перераспределены [Gonzales-Bailon, Wang 2016].

Асимметрия в распределении и распространении информации, структурные разрывы, необходимость брокерства и участие инфлюенсеров в формировании общественного мнения могут быть использованы в том числе и правительственными организациями, причем не только демократическими, но и авторитарными, что окончательно дискредитирует мысль о том, что интернет-технологии имеют исключительно демократический потенциал. Иными словами, интернет действительно приводит к трансформации политических институтов и перераспределению власти, однако не подрывает основанную на информационной асимметрии властную модель. Следовательно, распространение интернет-технологий в каком-либо национальном государстве не является достаточной причиной для развития протестных движений, более того, оно может приводить к спаду протестной активности.

220

Тема Тенниса: психическая мотивация

Темой Тенниса П. Штомпка обозначил опыт переживания отчуждения, «одинокства в толпе», который формирует особого рода запрос на включенность в группу, стремление к солидарности и сплоченности. Массовое распространение опыта отчуждения напрямую связано с процессом урбанизации, вызванным развитием капиталистических отношений в странах Европы и приведшим к обезземеливанию крестьян и вынужденному переселению последних в города. Данная тема возникла в определенном историческом контексте, в более общем виде ее можно обозначить как психическую или эмоциональную причину участия в социальных движениях. Согласно логике данной темы, популярность и рост социальных движений определяются особого рода переживаниями, психическими состояниями, распространенными в какой-либо социальной группе. Этот опыт может быть обозначен как чувство несправедливости, депривации, субъективно переживаемого неравенства, ощущение незащищенности или «прекарности», угрозы потери благ. Вне зависимости от конкретного обозначения интерес подобного рода исследований смещается к субъективному состоянию психики.

На протяжении второй половины XX века в Америке развивается депривационно-психологический подход, в котором одной из главных причин участия в социальных движениях обозначено переживание депривации потребностей. Функция социальных движений заключается в прекращении психических страданий, связанных с этим чувством [Gugney, Tierney 1982]. Люди испытывают чувство депривации в случае, если находят свое социальное положение менее благоприятным в сравнении с другими индивидами или группами, а также в сравнении со своим прошлым положением. Большое значение имеет, какая референтная группа берется для сравнения. Стоит отметить, что перманентно плохие условия жизни (абсолютная депривация потребностей) сами по себе не вызывают протеста, в то время как резкое ухудшение условий жизни после длительного периода материального благополучия (относительная депривация) способно вызвать массовый протест, поскольку воспринимается большинством людей как несправедливость. Однако, как отмечает А. Ш. Гусейнов, «...модель относительной депривации не объясняла, как индивидуальная неудовлетворенность переходит в коллективный протест. Некоторые авторы отмечали, что чувство неудовольствия не всегда связано с протестом» [Гусейнов 2012: 87].

221

Современная исследовательница В. Боттеро в работе «A Sense of Inequality», развивая тему субъективного переживания неравенства, настаивает на примате изучения личного и местного неравенства над «объективным». В. Боттеро аргументирует предпочтительность «методологического локализма» тем, что люди понимают и чувствуют неравенство, реализуемое в их собственной повседневной жизни, гораздо острее, чем «объективные» и «удаленные» от индивида формы неравенства. «Объективное» неравенство не имеет прямого отношения к росту протестных настроений в обществе. Приведенные в исследовании опросы показывают, что мнения о неравенстве вообще, высказанные респондентами, отличаются ограниченным видением и достаточно абстрактны, в то время как чувство «субъективного неравенства» переживается довольно остро [Bottero 2020]. Методологический локализм, предложенный Боттеро, достаточно близок к теоретическим решениям, предложенным в рамках депривационно-психологического подхода, а концепты объективного и субъективного неравенства сходны с абсолютной и относительной депривацией. Важный вопрос, как индивидуальная неудовлетворенность переходит в коллективный протест, в рамках обоих подходов остается неразрешенным.

Безусловно, субъективное переживание неравенства и несправедливости является важной причиной роста протестных движе-

ний, но эмоция должна приобрести статус социально значимой для того, чтобы мобилизовать большие группы людей для участия в социальном движении. Эмоция как мотивирующая сила, имеющая своим источником психику, при специфических обстоятельствах должна из системы психики перейти в статус социальной установки, нормативного ожидания, встроенного в социальную структуру, должна стать «социальной эмоцией». «Социальный характер некоторой психической эмоции означает лишь то, что в специфической ситуации, когда от человека ожидается выражение некоторого чувства, он должен действовать так, как будто он испытывает это чувство, даже не испытывая его» [Момджян, Бараш (ред.) 2019: 11]. Прояснение специфических обстоятельств и ситуаций, при которых такой переход становится возможен, потребует привлечения дополнительных теоретических ресурсов, находящихся вне области психологии.

Тема Сен-Симона и Конта: идеологическая причина

222

В последней теме внимание акцентируется на вере в то, что социальные изменения напрямую зависят от действия людей, что общественное положение вещей может быть изменено к выгоде участников социального движения. В более общем виде эту тему можно сформулировать как влияние веры в эффективность собственных коллективных действий по переустройству общества. В контексте интернета эта вера выражается в идее эффективности новых сетевых форм протеста как для выражения несогласия с существующим положением вещей, так и для его изменения.

Убежденность в эмансипационном и демократизирующем потенциале интернета проявляется тройным образом. Во-первых, люди, принимающие участие в протестных акциях, используют интернет-сети для мобилизации и координации своих действий, исходя из предположения, что эта технология повысит шансы на успех и массовость протестной акции. Важно отметить, что учитывается как действительная эффективность интернет-медиа в реализации протеста, так и манифестируемая. Например, сетевая форма организации протеста продемонстрировала свою эффективность в Исландии во время «кастрюльной революции» 2008–2009 годов, одним из последствий которой стала конституционная реформа [Castells 2012], после чего данная форма протеста начинает применяться в других странах как универсальная. В частности, одним из лозунгов испанского социального движения «Indignados» был: «Делай как Исландия». Если протесты в этих странах окажутся менее эффективными, это не отразится на убежденности в протестном потенциале интернет-технологий, в качестве причины неудачи будут

обозначены иные обстоятельства. Идея того, что интернет способен привести к демократизации общества, безотносительно того насколько она соответствует действительности, является мощным мотиватором для людей, принимающих участие в интернет-протесте. Во-вторых, вера в протестный потенциал интернета отражается на действиях власти по пресечению протеста. Силловые структуры, охраняющие сложившийся политический режим, часто прибегают к массовым блокировкам интернета, что лишний раз утверждает интернет-сети в качестве главного проводника протестных настроений. В-третьих, идея взаимосвязи роста протестной активности и распространения интернета отражается не только на людях, принимающих непосредственное участие в протесте или борьбе с ним, но и на исследователях, подтверждением чего служит растущее с каждым годом количество литературы, посвященной этой теме. В базу Science Direct в 1993 году было внесено 6 работ на данную тематику, в 2003-м — 50 работ, в 2013-м — 160 работ. В Scopus в 1996 году — 2 работы, в 2006-м — 215 работ, в 2013-м — 714 [Колозарида, Ульданов 2015].

Заключение

223

Пять тем, обозначенных нами в данной работе, дополняют друг друга, составляя координатную сетку, позволяющую установить и зафиксировать причины появления и развития современных, опосредованных интернет-медиа, социальных движений. Каждая из тем, впервые сформулированная классиками социальной теории XIX столетия, находит свое развитие в современном междисциплинарном направлении интернет-исследований с учетом изменившихся политико-социального и технологически-медийного контекстов. Это позволяет, с одной стороны, прочертить линии преемственности различных исследовательских подходов и объяснительных моделей, с другой стороны, указать на специфику исследования новых сетевых форм протеста, опосредованных интернет-медиа. В конкретных социальных движениях и связанных с ними протестных практиках одна или несколько названных причин могут превалировать или, наоборот, влиять лишь в незначительной мере в сравнении с другими, но при изучении любого конкретного проявления протеста все пять причин должны учитываться исследователем. Поскольку ни одна из причин, взятая в отдельности, не представляет собой достаточного основания для роста социальных движений, имеющих свойство выражаться в виде протестной активности, при изучении современных сетевых форм социальных движений должна учитываться каждая.

Библиография / References

Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. (2019) Новые социальные движения и их эволюция в сетевую эпоху. *Вопросы философии*, № 7: 99–110.

— Barash R. E., Antonovskii A. Yu. (2019) New social movements and their evolution in the networked age. *Voprosy filosofii*, № 7: 99–110. — in Russ.

Гидденс Э., Саттон Ф. (2019) *Основные понятия в социологии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Giddens A., Sutton P. W. (2019) *Essential Concepts in Sociology*, M.: Higher School of Economics Publishing House. — in Russ.

Гусейнов А. Ш. (2012) Феномен протестного поведения. *Южно-российский журнал социальных наук*, № 2: 82–96.

— Guseinov A. Sh. (2012) The phenomenon of protest behavior. *Iuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, № 2: 82–96. — in Russ.

Драчева Е. А., Щербак А. Н. (2012) Политический Интернет и гражданское общество на выборах 2011–2012 гг. *Публичная политика-2011: сборник статей*. СПб.: Норма: 26–39.

— Dracheva E. A., Shcherbak A. N. (2012) Political Internet and Civil Society in the 2011–2012 Elections. *Publichnaia politika-2011: sbornik statei*, St. Petersburg: Norma: 26–39. — in Russ.

224

Кныжова З. З., Сулов И. В. (2019) Потенциал и перспективы политической мобилизации в интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте. *Власть*, № 5: 59–66.

— Knyzhova Z. Z., Suslov I. V. (2019) The Potential and Prospects of Political Mobilization in the Internet Space: A Review of Empirical Research in the World and Russian Context'. *Vlast'*, № 5: 59–66. — in Russ.

Колозариди П. В., Ульданов А. А. (2015) Интернет и общественные движения: анализ развития тематики в базах ScienceDirect и SCOPUS. *Социологический журнал*, 21 (3): 105–128.

— Kolozaridi P. V., Uldanov A. A. (2015) Internet and social movements: Analysis of topic development in ScienceDirect and Scopus databases. *Sociological Journal*, 21 (3): 105–128.

Момджян К. Х., Бараш Р. Э. (ред.) (2019) *Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения: Монография*, М.: Русское общество истории и философии науки.

— Modzhyan K. Kh., Barash R. E. (eds.) (2019) *New social movements in the network era: articles, interviews, expert opinions: Monograph*, M.: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki. — in Russ.

Цирель С. В. (2012) Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*, М.: Либроком / URSS: 162–174.

— Tsirel' S. V. (2012) Conditions for the emergence of revolutionary situations in Arab countries. *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaia vesna 2011 goda*, M.: Librokom / URSS: 162–174. — in Russ.

- Штомпка П. (1996) *Социология социальных изменений*, М.: Аспект Пресс.
- Sztompka P. (1996) *Sociology of social change*, М.: Aspect Press. — in Russ.
- Adamson M., Borgos S. (1984) *This Mighty Dream: Social Protest Movements in the United States*, Boston: Routledge Kegan & Paul.
- Allagui I., Kuebler J. (2011) The Arab Spring and the Role of ICTs: Editorial Introduction. *International Journal of Communication*, № 5: 1435–1442.
- Blumer H. (1969) *Collective Behavior. Principles of Sociology*, New York: Barnes&Noble: 165–221.
- Bottero W. (2020) *A Sense of Inequality*, London: Rowman & Littlefield Publishers.
- Calderaro A. (2018) Social Media and Politics. *The SAGE Handbook of Political Sociology*, Sage Publications: 781–796.
- Castells M. (2013) *Communication power*, Oxford: Oxford University Press.
- Castells M. (2012) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*, Cambridge: Polity Press.
- Gonzales-Bailon S., Wang N. (2016) Networked disconnected: The anatomy of protest campaigns in social media. *Social Networks*, № 44: 95–104.
- Gonzalez-Bailon S., Borge-Holthoefer J., Moreno Y. (2013) Broadcasters and Hidden Influentials in Online Protest Diffusion. *American Behavioral Scientist*, 50 (7): 943–965.
- Gurney J.N., Tierney K.J. (1982) Relative Deprivation and Social Movements: A Critical Look at Twenty Years of Theory and Research. *The Sociological Quarterly*, (23): 33–47.
- Killian L.M. (1964) Social movements. *Handbook of modern sociology*, Chicago: Rand McNally: 426–455.
- Lanier J. (2018) *Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now*, New York: Henry Holt and Company.
- Melucci A. (1989) *Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society*, London: Hutchinson Radius.
- Meyer D.S., Tarrow S.G. (1997) *The social movement Society: Contentious Politics for a New Century*, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.
- Reuter O.J., Szakonyi D. (2013) Online Social Media and Political Awareness in Competitive Authoritarian Regimes. *British Journal of Political Science*, 45 (1): 29–51.
- Smelser N.J. (1962) *Theory of Collective Behavior*, New York: Free Press of Glencoe.
- Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. (2013) Social Media and the Arab Spring Politics Comes First. *International Journal of Press/Politics*, 18 (2): 115–137.
- Zittrain J.L. (2008) *The Future of the Internet — And How to Stop It*, New Haven: Yale University Press & London: Penguin.

Рекомендация для цитирования:

Цуркан Е. Г. (2022) Причины возникновения и роста социальных движений в контексте интернет-исследований. *Социология власти*, 34 (3-4): 210-226.

For citations:

Tsurkan E. G. (2022) The Reasons for the Emergence and Increase of Social Movements in the Context of Internet Studies. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 210-226.

Поступила в редакцию: 05.11.2022; принята в печать: 19.11.2022

Received: 05.11.2022; Accepted for publication: 19.11.2022

ДМИТРИЙ О. ТИМОШКИН¹

Иркутский государственный университет, Иркутск; РАНХиГС, Москва,
Россия

ORCID: 0000-0001-5478-0469

«Как бы есть, но пока больше виртуально»: репрезентации диаспор на мигрантских цифровых коммуникационных площадках²

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-227-246

Резюме:

В статье рассматриваются репрезентации диаспоры в текстах, опубликованных на цифровых коммуникационных площадках трансграничных мигрантов, прибывающих в Россию. С помощью анализа дискурса исследовались сообщения, размещенные в открытом доступе в тематических группах в «ВКонтакте», «Одноклассниках», каналах в телеграме. Цель исследования заключалась в том, чтобы выяснить, какими значениями наделяют пользователи слово «диаспоры», которое рассматривалось как «узловой знак», объединяющий в единый дискурс посты и комментарии посещающих цифровые площадки мигрантов. Опираясь на результаты дискурс-анализа более тысячи релевантных целей исследования сообщений, мы установили, что «диаспора» чаще всего упоминается в репостах пресс-релизов государственных и общественных организаций, где она представлена как объект бюрократического воздействия, посредник между мигрантами и государством. В данных текстах диаспора помещена в один семантический ряд с различными органами государственной власти и их представителями. При этом диаспора определяется как участник организованных государственной бюрократией принимающей страны или страны-донора мероприятий, цель которых — манифестация инаковости. В пользовательских комментариях транслируются иные значения: люди либо

227

- 1 Тимошкин Дмитрий Олегович — старший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, Российская Федерация, Иркутск; научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Москва. Научные интересы: маргинальность, социальные медиа, «рутинное сопротивление».
- 2 Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

сомневаются в ее существовании, либо в способности эффективно решать их проблемы.

Ключевые слова: диаспора, мигранты, социальные медиа, «ВКонтакте», «Одноклассники», телеграм, манифестация, дискурс

Dmitry O. Timoshkin¹

Irkutsk State University, Russian Federation; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

“They Seem to Exist, but Mostly Virtually so Far”: Representations of Diasporas on Migrant Digital Communication Platforms

Abstract:

The article examines the representations of the “diaspora” in texts published on “migrant” digital communication platforms. With the help of discourse analysis the messages posted in open access in thematic groups in VKontakte, Odnoklassniki, and Telegram channels were studied. The purpose of the study was to find out what meanings and functions the users of these sites give the word “diasporas”. The “Diaspora” was considered as a nodal point, uniting the narratives of people visiting “migrant” sites into a single framework. It was assumed that the “diaspora” does not have a clear, fixed content and various actors are trying to turn it from an “element” into a “moment”, securing a certain meaning for it. More than a thousand messages found on “migrant” sites were analyzed. The study showed that the “diaspora” within the considered digital platforms is most often mentioned in the reposts of press releases of state and public organizations, where it is presented as an object of social action, an intermediary between migrants and the state. In these texts, the “diaspora” is represented in the same semantic row with various state authorities and their representatives. At the same time, the “diaspora” is defined as a participant in events organized by the state bureaucracy of the host country or the donor country, the purpose of which is the manifestation of ethnicity. In user comments, these values are disputed: people either doubt its existence or its ability to effectively solve their problems.

Keywords: diaspora, migration, social media, VKontakte, odnoklassniki, telegram, formalized text, power

228

---

1 Dmitry O. Timoshkin — Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Moscow. Research interests: marginality, social media, «routine resistance».

Введение

Споры о значении термина «диаспоры», как и о существовании обозначаемого этим термином феномена в российском академическом пространстве идут десятилетиями [Дятлов, Тощенко, Чаптыкова, Фоканов и др.]. Обзоры таких дискуссий публикуют журналы «Diaspora»¹ и его русскоязычный аналог — «Диаспоры». Это понятие используется в самых разных значениях в огромном количестве публицистических и академических текстов², причем многие авторы рассматривают употребляемый ими смысл как часть очевидного знания. С одной стороны, это говорит о том, что для многих авторов, использующих термин, его содержание *«настолько ясно, а явление, им называемое, настолько определено, что особых комментариев просто не требуется»* [Дятлов 1999], все еще существует. При этом «диаспоры» остаются явлением неоднозначным настолько, что даже их существование может быть предметом споров.

Сегодня диаспора рассматривается в весьма широком смысловом диапазоне, как землячество [Кондратьева 2009], как самовоспроизводящийся механизм манифестации культурной инаковости [Симон 2016]; как инструмент накопления административного капитала [Дятлов, Нам 2020]; как конструкт «современных медиа» [Воронова 2016]. Актуализации термина способствует типичное для общественного мнения внимание к маргинальным сообществам [Ван Дейк 2013], к которым, безусловно, можно отнести некоторые категории трансграничных мигрантов [Баньковская 2002; Малахов 2004].

При этом диаспоры широко представлены в повестке дня. Даже самый поверхностный поиск в Google показывает, что еженедельно появляются десятки и сотни новостных текстов, содержащих слово «диаспора» в самых разных значениях. Помимо профессиональных медиа диаспоры становятся предметом обсуждения в медиа социальных, причем частота употребления понятия, а также массовое использование мигрантами цифровых технологий для расширения возможностей столь важных в их повседневности горизонтальных сетей [van Meeteren, Pereira 2018; Komito 2011; Hayness, Wang 2019] ставит вопрос о существовании цифровых диаспор. Задуматься о существовании этого феномена заставляют и сходства существующих в Сети сообществ с теми, что создаются трансграничными мигрантами офлайн. В частности, мигрантские цифровые пло-

1 <https://www.utpjournals.press/loi/diaspora>

2 В «Киберленинке» можно найти более 10 тысяч упоминаний слова «диаспора» в научных статьях: <https://clck.ru/TrK4G>

щадки становятся местом обмена информацией и взаимной поддержки среди мигрантов и используются для накопления социального капитала, снижения издержек на легализацию, поддержанию транснациональных сообществ и так далее [Dekker, Engbersen 2014; Dekker, Engbersen, Klaver 2018].

Признавая «цифровые диаспоры» объективно существующим феноменом [Ponzanesi 2020; Кужелева-Саган 2016], исследователи также расходятся в определениях, как и в случае с обычной диаспорой. Под этим может пониматься, например, репрезентированное с помощью цифровых технологий сообщество, заинтересованное в первую очередь в самоманифестации. Его участники объединены общим регионом исхода, системой построенных на этнической или национальной солидарности взаимных обязательств. «Цифровые диаспоры» могут означать и инструменты «сохранения идентичности» в условиях постоянной информационной и пространственной мобильности.

230

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы, изучив описания «диаспоры», представленные в российских мигрантских социальных медиа, определить, какими значениями она наделяется разными акторами, участвующими в этом процессе. Предполагалось также проверить гипотезу, согласно которой в цифровом пространстве «диаспора» определяется как создаваемый принимающим государством инструмент контроля за группами мигрантов, нацеленный на обмен лояльности на возможность манифестировать инаковость [Дятлов 2013; Дятлов, Нам 2020: 482].

Сбор материала осуществлялся в «Одноклассниках», «ВКонтакте», Telegram. «Одноклассники» и «ВКонтакте» были выбраны в силу их популярности в России, Telegram — из-за декларируемой создателями защиты пользовательской анонимности, что является значимым фактором, способствующим формированию «парадокса приватности» [Пронкина 2018]. Рассматривались группы, содержащие в названии одно или несколько ключевых слов: этнонимы, обозначающие выходцев из основных стран-доноров для Российской Федерации [Щербакова 2020]: «узбек», «таджик», «кыргыз», «казах», «молдов», «белорус/беларус», «украинец», «армян», «азербайджан», «туркмен». Также отбирались площадки, в названии которых имелись слова «мигрант*», «приезж*» или «диаспор*». Затем, с помощью машинного перевода, проводился поиск по этнонимам на таджикском, узбекском, кыргызском и других языках стран-доноров. Учитывая, что из выборки наверняка выпадали сообщества, не имеющие в названии подобных ключевых слов, в нее добавлялись также тематические сообщества из списков пользователей, оставивших комментарии.

Общее количество групп, собранных по такой схеме, превысило 10 тысяч. Многие из них не подходили по тематике, не будучи свя-

заны с миграцией, некоторые не содержали информации в открытом доступе или были заброшены. Были введены дополнительные критерии, позволившие отфильтровать такие группы. В эмпирическую базу вошли только мигрантские группы, локализованные в России, — это позволило устранить из выборки сообщества, посвященные странам исхода, с миграцией не связанные. Не рассматривались сообщества, в составе которых было менее 1000 человек. Это позволило удалить из выборки множество сообществ с минимальной или отсутствующей пользовательской активностью. Были исключены площадки, на «стене» которых не было опубликовано ни одного пользовательского комментария за последние трое суток с момента начала исследования. Были исключены закрытые группы, а также те, в которых публиковалась только реклама, и группы с отключенными комментариями. Все это позволило снизить общее количество цифровых площадок до 200.

Релевантные цели исследования сообщения отбирались с помощью поиска по ключевому слову «диаспор» во встроенных поисковых системах упомянутых выше цифровых площадок. Всего было найдено более 1000 сообщений, размещенных в открытом доступе в пределах указанных групп, содержащих слово «диаспор». При работе с ними использовалась техника анализа дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф [Laclau, Mouffe 1985]: «диаспора» рассматривалась как «изменяемый знак» [Йоргенсен, Филлипс 2008: 60], который участники диалога (автор изначального сообщения, размещенного на стене, а также — пользователи, оставившие комментарии. — *Прим. авт.*) пытались погрузить в контекст того или иного дискурса, закрепляя за ними различные смыслы.

Манифестация и контроль: диаспора в новостных текстах

Большинство упоминаний «диаспор» содержится в репостах публицистических текстов, размещенных на стенах мигрантских групп. Их соотношение к пользовательским комментариям составляет в проанализированном массиве приблизительно 8 к 1. Ключевой темой, обсуждаемой в этой группе текстов, становится контакт представляющей некую общность мигрантов «диаспоры» и бюрократии принимающей страны. Преимущественно данные тексты производятся пресс-службами государственных и негосударственных формализованных организаций: МВД¹ и иными ведомства-

---

1 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_179024%2Fall

ми¹, посольствами², пресс-службами депутатов³, министерствами⁴. Авторы не считают нужным раскрывать понятие «диаспора», очевидно, полагая, что оно должно быть интуитивно понятно любому потенциальному читателю.

«Диаспора» описывается здесь как посредник между государством и сообществом мигрантов, не имея, по существу, субъектности. Она может лишь говорить от имени государства, способствуя реализации в мигрантской среде распоряжений бюрократии, или говорить с государством от имени мигрантов⁵. В новостных сообщениях можно найти упоминания о сотрудничестве между ФССП и «диаспорами», которые по указанию приставов ищут деньги, чтобы отправлять на родину приговоренных к выдворению из РФ «нелегалов»: *«Работа по препровождению нелегалов за территорию нашей страны ведется круглогодично. Акцент делается на возврат их на историческую родину за их счет. Такой метод работы достигается в том числе и благодаря взаимодействию руководства Управления ФССП России по Самарской области с представителями национальных диаспор, которые находят средства своим согражданам на покупку билетов»*⁶.

232

Часть новостных сообщений представляет собой отчеты о проведенных диаспорами совместно с государственными ведомствами публичных мероприятиях: круглых столах⁷, праздниках⁸, совещаниях⁹. В них «диаспора» помещается в один семантический ряд с такими фразами, как: «с приветственным словом к участникам обратилась»¹⁰; «головокружительные танцы в национальных нарядах и костюмах» и так далее¹¹. Отчеты о проведенных мероприятиях можно отнести к ритуализованным текстам [Вахтин 2015], нужным для демонстрации лояльности через описание реальности государственным языком, сколь бы далеко от реальности он ни находился.

Проинтерпретированные таким образом сообщения о мероприятиях представляются репрезентацией симбиоза между «диаспорой» и государством, о котором писал В. Дятлов [Дятлов, Нам 2020],

1 https://vk.com/art_rf_vrn?w=wall-115103803_66194%2Fall

2 <https://vk.com/kazembassyru>

3 https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_1815

4 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_396553%2Fall

5 https://vk.com/migrantsru?w=wall-57738288_35472%2Fall

6 https://vk.com/art_rf_vrn?w=wall-115103803_66194%2Fall

7 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_78677%2Fall

8 https://vk.com/art_rf_vrn?w=wall-115103803_6926

9 https://vk.com/muzyka_msk?w=wall-148775255_7679

10 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_40818%2Fall

11 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_179024%2Fall

в текстах социальных медиа. «Диаспоры» и их лидеры помещаются в один семантический ряд с послами, полицейскими чинами, губернаторами, депутатами, общественниками. Организации, создающие эти тексты, подтверждают тем самым близость государства и «представителей мигрантов», подчеркивая, что бюрократия контролирует ситуацию. Для самих «диаспор» такие встречи и публикуемые по результатам отчеты становятся подтверждением наличия у них ценного административного ресурса:

«В Вологде полицейские и представители диаспор провели поэтическую встречу в актовом зале УМВД России по г. Вологде состоялась творческая встреча, посвященная 300-летию подразделений по вопросам миграции в системе МВД России. Представители диаспор, национально-культурных объединений города, ученики кадетских классов, а также сотрудники полиции исполнили стихи, песни и танцы разных народов мира. Несмотря на языковой барьер, зрители уловили настроение и эмоциональную составляющую текстов, ведь выступающие говорили и пели о таких вечных понятиях, как любовь, дружба и мир. Головокружительные танцы в национальных нарядах и костюмах не оставили равнодушными ни одного из участников встречи. Хореографические номера, особенно в исполнении детей, вызвали улыбки радости на лицах присутствующих. В конце встречи представители диаспор на разных языках поздравили сотрудников подразделений по вопросам миграции и ветеранов службы с их профессиональным праздником.

233

Начальник УМВД России по г. Вологде подполковник полиции Дмитрий Дугинов поблагодарил гостей за увлекательное мероприятие, пожелав им дальнейших успехов в творчестве. Сотрудники подразделений по вопросам миграции, показавшие высокие результаты в своей деятельности, были поощрены правами начальника УМВД России по г. Вологде, а также отмечены благодарностями от органов местного самоуправления, общественных формирований и Общественного совета при УМВД России по г. Вологде¹».

«Диаспора» в новостных текстах рассматривается не только как проводник воли бюрократии принимающей страны, но и страны-донора. Так, в ряде сообщений она рассматривается как проводник политики «мягкой силы»² в соседнем государстве через соотечественников, проживающих за рубежом. Большинство таких сообщений найдено на страницах армянских, азербайджанских и российских государственных и общественных организаций. Публичные лица, представляющие Армению и Россию, нередко рассматривают «диаспору» буквально как военную силу. В од-

1 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_180926%2Fall

2 https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_1521

ной из статей, освещавших заседание профильного комитета ГД по делам СНГ, описывался закон, который *«позволил бы мобилизовать нашу диаспору и сделать ее по-настоящему третьим, после армии и флота, настоящим союзником России в мире»*¹. Подобную интерпретацию «диаспоры» как мобилизационного ресурса транслируют и официальные лица Армении, предлагающие в одном из формализованных текстов представителям «диаспоры» ознакомиться с буднями армянской армии². В иных текстах «диаспора» рассматривается как агент «их» влияния в «нашей» стране³. Их авторы высказывают опасения, что «иммигранты — другие» выполняют роль в «нашей стране», аналогичную той, что «мы» хотим навязать «эмигрантам — соотечественникам»⁴.

В довольно редких случаях «диаспора» как формальная организация может выступать субъектом социального действия. Например, оказывая ту или иную помощь землякам: проводя благотворительные акции у мечетей в дни религиозных праздников, раздачу еды соотечественникам, застрявшим в аэропортах в пандемию⁵, помогая землякам лекарствами⁶. «Диаспора» может объяснять «землякам» изменения в миграционном законодательстве⁷, помогать мигрантам в иных кризисных ситуациях⁸. «Диаспора» может проявлять свою субъектность и действовать вопреки интересам ведомств принимающей страны⁹, однако в этом случае она приобретает негативное сопутствующее значение¹⁰.

В подобных случаях она ставится в один семантический ряд с «нелегальностью»¹¹, например — с «обнаруженными нелегалами» в помещении, принадлежащем муниципальной организации, которая сдала его в аренду «диаспоре»¹². Когда «диаспора» совершает какие-то действия вне санкции властей, это может рассматриваться как угроза и проявление преступных наклонностей¹³: *«в столичном криминале <...> среднеазиатских этнических группировок*

1 https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_1966

2 https://vk.com/hay_ser?w=wall-140425294_5685

3 https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_2287

4 https://vk.com/azerbayjan_love1?w=wall-126353260_201848

5 https://vk.com/tadjiki1?w=wall-167700765_5204

6 https://vk.com/migrant_russia?w=wall-157666628_2548

7 https://vk.com/art_rf_vrn?w=wall-115103803_149391%2Fall

8 https://vk.com/migrant_russia?w=wall-157666628_2548

9 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_1329%2Fall; https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_570

10 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_183729%2Fall

11 https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_1209

12 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_1199%2Fall

13 <https://ok.ru/migrantlegal>

из рядов спортсменов. Объявления о турнирах развеиваются на рынках, постятся на интернет-ресурсах, где общаются между собой этнические диаспоры»¹.

Новостных текстов, в которых «диаспора» выступает как субъект социального действия, оказывая помощь «землякам», было обнаружено вдвое меньше, нежели упоминаний о выступлениях представителей «диаспоры» с публичными заявлениями от их имени или с экспертной оценкой их положения. И в 10 раз меньше, чем текстов о публичных «манифестационных» мероприятиях с участием «диаспоры» или иных текстов, где «диаспора» выступает как объект государственных интересов. Это может говорить о том, что бюрократия принимающей страны имеет намного больше инструментов для закрепления необходимых ей значений за узловым знаком «диаспора». Она задает ключевые значения и функции «диаспоры» в медийных текстах, которые встречаются на рассмотренных цифровых площадках, прежде всего это инструмент для реализации государственной миграционной политики. Официальные мероприятия, нацеленные на манифестацию «мигрантской» идентичности «в рамках закона», становятся ключевым значением, с которым связана «диаспора» в новостных текстах.

Трудно найти, легко потерять: «диаспора» в комментариях пользователей

Упоминания «диаспор» в пользовательских постах встречаются в восемь раз реже, чем в репостах новостных текстов. В пользовательских постах, комментариях к ним и комментариях к репостам новостных текстов люди ищут «диаспоры» в своем городе, критикуют их или собираются сами их создать. В пользовательских сообщениях «диаспора» редко упоминается как посредник между государством и мигрантом, а если упоминается, то как посредник не очень эффективный². В частности, некоторые пользователи утверждают, что «диаспоры» берут на себя посреднические функции в нормативном сопровождении миграционных потоков, не обладая достаточной квалификацией³.

Нередко пользователи оспаривают транслируемое пресс-службами значение «диаспоры» как эффективного посредника, способного доносить до государства проблемы мигрантов, утверждая,

1 <https://life.ru/p/1306467>

2 «https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_8883%2Fall

3 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_83265%2Fall

что эти претензии не имеют под собой оснований¹: «Предостережение — не считать заявление диаспор чем-то, кроме шума. НЕ ВЕРЬТЕ никаким слухам и сплетням, пока лично не увидите соответствующий закон. <...> Нередко различные чиновники из Таджикистана и Кыргызстана делают выступления на тему запретов въезда в РФ, иногда о чем-то шумят в диаспорах. <...> Все это просто слова и суета, игра на публику»².

В комментариях субъектность «диаспор» приобретает несколько иной смысл, нежели в новостных текстах. «Диаспоры» описываются как способ накопления символического и социального капитала, который затем конвертируется лидерами в неформальное влияние на соотечественников, и нередко — в личное обогащение. «Близость к власти», являющаяся частью значения «диаспор» в новостных текстах, здесь описывается как карьерный лифт, способ альтернативной социализации:

«Как срубить бабла по-легкому на своих же соотечественниках. 1. Сначала надо хоть немного [начать] разбираться в российских законах. <...> Затем тусоваться в местах скопления соплеменников: на вокзале (что нужно, брат, патент, РВП, я все знаю, все расскажу), возле посольства (брат, я любую справку сделаю) или возле ФМС (брат, мамой клянусь, все тебе подешевле сделаю). <...> Надо начинать «помогать» оформлять РВП, попутно невзначай показывать визитки участкового «как раз недавно он приходил проверять съемную хату, но ты договорился за 5 тысяч, чтобы он тебя не тронул) и фотки из суда (тебя самого туда возили, суд дал штраф без депорта <...> но клиенту не нужно знать об этом). 2. Клиентов становится много, ты мутишь себе контору с громким названием «Конгресс (каких-то то там) диаспор», попутно становишься помощником помощника какого-нибудь мелкого местного депутата. 3. Теперь ты в шаге от настоящего успеха. Ты добыл какую-то корочку, называешь себя «диаспоральным» лидером, мелькаешь в газетах, жизнь удалась»³.

В комментариях оспаривается не только компетентность и посредническая роль «диаспор», но и сам факт их существования. На нескольких мигрантских платформах удалось найти репосты одного и того же текста под разными названиями — на казахских платформах он был озаглавлен «признаки казаха в Москве», на узбекских — «признаки узбекского интеллигента в Москве». В список «признаков» был включен пункт, где «диаспора» описывается как некая полумифическая «мигрантская» элита: «...в Москве существует

236

1 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_19669%2Fall

2 https://vk.com/migrantsru?w=wall-57738288_92891%2Fall

3 https://vk.com/vestnik_migranta?w=wall-86094885_39982%2Fall

*большая узбекская/казахская диаспора, сплошь состоящая из крупных бизнесменов, деятелей культуры, ученых, спортсменов, но где она находится и кто именно в ней состоит, вы не очень хорошо знаете. И никак не можете узнать ни адрес, ни телефон узбекского/казахского национально-культурного центра, который как бы есть, но пока больше виртуально*¹. Удалось найти около десяти репостов этого текста на разных казахских и узбекских коммуникационных платформах². Это может свидетельствовать о том, что пользователи-узбеки и казахи «диаспору» в значении, в котором ее представляют новостные тексты, вообще не рассматривают.

В пользу этого предположения говорят и многочисленные пользовательские посты, в которых пользователи ищут диаспору. Иногда под этим подразумевается поиск значения слова «диаспора». В разворачивающихся диалогах «диаспора» наделяется самыми разными смыслами:

- У вас в Саратове диаспора есть?
- У нас есть криминальные группировки, у нас есть все!
- *Официально одна есть, но так как мы очень дружный народ, их несколько*)))
- *Канеш, есть, целый вагон с прицепом.*
- У нас кланы))
- У нас группы.³

237

Показательны комментарии, появлявшиеся в течение нескольких лет в группе «казахи Волгограда» в «ВК», в которых обсуждалось значение интересующего нас слова. Обсуждение началось с поиска контактов лидера местной «диаспоры». Не получив ответа, автор опубликовал обращение повторно, среди обративших внимание на эту публикацию оказалась женщина, заявившая, что она создает «диаспору» и потому является лидером. Также женщина дала пространный ответ на вопрос о том, зачем диаспора в принципе нужна: *«Диаспора для того, чтобы хранить нашу культуру, традиции и обычаи, чтоб делать наш народ одним целым, чтобы наши дети росли в лучших общественных условиях и чувствовали себя комфортно в стране, в которой родились и выросли, несмотря на то что он имеет другой цвет волос и разрез глаз».*

Этот текст воспроизводит дискурс новостных сообщений, «диаспора» рассматривается как способ манифестации идентичности. В комментариях одни пользователи усомнились в корректности

1 https://vk.com/uzbek.mahalla?w=wall-50620855_284980

2 <https://m.ok.ru/group52214532603999/topic/68112840455519#cmntfrm>; <https://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=804758>; https://pikabu.ru/story/50_priznakov_kazakha_v_moskve_1528008

3 https://vk.com/sarkz?w=wall-62717158_142166

употребления слова по отношению к казахским землячествам, другие вспомнили, что есть иные «диаспоры» и иные лидеры в Волгограде, усомнившись, впрочем, в их эффективности: *«Для тех, кто не в курсе и вообще не понял вопроса, — в Волгограде есть официальное лицо, именуемое по закону главой казахской диаспоры! Насколько я знаю, государство даже выделяет определенные деньги на культурные мероприятия и собрания, вот только куда они уходят — неизвестно!!!»* Позже в диалоге упоминается третий «глава диаспоры», и разговор после этого сходит на нет¹.

Три года спустя на стене группы вновь появляется вопрос о том, есть ли в Волгограде «диаспора». Диалог повторяется почти дословно, но уже другими участниками. Одни пользователи высказали убеждение в том, что «диаспора» есть, но почему-то не участвует в публичных мероприятиях; другие утверждали, что на самом деле диаспоры нет, а даже если бы и была, то никакого толку от участия в манифестационных мероприятиях нет; третьи посчитали неправильным такое словоупотребление; четвертые усомнились в целесообразности диаспоры вне зависимости от того, что это слово значит. Еще через год вопрос был задан вновь² с похожим результатом. В промежутках между этими диалогами на стене сообщества регулярно появлялись упоминания о различных мероприятиях, которые организуются «диаспорой» или в которых она принимала участие³.

Диалоги с похожим содержанием разворачиваются также на стенах площадок московских⁴ и омских⁵ казахов, московских азербайджанцев⁶, московских кыргызов⁷, азербайджанцев ХМАО⁸. «Диаспоры» ищут не только нуждающиеся в помощи, но и журналисты⁹, желающие написать о них материал. Вновь и вновь поиск «диаспор» приводит к дебатам об их значении и задачах, что демонстрирует полисемию термина¹⁰. Диаспора определяется либо как организация, необходимая для взимания ренты, распределения благ между

1 https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_39388

2 https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_39388

3 https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_53723; https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_54237; https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_67402; https://vk.com/kzvolgograd?z=video-74041328_456239117%2Fbf75a7cbc0b7a80dd8%2Fpl_post_-74041328_18477

4 https://vk.com/pcavm?w=wall-118941478_16749

5 https://vk.com/kazahi_omska?w=wall-2227694_55725

6 https://vk.com/amor.official?w=wall-561844_26776

7 https://vk.com/podsluskakgz?w=wall-87594204_87632

8 <https://vk.com/10az86>

9 https://vk.com/turkmenu?w=wall-94920860_11%2Fall

10 https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_39388

нуждающимися и решения других практических вопросов, либо как воображаемое сообщество, снабжающее своих членов общей идентичностью, общими целями, общими интересами.

Поиск «диаспор» продолжается даже в тех символических пространствах, где ее существование, казалось бы, неоспоримо. Под некоторыми формализованными текстами, оповещающими о проведенных «с участием диаспор» мероприятиях, пользователи оставляют комментарии с просьбой о помощи или спрашивают о том, как можно связаться с ее представителями. Такие обращения нередко остаются без ответа¹, по крайней мере, в открытом доступе².

Некоторые диалоги пользователи начинают с поисков «диаспоры», а заканчивают выяснением того, как ее создать самостоятельно. Обоснованием целесообразности такого шага часто называют тот факт, что у «других» она уже есть, и притом весьма могущественная³. Возможно, это говорит о том, что мигранты воспроизводят часть дискурса медиа, в котором Диаспора рассматривается как агент влияния Другого, как причина его сплоченности⁴. При этом они не находят признаков существования подобных образований в своем окружении: *«Всегда ставил в пример своим знакомым модель поведения южных и кавказских народов в иммиграции: они держатся, как правило, группами, создают диаспоры и этим берут свое, чего в большинстве своем не скажешь о нас»*⁵. Подобные комментарии можно найти в азербайджанских, украинских, казахских группах. Среди прочих причин «создающие диаспору» пользователи упоминают проведение совместных мероприятий⁶, общение с земляками⁷, оказание помощи в трудоустройстве⁸.

239

Призывы к созданию «диаспоры» в мигрантских группах приводят к рефлексии относительно идентичности тех, кто мог бы войти в ее состав. Такие обсуждения нередко возникают в группах «ВКонтакте», не имеющих ни национальной, ни этнической привязки, где присутствуют выходцы из разных стран СНГ, объединенные лишь общей мигрантской проблематикой: дефицитом ресурсов, дискриминацией, проблемами интеграции и легализации. Оказавшись перед лицом схожих трудностей, пользователи таких

1 https://vk.com/amor.official?w=wall-561844_26776

2 https://vk.com/club2700918?w=wall-2700918_1137

3 https://vk.com/amor.official?w=wall-561844_5451

4 https://vk.com/club75569882?w=wall-75569882_43100%2Fall

5 https://vk.com/club112220?w=wall-112220_129%2Fall

6 https://vk.com/club2700918?w=wall-2700918_1127%2Fall

7 https://vk.com/club2700918?w=wall-2700918_1137

8 https://vk.com/blr_msk?w=wall-139065661_3272

площадок демонстрируют солидарность, напоминающую солидарность лиминальных групп [Тернер 1989: 169-170]. Обсуждения диаспор, опирающихся на земляческую солидарность, нередко заканчиваются спорами¹ о том, является ли вообще уместным деление по национальному признаку в мигрантской среде. Пользователи, демонстрирующие солидарность, распространяющуюся на мигрантов в принципе, вне зависимости от страны исхода, нередко оказываются не готовы поддерживать общность, построенную на солидарности национальной или этнической. Впрочем, удалось найти несколько примеров того, как в результате таких обсуждений появлялись жизнеспособные организации².

Заключение

240

Вышеизложенное позволяет подтвердить гипотезу, высказанную в начале статьи. «Диаспора» в рассмотренных социальных медиа выглядит, по крайней мере, в текстовом массиве, доступном для стороннего наблюдателя, *результатом попыток государства создать язык описания, упрощающий понимание миграционных процессов и дающий иллюзию централизованного контроля*. В этом языке на первом месте среди потребностей «мигрантов» находится манифестация инаковости, и именно эту возможность бюрократия пытается предоставить «диаспорам» в обмен на иллюзию контроля.

Работая с «диаспорами», бюрократия определяет их как «меньшинства», вероятно, подразумевая при этом, что «меньшинство» прежде всего заинтересовано в сохранении собственной, по умолчанию подразумеваемой инаковости [Декханов 2010]. Это вновь и вновь приводит к хорошо описанным трудностям [Малахов, Осипов 2008]. В частности, когда «диаспора» начинает демонстрировать поведение, не вписывающееся в созданные бюрократией категории, она начинает вызывать подозрения. Судя по многочисленным сообщениям, в которых пользователи ищут «диаспору», критикуют ее или сомневаются в ее существовании, манифестация этничности — далеко не первое, в чем они нуждаются в России. О том же свидетельствуют и упоминания о неформальной активности лидеров диаспор, обменивающих полученный от близости к власти символический капитал на различные юридические услуги мигрантам.

Возможно, по этой причине смыслы, которыми «диаспору» наделяет бюрократия (объект социального действия, посредник между

---

1 https://vk.com/club75569882?w=wall-75569882_43100%2Fall

2 https://vk.com/art_rf_vrn

«мигрантами» и «государством», причем в большей степени подчиненный именно интересам второго), не разделяются пользователями, выдвигающими альтернативные значения. Все вышесказанное отнюдь не отрицает существования солидарности среди мигрантов: большая часть рассмотренных тг-каналов и групп в «ВК» и «Одноклассниках» является тому подтверждением [Тимошкин 2019]. Однако для обозначения этих форм взаимопомощи и солидарности, судя по всему, термин «диаспоры» не подходит.

Большинство упоминаний диаспор в проанализированном массиве приходится на репосты новостных текстов, нередко за авторством ведомственных пресс-служб. Соотношение этих текстов к пользовательским комментариям составляет примерно 1 к 10. Это может говорить о том, что мигранты проявляют значительно меньшую заинтересованность в диаспорах, нежели государственные ведомства. Обнаруженные на мигрантских платформах тексты можно разделить на следующие тематические блоки по значениям, которые определяет пользователь слова:

1) «Диаспора» как объект социального действия, осуществляемого абстрактным мигрантским сообществом, бюрократией принимающей страны или страны-донора. Сюда относятся сообщения, в которых «диаспора» является участником или организатором «манифестационных» мероприятий, «проводником» интересов страны-донора в принимающей стране или механизмом осуществления миграционной политики местных официальных ведомств. Формально выразителем интересов группы мигрантов «диаспора» выступает, делая публичные заявления на официальных мероприятиях.

2) «Диаспора» — субъект социального действия. Она оказывает помощь мигрантам, предоставляет консультации, раздает продукты в аэропортах, оплачивает выступления/подготовку спортсмена-«земляка», организует рейсы домой в пандемию, осуществляет политическое лоббирование, спасает из трудового рабства. Текстов, в которых «диаспора» представлена как помощник мигрантам, меньшинство, в общем массиве — не более десятой доли. К этой категории относятся тексты, в которых «диаспора» действует вопреки интересам бюрократии принимающей страны, в этом случае она маркируется как опасный «чужак». Субъектность «диаспор» признается в части пользовательских комментариев, в которых раздаются призывы создать ее, а также — в комментариях, критикующих руководство диаспор, использующих символический капитал от близости к власти для личного обогащения.

3) Диаспора не существует или не обладает внятным содержанием. Большинство пользовательских сообщений в пределах рассмотренных цифровых площадок относится именно к этой категории.

«Посредническая» роль диаспор, по крайней мере, если говорить о проанализированном здесь массиве текстов, декларируется по большей части в медийных текстах и не разделяется многими пользователями-мигрантами. Это позволяет выдвинуть гипотезу об иллюзорности контроля, который бюрократия принимающей страны получает в обмен на предоставляемые «диаспорам» ресурсы и возможности для проведения манифестационных мероприятий.

Среди всего массива пользовательских сообщений можно выделить небольшую группу текстов, где существование «диаспоры» признается, однако пользователи сомневаются в том, что ее цель заключается в помощи конкретным мигрантам¹. В частности, такие заявления можно встретить в азербайджанских² и туркменских³ группах. В единичных случаях пользователи отмечают эффективность «диаспоры» или отмечают какие-то конкретные исходящие от нее инициативы в интересах мигрантов⁴. За редкими исключениями⁵ в рассмотренных текстах не встречаются в одном семантическом ряду слова благодарности или признательности и термин «диаспора».

242

Показательно, что в популярных мигрантских телеграм-каналах⁶, на одном из которых публикуется до тысячи сообщений ежедневно⁷, выполняющих стандартные для подобных тематических платформ функции (взаимопомощи, обмена информацией, неформального найма и т. д.), было обнаружено только два упоминания слова «диаспора». В первом случае это текст, в котором отрицается существование мигрантских «диаспор» в России,⁸ второй текст предупреждает о нечистых на руку строительных подрядчиках, о которых «уже в курсе таджикская диаспора»⁹.

1 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_183729%2Fall

2 https://vk.com/10az86?w=wall-136757075_12579; https://vk.com/10az86?w=wall-136757075_9182

3 https://vk.com/turkmenu?w=wall-94920860_5501%2Fall

4 https://vk.com/art_rf_vrn?w=wall-115103803_137561%2Fall

5 <https://ok.ru/migrantuz>; https://vk.com/club112220?w=wall-112220_129%2Fall; https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_118336

6 [T.me/mgrnrtruchat](https://t.me/mgrnrtruchat); t.me/piterdaisheloon1

7 [T.me/piterdauzelonlar](https://t.me/piterdauzelonlar)

8 <https://t.me/migrantIrkutsk/28484>

9 <https://t.me/migrantIrkutsk/58825>

Библиография / References

- Баньковская С. (2002) Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности. *Отечественные записки*, 6: 457–467.
- Bankovskaya S. (2002) Strangers and Borders: On the Concept of Social Marginality. *Otechestvennye zapiski*, 6: 457–467. — in Russ.
- Ван Дейк Т. (2013) *Дискурс и власть*, М.: Либроком: 344.
- Van Dejk T. (2013) *Discourse and Power*, Moscow: Librokom: 344. — in Russ.
- Вебер М. (1990) Основные социологические понятия, М.: Прогресс: 808.
- Weber M. (1990) Basic sociological concepts, Moscow: Progress: 808. — in Russ.
- Веснина Л. (2009) Милитарная метафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ. *Культурная лингвистика*, 3: 27–34.
- Vesnina L. (2009) Military Metaphor: Creating the Image of Migrants in Russian Mass Media. *Cultural Linguistics*, 3: 27–34. — in Russ.
- Воронова О. (2016) Пресса современного русского зарубежья: между национальным и глобальным. *Вопросы теории и практики журналистики*, 2(5): 278–292.
- Voronova O. (2016) The press of the modern Russian abroad: between the national and the global. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2(5): 278–292. — in Russ.
- Де Серто М. (2013) *Изобретение повседневности*, СПб.: Изд-во ЕУ СПб.: 330.
- De Serto M. (2013) *Izobretenie povsednevnosti* [The practice of everyday life], SPb, Izd-vo EU SPb: 330. — in Russ.
- Дятлов В. (1994) *Диаспора как исследовательская проблема*, Иркутск: Изд-во ИГУ: 315.
- Djatlov V. (1994) *Diaspora as a research problem*, Irkutsk: Irkutsk State University publishing house: 315. — in Russ.
- Дятлов В. (1999) Диаспора: попытка определиться в термине и понятии. *Диаспоры*, 1: 8–19.
- Djatlov V. (1999) Diaspora: an attempt to define the term and concept. *Diaspory*, 1: 8–19. — in Russ.
- Дятлов В. (2013) Трудовые миграции и процесс формирования диаспор в современной России. *Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции*, 1: 731–734.
- Djatlov V. (2013) Labor migration and the process of forming diasporas in modern Russia. *Migration processes and current issues of migration*, 1: 731–734. — in Russ.
- Дятлов В., Нам И. (2020) Национально-культурные организации в сибирском городе: проблема этнического представительства. *Идеи и идеалы*, 4(12): 473–491.
- Djatlov V., Nam I. (2020) National-cultural organizations in the Siberian city: the problem of ethnic representation. *Idei i idealy*, 4(12): 473–491. — in Russ.

Йоргенсен М., Филлипс Л. Дж. (2008) Дискурс-анализ. Теория и метод, Харьков: Гуманитарный центр: 60.

— Jorgensen M., Phillips L. J. (2008) Discourse analysis. Theory and method, Kharkiv: Humanitarian Center: 60. — in Russ.

Кондратьева Т. (2010) Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. *Фонд исторической перспективы*. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886/http://xn--b1aecbgc5andg.xn-->

— Kondratieva T. (2010) Diasporas in the modern world: the evolution of phenomena and concepts. *Foundation for Historical Perspective*. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886/http://xn--b1aecbgc5andg.hp-->. — in Russ.

Курилов А. (2015) Структура и механизмы функционирования новостного поля. *Вестник РУДН*, 4: 127–135.

— Kurilov A. (2015) Structure and mechanisms of functioning of the news field. *Vestnik RUDN*, 4: 127–135. — in Russ.

Кужелева-Саган И., Глухов А., Бычкова М., Гужова И. и др. (2016) «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей, Томск: изд-во ТГУ: 168.

244

— Kuzheleva-Sagan I., Gluhov A., Bychkova M., Guzhova I. etc. (2016) “Digital diasporas” of migrants from Central Asia: a virtual network organization, the discourse of an “imaginary community” and the competition of identities, Tomsk: Tomsk State University Press: 168. — in Russ.

Малахов В. (2004) Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах. *Космополис*, 1(7): 56–69.

— Malahov V. (2004) Ethnization of the migration phenomenon in public discourse and institutions. *Kosmopolis*, 1(7): 56–69. — in Russ.

Пронкина Е. С. (2018) Парадокс приватности: почему пользователи социальных медиа раскрывают персональную информацию в публичном пространстве. *Вестник РГГУ*, 8: 155–165.

— Pronkina E. S. (2018) The paradox of privacy: why social media users disclose personal information in the public space. *Bulletin of the Russian State University*, 8: 155–165. — in Russ.

Симон М. (2016) Голос субальтернов: репрезентации инаковости в музыкальных практиках черной Америки. *Логос*, 4(26): 63–94.

— Simon M. (2016) Voice of the subaltern: representations of otherness in musical practices of the black Atlantic. *Logos*, 4(26): 63–94. — in Russ.

Тощенко Ж., Чаптыкова Т. (1996) Диаспора как объект социологического исследования. *Социологические исследования*, 12: 33–42.

— Toshhenko Zh., Chaptykova T. (1996) Diaspora kak objekt sociologicheskogo issledovaniya [Diaspora as an object of sociological research]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 12: 33–42. — in Russ.

Урри Дж. (2012) *Социология за пределами обществ*, М.: ВШЭ: 336.

— Urri Dzh. (2012) *Sociology beyond Societies*, Moscow: VshJe: 336.

Фоканов Ю. (2008) Диаспора: к вопросу о концептуализации понятия в условиях глобализации. *Известия РГПУ им. Герцена*, 60: 284–289.

— Fokanov Ju. (2008) Diaspora: on the issue of conceptualization of the concept in the context of globalization. *Izvestija RGPU im. Gercena*, 60: 284–289. — in Russ.

Щербаклова Е. Иностранная рабочая сила в России по итогам 2020 года. *Демоскоп Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom03.php>

— Shcherbakova E. Foreign labor force in Russia by the end of 2020. *Demoscope Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom03.php>. — in Russ.

Andersson K. (2019) Digital diasporas: an overview of the research areas of migration and new media through a narrative literature review. in *Human Technology*, Vol. 15. No. 2: 142–180.

Beneito-Montagut R. (2011) Ethnography Goes Online: Towards a User-Centred Methodology to Research Interpersonal Communication on the Internet. in *Qualitative Research*, Vol. 11. No. 6: 716–735.

Dekker R., Engbersen G. (2014) How social media transform migrant networks and facilitate migration. in *Global Networks*, No. 14: 401–418.

Dekker R., Engbersen G., Klaver J. (2018) Smart Refugees: How Syrian Asylum Migrants Use Social Media Information in Migration Decision-Making. in *Social media + Society*, No. 4: 1–11.

Hayness N., Wang X. (2019) Making migrant identities on social media: a tale of two neoliberal cities on the Pacific Rim. in *Media, culture and society*, 1–10.

Komito, L. (2011) Social media and migration: Virtual community 2.0. in *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, No. 62: 1075–1086.

Machado I. (2014) Laclau and Mouffe's Theory of Discourse and Hegemony: a Possible Approach to Law and its Integrity? *ARSP*, 3(100): 323–335.

Paechter S. (2015) Researching sensitive issues online: Implications of a hybrid insider/outsider position in a retrospective ethnographic study. in *Qualitative Research*, Vol. 13. No. 1: 71–86.

Ponzanesi S. (2020) Digital Diasporas: Postcoloniality, Media and Affect. in *International Journal of Postcolonial Studies*, Vol. 22. No. 8: 977–993.

van Meeteren M., Pereira S. (2018) Beyond the “Migrant Network”? Exploring Assistance Received in the Migration of Brazilians to Portugal and the Netherlands. in *Journal of International Migration and Integration*, Vol. 19. No. 4: 925–944.

Рекомендация для цитирования:

Тимошкин Д. О. (2022) «Как бы есть, но пока больше виртуально»: репрезентации диаспор на мигрантских цифровых коммуникационных площадках. *Социология власти*, 34 (3-4): 227–246.

For citations:

Timoshkin D. O. (2022) "They Seem to Exist, but Mostly Virtually so Far": Representations of Diasporas on Migrant Digital Communication Platforms. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 227-246.

Поступила в редакцию: 10.12.2022; принята в печать: 28.12.2022

Received: 10.12.2022; Accepted for publication: 28.12.2022

Яков И. ЩЕГЛОВ¹

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0002-0223-9766

Влияние структуры организационного поля ветеринарной медицины мелких домашних животных на процессы профессионализации ветеринарных врачей

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-247-273

Резюме:

Данный текст задумывался как попытка описать организационное поле ветеринарной медицины мелких домашних животных в России и его влияние на процессы становления профессии ветеринарных врачей мелких домашних животных как отдельной профессиональной группы. Возникнув в начале 1990-х годов в России как отдельная ветвь ветеринарии, ветеринарная медицина мелких домашних животных прошла путь от интуитивных практик лечения собак и кошек до сложноорганизованного организационного поля с множеством акторов. Несмотря на такое стремительное развитие, данная область, в отличие от ветеринарной медицины сельского хозяйства, до сих пор остается без сильного институционального регулирования. Профессия ветеринарного врача мелких домашних животных не живет в конвенциональной для нашего региона континентальной модели профессионализации, а ориентирована на рынок и развивается собственными усилиями ветеринарных врачей мелких домашних животных, не существующих за пределами ветеринарных клиник — своего организационного поля. В статье предложено описание данного организационного поля и проанализировано влияние его структуры на процессы профессионализации ветеринарных врачей мелких домашних животных.

Ключевые слова: ветеринарная медицина, мелкие домашние животные, организационное поле, профессионализация

247

---

1 Яков Иванович Щеглов — аспирант, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. Научные интересы: организационные исследования, социология профессий, социология медицины. E-mail: yakovscheglov@gmail.com

Yakov I. Scheglov¹

Sociological Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Influence of the Structure of the Organizational Field of Small Animal Veterinary Medicine on the Processes of Professionalization of Veterinarians

Abstract:

This text was conceived as an attempt to describe the organizational field of veterinary medicine of companion animals in Russia and its impact on the processes of formation of the profession of veterinarians of companion animals as a separate professional group. Having emerged in the early 1990s in Russia as a separate branch of veterinary medicine, veterinary medicine of companion animals has gone from intuitive practices of treating dogs and cats to a complex organizational field with many actors. Despite such rapid development, this area, unlike agricultural veterinary medicine, still considerably lacks strong institutional regulation. The profession of a veterinarian of companion animals does not live in the conventional continental model of professionalization for our region but it is market-oriented and develops through the veterinarians' own efforts while they do not exist outside veterinary clinics — their own organizational field. The article offers a description of this organizational field and analyzes the influence of its structure on the processes of professionalization of veterinarians of companion animals.

248

Keywords: veterinary medicine, small pets, organizational field, professionalization

Введение и контекст

Ветеринарная медицина мелких домашних животных (МДЖ) в России возникла в начале 1990-х годов прошлого века как ответ на запрос рынка в части заботы о животных-компаньонах, то есть домашних животных, которых человек заводит для получения положительных эмоций (уточнение важно, поскольку оно позволяет нам противопоставить ветеринарию МДЖ ветеринарии сельского хозяйства). К 1991 году, в момент открытия первой частной ветеринарной клиники помощи МДЖ, ветеринарная медицина была практически полностью ориентирована на производство продукции животного происхождения и контроль про-

---

1 Yakov I. Scheglov — phd-student, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. Research interests: organizational studies, sociology of professions, sociology of medicine. E-mail: yakovscheglov@gmail.com

довольственной безопасности. Тем не менее отдельные элементы МДЖ практиковались и до этого: во-первых, владельцы собак и кошек могли их кастрировать и привить от бешенства в городских и районных ветеринарных станциях, во-вторых, могли провести более сложные операции (даже лечение перелома) в ветеринарных институтах (например, в Ленинградском ветеринарном институте был рентген), в-третьих, служебное собаководство было достаточно развито, чтобы поддерживать популяцию собак, состоящих на службе в различного рода ведомствах, что благоволило к накоплению знаний и техник лечения собак. Все знания о собаках к тому моменту помещались в единый справочник болезней собак 1958 года (после переиздавался), где было все: от стандартов пород до хирургии.

К 2022 году ветеринарная медицина МДЖ стала развитой областью, и владельцы уже не только кошек и собак, но и грызунов, птиц, хорьков, рептилий и других экзотических животных могут получить ветеринарные услуги широкого спектра. Во многом это связано с увеличением числа домашних животных. Национальная ветеринарная палата со ссылкой на коммерческое исследование компании Mars Petcare приводит следующие данные об изменении количества животных-компаньонов в России: в 2020 году в России насчитывалось 63,5 миллиона особей, при аналогичном замере в 2017 году — 52,6 миллиона, а в 2014-м — 43,3. Согласно тем же данным, домашние животные живут в 59% домохозяйств страны¹.

249

В крупных городах существует развитая инфраструктурная сеть для животных, включающая в себя бассейны, салоны, спортивные и прогулочные площадки, развлекательные мероприятия вроде ловли электрического зайца, выставки и т.п. Кажется, что ветеринарная медицина в этой инфраструктуре должна занимать особое место в связи с особым отношением владельцев к своим питомцам.

Сегодня житель крупного города в России, у которого есть питомец, вряд ли сможет верно оценить соотношение присутствия в его жизни ветеринарии МДЖ и ветеринарии сельского хозяйства (СХ). Может создаться впечатление, что в случае, если у вас дома не живет собака или кошка, ветеринарные врачи играют незначительную роль в повседневной жизни, однако ветеринарная медицина СХ — это высокорегулируемая область, задачи которой в первую очередь фокусируются на продовольственной безопасности граждан России. Существуют профессиональные стандарты

---

1 <http://vetpalata.ru/v-rossii-stalo-na-12-mln-bolshe-domashnix-pitomcev>

для работников ветеринарии СХ, протоколы лечения животных (то есть четкие схемы: симптоматика → диагноз → лечение), стандарты проведения различных мер профилактики заболеваний, стандарты устройства животноводческих ферм, а также стандарты устройства всей цепочки производства животной продукции, включая стандарты ее качества. Также для борьбы с инфекционными заболеваниями сельскохозяйственных животных существует эпизоотическая служба, используемые в ветеринарии СХ препараты проходят контроль качества и процедуру сертификации, а Министерство сельского хозяйства собирает статистику по сельскохозяйственным животным. Может создаться впечатление, что ветеринарная медицина МДЖ регулируется столь же многообразными нормативами, но в реальности дело обстоит иначе.

250

«Ветеринарная медицина» — это не только ветеринарные врачи и оказываемые ими услуги, но и оборудование, считающееся необходимым для работы, — некий минимальный набор необходимых инструментов оказания помощи, например, возможность проведения УЗИ или анализов крови, а также этические нормы, которые меняются с течением времени. Ветеринарная медицина МДЖ — растущий и развивающийся институт с меняющейся и усложняющейся внутренней структурой клиник. Следствия этого — растущий уровень пороговой квалификации, необходимой для начала собственной практики как ветеринарного врача, растущее предложение на ветеринарные лекарственные средства, выделение ассистентов ветеринарного врача из условной группы в явных участников описанного процесса заботы и помощи: то есть если раньше ветеринарные ассистенты воспринимались как те, кто находится в процессе становления ветеринарным врачом, то сейчас можно говорить о протопрофессионализации данной группы, так как появляются ассоциации ветеринарных ассистентов, для ветеринарных ассистентов проводятся отдельные конференции и конгрессы.

В настоящий момент ветеринария МДЖ объединяет специалистов, медицинские, вспомогательные и контролирующие организации. Медицинские организации могут быть государственными и частными. К государственным относятся районные и городские ветеринарные станции. К частным — собственно ветеринарные клиники, крупные ветеринарные центры, ветеринарные кабинеты. Все вышеперечисленное по большому счету является разновидностью ветеринарной клиники, однако существенные различия будут наблюдаться в ценах на оказываемые услуги, наборе оказываемых услуг, оборудовании, количестве работающих ветеринарных врачей и их специализации.

Другим типом игроков в организационном поле ветеринарной медицины МДЖ являются специалисты. К ним относятся: ветеринарные врачи, работающие в частных ветеринарных клиниках; ветеринарные врачи городских ветеринарных клиник; ветеринарные ассистенты; ветеринарные врачи, работающие самостоятельно, то есть приезжающие на вызов¹.

Ветеринарные врачи, работающие в ветеринарных клиниках, — откликнувшиеся на запрос рынка специалисты, юридически ничем не отличающиеся от ветеринарных врачей сельского хозяйства. Основная демаркационная черта между врачами МДЖ и СХ будет проходить в целях и задачах их работы. В случае с сельским хозяйством речь идет об экономической эффективности, и задача фактически — получить наиболее качественный продукт с наименьшим расходом средств, а значит, каждый врач, работающий на животноводческих, птицеводческих, свиноводческих и т. д. производствах, будет держать в голове вопрос экономической оправданности лечения и профилактики тех или иных заболеваний (то есть никто не будет собирать сложный перелом или проводить операции промышленной птице, свинье или корове, т. к. в этом нет смысла с точки зрения производства конечного продукта). В случае с ветеринарными врачами МДЖ ориентиром выполняемой работы является комбинация наиболее долгой жизни с наиболее высоким ее качеством. Иными словами, когда даже не породистое и не ценное с точки зрения потенциального генетического материала, но любимое животное попадает в ситуацию, когда ему необходима дорогостоящая ветеринарная помощь, — оказание этой помощи оправданно.

Данные, методы, методология

Профессии — одна из тех тем, которые занимали исследователей общества с момента выделения социологии в отдельную специальность. Для обозначения классических подходов к изучению профессии я воспользуюсь классификацией, предложенной в статье «Профессии и институциональные изменения: навстречу институциональной социологии профессий» [Muzio, Brock, Suddaby 2013]. В данной работе они зонтично обозначены как «функцио-

1 Не рассмотрены в данной статье. Исследование ветеринарных врачей МДЖ, работающих по вызову, — отдельная большая задача, так как на настоящий момент не представляется возможным собрать какие-либо данные даже о примерном количестве специалистов, занятых подобным образом, а их деятельность в еще большей степени не подвержена контролю.

налистский», включающий в себя собственно функционалистский [Parsons 1939; Wilensky 1964; Goode 1957], таксономический [Carr-Saunders, Wilson 1944; Carr-Saunders, Wilson 1933; Greenwood 1957; Millerson 1964] и интеракционистский [Беккер 1994; Svensson, Evetts 2010] подходы, и «конфликтологический», включающий в себя неомарксистский [Parkin 1979; McKinlay, Archers 1985] и неовеберинский [Abbott 1988; Liu 2018; Saks 2015; Freidson 1988; Larson 1977; Macdonald 1995; Macdonald, Ritzer 1988; Leicht, Fennell 2001].

Функционалистский подход заключается в попытках создать единую таксономию профессий [Carr-Saunders, Wilson 1944; Carr-Saunders, Wilson 1933] и прочих видов занятости, понять, какими признаками обладают те или иные профессии, разработать систему специальных критериев [Беккер 1994] отличия профессий от прочих видов занятости. Такой взгляд на проблему профессионализма хорош для описательных целей, но сильно зависит от нарративов представителей профессий о себе самих и слабо релевантен для анализа иерархии профессий, вопросов власти и престижа внутри различных профессиональных групп и между ними.

252

Конфликтологический подход предлагает нам акцентировать внимание на таких аспектах профессии, как автономия профессии [Freidson 1988], ее престиж [Larson 1977], профессиональный статус и юрисдикция [Abbott 1988; Liu 2018] — область знаний, в которой мы признаем первенство представителей той или иной профессии и главенство над нами. В этом русле профессионализм — не только характеристика профессии, но и ее средство организации и контроля, то есть статус профессии расширяет возможности действий производителей по отношению к потребителям конкретных услуг через закрепленный контроль над эзотерическими знаниями и техническим оснащением для контроля над рынком. Такой статус является результатом реализации профессионального проекта — преобразования технических средств и уникальных компетенций в устойчивую институционализованную структуру, основанную на закрытии профессии, через которое профессионалы поддерживают дефицит своих навыков в обществе и таким образом максимизируют свой капитал. Проблемы с его применением возникают в связи с глобальной тенденцией к ослаблению профессий, то есть потерей контроля над тем, каким образом стоит оказывать ту или иную услугу в зависимости от потребностей участников рынка. Эти же причины становятся краеугольным камнем всей социологии профессий.

Изменения социального устройства, характера занятости и расширение рынка услуг приводят к тому, что классические теории

перестают работать. Размывается понятие профессионального, меняется профессиональный ландшафт [Suddaby, Viale 2011], падает авторитет статуса профессий, профессионалы теряют контроль над правилами оказания своих услуг. Исследователи предпринимают попытки найти выход через смену парадигмы изучения видов занятости: появляется социология профессиональных групп, социология экспертизы и так далее.

Одним из многих неклассических подходов в социологии профессий становится институциональный [DiMaggio 1991; Suddaby, Muzio 2015] подход. Он фокусируется на роли профессиональных групп и профессиональных организаций в процессах институциональных изменений. Вильям Скотт называет профессии «повелителями танца, которые ставят хореографию широких преобразований, реконфигурирующих современные политико-экономические системы» [Scott 2008: 219]. Одно из основных преимуществ институционального подхода я вижу в том, что институциональный анализ допускает применение множества логик изучения профессий, рассматривает выстроенные профессионалами логики поведения потребителей в различных ситуациях и создает опору концепции профессий не в области идей о прекрасном и альтруистических побуждениях, а в максимизации коммерческого успеха и создании институтов удовлетворения различного рода потребностей общества. Также институциональный подход применим для рассмотрения профессий, возникающих и развивающихся исключительно в рамках определенных организаций, что ввиду особенностей ветеринарной медицины МДЖ в России релевантно ветеринарным врачам МДЖ.

253

Так как ветеринарная медицина МДЖ развивается в основном в рамках организаций (ветеринарных клиник), для рассмотрения процессов профессионализации ветеринарных врачей МДЖ я предлагаю рассмотреть структуру ее организационного поля. Под организационным полем имеются в виду те организации, которые в совокупности составляют идентифицируемую сферу его институциональной жизни — то есть все поставщики ресурсов, регуляторы и другие организации, выполняющие сходные функции, структура же его может быть установлена только в процессе эмпирического исследования [DiMaggio, Powell 1983: 148].

Институциональная устойчивость такого поля является следствием постоянных усилий участников по созданию и поддержанию локальной культуры [Fligstein 2001], которая будет определять последующие специфические социальные отношения между ними. Такие локальные культуры являются интерпретативными рамками социальных взаимодействий, то есть содержат в себе когнитивный элемент и позволяют одним акторам постоянно наполнять смыс-

лом действия других акторов этого же поля, тем самым выстраивая игроков поля в иерархию за счет того, что действиям одних акторов она благоволит больше, чем действиям других. Таким образом, участники поля, в зависимости от того, насколько они выигрывают от существующего институционального порядка, делятся на обладающих властью и претендентов на властные позиции [Fligstein 2001].

Представленный ниже текст является результатом анализа следующих данных:

- Серия 11 полуструктурированных интервью с ветеринарными врачами МДЖ различных специальностей, работающих в разных ветеринарных клиниках Санкт-Петербурга, проведенных в течение 2020 года. Транскрипты были проанализированы с помощью метода открытого кодирования.
- Два экспертных интервью, проведенных в 2022 году. Транскрипт был проанализирован методом открытого кодирования.
- Анализ нормативных документов ветеринарной медицины МДЖ, формирующих институциональную рамку исследуемого организационного поля, включая законопроекты, внесенные на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации.
- Анализ сайтов частных и государственных ветеринарных клиник.
- Кейсы 6 ветеринарных клиник.
- Кейсы 3 ветеринарных врачей.

254

Мое эпистемическое преимущество [Naughton 1999] в данном исследовании состоит в моем профессиональном статусе — я ветеринарный врач с опытом работы в различных ветеринарных клиниках и в разных качествах с 2016 года. Подобная включенность в исследуемое поле позволяет мне в течение долгого времени наблюдать за его развитием и трансформациями, карьерными траекториями коллег и т.п.

Эмпирический раздел

В России на 2022 год ветеринарная деятельность не лицензируется напрямую; то есть ветеринарные клиники получают лицензии, но это лицензии на торговлю ветеринарными препаратами, лицензии на источники ионизирующего излучения, к которым относятся рентген-аппарат, С-дуга, КТ и МРТ, заключают специальный договор на утилизацию биологических отходов, реже ветеринарные клиники запрашивают лицензию на торговлю медицинскими препаратами и лицензию на использование наркотических средств.

В отличие от других регионов, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области также существует необходимость в получении лицензии на вакцинацию животных. Частные ветеринарные клиники и оказываемые работающими там ветеринарными врачами услуги не регулируются и не регламентируются государством. Доминирующая логика развития ветеринарной медицины МДЖ — рыночная, то есть вся деятельность ориентирована на рынок и им же регулируется.

Если говорить об организационном поле [DiMaggio, Powell 1983] ветеринарной медицины, то с точки зрения законодательства Российской Федерации его единицей является ветеринарная клиника. Связано это и с тем, что в профессиональном стандарте ветеринарных врачей отсутствует какая-либо спецификация деятельности ветеринара, работающего с животными-компаньонами, и с тем, что незаконченный проект лицензирования ветеринарных врачей МДЖ базируется на идее лицензирования ветеринарных клиник, которые, в свою очередь, будут провайдерами этих лицензий для своих сотрудников. Однако на 2022 год эта идея остается хоть и обсуждаемой, но не внесенной в качестве проекта для рассмотрения лицензионной палатой.

255

Государственные ветеринарные клиники

Районные и городские ветеринарные станции ключевым образом отличаются от частных ветеринарных клиник возможностью выдать официальный, регламентируемый государством документ — Ветеринарное свидетельство формы № 1 — сопроводительный документ для перемещения животных по территории России и для выезда за рубеж (при пересечении границы России он меняется на пограничном ветеринарном пункте на международный ветеринарный сертификат). В отличие от частных ветеринарных клиник, появившихся в России в 1991 году, ветеринарные станции существуют уже давно, в различных итерациях со времен Российской империи [Домницкий 2017]. Основные функции организаций данного типа — выполнение ветеринарных мероприятий по профилактике и ликвидации болезней животных, с акцентом на те, которые потенциально могут перерасти в эпизооти (эпидемии у животных), что в основном подразумевает работу с сельскохозяйственными животными. На их базе осуществляется контроль выпуска безопасных в ветеринарно-санитарном отношении пищевых продуктов и продовольственного сырья животного происхождения, продуктов растениеводства непромышленного изготовления. Подобный регламентированный государством функционал также позволяет им работать с животными с антропоозоонными

заболеваниями¹, а это значит, что именно туда могут обратиться те владельцы, у питомцев которых подозреваются бешенство и лептоспироз.

Еще одна особенность государственных ветеринарных клиник — они, как и частные ветеринарные клиники, являются частью рынка, но при этом не ориентированы на него. Фиксированные зарплаты ветеринарных врачей и социальные гарантии как у работников бюджетных учреждений позволяют не подстраиваться под запросы клиентов. Этому же способствуют госзаказы, например, на вакцинацию животных от бешенства или на их кастрацию.

Основываясь на данных интервью, можно сказать, что городские и районные ветеринарные станции при наличии конкурирующих с ними частных ветеринарных клиник, с точки зрения ветеринарных врачей МДЖ, являются аутсайдерами своего организационного поля, несмотря на экстраординарные полномочия. Бонус в виде социальных гарантий для специалистов теряется на фоне потенциальных возможностей зарабатыватькратно больше. Однако несмотря на это, значимую привлекательность для профессионального сообщества будут иметь технические возможности, предлагаемые некоторыми городскими клиниками. Например, наличие у городской ветеринарной станции Санкт-Петербурга МРТ-аппарата делает ее привлекательным местом работы для визуальных диагностов, которые хотят на нем работать.

256

Частные ветеринарные клиники

Частные ветеринарные клиники составляют основную массу игроков организационного поля ветеринарной медицины МДЖ. Для их классификации мной используются следующие параметры:

- пространство, занимаемое ветеринарной клиникой, и его устройство;
- техническое оснащение;
- количество работающих ветеринарных врачей и степень их специализации;
- спектр предоставляемых услуг и их стоимость.

Основные отличия ветеринарных клиник от ветеринарных кабинетов заключаются в разделении (даже символическом) пространства на отделения, то есть отдельного пространства для терапии и хирургии, с последующим усложнением. Терапевтическое отделение имеет кабинет для приема терапевтических пациентов, возможность УЗИ-диагностики, процедурный каби-

1 Инфекционные и инвазионные болезни, общие для человека и животных.

нет, потому что количество пациентов уже не позволяет проводить процедуры сразу на месте (как в ветеринарном кабинете). Хирургическое отделение предполагает наличие рентген-аппарата, кабинета для приема пациентов с хирургическими патологиями, предоперационной и непосредственно операционной. Также для большинства ветеринарных клиник может быть характерно наличие хотя бы одного стационара, то есть отдельного помещения с боксами для животных, где они находятся под постоянным наблюдением врача. В некоторых ветеринарных клиниках могут быть одновременно стационар для терапевтических пациентов (там владельцы могут, например, оставить свое животное для проведения непрерывных внутривенных инфузий на маленьких скоростях подачи препарата), стационар для животных с инфекционными заболеваниями, стационар для предоперационных животных, стационар интенсивной терапии, отдельные стационары для собак и кошек.

Еще одним фактором отличия ветеринарных клиник является наличие символической (т. к. диплом ветеринарного врача не предполагает дифференциации) специализации работающих в них врачей.

257

Здесь нужно сделать небольшое отступление и сказать несколько слов об образовательном процессе ветеринарных врачей. В России в настоящее время есть две ветеринарные академии, ветеринарный университет и еще 50 ветеринарных факультетов в сельскохозяйственных вузах. В академиях и университете имеются факультеты ветеринарной медицины, выпускники которых имеют квалификацию ветеринарного врача — самый сильный диплом, то есть его обладатель может работать в любом качестве в сфере ветеринарии; также имеются «малые факультеты», такими являются ихтиопатология — болезни рыб, факультет болезней птиц, пчел и пушных зверей, факультеты ветеринарно-санитарной экспертизы. В отличие от факультетов ветеринарной медицины — «больших», которые являются специалитетами, «малые факультеты» — бакалавриаты.

Ветеринарные врачи получают диплом без указания специализации (кроме ветеринарно-санитарной экспертизы) и акцентирования на различных видах животных; исключение составляют рыбы, пчелы, птицы. Однако и данная спецификация является легко проходимой. Если человек закончил один из «малых» факультетов, ему присваивается квалификация «ветеринарный фельдшер», а значит, он может работать с прочими видами животных, в том числе и в частных ветеринарных клиниках, при наличии у работодателя желания ввести дополнительную штатную единицу (ветеринарно-го фельдшера) в своей организации. Однако если человек является

ветеринарным врачом, согласно профессиональному стандарту, он может «оказывать ветеринарную помощь животным всех видов» [Профессиональный стандарт «Ветеринарный врач» от 23 августа 2018 г. N 547н.].

Наличие у ветеринарных клиник большего пространства и специализированных врачей позволяет оказывать большее количество услуг. Обращаясь в ветеринарную клинику, владелец животного может быть уверен, что его питомцу проведут не только осмотр, но и сделают ряд исследований, требующих более сложного и дорогого оборудования, например, микроскопа для цитологии кожи и микроскопии ушной серы для уточнения типа отита (воспаления наружного уха), УЗИ-аппарата для соответствующего исследования внутренних органов, рентген-аппарата, который необходим для оценки состояния не только костей, но и мягких тканей при травмах или легких и других органов грудной полости при сердечных патологиях, а также целого ряда инфекционных и неинфекционных заболеваний. Расширенный набор услуг приводит к увеличению базового набора процедур диагностики, что, с одной стороны, способствует повышению качества оценки состояния здоровья животного, с другой — повышает стоимость такого приема.

258

Сети частных ветеринарных клиник

К ветеринарным клиникам я отношу также сети организаций, не все участники которых соответствуют приводимым мной выше параметрам клиники. Животное, попадая к специалистам даже маленькой клиники такой сети, в дальнейшем циркулирует между ее участниками и в целом может получить весь обозначенный спектр услуг. То есть владелец может обратиться в клинику рядом с домом, где не будет нужного специалиста или оборудования для диагностики и лечения его питомца, однако все это он сможет найти в экосистеме данной сети. Из ближайшей клиники он будет перенаправлен в соседнюю для необходимых консультаций и исследований, и впоследствии сможет проходить лечение (или какую-то его часть) в «своей» клинике. В таких сетях в одной или нескольких клиниках могут быть рентген и УЗИ-аппараты, в другой (или других) — хорошие микроскопы и дерматологи, в третьей — мягкая эндоскопия, в четвертой — жесткая и так далее.

Кейс 1. «Сеть ветеринарных клиник А в Санкт-Петербурге»

Рассматриваемая сеть клиник имеет 8 филиалов, расположенных в разных районах города. Клиники имеют разное техни-

ческое оснащение и, как следствие, оказывают разные наборы услуг, а их стоимость регулируется каждым филиалом отдельно. Например, цена первичного терапевтического приема варьируется от 950 до 1500 рублей. Среди участников сети есть клиники, в которых нет хирургического отделения, зато есть расширенный спектр услуг по визуальной диагностике; в другой клинике, расположенной в том же районе, есть хирургическое отделение с широким спектром предлагаемых манипуляций, но нет УЗИ-аппарата. Также все филиалы сети имеют разный набор специалистов в штате. Терапевт принимает в каждой клинике, дерматолог и кардиолог — в 7 из 8, эндоскопия есть в 3 клиниках, врач, занимающийся коррекцией поведения, — в 1 из 8, онколог и офтальмолог — в 2 из 8.

Кейс 2. «Сеть ветеринарных клиник В в Санкт-Петербурге»

Данная сеть клиник имеет 3 филиала, все расположены в одном районе города. Стоимость первичного терапевтического приема варьирует от 1000 до 1200 рублей, рентген есть в 2 филиалах из 3, УЗИ — во всех, но имеются различия в классе аппаратов, связанные с работающими там специалистами. В одной из клиник он базовый, в другой — экспертного класса для УЗИ органов брюшной полости, в третьей — экспертного класса для кардиологических исследований. Также дни приема специалистов одинакового направления равномерно распределены по дням недели: в одном филиале невролог принимает по средам, четвергам, субботам и воскресеньям, в другом — по вторникам и пятницам; кардиолог в одной — по четвергам, пятницам и субботам, в другой — по вторникам, средам и воскресеньям.

259

Таким образом, инфраструктурная экосистема, выстроенная не в отдельной клинике, а в сети, позволяет обеспечивать пациентам почти перманентную возможность, попасть к нужному специалисту, провести необходимые исследования, а также канализировать потоки пациентов из разных географических областей, сохранив их при этом в рамках одной организации. Эта же экосистема позволяет ветеринарному врачу специализироваться в выбранной области, увеличивая количество потенциальных точек, через которые пациент с определенной патологией может попасть к нему на прием.

Узкоспециализированные клиники

Одной из стратегий выживания и успеха для ветеринарных клиник в одном поле с массой других подобных организаций будет

являться уход из решения относительно массовых и общих проблем в гиперспециализацию всей клиники, сосредоточение усилий на одном типе патологий, например, нефрологических патологиях, офтальмологических патологиях или др. В этом случае происходит более сложное дробление диагностики и лечения. Терапевтическое и хирургическое отделения будут работать в этой синхронности, и в зависимости от обозначенного вектора одно из них, скорее всего, станет зависимым от второго, например, терапевтическое отделение будет заниматься только подготовкой животных к операциям и послеоперационным сопровождением. Важную роль в таком процессе играет оборудование ветеринарной клиники и обозначение ее позиции другим игрокам, которые начинают перенаправлять свои редкие в рамках одной клиники случаи, требующие особенного лечения, в специализированную, например, для проведения диализа или для трансплантации глазного хрусталика. Таким образом, рассеянные по городу «особенные» случаи перенаправляются в одну организацию, в которой концентрируются, что обеспечивает ей стабильный приток новых пациентов.

260

Кейс 3. «Ветеринарный нефрологический центр G»

Данная клиника имеет два филиала — один в Санкт-Петербурге и один в Москве. Основная специализация клиники — лечение заболеваний почек. Хроническая почечная недостаточность является самой распространенной метаболической патологией у кошек, и ее вероятностькратно повышается с возрастом животного [Brown, Elliott, Schmiedt, Brown 2016]. То есть с животными с этим заболеванием сталкивается в своей практике буквально каждый ветеринарный врач, однако именно клиника G разработала и запатентовала систему гемодиализа для животных с маленьким весом и, соответственно, маленьким количеством крови. В этот центр врачи других ветеринарных клиник, которые не располагают необходимым оборудованием, из Санкт-Петербурга и Москвы перенаправляют тех пациентов, владельцы которых готовы на проведение более сложных мероприятий для лечения своих питомцев.

Кейс 4. «Ветеринарная клиника С»

Данная клиника располагается в Санкт-Петербурге и является примером клиники с очень узкой специализацией, в данном случае ей (специализацией) является офтальмология. Терапия здесь редуцирована до клинического обследования офтальмологических пациентов и проведения предоперационных тестов. Также

показательно взаимодействие врачей данной клиники с другой сетью ветеринарных клиник. На сайте клиник С указано 7 филиалов, один из которых является непосредственно описываемой клиникой, а 6 других — филиалами ветеринарных клиник D, где владельцы животных могут записаться на прием к специалисту клиник С.

Подобные практики позволяют организации путем формирования своего бренда получить власть над своим сегментом организационного поля. Иногда это происходит через ветеринарного врача, который становится лицом клиники и начинает с ней ассоциироваться. Но в данном случае власть над сегментом происходит через специализацию. В дальнейшем, когда другие организации захотят войти в этот сегмент, они будут копировать практики клиник, которые явно с ним ассоциируются в профессиональном сообществе. Например, в середине 2022 года клиника, сотрудником которой я являюсь, открыла у себя банк крови. Для того чтобы это сделать, были скопированы практики и сопроводительные документы клиники X, широко известной в профессиональном сообществе своей службой крови.

261

Крупные ветеринарные центры

Крупные ветеринарные центры отличаются в первую очередь большей дифференциацией специалистов и пространства, нежели в ветеринарных клиниках, а также большей площадью и тем, что одновременно прием будут вести несколько врачей одного профиля. Большой поток пациентов благоприятствует набору действительно узкоспециализированных врачей, позволив им не совмещать специальности, а практиковать в одной области. Как правило, такие организации включают в себя все вышеперечисленное, а главным маркером крупности и значимости в описываемом поле является наличие аппаратов компьютерной и/или магнитно-резонансной томографии, С-дуги и УЗИ-аппаратов экспертного класса. Такое оборудование требует соответствующих профессиональных навыков работающих с ним врачей, так как не только сам аппарат, но и его обслуживание стоит дорого, часто покупается не столько ради экономической выгоды, сколько ради статуса. Крупные ветеринарные центры часто являются составной частью сети не так хорошо оснащенных ветеринарных клиник.

Кейс 6. «Ветеринарный онкологический центр E»

Данный ветеринарный центр — один из крупнейших в России, расположен в Санкт-Петербурге. Он является частью сети клиник F,

имеющих 11 филиалов в Санкт-Петербурге. В данной сети, согласно сайту, все клиники имеют единый прейскурант. При выборе нужной услуги можно увидеть список врачей, ее оказывающих, и филиал, где они ведут прием. Если выбрать определенные позиции (например, МРТ, КТ, или онкологии), можно попасть на страницу ветеринарного центра Е. Такое тесное сотрудничество обеспечивает ветеринарный центр Е потоком пациентов, собираемых в том числе с помощью клиник F.

Также крупные ветеринарные центры, будучи самыми заметными организациями в поле ветеринарной медицины МДЖ, являются и провайдерами всевозможных инноваций, во многом призванных помочь сохранить свое доминирующее положение в нем. Так, например, с ними часто аффилированы всевозможные образовательные курсы, образовательный надрынок [Collins 1990] ветеринарной медицины МДЖ, необходимость в котором обусловлена отсутствием конвенционального специализированного образования для ветеринарных врачей, работающих не с сельскохозяйственными животными.

- Образовательный центр «Прайд» при Ветеринарном центре «Прайд».
- «Ветеринарные курсы последипломного образования доктора Сотникова» при Клинике доктора Сотникова.
- Образовательный центр DuoСог при МВЦ «Два Сердца».

262

Также полю присущ подражательный изоморфизм — он возникает в ситуации отсутствия ясного понимания организационных технологий или целей [DiMaggio, Powell 1983]. Самая заметная подобная инициатива, а также высшая точка подражательного изоморфизма ветеринарной медицины МДЖ гуманной медицине — ординатуры, функционирующие на базе крупных ветеринарных клиник России. Такие ординатуры являются по большому счету вариацией частных образовательных курсов, но сопровождаемых рядом символических заимствований системы ординатур для специализации врачей — продолжительностью во времени (единый трек, длящийся до трех лет), наличием экзаменов и дипломов. Эти дипломы не являются частью государственной сертификации ветеринарных врачей, однако ценятся профессиональным сообществом ветеринарных врачей МДЖ.

Ординатура по визуальной диагностике в клинике «Пес и Кот» в Санкт-Петербурге — первое подобное мероприятие. Набор проводился в 2019 году, а обучение предполагало выплату стипендий обучающимся. Сейчас это уже достаточно распространенный формат, но на сайтах прочих изученных программ предполагается, что ординатура будет являться платной, цена за месяц такого курса составляет от 7 до 20 тысяч рублей, а срок обучения

от четырех месяцев до трех лет, в зависимости от организации и специальности.

В ноябре 2021 года инициатива проведения эксперимента (ординатуры) на базе государственных ветеринарных вузов с 1 сентября 2022 по 31 августа 2026 года была внесена на рассмотрение в Государственную Думу¹. Несмотря на то что к ноябрю 2022 года проект все еще находится на рассмотрении, мы можем заключить, что своими практиками и инновациями крупные ветеринарные центры могут делать то, что пока еще не удавалось делать клиникам, — менять институциональную рамку.

То, что крупные ветеринарные центры обладают настолько большой властью в организационном поле ветеринарной медицины, что государством предпринимаются попытки перенять их практики, также дает им возможность оказывать неформальное давление на более мелкие организации своего организационного поля. Так как институциональная рамка ветеринарной медицины МДЖ крайне размыта, именно такие организации являются драйверами к потенциальному принудительному изоморфизму — давлению одних организаций поля на другие [DiMaggio, Powell 1983]. Он проявляется в основном в ссорах в социальных сетях и открытых конфликтах представителей крупных ветеринарных центров с другими ветеринарными врачами в судах, хотя и не всегда такие конфликты заканчиваются победой первых. Важно отметить, что в рамках своих специализаций подобной властью обладают и узко-специализированные клиники.

263

Ветеринарные кабинеты

Ветеринарные кабинеты — самая маленькая из возможных разновидностей ветеринарных клиник, однако встречаются они не так уж и редко, особенно в нестоличных городах. Сайт такого кабинета в городе Иркутск приводит следующие различия ветеринарного кабинета и ветеринарной клиники: в ветеринарном кабинете работает 1-5 человек (всего), и врачи не имеют дифференцированных специальностей; ветеринарный кабинет имеет меньшую площадь, чем ветеринарная клиника, и в нем нет дифференцированно назначенных кабинетов. Одна из информанток

1 Нормативные правовые акты — Проект постановления Правительства РФ «О проведении эксперимента по реализации образовательных программ подготовки кадров высшей квалификации — программ ординатуры по укрупненной группе специальностей 36.00.00 “Ветеринария”»: regulation.gov.ru

(Инф. 10) назвала их «кастрационно-вакцинационными пунктами», но несмотря на это, такой тип медицинской организации в ветеринарии МДЖ является самым высокомаржинальным: по большому счету для открытия такого рода клиники вам нужен собственно кабинет, стол, стул и ветеринарный врач. Ветеринарный кабинет часто не предполагает наличия в штате ветеринарного ассистента, так как нагрузка на врача относительно невысока и дополнительная помощь ему, как правило, не требуется. То есть это минимально оборудованная ветеринарная клиника, что не всегда является недостатком для сотрудников. Демаркационную черту между кабинетом и клиникой можно провести по уровню профессиональной культуры работающих там специалистов: врачи в ветеринарных кабинетах удовлетворены своим ограниченным спектром возможностей обследования и лечения.

Инф. 2 так описывает свой опыт работы в подобной клинике: *«Я пошла работать в Н., знаешь, да? (Смеется.) Я поставилась там 10 дней и чуть не умерла, потому что там просто творился максимальный беспредел. Там женщина, там было всего два фельдшера, и вот приходит кто-то на прием, и одна [говорит]: “Так, вот надо делать операцию”, тут же несет это животное на операцию, говорит владельцу: “Так, вот держи его за задние лапы”, а мне говорит: “Держи за передние”, и тут же начинает резать. Либо она там чуть-чуть обкалывала все лидокаином и, не дождавшись, пока оно начнет действовать, начинала разрезать, и вот как бы видно, что животному... ну оно не в восторге, мягко говоря. Самое что было очень странное, что она вот все это делала, все кричали, страдали, а владельцы такие: “Господи, вы самая божественная женщина на свете”, и уходили довольные. У меня после этого просто разрушился мир, когда она делала операцию, разрешила мочеточник, сказала: “А, ну ладно”, и просто его зашила, я подумала: “Боже мой, все, надо сваливать”».*

Как правило, сотрудники ветеринарных кабинетов могут помогать с простыми случаями заболеваний, вакцинациями, кастрациями и несложной терапией. Хирургия встречается реже: в ветеринарном кабинете, как правило, нет операционных, хотя иногда бывает приглашенный хирург, для работы которого необходим лишь металлический стол и хирургическая лампа. Чтобы оказывать такого рода услуги, не нужно дорогое оборудование и лишние сложности с оформлением необходимых документов. Часто вокруг относительно крупного ветеринарного центра, удовлетворяющего потребность района в сложном оборудовании для лечения тяжелых патологий у животных, собирается некоторое количество маленьких ветеринарных клиник и ветеринарных кабинетов. Получается некий районный симбиоз, где

более мелким игрокам проще отправить клиента на рентген, УЗИ-исследование, сложные операции и прочее к условным клиникам-соседям, которым, в свою очередь, не нужно переманивать этих пациентов, ведь выгоднее иметь долгосрочные отношения с не представляющими опасности «крохами» ветеринарного мира.

Ветеринарные врачи

Ветеринарные врачи МДЖ в данной статье рассматриваются как участники организаций — ветеринарных клиник. Ветеринарное образование в российских ветеринарных вузах не отвечает запросам данной профессиональной группы, что формирует сильный и требующий отдельного изучения образовательный надрынок. Он включает в себя семинары, мастер-классы, платные и бесплатные лекции, а самым популярным форматом являются вебинары и конференции.

Инф. 6: «Если мы говорим о курсах... все конференции и курсы — это и есть повышение квалификации. Вебинары там, семинары и т. д. Официальных курсов никаких нет, хотя какие-то, может, и есть... от академии, которые никому не нужны, ну, может, только ради корочки. Я вот да [проходила], вот курсы анестезиологии, нефрологии в прошлом году, конференции постоянно посещаешь. Это все неизбежно для специалиста, который действительно хочет работать в этой сфере».

265

Здесь же на арену выходят компании, занимающиеся производством различного рода зоотоваров, аффилируя с собой такие образовательные программы. Относительно редко практикуются стажировки у более опытных коллег, и чаще этот вид обучения имеет не коммерческую, а дружескую основу.

Инф. 9: «Официально чего-то такого, как повышение квалификации, у нас не существует, а так, для себя, что называется, это книжки там всякие новые, переведенные, иностранная литература в идеале, хоть это и не просто. А так, мастер-классы, конференции. Знакомства, как ни странно. Очень многое в ветеринарии решают знакомства. В плане общения между специалистами, обсуждения тех или иных клинических случаев. Возможность прийти к кому-то посмотреть операцию, постоять на приеме, послушать».

Карьера ветеринарного врача МДЖ в частной ветеринарной клинике не может начаться без участия другого ветеринарного врача МДЖ. Говоря о карьере, я имею в виду путь в специальность вообще: профессионализацию, профессиональное становление. Начинается это становление с позиции ветеринарного ассистента, следующей карьерной ступенью является врачебная позиция, но обладающая возможностью ухода от прямого общения с вла-

дельцами животных: ветеринарный врач на ночном приеме или процедурный врач, такие позиции из-за возможности во время работы советоваться с коллегами и свободно искать любую информацию для уточнения лечения или диагностики, а также более низкая интенсивность потока пациентов считаются простыми относительно терапии дневного приема. После того как человек получает достаточно опыта и практики для принятия независимых врачебных решений, происходит переход на позицию дневного терапевта, которая является более рискованной из-за необходимости постоянно находиться в контакте с владельцем животного.

Инф. 9: «...все происходит примерно одинаково. Ты приходишь в клинику, ничего не умея, ты должен обязательно понравиться врачам, в любом случае, должен вписаться в коллектив. Для этого должны сойтись какие-то звезды. Банально, тебе должна подойти клиника. Все же клиники разные, есть крупные, есть мелкие и т. д. Кому что. Начинаешь ассистентом, работаешь ассистентом, тратишь на все это много-много времени, параллельно начинаешь ходить там на всякие курсы <...> То есть я вот пришел в октябре, в декабре следующего года я уже пошел на первую конференцию; на 3-м курсе я начал ездить на всякие мастер-классы и учиться хирургии: от банального шитья до всяких более сложных вещей. Ну а на 4-м курсе, когда уже довольно много чего умел, меня поставили ночным врачом, хотя не очень хотели это делать, по понятным причинам, ну боялись, нет же диплома. И когда я в середине 4-го курса начал работать, у нас сменилось все отделение хирургии. Такое регулярно происходит. Все рано или поздно уходят. Все ушли, в общем, и под конец 4-го курса мне все-таки отдали три смены хирургические. Меня, конечно, много чему научил хирург, с которым я работал, но это не то чтобы он меня научал, просто я научился».

266

Достигшим вершины карьеры можно считать ветеринарного врача МДЖ, который виртуозно овладел какой-то узкой специальностью (например, нефролога, онколога и т. д.), или занял должность главного врача, или (что еще лучше) открыл собственную клинику.

Инф. 2: «Ну как я себе это представляю — вот я была ассистентом, теперь я врач, дальше мне осталось стать главным врачом и все, мой карьерный рост закончен».

Инф. 3: «Ну как, вот я врач, потом могу специализироваться, вообще круто, или клинику свою открыть могу».

Инф. 7: «<...> сначала ты ассистент, а когда ты получаешь диплом, если руководство считает возможным и необходимым делать тебя врачом — оно делает. Соответственно, дальнейшее развитие зависит только от тебя, выберешь ли ты какую-то специализацию или будешь терапевтом общего приема».

Специализация в большинстве случаев является скорее символическим элементом имиджа ветеринарного врача и напрямую зависит от оснащенности клиники. Врач не может быть дерматологом, если в клинике, где он работает, нет оборудования для дифференциации дерматологических патологий; невозможно быть визуальным диагностом, если нет УЗИ-аппарата. Однако чаще специализация врачей в клиниках — неглубокое погружение в специфические вопросы.

Инф. 4: «Ну и я дерматолог <...> это ж так, вот J дерматолог, она сидит в <...> у нее приемы по часу, она может себе позволить, один прием — 5 тысяч, а я терапевт, который что-то (понимает) в дерматологии, но это ж так, это ж скорее [мы между собой] договорились, иначе у нас нет дерматолога».

Большинство ветеринарных центров, клиник и тем более кабинетов не нуждаются в большом наборе специалистов широкого профиля, им гораздо выгоднее иметь в штате хирурга, который владеет ортопедией, мягкотканной хирургией и офтальмологией или неврологией, и терапевта, который имеет навыки ультразвуковой диагностики и, например, эндокринологии и/или дерматологии.

Инф. 10: «Это К. придумал [что в Европейских странах сильная дифференциация специалистов], а все повторили, нигде такого нет, и мне зачем тут орава — все по лавочкам сидим, из лоханочек едим — это ж налоги за каждого заплатить. Да и потом, послушай, ладно, хотите быть онкологами, неврологами — пожалуйста, посмотрим, какая зарплата у вас будет в следующем месяце, они [пациенты с такими патологиями] сегодня пришел, а завтра не пришел, а кастрации у нас каждый день минимум по 3 штуки (смеется)».

Обучение на ветеринарном факультете не дает будущим специалистам представления об особенностях деятельности врачей МДЖ с определенными специальностями. Но на выбор потенциальной специализации значительное влияние оказывает клиника, вернее, как присутствующие, так и отсутствующие в ней специалисты. В первом случае ветеринарный ассистент учится у врача, с которым работает, естественным образом специализируясь в том же, в чем специализирован наставник, во втором же невозможность решения врачами клиники определенных задач, эксплицитно запрашиваемых пациентами, требует новой для клиники специальности, к которой работающие врачи будут склоняться того, кто еще не занял свою нишу в организации. Здесь же стоит сказать, что ассистенты, у которых сложилось представление о желаемой специальности, будут обращать внимание на клиники, где уже работает врач с такой специализацией, потому что у него можно будет учиться в процессе работы. Желая стать офтальмологом

с большей вероятностью пойдет работать в клинику С или в крупный ветеринарный центр, потому что там точно будет более опытный офтальмолог, желающий стать орнитологом обратится в госпиталь птиц и т. д.

Согласно данным интервью и наблюдений, большинство ветеринарных врачей МДЖ, работающих в клиниках, имеют прекарное положение.

Инф. 1: *«Я, не знаю, здесь вот нормально [зарабатываю] в основном, то есть если животные на стаце — вообще хорошо может получиться, а вот в L приходишь работать и можешь просто спать всю ночь, но там ставка есть, которую ты можешь перебить, а если не перебьешь, то хоть что-то получишь, так бы я не пошла».*

Ветеринарному врачу выгоднее работать за процент от выручки, которая считается из его работы (приема, процедур). Однако это же обстоятельство почти полностью лишает специалиста каких-либо социальных гарантий (страховые случаи по болезни и т. д.).

Инф. 10: *«Ну послушай, если ты заболел — болей, но в это время кто-то будет делать твою работу».* Так как ветеринарная клиника не может обеспечить одному ветеринарному врачу, особенно молодому, достаточное количество смен — чаще есть необходимость заполнить пустоты в расписании смен, врачи могут работать в разных клиниках одновременно.

268

Кейс ветеринарного врача О.

Ветеринарный врач, оперирующий хирург-офтальмолог, работает в ветеринарной клинике У по понедельникам, вторникам и пятницам, где проводит как операции общей хирургии (то есть кастрации, вскрытия абсцессов и т.п.), так и офтальмологические операции; клиника оснащена всем необходимым для офтальмологического приема и офтальмологической хирургии. По средам и субботам он же работает в ветеринарном кабинете Р, где ведет терапевтические приемы и выполняет операции общей хирургии.

Кейс ветеринарного врача N.

Работает анестезиологом в крупном ветеринарном центре по вторникам, средам и субботам с оперирующим хирургом-неврологом. Хирургия головного и спинного мозга в данном центре, согласно прайсу, представленному на сайте данного центра, стоит 98 до 120 тысяч рублей. По четвергам и пятницам работает анестезиологом в ветеринарной клинике с хирургом общего профиля. Аналогичные

операции (сверялись названия оперативного вмешательства) стоят от 48 до 67 тысяч рублей.

Кейс ветеринарного врача R.

Работает хирургом-ортопедом в крупном ветеринарном центре по понедельникам, четвергам и пятницам. По вторникам, субботам и воскресеньям работает хирургом общей практики в небольшой ветеринарной клинике. Стоимость хирургического приема R. в ветцентре составляет 2500 рублей, в клинике — 1200 рублей.

Следствием отсутствия регулирования в ветеринарной медицине МДЖ становится то, что один и тот же врач может принимать в разных клиниках в различном качестве и за разную стоимость. Причем должность, в которой будет выступать специалист, напрямую зависит от технического оснащения клиники и специализации его коллег в каждой конкретной организации.

Важным фактором, сопровождающим подобные перемещения врачей от клиники к клинике, будет являться нормативный изоморфизм. Он представляет собой следствие процессов профессионализации и появление неких схожих черт работы у представителей одной профессии, работающих в разных организациях. Его драйвером часто является как раз перемещение специалистов из одной организации в другую. То есть в данном случае практики, применяемые и распространяемые в одних клиниках, в силу профессиональной миграции ветеринарных врачей, переносятся ими в другие клиники, тем самым создавая легитимный набор используемых практик.

269

Выводы

Ветеринарная медицина МДЖ — слабоинституционализованная область, институциональная рамка которой ограничивается общими правилами обустройства ветеринарных клиник и размытыми фразами в профессиональном стандарте ветеринарных врачей. В силу этих обстоятельств ведущую роль в профессиональном становлении ветеринарного врача МДЖ играют организации — ветеринарные клиники.

От организации будет зависеть профессиональная культура ветеринарного врача, набор используемых им навыков и, что, на мой взгляд, важнее, тот спектр навыков, который будет считаться необходимым для проведения диагностики и лечения пациентов.

Структура организационного поля ветеринарной медицины будет определяться принадлежностью организаций к государственному или частному сектору, а внутри этих секторов помимо физического размера и количества работающих специалистов — техническим оснащением, причем последний параметр будет иметь решающее значение. Именно от технического оснащения независимо от размера клиники или штата сотрудников будет зависеть, будет ли в клинике тот или иной специалист (например, кардиолог — что возможно только при наличии УЗИ-аппарата с кардиологическим датчиком). Однако фактор наличия в клинике того или иного оборудования не будет единственным в формировании специализации каждого отдельного работающего там врача. Вторым важным элементом будут договоренности между коллегами в рамках каждой ветеринарной клиники.

270

Доминирующими игроками в организационном поле ветеринарной медицины МДЖ являются крупные ветеринарные центры. Их доминирование обеспечивается за счет занятия сегмента образования будущих ветеринарных специалистов. Посредством принудительного изоморфизма, через формирование профессиональных практик и обучение выполнять те или иные манипуляции в соответствии с собственными представлениями о них, крупные ветеринарные центры гомогенизируют свое организационное поле.

Еще одним фактором устойчивости организационного поля будет нормативный изоморфизм, связанный с перемещением ветеринарных специалистов между клиниками различных сегментов. Этот же процесс будет амортизировать потенциально возникающее неравенство в доступе к ветеринарным услугам, особенно будет влиять на него тот факт, что один и тот же ветеринарный врач может работать сразу в нескольких ветеринарных клиниках, на разных позициях. То есть обратившись в ближайший к дому маленький ветеринарный кабинет, владелец животного может неожиданно для себя получить консультацию специалиста, высоко ценящегося профессиональным сообществом.

Список информантов:

Инф. 1 — Ж, врач отделения интенсивной терапии крупного ветеринарного центра в Санкт-Петербурге, врач-терапевт в ветеринарной клинике в Санкт-Петербурге, на момент беседы в ветеринарной клинике вела только ночные приемы

Инф. 2 — Ж, врач стационара в крупном ветеринарном центре

- Инф. 3 — Ж, терапевт в ветеринарной клинике
Инф. 4 — М, терапевт в ветеринарной клинике
Инф. 5 — М, хирург в сети ветеринарных клиник (не имеет специализации)
Инф. 6 — Ж, терапевт в ветеринарной клинике
Инф. 7 — Ж, эндокринолог в сети ветеринарных клиник
Инф. 8 — Ж, врач визуальной диагностики в сети ветеринарных клиник
Инф. 9 — М, хирург в сети ветеринарных клиник (невролог, онколог)
Инф. 10 — Ж, главный врач в сети ветеринарных клиник (терапевт)
Инф. 11 — М, главный врач в ветеринарной клинике (кардиолог)
Инф. 12 (экспертн) — Ж, директор сети ветеринарных клиник
Инф. 13 (экспертн) — Ж, директор в ветеринарной клинике

Библиография / References

Беккер Г. (1994) Природа профессии. *Этика успеха: вестник исследователей, консультантов и ЛПР, выпуск 3/94.*

— Becker H. (1994) The nature of the profession. *Ethics of Success: Bulletin of Researchers, Consultants and decision makers, issue 3/94.* — in Russ.

Домницкий И. Ю. (2017) *История ветеринарной медицины: краткий курс лекций для обучающихся специальности «Ветеринария», Саратов.*

— Domnitsky I.Yu. (2017) *History of veterinary medicine: a short course of lectures for students of the speciality "Veterinary Medicine", Saratov.* — in Russ.

Профессиональный стандарт «Ветеринарный врач» от 23 августа 2018 г. № 547н.

— *Professional standard "Veterinarian" dated August 23, 2018 № 547n.* — in Russ.

Abbott A. (1988) *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*, University of Chicago Press.

Brown C. A., Elliott J., Schmiedt C. W., Brown S. A. (2016) Chronic kidney disease in aged cats: clinical features, morphology, and proposed pathogenesis. *Veterinary pathology*, 53(2): 309–326.

Carr-Saunders A. M., Wilson P. A. (1933) *The Professions*. Clarendon.

Carr-Saunders A. M., Wilson P. A. (1944) Professions. *Encyclopaedia of the Social Sciences*, New York: The Macmillan Company. Vol. 12.

Collins R. (1990) Market closure and the conflict theory of the professions. *Professions in theory and history: Rethinking the study of the professions*: 24–43.

Fligstein N. (2001) *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*, Princeton: Princeton University Press.

Freidson E. (1988) *Profession of Medicine. A Study of the Sociology of Applied Knowledge*, University of Chicago Press.

- Goode W. J. (1957) Community within a community: The professions. *American sociological review*, 22(2): 194-200.
- Greenwood E. (1957) Attributes of a profession. *Social work*: 45-55.
- Larson M. (1977) *The rise of professionalism: A sociological analysis*, California: University of California.
- Leicht K. T., Fennell M. L., Freidson E. (2003) Professional work, a sociological approach. *Canadian Journal of Sociology*, 28(1).
- Liu S. (2018) Boundaries and professions: Toward a processual theory of action. *Journal of Professions and Organization*, 5(1): 45-57.
- Macdonald K., Ritzer G. (1988) The sociology of the professions: dead or alive? *Work and Occupations*, 15(3): 251-272.
- McKinlay J. B., Arches J. (1985) Towards the proletarianization of physicians. *International journal of health services*, 15(2): 161-195.
- Millerson G. (2013) *The qualifying associations*, Routledge.
- Muzio D., Brock D. M., Suddaby R. (2013) Professions and institutional change: Towards an institutionalist sociology of the professions. *Journal of management studies*, 50(5): 699-721.
- Narayan U. (1999) *The Project of Feminist Epistemology: Perspective from*.
- 272 Parkin F. (1979) *Marxism and Class Theory: A bourgeois critique*, London: Tavistock.
- Parsons T. (1939) The professions and social structure. *Social forces*, 17(4): 457-467.
- Powell W. W., DiMaggio P. J. (Eds) (2012) *The new institutionalism in organizational analysis*, University of Chicago press.
- Saks M. (2015) *The professions, state and the market: Medicine in Britain, the United States and Russia*, Routledge.
- Scott W. R. (2008) Lords of the dance: Professionals as institutional agents. *Organization studies*, 29(2): 219-238.
- Suddaby R., Muzio D. (2015) Theoretical perspectives on the professions. *The Oxford handbook of professional service firms*: 25-47.
- Suddaby R., Viale T. (2011) Professionals and field-level change: Institutional work and the professional project. *Current Sociology*, 59(4): 423-442.
- Svensson L. G., & Evetts J. (2010) *Sociology of professions. Continental and Anglo-Saxon Traditions*, Gothenburg: Daidalos.
- Wilensky H. L. (1964) The professionalization of everyone? *American journal of sociology*, 70(2): 137-158.

Рекомендация для цитирования:

Щеглов Я. И. (2022) Влияние структуры организационного поля ветеринарной медицины мелких домашних животных на процессы профессионализации ветеринарных врачей. *Социология власти*, 34 (3-4): 247-273.

For citations:

Scheglov Ya.I. (2022) Influence of the Structure of the Organizational Field of Small Animal Veterinary Medicine on the Processes of Professionalization of Veterinarians. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 247-273.

Поступила в редакцию: 08.12.2022; принята в печать: 27.12.2022

Received: 08.12.2022; Accepted for publication: 27.12.2022

Рецензии

ТИМОФЕЙ А. ДМИТРИЕВ¹

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-7476-0983

Макс Вебер в плену у демонов повседневности

Рецензия на книгу: Ионин Л. Г.
(2022) *Драма жизни Макса Вебера*, М.:
Издательский дом «Дело» РАНХиГС

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-274-297

274

«Повседневность и ее демоны — наш злейший соблазн и враг».
Из письма Макса Вебера Эльзе Яффе, 20 декабря 1918 года
[Weber 2012: 370]

В последние пару десятилетий нам довелось стать свидетелями настоящего бума публикаций, посвященных не только теориям и идеям, но и жизненному и творческому пути крупнейшего немецкого мыслителя XX века Макса Вебера, чьи работы во многом имели определяющее значение для развития современной социально-научной и социально-теоретической мысли. Начиная с биографии, написанной женой Вебера Марианной [Вебер 2007 (1926)] и имевшей примечательный подзаголовок «Очерк жизни» (“Ein Lebensbild”), а также поминальных речей и публикаций, произнесенных

---

1 Дмитриев Тимофей Александрович — кандидат философских наук, доцент факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: история политической философии Запада нового и новейшего времени, историческая социология модерна, культурно-историческая антропология. E-mail: tdmitriev@hse.ru

Timofey A. Dmitriev — Associate Professor, HSE University, Faculty of Humanities, Moscow, Russia. Research interests: history of Western modern and contemporary political thought, historical sociology of modernity, cultural and historical anthropology. E-mail: tdmitriev@hse.ru

и написанных коллегами и современниками на смерть Вебера¹, эта линия жизнеописания личности и творчества классика современной мысли в социально-политическом контексте их формирования и развития никогда не прерывалась². Уже в нашем, XXI столетии она пополнилась целым рядом обстоятельных работ [Каубе 2016 (2014); Hübinger 2019; Kaesler 2014; Radkau 2014; Sukale 2002], в которых жизненный и творческий путь Вебера получил новое освещение с учетом публикации большого объема материалов и документов, собранных в рамках недавно завершеного полного академического собрания сочинений и писем немецкого мыслителя [Weber 1984–2018]. Отличительной чертой этих посвященных Веберу исследований последних лет было то, что в них для объяснения отдельных эпизодов и событий из жизни великого немца использовался самый широкий набор теоретических подходов и методологических разработок современных социальных и гуманитарных наук, включая элементы психоанализа³. Не будет большим преувеличением сказать, что во многом благодаря именно этим новаторским работам биографический жанр исследований личности и творчества Вебера получил своего рода второе дыхание.

В отличие от положения дел в европейском, и прежде всего в немецком вебероведении, ситуация в отечественном вебероведении в данной области вплоть до недавнего времени выглядела довольно скромно. Помимо нескольких кратких биографических очерков жизни Вебера, написанных известной исследовательницей его

275

- 1 Большая их часть собрана в посвященном М. Веберу сборнике: [König, Winkelmann 1963]. Некоторые из этих текстов имеются в переводе на русский язык: [Трёлч 1995 (1920); Ясперс 1994 (1920)].
- 2 В вебероведении эта линия восходит к трудам Карла Ясперса, утверждавшего, что «жизнь и мысль Макса Вебера были нераздельно переплетены друг с другом» [Jaspers 1989: 185]. Несколько иную формулу исследования жизни и творчества Вебера дал в своем «Слове памяти» в 1920 году религиовед и социолог Эрнст Трёлч, коллега М. Вебера, входивший одновременно в его личный ближний круг: «Что такое научные заслуги по сравнению с его могучей личностью в целом?» [Трёлч 1995 (1920): 604]. Отстаивая такую постановку вопроса о значении личности Вебера и его научных работ, Трёлч далее поясняет: «Его научная деятельность при всей его силе, глубине и исследовательской строгости была лишь внешней стороной его жизни» [Трёлч 1995 (1920): 604].
- 3 Подобный подход характерен прежде всего для работ Дирка Кеслера [Kaesler 2014] и Иоахима Радкау [Radkau 2014]. Ярко выраженную фрейдистскую окраску имела (в том, что касается объяснения жизни и творчества Вебера) и давняя работа Артура Мицмана «Железная клетка: Историческая интерпретация Макса Вебера» [Mitzman 1970]. О современном состоянии биографической вебероведения, прежде всего в Германии, см. мою статью «Макс Вебер: Вехи интеллектуальной биографии» [Дмитриев 2020].

творчества философом Пиамой Павловной Гайдено [Гайдено 1979: 253–256; Гайдено 1990: 6–8; Гайдено, Давыдов 1991: 28–33], и монографии «Расколдованный мир Макса Вебера» московского историка-германиста Александра Ивановича Патрушева [Патрушев 1992], первая часть которого была посвящена описанию творческой и политической эволюции Вебера в контексте событий современной ему эпохи, серьезных биографических исследований, посвященных Веберу, в отечественном вебероведении до сих пор не было. На этом фоне публикация книги «Драма жизни Макса Вебера», написанной одним из ведущих отечественных социальных мыслителей и тонким знатоком немецкой социологической классики XIX–XX вв. Леонидом Григорьевичем Иониным, стала отрядным событием, восполняющим этот досадный пробел. Еще более важным моментом является то, что эта первая биография Макса Вебера на русском языке, написанная профессиональным социологом и — *the last but not the least* — научным редактором не так давно завершенного монументального исследовательского и переводческого мегапроекта — первого полного издания в переводе на русский языка *opus magnum* Вебера «Хозяйство и общество» [Вебер 2016–2019].

276

Написанная Леонидом Иониным книга, в основе которой лежит тщательная проработка современной немецкой биографической (и не только) веберианы, позволяет по-новому взглянуть на многие страницы жизни и творчества Макса Вебера¹. Особенно это касается его отношений с его ближним женским кругом, в который Леонид Ионин включает Елену Вебер — мать Макса Вебера, Марианну Вебер — жену Макса Вебера, Эльзу Яффе — студентку Макса Вебера, жену его коллеги Эдгара Яффе, спутницу жизни его брата Альфреда Вебера, подругу Марианны Вебер и тайную возлюбленную самого Макса Вебера, Мину Тоблер — швейцарскую пианистку и также тайную возлюбленную Макса Вебера, а также еще несколько лиц, чьи жизненные пути близко пересекались с этими главными героями книги. Как подчеркивает Леонид Ионин, «удивительным образом все или почти все главные действующие лица, перечисленные выше, сопровождают сознательную как научную, так и личную

1 Новизну своей книги в отечественной литературе, равно как и использование в ней последних достижений немецкого биографического вебероведения подчеркивает и сам Леонид Ионин, когда пишет, что применительно к «отечественной научной среде» его книга «вряд ли находит предшественников и единомышленников, хотя с некоторыми западными работами она согласуется, прежде всего с книгой Радкау, собственно и открывшего нового Вебера, у которого был не только героический аскетизм, как о нем писали десятилетиями и часто продолжают писать и сейчас» (с. 87).

жизнь Макса Вебера практически с самого ее начала вплоть до ее безвременного конца» (с. 9).

Сам набор выбранных автором протагонистов уже подсказывает нам тот примечательный ракурс, с которого Леонид Ионин берется рассматривать жизненный путь Макса Вебера. Его узловой пункт он усматривает в событиях личной жизни Вебера, приходящихся на вторую половину последнего десятилетия XIX века. Речь идет о психологическом кризисе, последовавшем вскоре после ссоры Вебера с отцом и выбившем его из привычной жизненной и рабочей колеи на несколько лет вперед. Это событие, произошедшее в 1897 году, рассматривается автором как ключевое для развития всей последующей жизненной траектории Вебера. С этой точки зрения главный предмет исследовательского интереса Леонида Ионина — это личность Вебера, его ближний круг и драма его жизни, по отношению к которым его научные труды и заслуги можно вслед за Эрнстом Трёлчем назвать «внешней стороной его личности». Это — самое сильное достоинство книги, но в то же самое время — и ее главная уязвимая сторона. Как признается сам автор, он написал «книжку о *жизненной драме* Макса Вебера, которую смело можно отождествить с его *любвиной драмой*» (с. 353)¹.

277

Завязка этой драмы — уже упомянутая выше ссора Вебера с отцом, произошедшая в 1897 году. В ходе этой ссоры, которую Леонид Ионин называет «роковой», сын не только поспорил с отцом, но и отчитал и унизил его в присутствии двух женщин — жены и невестки, после чего выгнал его из дома. Вскоре после этого отец умер, и хотя между этими двумя событиями не было никакой причинно-следственной связи, примирения между отцом и сыном или же просто акта принесения сыном формальных извинений отцу между актом ссоры и смертью отца так и не произошло. Как замечает автор, «ссора оказалась судьбоносной» (с. 44).

Далее в повествование встраиваются стратегии интерпретации, из числа которых автор недвусмысленно выбирает предложенную Фрейдом теорию символического «отцеубийства» и «эдипова комплекса». «Не надо быть последовательным фрейдистом, — пишет Леонид Ионин, — чтобы увидеть в этом событии структурные признаки “первопреступления”» (с. 57). В соответствии с фрейдистским толкованием дело здесь выглядело так: «Сын любит мать и хочет спасти ее от отца и владеть ею, отец стоит на пути этой любви, и сын желает устранить отца, но боится наказания — кастрации. В ссоре сын убивает отца, но им овладевает чувство вины» (с. 61). Излагая историю столкновения Макса Вебера с отцом в духе фрейдизма как

1 Оба курсива в приведенной цитате принадлежат Леониду Ионину.

историю символического «отцеубийства», Леонид Ионин высказывает предположение, что вся «дальнейшая его судьба predetermined этим актом, точнее, его внутренней психической переработкой в бессознательном. И не важно, что ни первопреступление, ни эдипов комплекс, ни идентификация, ни комплекс кастрации к тому времени, хотя уже, наверное, обнаружены Фрейдом, но еще систематически не описаны и мало кому известны... Механизмы бессознательного работают независимо от их познанныости и познаваемости» (с. 61).

Коль скоро интрига жизненной драмы Вебера завязалась, она должна была получить развитие, и она его получила в душевной «страшной болезни», которая, как прямым текстом намекает нам автор книги, связана с половой жизнью нашего протагониста, а точнее, с ее расстройством. Речь идет о периоде 1898–1902 гг., которые оказались для Вебера годами тяжелых душевных и физических страданий. Причины этих страданий Леонид Ионин не в последнюю очередь связывает с сексуальными проблемами, которые испытывал Макс Вебер. На этом пути автор книги не является первопроходцем. По его собственному признанию, биографы-интерпретаторы Макса Вебера последних лет давно уже разделились на «классиков» (Иоахим Радкау, Дирк Кёслер, Юрген Каубе), признающих сексуальную подоплеку душевных и физических страданий Вебера в период болезни и ставящих ее во главу угла в своих объяснениях, и биографов-«ревизионистов» (в основном это — биографы не самого Вебера, а его жены Марианны), которые, признавая наличие у Вебера соответствующих проблем, тем не менее отказываются отводить им центральное место в объяснении его жизненной драмы.

278

Такая не слишком привычная для отечественного читателя интерпретация жизни и творчества Макса Вебера требует обоснования, и автор рецензируемой книги предлагает нам его. Прежде всего он отталкивается от того важного соображения, что «нельзя ведь ограничиться констатацией наличия двух противоположных точек зрения», а потому доказывает, что «правильной надо считать ту точку зрения, которая больше объясняет и позволяет увидеть композицию целого, то есть драмы жизни Макса Вебера» (с. 75). А это — точка зрения биографов-«классиков». Тем же потенциальным критикам, которые могут счесть морально сомнительным подобное детальное истолкование самых что ни на есть интимных подробностей жизни при реконструкции биографии великого человека и мыслителя, Леонид Ионин отвечает, что «даже если оставаться внутри гуманитарного или культурологического знания, необходимость исключения из рассмотрения по морально-этическим причинам интимных подробностей жизни и тел исторических персон совсем

не очевидна» (с. 79). В том числе и потому, что порог морально приемлемого при рассмотрении и обсуждении подобного рода коллизий исторически меняется, в том числе и в рамках истории западного модерна. Коль скоро «порог стыда», как подчеркивал в свое время социолог Норберт Элиас, смещается в ходе цивилизационного процесса на Западе, смещаются и категории морально приемлемого и морально неприемлемого при обсуждении особенностей биографий великих людей [Элиас 2001]. Отсюда же проистекает и необходимость при написании биографий исторических персонажей использовать их частную переписку, в том числе носящую интимный характер, поскольку «знание обнажившихся именно в этих письмах и фактах деталей жизни должно помочь... уловить некоторые аспекты идей Вебера, традиционно ускользавшие от внимания исследователей» (с. 84). Тем самым жизненная драма Вебера оказывается прочно увязанной и даже тождественной его любовной драме, суть которой можно было бы сформулировать как историю Духа, попавшего в мучительный плен к Эросу со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Правда, в монографии можно встретить и более компромиссное и не столь «натуралистическое» решение проблемы написания творческой биографии Макса Вебера, которое автор видит в том, чтобы объявить его «страшную болезнь» «творческой болезнью» и тем самым поставить его в один ряд с другими великими европейскими мыслителями *fin-de-siècle* — Ницше, Фрейдом и Юнгом, которым также довелось в свое время пройти через схожий жизненный цикл. С этой точки зрения болезнь и связанные с ней душевные и физические муки наделяются статусом ритуала очистительного перехода, во время которого талант ученого получил свою определяющую огранку. Именно благодаря тому, что Вебер помимо своей воли оказался заброшенным на другой берег — в мир больных, а не здоровых, — ему с того берега «во время его творческой болезни и после удалось увидеть многое, что не виделось ни ему раньше, ни другим, здоровым людям» (с. 108). Отличие же Вебера от других великих протагонистов европейской культуры и науки буржуазного модерна XIX — начала XX века Леонид Ионин усматривает в отсутствии «счастливого выздоровления и эйфории великого открытия. Выход Вебера из болезни оказался долгим и постепенным и вообще... полностью так никогда и не состоялся. Тем не менее озарение великого открытия имело место» (с. 107). В любом случае речь идет об определенной «конверсии взгляда», которая действительно совершенно необходима для настоящего социолога [Bourdieu; Wacquant 1990] и которая у Вебера в значительной степени произошла под влиянием его «страшной», но одновременно «творческой болезни».

С этой «конверсией взгляда» автор книги соотносит еще один проблемный узел, завязывание которого он связывает с семейной и жизненной драмой Макса Вебера. Это — далеко идущие изменения в его этических воззрениях и в самом складе его морально-практического этоса. Как отмечает Леонид Ионин, анализируя соответствующие биографические свидетельства, «Вебер отнюдь не всегда был моральным ригористом, воспевающим “героический аскетизм”», каким «его до сих пор считает большинство комментаторов и биографов и каким он сам себя ощущает и представляет» (с. 55). Со слов его жены Марианны нам известно «о терпимости юного Вебера к слабостям и страстям других людей, а также и к *своим собственным*. Мораль и морализаторство — в этом нет ничего плохого, но все в меру, не надо быть «эксцентричным», то есть выносить источник суждений о жизни за пределы самой жизни, подчинять *каждое* действие этическому закону, соизмерять его с абсолютом, требовать “все или ничего”» (с. 55–56). Строгое следование этическому закону и постоянное соизмерение его с абсолютом плохо с этой точки зрения тем, что «это может вести к моральному «перенапряжению», которое мешает человеку просто и непосредственно быть счастливым и чревато тем, что бог знает какими бедами для собственной персоны и для отношения с другими людьми» (с. 56).

Однако после ссоры с отцом характер Макса Вебера сильно изменился, как и его морально-практические установки. Именно тогда, по мнению Леонида Ионина, появились предпосылки для его превращения в морального ригориста, воспевающего «героический аскетизм» и требующего следовать «героической этике», невзирая на преходящие обстоятельства. И лишь в последующем, благодаря событиям в эротической сфере его жизни, во взглядах и характере Вебера произойдут существенные перемены. Используя «Промежуточное рассмотрение» (1915) Вебера, в которых «любовная и эротическая проблематика обретает черты систематизации» (с. 251), Леонид Ионин показывает, что эти изменения в характере и жизненном поведении Вебера в последние годы его жизни связаны с эротической сферой и прежде всего с его любовными романами, сперва — с Эльзой Яффе, затем — с Миной Тоблер и, наконец, начиная с поздней осени 1918 года — снова с Эльзой Яффе.

Центральное место в этом комплексе отношений Леонид Ионин отводит любовной связи Макса Вебера с Эльзой Яффе в последние полтора года его жизни. В самой этой связи он усматривает чистое эротическое отношение как отношение господства (*Herrschaft*), которое от власти (*Macht*) отличает добровольное подчинение одной стороны (в нашем случае — Макса Вебера) другой стороне (Эльзе Яффе). По словам автора книги, использующего понятийную систематику Макса Вебера, «любое эротическое отношение есть отношение гос-

подства, чем оно отличается от отношения власти, с одной стороны, и от отношений братской любви — с другой». В данном случае важно то, что подобное «эротическое господство как “изнасилование души”, по Веберу, всегда достаточно грубально, хотя и отличается от просто изнасилования как принуждения к сексу, с одной стороны, и от ненасильственного взаиморастворения душ [в] мистической любви... с другой» (с. 298–299). С этой точки зрения «эротическое господство — это *недостающее звено* или недостающая ступень в восхождении от анимального секса к так называемой платонической любви или к мистической братской любви. Собственно, *каждая любовная страсть есть отношение эротического господства*. Такова же и страсть, соединившая Макса Вебера и Эльзу Яффе» (с. 299)¹.

Таким образом, важное достижение книги — это показ Леонидом Иониным того, насколько существенно изменились взгляды Макса Вебера на любовь, секс и эротику к концу его жизни. «Он пройдет, — замечает автор о Вебере, — через тяжкую многолетнюю болезнь и любовные потрясения, прежде чем... однозначно определит эротику как сферу *внеэтического* и будет именно этим руководствоваться в этой жизни» (с. 25). Причем, как особо подчеркивает автор книги, серьезная трансформация взглядов зрелого Вебера на интимную сферу и ее место в человеческой жизни была обусловлена не автономной, на саму себя опирающейся работой духа, но явилась продуктом «осмысления тяжелых страданий болезни и любовных переживаний» (с. 84–85).

Такова та общая канва интерпретации, которую Леонид Ионин использует для истолкования жизни и творчества Макса Вебера. Однако не менее, а в чем-то даже более интересны те истолкования, которые автор дает отдельным ключевым элементам теоретического наследия Вебера. На наш взгляд, важнейший вклад, который книга Леонида Ионина вносит в современную отечественную гуманитаристику — это предложенная им в главе седьмой операционализация важнейших понятий веберовской социологической систематики, содержащихся в главе «Основные социологические понятия» из «Хозяйства и общества» [Вебер 2016: 67–112] и в знаменитом «Промежуточном рассмотрении» («*Zwischenbetrachtung*») [Вебер 2017: 399–445]. Эта операционализация, в сочетании с контекстуализацией основных понятий Вебера применительно к проблемам современной эпохи, на конкретных примерах предметно демонстрирует читателю, как можно их использовать в современных научных и полемико-политических дебатах. Напротив, реконструкция идей «Протестантской этики» выглядит достаточно традиционно и, к на-

¹ Оба курсива в цитируемом фрагменте принадлежат автору книги.

шему большому сожалению, не предлагает читателю книги сколько-нибудь новых оригинальных ракурсов рассмотрения этого известного «тезиса» Вебера.

В то же самое время большой интерес представляет предложенное Леонидом Иониным объяснение актуальности веберовского наследия в социально-научной мысли последнего столетия. В разделе «Веберовская карусель» главы четвертой он отмечает, что самые важные принципы веберовского учения оказались настолько неоднозначными, что как порождали, так и продолжают порождать уже в наши дни целые школы интерпретаторов, спорящих друг с другом, в результате чего всемирная вебериана превращается в бесконечную череду «опровержений, контропровержений, опровержений контропровержений и т. д., которыми кормятся уже поколения исследователей» (с. 132).

282

Необычайно поучительны также и экскурсы автора в практику перевода веберовской понятийной терминологии, где он на примере понятия «*stahlharte Gehäuse*» — «крепкий, как сталь, панцирь», неудачно переведенном в свое время классиком американской социологии XX века Толкоттом Парсонсом как «железная клетка» («*the iron cage*»), — наглядно показывает, как работает «веберовская карусель» в современных социальных и гуманитарных науках. Этот отрывок, на наш взгляд, заслуживает того, чтобы быть процитированным *in extenso*, поскольку он дает блестящий пример авторского стиля. «Мало того, — подчеркивает Леонид Ионин, — что железо и сталь не одно и то же, панцирь и клетка — функционально совершенно разные вещи. Панцирь защищает от того, что снаружи, клетка защищает от того, кто внутри. Панцирь одевают добровольно, а в клетку обычно заключают насильственно. За двумя терминами скрываются две разные идеологии. Если мы говорим о клетке, это означает нечто в духе Руссо и естественного права: человек по природе свободен, но повсюду он в оковах (в клетке). Из Вебера получается утопический революционер, может быть, провозвестник контркультуры, призывающий к тому, чтобы освободить человека из лап бюрократии. На самом деле Вебер если что и ненавидел, так это рассуждения о естественном праве; особенно четко это показано в его социологии права. Если же мы говорим о панцире, то имеем в виду упорядоченный мир, где человек защищен от своеволия и жестокости себе подобных. И бюрократия как раз и является одним из основных средств защиты» (с. 135-136)¹.

---

1 Представляется, что данная интерпретация Леонида Ионина направлена против тех широко распространенных в англоязычной социологии представлений, согласно которым бюрократия составляет один из важнейших

Наконец, к числу выдающихся достоинств книги Леонида Ионина следует отнести еще и то, что, будучи выполнена в научном или, точнее, в научно-популярном жанре, она написана живым, ярким языком, легка в прочтении и не производит впечатления текста, перегруженного информацией, несмотря на множество упоминаемых в ней фактов, событий и их интерпретаций. В наши дни подобное сочетание предметных и стилистических достоинств повествования для работ подобного жанра является скорее исключением из правил. Местами книга читается даже как увлекательный психологический роман с элементами детективной истории.

Вместе с тем спорной представляется нам сама исходная позиция, опираясь на которую автор книги строит свою биографию Макса Вебера. Поэтому позволим себе сформулировать иную, отличную от авторской, гипотезу о сути жизненной драмы Макса Вебера, отталкиваясь при этом от того, как он понимал себя сам, и не претендуя на то, чтобы понимать его лучше, нежели он понимал сам себя¹. При этом мы будем опираться на соображение, высказанное самим автором рецензируемой книги, согласно которому при рассмотрении жизненной драмы Макса Вебера «правильной надо счи-

---

элементов «железной клетки» современности, подавляющих личную автономию и свободу индивида. Так, подобное толкование данного понятия мы находим у известного американского социолога Джеффри Александера, который, сопоставляя концепцию рационализации Макса Вебера с феноменологической концепцией свободы Жан-Поля Сартра, изложенной в его трактате «Бытие и ничто» (1943), подчеркивает, что «структуры, существующие вне веберовского “Я”, столь же инертны и образуют железную клетку безличного господства» [Alexander 2014: 45]. Мысль Вебера, согласно Леониду Ионину, прямо противоположна — именно безличные структуры бюрократического господства, ориентированные на суть дела (*Sache*), а не на конкретные лица, являются базовым условием и одновременно — защитным панцирем — свободы индивида в современном мире.

- 1 Такая перфекционистская методологическая установка на то, чтобы понимать жизнь и идеи того, о ком ты пишешь, лучше, чем он понимал их сам, составляет один из характерных элементов немецкой философской традиции Нового и Новейшего времени. Ее мы можем найти уже у Иоганна Готлиба Фихте, который в работе «О назначении ученого» писал о доктрине общественного договора Жан-Жака Руссо и свойственных ей противоречиях: «Мы разрешим противоречие, мы поймем Руссо лучше, чем он сам понимал себя, и мы найдем, что он в полном согласии с самим собой и с нами» [Фихте 1995 (1794): 515]. Ее мы встречаем также в романтической герменевтике Фридриха Шлейермахера, а еще — в марксизме Карла Маркса, философии воли к власти Фридриха Ницше и в психоанализе Зигмунда Фрейда. Не чужд этой установке, судя по всему, и автор рецензируемой нами книги.

тать ту точку зрения, которая больше объясняет и позволяет увидеть композицию целого» (с. 75).

На наш взгляд, жизненный и творческий путь Макса Вебера, как он понимал его сам, может быть представлен как поиск ответа на вопрос, который звучит так: что делать человеку, который хочет быть цельной личностью в мире, в котором прежние решения этой проблемы в виде духа религиозной аскезы и соответствующего ей методического образа жизни уже стали достоянием прошлого или же находятся на грани исчезновения? Так Вебер ставит вопрос в 1904-1905 гг. в своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер 1990 (1904/1905/1920): 61-272]. Именно этот вопрос известный веберовед Вильгельм Хённос считал «главным вопросом» Макса Вебера¹. В «Протестантской этике» Вебер показывает, что на заре европейского модерна морально-практическая рациональность в виде методического образа жизни нашла свое наиболее последовательное воплощение в этике пуританских сект, создав тем самым решающие предпосылки для появления современного типа личности. По словам Вебера, профессиональное «призвание (*Beruf*) и глубочайшее этическое ядро личности — и это является определяющим — составляют здесь нерушимое единство» [Weber 2014 (1910): 731]. Однако по мере развития западного капитализма эта духовная связь, существовавшая между посвящением своей жизни труду в рамках какой-то одной профессии и «глубочайшим этическим ядром личности», имела тенденцию к саморазрушению и к замене ее на безличный объективированный мир связей капиталистического хозяйственного механизма²; при этом она не получила адекватной замены в контексте повседневной жизни в виде какой-либо альтернативной формы рационального (внутренне последовательного) ведения жизни (*Lebensführung*) [Hennis 1988: 93]. Таким образом, вопрос, который Вебер ставит во главу угла своей жизни и творчества, отталкиваясь от своих исследований пуританской этики и «духа капитализма», — это вопрос о том, может ли культурный человек в современном мире с его необычайно высокой степенью

284

1 «Вопрос о происхождении современного ведения жизни (*Lebensführung*), — подчеркивал В. Хённос, — находится в центре проблематики Вебера, придавая всему его творчеству антропологическую направленность» [Hennis 1989: 91].

2 «А в настоящее время, которое так любит оперировать понятиями “жизнь”, “переживание” и т. д. как некоей специфической ценностью, буквально ощущается внутреннее разложение подобного единства» [Weber 2014 (1910): 731] между идеей профессионального призвания и «глубочайшим этическим ядром личности», — писал Вебер в 1910 году в цитированной нами выше статье.

функциональной дифференциации быть «личностью» (Persönlichkeit), т. е. существом, обладающим определенной целостностью своей внутренней формы?

Поиск ответа на этот вопрос как раз и отмечена работа Вебера «Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира» (1915). Будучи задуманным изначально как элемент веберовской социологии религии, по своему значению и богатству изложенных в нем идей этот текст выходит далеко за рамки данной дисциплинарной матрицы. В этой работе Вебер идеально-типически выделяет те пять основных «порядков жизни» (die Lebensordnungen), или «ценностных сфер» (die Wertsphären), которые вступают в конфликт и даже в противоборство как друг с другом, так и с религиозной этикой братской любви. Эти пять сфер в той очередности и формулировке, в которой они появляются в этом тексте, таковы: 1) экономическая сфера (die ökonomische Sphäre), 2) политические порядки (die politische Ordnungen), 3) эстетическая сфера (die ästhetische Sphäre), 4) эротическая сфера (die erotische Sphäre) и 5) царство мыслящего познания (das Reich des denkenden Erkennens) [Weber 1918 [1915]: 479–522; Вебер, 2017: 399–445].

Особый интерес из этих пяти ценностных сфер для Вебера представляют последние три, поскольку именно с ними он связывает поиск ответов на интересующие его вопросы современности. Проблема распада методического образа жизни, благодаря которому в Новое время сделалось возможным появление современной личности западного типа, самым тесным образом сопряжена с развитием культуры модерна и ее динамикой. Современность характеризуется не только рационализацией и стандартизацией материальных условий жизни, но и острым конфликтом между автономными ценностными сферами современного общества и культуры (Вебер называет их Wertspähren, Lebensordnungen, Lebensmächte), каждая из которых обладает своей «собственной законосообразностью» (Eigengesetzlichkeit). «Столкновение ценностей всегда и везде, — говорит Вебер, — ведет не к альтернативам, а к безысходной смертельной борьбе, такой как борьба “Бога” и дьявола. Здесь не может быть ни релятивизаций, ни компромиссов» [Вебер 1990 (1917): 565]. Эта «битва смертных богов», т. е. рационально несоизмеримых ценностных сфер и жизненных порядков требовала не только жизненного выбора, но и более общего ответа на вопрос о том, какой из образов или стилей жизни, альтернативных рациональному ведению жизни, центрированному на идее профессионального призвания, мог бы послужить ему полноценной заменой и одновременно — основой для конституирования новой идентичности современной личности. С точки зрения Вебера, ключевая проблема, с которой довелось столкнуться как индивиду, так и культуре модерна в современную

эпоху, заключалась в том, что в то время как идеалы рациональной этики аскетического протестантизма утратили свою жизненную силу, эстетическому, эротическому и интеллектуальному стилям жизни недоставало связности и внутренней последовательности для того, чтобы стать им подобающей заменой.

Выход из сложившегося положения Вебер, как показывают его размышления и публичные выступления 1916–1919 гг., искал на почве истолкования значения «демонического» для человеческой жизни и судьбы в современном мире¹. Своеобразие позиции Вебера по поводу «демонов» и их роли в жизни современного человека связано с тем, что современность знает не только злых и враждебных демонов повседневности (*der Alltag und seine Geister*) — тех самых, о которых он упоминает в письме к Эльзе Яффе [Weber 2012: 370], предпосланной в качестве эпиграфа к нашей рецензии, — но и демонов ценностных сфер современной жизни: политики, экономики, искусства, эротики и интеллектуального познания. Более того, для понимания жизненной драмы Макса Вебера в высшей степени важно то, что демоны этих сложно дифференцированных ценностных сфер, в отличие от демонов повседневности, не несут в его мировоззрении сугубо отрицательной смысловой нагрузки. Об этом, в частности, недвусмысленно свидетельствуют знаменитые доклады, сделанные в поздний период его жизни и творчества — «Наука как призвание и профессия» (1917) и «Политика как призвание и про-

286

1 Само это понятие Вебер заимствует у Иоганна Вольфганга Гёте, для которого «демоническое» давало равную возможность разнообразным побуждениям и способностям стать доминирующей страстью в жизни человека. При этом Гёте настаивал на том, что демоническое — это сила, требующая руководства, которая, будучи лишена контроля со стороны разума, может оказаться разрушительной. См. об этом: [Albrow 1990: 67]. Близкое Гёте и по средству духа — Веберу — понимание «демонического» хорошо передает Стефан Цвейг в предисловии к сборнику своих эссе «Борьба с безумием», посвященных Гёльдерлину, Клейсту и Ницше. «Все, что предательски толкает нас за пределы нашего существа, наших личных интересов, к опасности, к неведомому, к риску, — пишет здесь Цвейг, — все это исходит от демонической части нашего “я”. Но этот демон является дружественной, благотворной силой лишь до тех пор, пока мы им управляем, пока он служит для нас стимулом напряжения и восхождения; но он становится опасным, когда напряжение переходит известную грань, когда душа отдается мятежному инстинкту, вулканическому началу демонизма. Ибо демон может достигнуть своей отчизны, своей стихии, беспредельности только путем безжалостного разрушения всего предельного, земного тела, в которое он вселился: он начинает с расширения, но стремится к взрыву. Поэтому он вселяется в людей, не способных своевременно усмирить его, возбуждает в демонических натурах грозное беспокойство, непреодолимой силой вырывает кормило воли у них из рук» [Цвейг 1996: 9–10].

фессия» (1919). По крайней мере, это справедливо для упоминаемых Вебером в этих выступлениях «демонов» политики, науки и искусства, занятия которыми, по его мнению, требуют полной личной самоотдачи от тех, кто решил себя им посвятить.

Так, в первом из этих докладов Вебер говорит о том, что ответом на мировоззренческий хаос и ценностный релятивизм, привнесенный климатом мнений *fin-de-siècle* и «великий войной», должны стать не отчаяние или резиньяция, но служение своему демону. Для человека, «религиозно немзыкального» (а Вебер, как хорошо известно каждому, кто знаком с его биографией, признавал себя таковым), приходится — если он желает быть цельной «личностью» — выбирать своего собственного демона из числа тех идеалов, которые существуют исключительно на внутримирской почве. «Жизнь, основанная на самой себе и понимаемая из нее самой (курсив мой. — Т. д.), — говорил Вебер в своем докладе, — знает только вечную борьбу богов, знает... только несовместимость наиболее принципиальных, вообще возможных жизненных позиций и непримиримость борьбы между ними, а следовательно, необходимость между ними выбирать» [Вебер 1990 (1917/1919): 730]. Соответствующий личный выбор своего демона как высшей ценности, которой необходимо следовать в жизни, подразумевает занятие определенной ценностной позиции, причем эта жизненная позиция не может быть рационально обоснована в условиях наличия множества конфликтующих ценностей и дифференциации ценностных сфер культуры (наука, искусство, мораль и право) в современную эпоху. Применительно к жизни ученого это, по Веберу, означает, что «личностью» в научной сфере является только тот, кто служит лишь одному делу. И это касается не только области науки. Мы не знаем ни одного большого художника, который бы делал что-либо другое, кроме как служил делу, и только ему» (Вебер, 1990 [1917/1919]: 711).

287

В свою очередь, в своем докладе «Политика как призвание и профессия» Вебер подчеркивал, что «гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским Богом в его церковном проявлении, — напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом» [Вебер 1990 (1919): 703]. А отсюда следует, что тот, «кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией... спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия» [Вебер 1990 (1919): 703].

Говоря о понимании «демонического» Макс Вебером, следует отдавать себе отчет в том, что для него гении или демоны этих ценностных сфер современного общества и культуры — это не только злая и разрушительная, но и одновременно и положительная и созидательная сила при условии, что она удерживается человеком под

разумным и осмотрительным контролем. Более того, Вебер настаивал на том, что, не найдя в этом мире своего собственного демона, невозможно добиться в нем чего-либо стоящего¹. Если прежде Бог руководил делами человека и давал ему возможность стать личностью на пути религиозного освященного «профессионального» призвания в форме внутримирской рациональной деятельности, то теперь человек сам выбирает себе богов и становится личностью тогда, когда без остатка посвящает себя тому или иному «делу» (Sache) — политике, науке, искусству и т. д. Именно так ставит вопрос Вебер в своем докладе «Наука как призвание и профессия» (1917), который он завершает следующими примечательными словами: «Одной только тоской и ожиданием, — говорит он здесь, — ничего не сделаешь, и нужно действовать по-иному — нужно обратиться к своей работе и соответствовать “требованию дня” — как человечески, так и профессионально. А данное требование будет простым и ясным, если каждый найдет своего демона и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни» [Вебер 1990 (1917): 735].

288

Если воспринимать эту мысль Вебера всерьез, не ограничиваясь предложенным Леонидом Иониным разговором о «демонах повседневности», «определивших во многом его (Вебера. — Т.д.) творчество» (с. 88)², то надо будет признать, что современный человек, в зависимости от своего выбора (а в известной степени — и совершенно независимо от него), сталкивается в своей жизни не только с демоном половой любви, сублимированным до эротики в определен-

1 Примечательно, что некоторые современники самого Вебера, знавшие его лично, считали его «демонической личностью». Будущий президент ФРГ в 1949–1959 гг. Теодор Хойс в своем слове прощания с Вебером замечал: «Для нас, молодых, встреча с ним означала столкновение с демонической личностью» [Heuss 1963 (1920): 61]. Объясняя, что он имеет в виду, Хойс писал далее: «Его жизненные силы были странным и глубоким образом переплетены между собой. Он обладал властью над людьми — властью разрушительного гнева, предметной ясности, привлекательной грации; он воздействовал всеми своими проявлениями и был наделен “харизмой”, этим даром прирожденного вождя. В то же время ему была свойственна аскетическая строгость, трагическое отрешение и горечь, которая подчинила страсть субъективного желания и чувства закону обязательного. Это была беспокойная натура, возбужденная и возбуждающая, общительная, боевая, воспитывающая, заклинающая и в конечном счете оставшаяся один на один со своим собственным демоном, сражающимся в его груди» [Heuss 1963 (1920): 61].

2 Такое одностороннее понимание «демонического», сводящее его к «демонам повседневности», среди которых господствующее положение занимают «демоны», связанные с сексуальной жизнью и эротической сферой, не позволяет, на наш взгляд, дать цельную и разностороннюю картину жизненного и творческого пути великого мэтра мысли.

ных культурных регионах в определенные эпохи, но и с демонами искусства, науки (интеллектуального познания), а также политики и, вероятно, экономической повседневности, т. е. того, что Вебер в своих работах неоднократно называет «давлением материальной необходимости». В этом новом свете понятия «жизненной драмы» и самого «драматизма жизни» приобретают иной, более дифференцированный и глубокий смысл.

С этой точки зрения драматизм занятий политикой заключается в том, что она есть такая форма борьбы, в которой для достижения поставленных целей и решения специфически политических задач приходится прибегать к применению насилия. Драматизм занятий наукой находит свое выражение в том, что она не дает ответов на вопрос о том, «как нам жить», а также в том, что достигнутые даже самыми выдающимися учеными научные результаты имеют свойство устаревать и обесцениваться по мере прогресса научных знаний. Наконец, драматизм современной экономической жизни состоит в том, что основанная на технологических революциях и изменчивом поведении финансового капитала динамика мировой капиталистической экономики периодически подрывает социально-экономические основы существования целых классов, сословий и иных социальных групп, пуская под откос привычные способы извлечения доходов и связанные с ними формы и стили жизни и побуждая тем самым миллионы людей, стоящих на самых разных ступенях социальной иерархии, «железной рукой» если не голода, то неотложной жизненной (материальной) необходимости искать новые источники существования со всеми отсюда вытекающими последствиями.

289

А это означает, что картина драмы жизни Вебера, нарисованная автором в его книге, получилась бы намного более яркой и разносторонней, если бы и других демонов жизни Вебера, и прежде всего демонов науки, политики и экономики, он принял бы всерьез, не ограничиваясь выставлением на первый план только демона половой любви и ее сублимации в форме эротической привязанности и любовной страсти. Тогда и многие описания важнейших эпизодов жизни Вебера зазвучали бы по-иному и потребовали иных, с одной стороны, более тонких, а с другой — более развернутых объяснений. Дабы не быть голословным, приведу только один пример.

Раскрывая мотивы, по которым Вебер после долгого перерыва был вынужден в конце Первой мировой войны вернуться к преподавательской деятельности ради постоянного заработка, автор пишет, что основой благополучия семьи Вебер «было приличное состояние, унаследованное Марианной, что позволяло проводить большую часть года в Италии и на юге Франции, избегая депрессивной зимы. Однако в результате войны материальное положение

семьи пошатнулось. Виновата в первую очередь инфляция, от которой больше всего страдали наемные работники и рантье. За шесть лет с 1914 по 1920 г. количество денег в обращении возросло в 25 раз. Соответственно, уменьшилась покупательная способность марки... Чета Вебер, конечно, не бедствовала, но проценты с капитала уже не позволяли сохранять прежний образ жизни. Требовался дополнительный доход, и предложения университетов стали рассматриваться всерьез» (с. 272).

Это — объяснение верное, но неполное. От инфляции действительно страдали все слои немецкого общества, хотя и в разной степени. Однако более полное и дифференцированное социологическое объяснение проблемы, с которой столкнулась чета Вебер, заключается в ином. А именно — ее финансовые проблемы были усугублены тем, что значительную часть своих семейных активов Макс Вебер еще с началом войны вложил в военные займы, считая такую посильную помощь воюющей стране и нации своим гражданским долгом¹. В воюющей Германии колоссальные финансовые средства, необходимые для ведения войны, добывались за счет военных займов. Немецкие буржуазные слои наиболее охотно подписывались на эти займы не только из чувства патриотического долга, но и в расчете на ожидаемую доходность в размере 5 процентов. Эти затраты должна была возместить проигравшая сторона, роль которой немцы отводили странам Антанты. Однако в ходе войны выяснилось, что военных займов недостаточно для покрытия военных расходов. Пришлось вводить новые налоги, в том числе прогрессивные, которые тяжким бременем ложились прежде всего на буржуазные круги. «Это внесло свой вклад в разрушение буржуазного мира, расцвет которого совпал с эпохой относительно низкого налогообложения» [Мюнклер 2018: 99]. Потери по военным займам сильно сказались на благосостоянии немецкого среднего класса, растратившего на них значительную часть своих активов. Не минула эта участь и чета Вебер. Как верно замечает по этому поводу Херфрид Мюнклер, «на примере семьи Вебер можно проследить трансформацию буржуазного мира, произошедшую в результате Первой мировой войны: время нетрудовых доходов прошло, и буржуазный образ жизни отныне строился на профессиональном доходе, зарабатывать который нужно было на протяжении всей дальнейшей жизни» [Мюнклер 2018: 100].

1 В письме Гансу Эренбергу от 16 июля 1917 года Вебер писал: «Я и ломаного гроша на эту войну не дал бы, не будь она *национальной*, и пальцем бы не пошевелил, если бы речь шла о форме государства, и не дай Бог о том, чтобы сохранить эту нашу никчемную династию и аполитичных чиновников. А на форму государства мне наплевать» [Weber 2008: 708].

Иначе говоря, проблема состояла не просто в инфляции как таковой, и с ней, этой более масштабной и серьезной проблемой, довелось столкнуться не одной лишь чете Вебер. Проблема заключалась в том, что взаимное сцепление целого ряда обстоятельств, их уникальная историческая «конstellация», как предпочел бы выразиться сам Вебер, привело на закате «великой войны» к крушению привычного образа жизни, целого «жизненного мира» того класса буржуа-рантье, к которому Вебер, по его собственному признанию, сделанному в 1895 году, принадлежал по праву рождения и воспитания¹ и который был одним из главных действующих лиц на сцене европейской буржуазной современности XIX — начала XX века.

Точно так же не был чужд Вебер и демона политики, хотя, как справедливо замечает автор рецензируемой книги, в своих занятиях политикой Макс Вебер-младший, в отличие от Макса Вебера-старшего, совсем не преуспел. Несмотря на то, что «Вебер скорее хотел быть политиком, чем ученым» (с. 338), «практические попытки Макса включиться в политическую бюрократическую машину всегда оказывались безуспешными» (с. 335). Однако и в этом аспекте картина жизненного пути Вебера-политика, нарисованная в книге, особенно в последние годы жизни (1918–1920), выглядит довольно однобоко. К примеру, из восьмой главы книги Леонида Ионина у неискушенного читателя может сложиться впечатление, что все, что занимало Вебера в последние два с половиной года (от его переезда в Мюнхен до смерти от воспаления легких), — это бурный роман с «дикой кошкой» Эльзой Яффе, психологические проблемы, связанные с необходимостью чтения лекций в Мюнхенском университете ради постоянного заработка и защита в суде деятелей недолго просуществовавшей Баварской советской республики. По крайней мере, именно этим темам посвящена львиная доля главы. Однако такое впечатление обманчиво. Период, наступивший в Германии после крушения германской монархии и империи в ноябре 1918 года и поражения Германии в Первой мировой войне, был отмечен прежде всего бурным всплеском политической жизни, в которой Вебер принимал самое активное участие. Справедливости ради отметим, что автор пишет (правда, в следующей, девятой главе, разводя тем самым события, происходившие в одно и то же время, по двум разным главам) и о (неудачном) опыте участия Вебера в политике после Ноябрьской революции 1918 года в Германии (с.

1 «Я представитель буржуазных классов, таковым себя ощущаю и воспитан на его воззрениях и идеалах» [Вебер 2003 (1895): 33], — говорил Вебер в своей инаугурационной речи во Фрейбургском университете. Перевод исправлен мной по изданию: [Weber 1993 (1895): 568].

335–338)¹ и о его деятельности в качестве эксперта германской делегации на мирных переговорах с союзниками в Версале (с. 327–328). Но все эти темы, напрямую связанные с принципиально важной и драматической проблемой «Макс Вебер и политика», скорее намечены в биографии Леонида Ионина пунктиром, поскольку о них нельзя было совсем ничего не сказать, нежели развернуты в масштабную и захватывающую картину. Об участии Вебера в создании конституции Веймарской республики в книге вообще нет ни слова. Однако даже если отвлечься от публичных выступлений и публикаций Вебера на политические темы и обратиться исключительно к его личной переписке хотя бы за один год с осени 1918 по осень 1919 года, то нетрудно будет убедиться в том, что тема текущей немецкой и мировой политики представлена в ней необычайно широко [Weber 2012]². А на период с декабря 1918 по зиму 1919 года, отмеченный подготовкой и проведением выборов в Национальное собрание, которое должно было принять новую конституцию, приходится целая серия поездок Вебера с политическими докладами и выступлениями по городам Германии в рамках предвыборной кампании Немецкой демократической партии³. И хотя в новый парламент Вебер так и не попал — ему вообще не везло в том, что касалось попыток участия в практической политике, будь то в Германской империи, будь то в Веймарской республике, — однако сам этот опыт участия в демократической политической жизни явно не прошел для Вебера бесследно, признаки чего можно найти в его докладе 1919 года «Политика как призвание и профессия». Таким образом, жизненный и творческий путь Вебера, будучи центрирован автором рецензируемой книги на проблеме Духа, попавшего в плен к Эросу и к «демонам повседневности», оказывается в известном смысле лишенным всего невероятного богатства своих нюансов и оттенков.

292

Таким образом, если наше предположение является верным, то можно сказать, что, как и любой другой выдающийся человек

1 «Несколько раз он проваливался на выборах в региональные парламенты. В 1919 г. он сыграл очень большую и важную роль идеолога и пропагандиста в становлении Немецкой демократической партии на выборах в общегерманский парламент и в результате не получил места в партийном списке» (с. 38).

2 Исключение в этом плане действительно представляет собой переписка 1918–1920 гг. с Эльзой Яффе, где начиная с января 1919 года любовная тема доминирует практически безраздельно.

3 В полном собрании сочинений и писем Макса Вебера статьи и выступления на политические темы периода 1918–1919 гг. занимают по меньшей мере целый том объемом более 500 страниц [Weber 1988].

и мыслитель современной эпохи, в своей жизненной судьбе Макс Вебер «был послушен» самым разным демонам, борющимся между собой и имевшими — как благодаря личному выбору великого немца, так и вопреки ему — разный удельный вес в его жизни и творчестве на отдельных этапах его жизненного пути. Неспособность же даже такого великого и редкого человека, каким, вне всякого сомнения, был Макс Вебер, следовать на протяжении всей своей жизни — «как человечески, так и профессионально» — только одному лично избранному им демону и составляет, на наш взгляд, главную драму его жизни.

Впрочем, сам Вебер хорошо отдавал себе в этом отчет, когда в разгар Первой мировой войны писал: «Тот, кто пребывает в “миру” в христианском смысле, может знать только борьбу между рядом ценностей, каждая из которых сама по себе представляется обязательной. Ему надлежит сделать выбор, какому из этих богов или когда одному из них и когда другому он хочет и должен служить. И тогда он всегда окажется в борьбе с одним или с некоторыми другими богами этого мира и, что самое главное, — далеко от Бога христианства, во всяком случае от того, о котором возвещает Нагорная проповедь» [Weber 1984 (1916): 98].

В заключение отметим, что высказанные нами критические замечания позволяют сделать вывод о том, что еще одно достоинство важной и своевременной книги Леонида Ионина о личности и творчестве Макса Вебера можно смело усмотреть в том, что выбранный автором ракурс рассмотрения жизненного и творческого пути ее протагониста дает прекрасный повод лишний раз обсудить сами принципы написания биографии великого немца. А отечественного читателя остается только поздравить с выходом в свет этого неординарного и полезного биографического исследования.

293

Библиография / References

Вебер (1990 [1904/1905/1920]) Протестантская этика и дух капитализма. М. Вебер. *Избранные произведения*, М.: Прогресс: 61–272.

— Weber M. (1990 [1904/1905/1920]) Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. M. Weber. *Selected Works*, Moscow: Progress: 61–272. — in Russ.

Вебер М. (1990 [1917]) Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. М. Вебер. *Избранные произведения*, М.: Прогресс: 547–601.

— Weber M. (1990 [1917]) The Meaning of “Ethical Neutrality” in Sociology and Economics. M. Weber. *Selected Works*, Moscow: Progress: 547–601. — in Russ.

Вебер М. (1990 [1917/1919]) Наука как призвание и профессия. М. Вебер. *Избранные произведения*, М.: Прогресс: 707–735.

— Weber M. (1990 [1917]) *Science as a Vocation*. M. Weber. *Selected Works*, Moscow: Progress: 707-735. — in Russ.

Вебер М. (1990 [1919]) Политика как призвание и профессия. М. Вебер. *Избранные произведения*, М.: Прогресс: 644-706.

— Weber M. (1990 [1919]) *Politics as a Vocation*. M. Weber. *Selected Works*, Moscow: Progress: 644-706. — in Russ.

Вебер М. (2016) Основные социологические понятия. М. Вебер. *Хозяйство и общество*, в 4 т. Т. I. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики: 67-112.

— Weber M. (2016) *Basic Sociological Terms*. M. Weber. *Economy and Society*, in 4 vol. Vol. I. Moscow: The Editorial House of High School of Economics: 67-112. — in Russ.

Вебер М. (2017 [1915]) Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира. М. Вебер. *Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм*, СПб.: Владимир Даль: 399-445.

— Weber M. (2017 [1915]) *Religious Rejections of the World and their Directions*. M. Weber. *The Economic Ethics of World Religions: An Essay on of Comparative Sociology of Religion. Taoism and Confucianism*, Sankt-Petersburg: Vladimir Dal: 399-445. — in Russ.

294

Вебер М. (2016-2019) *Хозяйство и общество*, в 4 т. Т. I-IV. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Weber M. (2016-2019) *Economy and Society*, in 4 vol. Vol. I-IV. Moscow: The Editorial House of High School of Economics. — in Russ.

Вебер М. (2007 [1926]) *Жизнь и творчество Макса Вебера*, М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

— Weber M. (2007 [1926]) *Max Weber: A Biography*, Moscow: Russian Political Encyclopedia. — in Russ.

Гайденко П. П. (1979) Социология Макса Вебера. *История буржуазной социологии XIX — начала XX века*, М.: Наука: 253-308.

— Gajdenko P. P. (1979) *The Sociology of Max Weber. The History of Bourgeois Sociology of XIX — the Beginning of XX Centuries*, Moscow: Science: 253-308. — in Russ.

Гайденко П. П. (1990) Социология Макса Вебера. М. Вебер. *Избранные произведения*, М.: Прогресс: 5-43.

— Gajdenko P. P. (1990) *The Sociology of Max Weber*. M. Weber. *Selected Works*, Moscow: Progress: 5-43. — in Russ.

Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. (1991) *История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс*, М.: Политиздат.

— Gajdenko P. P., Davydov Y. N. (1991) *History and Rationality. The Sociology of Max Weber and the Weberian Renaissance*, Moscow: Politizdat. — in Russ.

Дмитриев Т. А. (2020) Макс Вебер: Вехи интеллектуальной биографии. *Социология власти*, 32(4): 8-44.

— Dmitriev T. A. (2020) *Max Weber: Milestones of Intellectual Biography. Sociology of Power*, 32 (4): 8-44. — in Russ.

- Каубе Ю. (2016 [2014]) *Макс Вебер: Жизнь на рубеже двух эпох*, М.: Изд. дом «Дело».
- Kaube J. (2016 [2014]) *Max Weber: The Life at the Turn of Two Epochs*, Moscow: The Editorial House “Delo”. — in Russ.
- Мюнклер Г. (2018) *Осколки войны: эволюция насилия в XIX и XX веках*, М.: Кучково поле.
- Münkler G. (2018) *Fragments of War: The Evolution of Violence in the XIX and XX Centuries*, Moscow: Kuchkovo pole. — in Russ.
- Патрушев А. И. (1992) *Расколдованный мир Макса Вебера*, М.: Изд-во МГУ.
- Patrushev A. I. (1992) *The Disenchantmented World of Max Weber*, Moscow: The Moscow State University Press. — in Russ.
- Трёльч Э. (1995 [1920]) Макс Вебер. Слово Прощания. *Культурология. XX век: Антология*, М.: Юрист: 604–607.
- Troeltsch E. (1995 [1920]) Max Weber. A Word of Farewell. *Culturology. The XX Century: An Anthology*, Moscow: Lawyer: 604–607. — in Russ.
- Фихте И. Г. (1995 [1794]) О назначении ученого. И. Г. Фихте. *Сочинения. Работы 1792–1801 гг.*, М.: Ладомир: 481–521.
- Fichte I. G. (1995 [1794]) About the Appointment of a Scientist. Fichte I. G. *Works, the Texts of 1792–1801*, Moscow: Ladomir: 481–521. — in Russ.
- Цвейг С. (1996) Борьба с безумием: Гёльдерлин, Клейст, Ницше. С. Цвейг. *Собрание сочинений*, в 10 т. Т. 5. Борьба с безумием: Гёльдерлин, Клейст, Ницше; Ромен Роллан. Жизнь и творчество. М.: ТЕРРА: 5–261.
- Zweig S. (1996) The Struggle against Insanity: Gölderlin, Kleist, Nietzsche, S. Zweig. *Collected works*, in 10 vols. Vol. 5. The Struggle against Insanity: Gölderlin, Kleist, Nietzsche; Romain Rolland. Life and Work. Moscow: TERRA: 5–261. — in Russ.
- Элиас Н. (2001) *О процессе цивилизации*, в 2 т. Т. I–II. М.–СПб.: Университетская книга.
- Elias N. (2001) *The Civilizing Process*, in 2 vols. Vol. I–II. Moscow–Sankt-Petersburg: University Book. — in Russ.
- Ясперс К. (1994 [1920]) Речь памяти Макса Вебера. М. Вебер. *Избранное. Образ общества*, М.: Юрист: 553–566.
- Jaspers K. (1994 [1920]) Speech in memory of Max Weber. M. Weber. *Selected Works. The Image of Society*, Moscow: Layer, 553–566. — in Russ.
- Alexander J. (2014) *The Dark Side of Modernity*, Cambridge: Polity Press.
- Albrow M. (1990) *Max Weber's Construction of Social Theory*, N. Y.: St. Martin's Press.
- Bourdieu P. and Wacquant L. J. (1990) *An Invitation to Reflexive Sociology*, Cambridge: Polity Press.
- Hennis W. (1989) Max Weber's Theme: “Personality and Life Orders”. W. Hennis. *Max Weber. Essays in Reconstruction*, L.: Allen & Unwin: 62–104.
- Heuss T. (1963 [1920]) Zu Max Webers Gedächtnis. König R., Winckelmann J. (Hrsg.) (1963) *Max Weber zum Gedächtnis: Materialien und Dokumente zur Bewertung von Werk und Persönlichkeit*, Köln: Westdeutscher Verlag: 60–64.

Hübinger G. (2019) *Max Weber. Stationen und Impulse einer intellektuellen Biographie*, Tübingen: Mohr Siebeck.

Käsler D. (2014) *Max Weber: Preuße, Denker, Muttersohn: Eine Biographie*, München: Beck.

König R., Winckelmann J. (Hrsg.) (1963) *Max Weber zum Gedächtnis: Materialien und Dokumente zur Bewertung von Werk und Persönlichkeit*, Köln: Westdeutscher Verlag.

Jaspers K. (1989) *Karl Jaspers on Max Weber*, N. Y.: Paragon House.

Mitzman A. (1970) *The Iron Cage: A Historical Interpretation of Max Weber*, N. Y.: Knopf.

Radkau J. (2005) *Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens*, München u.a.: Hanser.

Sukale M. (2002) *Max Weber: Leidenschaft und Disziplin*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

Weber M. (1984–2018) *Max-Weber-Gesamtausgabe*, in 43 Bänden. Tübingen: Mohr Siebeck.

Weber M. (1984 [1916]) Zwischen zwei Gesetzen. M. Weber. *Zur Politik im Weltkrieg: Schriften und Reden 1914–1918*, hrsg. v. W. J. Mommsen, in Zus.-Arb. m. G. Hübinger (Max-Weber-Gesamtausgabe. Band I/15). Tübingen: Mohr Siebeck: 95–98.

Weber M. (1988) *Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920*, hrsg. v. W. J. Mommsen, in Zus.-Arb. m. W. Schwentker (Max-Weber-Gesamtausgabe. Band I/16). Tübingen: Mohr Siebeck.

296

Weber M. (1989 [1915]) Zwischenbetrachtung: Theorie der Stufen und Richtungen religiöser Weltablehnung. M. Weber. *Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen Konfuzianismus und Taoismus. Schriften 1915–1920*, hrsg. von H. Schmidt-Glintzer in Zus.-Arb. m. P. Kolonko U. Bube (Max Weber-Gesamtausgabe. Band I/19). Tübingen: Mohr Siebeck: 479–522.

Weber M. (1992) *Wissenschaft als Beruf 1917/1919 / Politik als Beruf 1919*, hrsg. v. W. J. Mommsen, W. Schluchter in Zus.-Arb. m. B. Morgenbrod (Max-Weber-Gesamtausgabe. Band I/17). Tübingen: Mohr Siebeck.

Weber M. (1993 [1895]) Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik. Akademische Antrittsrede. M. Weber. *Landarbeiterfrage, Nationalstaat und Volkswirtschaftspolitik. Schriften und Reden (1892–1899)*, hrsg. von W. Mommsen in Zus.-Arb. m. R. Aldenhoff (Max Weber-Gesamtausgabe. Band I/4. 2. Halbband). Tübingen: Mohr Siebeck: 543–574.

Weber M. (2008) *Briefe 1915–1917*, hrsg. v. G. Krumeich u. M. Rainer Lepsius in Zus.-Arb. m. B. Rudhard u. M. Schön (Max Weber-Gesamtausgabe. Band II/9). Tübingen: Mohr Siebeck.

Weber M. (2012) *Briefe 1918–1920*, hrsg. v. G. Krumeich u. M. Rainer Lepsius in Zus.-Arb. m. U. Hinz, S. Oßwald-Bargende u. M. Schön (Max Weber-Gesamtausgabe. Band II/10. 1. Halbband). Tübingen: Mohr Siebeck.

Weber M. (2014 [1910]) Antikritisches Schlusswort zum “Geist des Kapitalismus“. M. Weber. *Asketischer Protestantismus und Kapitalismus. Schriften und Reden 1904–1911*, hrsg. von W. Schluchter in Zus.-Arb. m. U. Bube (Max Weber-Gesamtausgabe. Band I/9). Tübingen: Mohr Siebeck: 665–740.

Рекомендация для цитирования:

Дмитриев Т. А. (2022) Макс Вебер в плену у демонов повседневности. Рецензия на книгу: Ионин Л. Г. (2022) Драма жизни Макса Вебера, М.: Издательский дом «Дело». *Социология власти*, 34 (3-4): 274-297.

For citations:

Dmitriev T. A. (2022) Max Weber Captured by the Demons of Everyday Life. Book Review: Ionin L. G. (2022) The drama of the life of Max Weber, Moscow: Delo Publishing House, RANERA. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 274-297.

Поступила в редакцию: 16.12.2022; принята в печать: 27.12.2022

Received: 16.12.2022; Accepted for publication: 27.12.2022

ФЕДОР В. НИКОЛАИ¹

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
Нижегородский государственный педагогический университет
им. К. Минина, Россия

ORCID: 0000-0002-8876-9441

**«Помните подвиг ваших предков»
vs. «Здесь нет будущего»:
индустриальная память и ее
носители в малых городах Урала**
Рецензия на книгу:

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В.,
Прямикова Е. В. (2022)

Индустриальная память: масштабы
и множественность. Екатеринбург:
Издательство Уральского
университета, 2022²

298

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-298-306

Вопросы политики памяти, изменения практик коммеморации в пространстве медиа, взаимоотношения коллективной памяти и академической историографии обсуждаются в рамках memory studies довольно давно и активно [Зверева 2021; Репина 2021; Политика памяти в современной России 2020]. На этом фоне две важных проблемы редко привлекают внимание исследователей: качествен-

---

1 Федор Владимирович Николаи — доктор философских наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; профессор кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. E-mail: fvnik@list.ru

Feodor V. Nikolai — PhD, Senior Research Officer, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University). E-mail: fvnik@list.ru

2 Текст подготовлен при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00311.

Acknowledgments: The text was written with the financial support of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00311.

ная трансформация памяти при переходе от индустриальной к консьюмеристской культуре, а также неразрывная взаимосвязь этих изменений с политикой времени — переходом от ориентированного в будущее «горизонта ожиданий» к господству презентистского темпорального режима [Симон 2021; Линченко, Головашина, Аникин 2019]. Рецензируемая книга М. Н. Вандышева, Н. В. Веселковой и Е. В. Прямиковой находится на перекрестье этих двух актуальных проблем.

Авторы справедливо отмечают, что социально-культурным контекстом распространения и функционирования мемориальной культуры в Западной Европе с 1980-х гг. становится джентрификация городского пространства, тогда как в России эта джентрификация переплетается с ре-индустриализацией и ностальгией по советскому индустриальному наследию. «В каждом городе существует собственный подвижный баланс “старой” и “новой” индустриальности, в лучшем случае можно говорить о его смещении в ту или другую сторону...» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 29]. Подобное наложение контекстов формирует палимпсест современной городской культуры, слои и смыслы которой важно дифференцировать. На Урале индустриальная культура кроме советского наследия имеет мощный досоветский пласт XVIII — начала XX века, а также оказывается востребованной в связи с развитием новых индустрий. Однако в центре памяти и «ментальных карт» для большинства жителей региона по-прежнему остаются позднесоветские индустриальные предприятия 1950–1980-х гг. На этом фоне авторы книги выделяют разные трактовки новой индустриальности информантами: «1) новая как недавно созданная; 2) новая как соответствующая некоему высокому уровню; 3) новая как особая, уникальная; 4) экологически и социально ориентированная. Нередко в рассуждениях одного информанта встречался целый набор характеристик, включающих несколько из этих типов. <...> При этом новое везде воспринимается как заведомо лучшее, продвинутое и продвигающее, т. е. в целом благотворное для всего остального — горожан, окружающей среды и т.п.» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 70, 73].

Такая ре-индустриализация либо идущая параллельно ей джентрификация городской жизни сопровождаются трансформацией практик коммеморации. И главная задача, которую ставят перед собой авторы книги, — обозначить векторы изменений этих практик. Коллективная память индустриального общества несет отпечаток характерных для эпохи модерна процессов: стандартизации, специализации, синхронизации, централизации и т. д. Эта память кажется «короткой» — заикленной на периоде 1950–1980-х гг., ориентированной на национальный уровень и весьма милитаризованной: военное наследие в музеях Урала (где не было войны) часто ока-

зывается важнее, чем индустриальная и культурная сферы. Однако параллельно с сохранением такой индустриальной модели и соответствующего ностальгического нарратива развиваются и другие практики, формирующие специфические сообщества памяти.

Чаще всего в рамках *memory studies* рассматриваются коммеморативные практики, действующие на уровне семьи, поколения, нации и глобальных сообществ. Авторы книги переносят акцент на городские сообщества памяти, которые достаточно редко становятся объектом пристального внимания, особенно в отечественных исследованиях, ориентированных на анализ взаимоотношений национальной и транснациональной памяти [Bondebjerg 2020; Прошлое для настоящего 2020]. В основе их формирования оказывается переплетение личных и коллективных стратегий памятования, включая эстетизированное потребление, критическую проблематизацию перспектив трудоустройства или рационализацию выбора будущего в конкретном городе. Особенно актуальной такая проблематизация будущего оказывается в малых и средних городах Уральского региона — Серове, Верхней Салде, Алапаевске, Заречном (Свердловская область), Златоусте, Сатке (Челябинская область), Добрянке, Соликамске (Пермский край). Подавляющее число молодых людей здесь не хотело бы работать там же, где их родители. Большинство из них хотело бы сменить профессию и уехать в другой российский город (53,4%) или за границу (13%) [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 125]. В качестве условного «послания потомкам» или «капсулы времени», которую им предложили составить авторы книги, многие ребята пишут: «Бегите»; «Поздравляю! Вы в ДЕРЬМЕ!» «Уезжайте в другие города»; «Уважаемые потомки, если вы выжили и проживаете в Верхней Салде, пожалуйста, уезжайте отсюда, пока не поздно. Здесь нет будущего» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 161].

Тем не менее, как показывают авторы, противопоставлять популярный среди молодежи интерес к деиндустриализации и ностальгию старшего поколения по позднесоветской индустриальности вряд ли корректно. Общие сюжеты, объединяющие память разных поколений, связаны с Великой Отечественной войной и признанием значимости локального индустриального наследия. Переплетение разных нарративов и практик коммеморации требует от исследователей постоянной проблематизации своих выводов. «Есть немалый соблазн разделить помнящие сообщества, мнемонических акторов на институциональных (в зоне охвата настоящего исследования — муниципальные органы власти, предприятия, учреждения образования, музеи, СМИ, сообщества краеведов) и неинституциональных (“обычные” горожане). Похоже, однако, что это не самый удачный путь, поскольку “обычные” молодые люди,

участники групповых дискуссий, представляли перед нами как учащиеся своих школ, студенты колледжей, т. е. в определенной институциональной роли. <...> Не отказываясь совсем от этого деления, более предпочтительной считаем характеристику акторов по видам и практикам памяти, а также в системе “человеческие” (human: индивиды, группы) — “не-человеческие” (non-human: монументы, здания, ландшафты, живые существа)» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 76].

Важно отметить, что в качестве методов социологического исследования авторы книги используют не только полужформализованные интервью, ментальные карты, событийные ряды, но и специфический формат «капсул времени». Контекстом его использования стало вскрытие капсул, заложенных в 1967 году к 50-летию Октябрьской революции и сильно отличающихся по своему языку и видению истории XX века. В частности, они почти не упоминают Вторую мировую войну, а события 1917 года выступают в них кульминацией мировой истории. Сегодня же, наоборот, революция выпадает из памяти информантов, а Великая Отечественная активно тематизируется. Несмотря на преобладание критических посланий, часть которых была процитирована выше, у значительной части информантов преобладает позитивный настрой. Авторы исследования выделяют четыре сценария, «среди которых два полярных: 1) “Все плохо” и 2) “Все хорошо”; два промежуточных: 3) “Решение проблем” и 4) “Отдаленное будущее”, а также разнообразные их комбинации» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 161]. Несмотря на полярность оценок, большую их часть объединяет ожидание изменений существующей ситуации или тех недостатков в жизни города, фиксируемых информантами в настоящем. Сценарий «Решения проблем» становится продолжением критического «Все плохо», добавляя к нему позитивный антитезис. Например, школьник из Верхней Салды видит настоящее в мрачных тонах, но обозначает направления необходимых изменений: «Привет, люди из 2118. Я вам пишу из 2018 г. На данный момент обстановка в городе ужасная! Образование = 0, места для развития общества = 0. Никакого перспективного и карьерного роста! Я надеюсь, что к 2118 г. у вас будет постиндустриальное общество, больше будет для детей и людей в принципе, экологичность на высоте. А если всего этого не будет, то бегите отсюда» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 163]. Один из информантов в г. Заречном активно использует иронию, но обозначает и перспективы отдаленного будущего: «Привет, надеюсь, у вас машины уже летают и вы колонизировали другие планеты. У нас президент Путин. Меня зовут Сережа, мне 20 лет (мем). А если серьезно, то у нас в г. Заречный есть БАЭС. Первая АЭС на быстрых нейтронах. Старайтесь познавать что-то новое, самореализовать-

ся в физическом и духовном плане. Держи цветочек [изображение цветка]. Что бы я хотел увидеть у вас, это как вы обосновались, так скажем, в космосе, как далеко вы смогли зайти, что узнали о черных дырах и установили ли контакт с неземной цивилизацией» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 166]. Показательно, что субъектной роли в возможных изменениях молодежь себе не отводит, но скорее с пессимизмом или оптимизмом ожидает каких-то внешних воздействий на свою жизнь или судьбу своего города. Это также работает на основной тезис авторов книги о размытости рамок памяти, носители которой фактически отказываются от роли самостоятельных акторов.

К возможным недостаткам исследования можно отнести излишнюю метафоричность стиля авторов в первой (теоретической) главе, напоминающей работы М. Хальбвакса: «Множественность и потенциальная противоречивость — первый сущностный аспект социальной памяти, выражаемый метафорой супермаркета. Второй аспект — манипулируемость: товары памяти-супермаркета легко менять местами, задвигать на задний план или выпячивать, их ценность может значительно колебаться по самым разным поводам. Наконец, третьей чертой является навязчивость, доходящая до тирании памяти: предложение, усиленное рекламой, бывает весьма агрессивным, а товары разных производителей, случается, вступают в жестокую конкуренцию; итогом становится булимия, пресыщение и утрата чувствительности со стороны потребителей» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 22]. Подобные фрагменты кажутся слишком абстрактными, оторванными от социологических исследований в основной части книги.

302

Важным вопросом, который поднимают авторы, хотя не очень четко обозначают свою позицию по этому поводу, становится использование метафоры «травмы» применительно к процессу деиндустриализации в 1990-е гг. и его субъективному восприятию жителями небольших уральских городов. Проблематика распада СССР и ностальгия по советскому прошлому находятся в центре общественного сознания и официальной политики памяти в современной России. Но метафора травмы предполагает акцент на субъективные переживания — симптомы, в основе которых могут лежать очень разные причины: критика социальной несправедливости, конформизм по отношению к политике памяти в СМИ, автобиографические воспоминания о потере работы или идеализация своей молодости. Язык *trauma studies* во многом редуцирует этот сложный комплекс вопросов к психологическим факторам. Как известно, американский президент Герберт Гувер называл экономический кризис 1929–1933 гг. «депрессией», снимая вопрос о необходимости ревизии государственной внутренней политики

и масштабных социальных программах поддержки населения. Важно подчеркнуть, что сами информанты понятие травмы, видимо, не используют — эта метафора предлагается исследователями на уровне интерпретации, меняя язык и ракурс анализа воспоминаний жителей малых городов Урала. Гораздо ближе их собственным словам представляется понятие зияния или лакуны: «Еще один смысл, который приобретает зияние в нашем случае, это провал, пустота в ткани городского пространства. Как нам уже приходилось писать, остановка и закрытие заводов привели к появлению значительных пустот в пространстве города. В Алапаевске градообразующий металлургический завод был основан в 1704 г. и просуществовал до 2018 г. Во время посещений Алапаевска в 2019 г. нам указывали на забор, ограждающий место завода, цеха и оборудование которого разобраны и сданы в переработку. В пространстве города образуется “незавершенное” место, прежние смысловые значения которого перестали быть актуальными, а новые так и не возникли, — эта ситуация типична для многих городов Урала» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 48]. В отличие от травмы метафора лакуны в большей степени признает разрыв, чем возможность «исцеления». Она не претендует на статус строгого понятия и потому, на наш взгляд, может быть более продуктивной для проработки или рефлексивного осмысления прошлого. Это рефлексивное осмысление вслед за С. Бойм можно противопоставить институционализированному стремлению к механическому повторению прошлого — например, попыткам воскресить советский мобилизационный проект с его материальным производством, внешними границами и политической риторикой холодной войны.

303

Другой спорной стороной языка травмы становится ее зонтичный характер — использование этого словаря в широком диапазоне применительно к жертвам геноцидов, войн и катастроф XX века. При этом вопрос о том, корректно ли называть травмой потерю близких и потерю работы, пытки и «крушение иллюзии постоянства» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 48], ставит под сомнение валидность этого зонтичного понятия. На наш взгляд, метафорика лакуны, разрыва и в меньшей степени травмы продуктивна лишь как первый шаг в проработке прошлого, вслед за которым должно идти признание невозможности вернуться к мифологизируемой позднесоветской стабильности и констатация неопределенности современных стратегий социальных взаимодействий. Полностью избавиться от этой неопределенности невозможно, а эксплуатировать ее в духе неолиберальной «жизнестойкости» — слишком цинично. Более продуктивно, на наш взгляд, говорить о ее ограниченности и обсуждать горизонты ожиданий, характерные для «новой индустриальности» либо джентрификации, — насколько они могут

сосуществовать и взаимодействовать без радикальных противоречий, интегрируя пространство старого индустриального наследия.

Авторы книги выделяют две стратегии такого взаимодействия. В первом случае (в Сатке, Верхней Салде, Первоуральске) для работающих предприятий предполагается реиндустриализация, ориентированная на создание нескольких высокотехнологичных производств сходного профиля. Во втором случае заводы и промзоны превращаются в креативные пространства, торговые и жилые районы, старающиеся стилистически обыграть свое индустриальное прошлое. Важно подчеркнуть, что такого рода перекодирование продуктивно работает не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в городах-миллионниках (Екатеринбурге, Перми, Нижнем Новгороде и др.), а также в областных центрах и малых городах — Сатке, население которой лишь немного превышает 40 тыс. человек, или Сысерти с 21 тыс. жителей. Значительная часть книги посвящена описанию этих новых стратегий и рефлексии как авторов, так и их собеседников над наследием индустриального проекта (советского и не только), а также его перспективами в будущем, что представляется сегодня вопросом номер один для всего российского общества.

304

Возможно, переплетение практик коммеморации связано не только с наложением индустриальной памяти эпохи модерна и консьюмеристской памяти постиндустриального общества, но и с более тонкими процессами — эстетизацией прошлого, усилением реконструктивистской эпистемологии и формированием нового типа субъективности, размытой в условиях растущей неопределенности [Munslow 2019]. Этот комплекс новых отношений и взаимосвязей существенно меняет коллективную и культурную память, осмысление которой в 1980-е гг. было связано прежде всего с проблематикой этической ответственности и важности публичной сферы. И рецензируемая книга дает прекрасный материал для обсуждения этих изменений. Не менее важным вопросом представляется и переосмысление событий 1990-х гг. не столько как «лихих» или связанных с «травмой» распада СССР, но как перехода от советской модели индустриального общества к позднему модерну с его сочетанием джентрификации, ностальгии и развития новой индустриальности в условиях неустранимой неопределенности, от которой мы не можем избавиться. Особенно если хотим, чтобы будущее отличалось от столь конфликтного настоящего.

Библиография / References

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2022) *Индустриальная память: масштабы и множественность*, Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

— Vandyshev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2022) *Industrial Memory: Scales and Multiplicity*, Yekaterinburg: Ural University Press. — in Russ.

Зверева Г. И. (2021) Память о прошлом в цифровой среде: когнитивные ориентиры для исторического исследования. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 12 (8): 7.

— Zvereva G. (2021) Remembrance of the Past in a Digital Environment: Cognitive Landmarks for Historical Research. *Istoriya*, 12 (8): 7. — in Russ.

Линченко А. А., Головашина О. В., Аникин Д. А. (2019) От рынка к базару: метаморфозы коммерциализации прошлого в современном мире. *Вопросы философии*, (5): 49-58.

— Linchenko A., Golovashina O., Anikin D. (2019) From Market to Bazaar: Metamorphosis of Commercialization of the Past in the Modern World. *Voprosy filosofii*, (5): 49-58. — in Russ.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета, 2020.

— The Politics of Memory in Contemporary Russia and in Countries of Eastern Europe / Ed by A. I. Miller, D. V. Efremenko. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2020. — in Russ.

Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020.

— The Past for the Present: Historical Memory and Narratives of National Identity / Ed. by L. P. Repina. Moscow: Akvilon, 2020. — in Russ.

Репина Л. П. (2021) Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или Рождение «мемориальной парадигмы». *Уральский исторический вестник*, (2): 6-16.

— Repina L. P. (2021) Memory and Heritage in a Crusade against History, or the Birth of a “Memorial Paradigm”. *Ural Historical Journal*, (2): 6-16. — in Russ.

Симон З. В. (2021) Трансформация исторического времени: процессуальные и событийные темпоральности. *Логос*, (143): 219-246.

— Simon Z. V. (2021) The Transformation of Historical Time: Processual and Eventual Temporalities. *Logos*, (143): 219-246. — in Russ.

Bondebjerg I. (2020) *Screening Twentieth Century Europe: Television, History, Memory*. New York: Palgrave Macmillan.

Munslow A. (2019) *The Aesthetic of History*. New York: Routledge.

Рекомендация для цитирования:

Николаи Ф. В. (2022) «Помните подвиг ваших предков» vs. «Здесь нет будущего»: индустриальная память и ее носители в малых городах Урала. Рецензия на книгу: Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2022) *Индустриальная память: масштабы и множественность*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. *Социология власти*, 34 (3-4): 298-306.

For citations:

Nikolai F. V. (2022) «Remember the Deed of Your Ancestors» Vs «here Is No Future»: Industrial Memory and Its Carriers in Small Cities of the Urals. Book Review: Vandyshchev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2022) Industrial Memory: Scales and Multiplicity. Yekaterinburg: Ural University Press. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 298-306.

Поступила в редакцию: 19.09.2022; принята в печать: 05.10.2022

Received: 19.09.2022; Accepted for publication: 05.10.2022

ВЛАДИМИР Л. БЛИЗНЕКОВ¹

РАНХиГС, Москва, Россия

Забота о себе в герменевтике субъекта Мишеля Фуко

Рецензия на книгу: Фуко М. (2022)

Говорить правду о самом себе.

Лекции 1982 года в Университете

*Торонто, М.: Издательский дом
ДЕЛО РАНХиГС*

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-307-313

Российская публикация текстов цикла лекций Мишеля Фуко, прочитанных в 1982 году в Университете Виктории в Торонто (Канада), а также текстов семинаров, проведенных там же, безусловно, вызовет интерес философов, историков и культурологов, а также русскоязычных поклонников многогранного интеллектуального творчества Фуко. Перевод выполнен на основе публикации авторитетного французского издательства VRIN [Foucault 2017] и воспроизводит его форму презентации текстов — не слишком удобную для читателя².

307

1 Близнеков Владимир Леонидович — PhD, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Москва. Научные интересы: философия, социология религии, международное право. E-mail: vbiznekov@gmail.com

Vladimir L. Bliznekov — PhD in Philosophy, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: philosophy, sociology of religion, international law. E-mail: vbiznekov@gmail.com

2 Решение французского издательства представить в издании одновременно две версии первых трех лекций представляется достаточно спорным. Поскольку тексты лекций Фуко сохранились в неполном объеме в двух версиях, поэтому в оригинальном издании первые три выступления приведены в двуязычном варианте (французском и английском), следующие два — только по-английски, шестая лекция по причине отсутствия рукописи в книгу не вошла. Читатель вынужден после версии на французском, затем читать также новую версию текста с дополнениями в переводе с английского языка, что, особенно в случае объемной второй лекции Фуко, достаточно утомительно для читателя. В отличие от лекций, семинары

В контексте обширной проблемы герменевтики субъекта данный цикл лекции и семинаров Мишеля Фуко посвящен обсуждению феномена «заботы о себе», который был уже представлен в ранее изданных на французском языке работах Фуко [Foucault 1984; 2001]. На русском языке также выходили работы по этой теме [Фуко 2007; 2008]. Рецензируемый сборник не содержит новых прозрений, но дает возможность постичь зрелый авторский концепт, целостную систему идей и интуиций, которая десятилетиями выстраивалась в сознании мыслителя и с которой он уже на закате своей жизни пожелал познакомить своих слушателей.

В лекциях в Университете Виктории Фуко рассказывает собственную историю европейской субъективности, выступая не только как философ, но и как историк и культуролог. В этом широком научном контексте он желает осуществить исследование методов герменевтики субъекта в «языческой и христианской античности» (с. 32). Автора интересует только конкретный исторический период античной и раннесредневековой европейской культуры, начиная с классической античности времени Сократа и Платона и до возникновения широкого монашеского движения в раннем Средневековье; история зрелого Средневековья в данной работе не рассматривается. Особенно автора привлекает так называемый имперский период античности, т. е. первые три века новой эры, когда Римская империя находилась на вершине могущества, а христианская религия в этом государстве еще не была легализована.

308

Фуко не интересуется герменевтика текстов античной культуры, поскольку она хорошо исследована (Там же); он, напротив, желает заниматься малоизвестной герменевтикой субъекта, или, в авторской терминологии, герменевтикой себя в данный исторический период, реконструировать забытые античные практики и техники герменевтики себя.

Фуко официально записывались в Университете Виктории, поэтому были восстановлены с максимальной точностью.

Российские редакторы также не стали заниматься выбором лучшей версии текста первых трех лекций и последовали примеру издательства VRIN. Вряд ли также для большинства российских читателей, кроме специалистов по текстологии, такое решение редакции было комфортным, особенно с учетом того, что для английской версии текста вначале французским издательством был сделан перевод с английского на французский, а затем российским издательством — с французского на русский. Маловероятно, что двойной перевод способствует улучшению качества текста, поэтому, думается, что в случае российского издания вполне можно было обойтись переводом французской версии текста первых трех лекций Мишеля Фуко на русский язык.

В рамках своего обширного проекта исследования генеалогии европейского субъекта Фуко концентрируется на исследовании способов, с помощью которых античный европейский субъект конструирует самого себя, применяя при этом различные техники аутогерменевтики. У позднего Фуко субъект понимается в качестве подтвержденного перманентной исторической трансформации единства Я, способного активно формировать самого себя [Зарецкий 2012: 306–307].

Феномен «заботы о себе» является у Фуко основой его исследовательской генеалогии античного субъекта во многих его работах, в том числе и в лекциях в Университете Виктории. Это древнегреческое понятие, безусловно, присутствовало в античных текстах, но получило гораздо меньшую известность в европейской философской традиции по сравнению с известнейшим сократовским изречением «познай самого себя». Фуко стремится доказать, что именно понятие «забота о себе» играло важнейшую роль в жизни античных греков и впоследствии было незаслуженно забыто новоевропейскими исследователями под влиянием, с одной стороны, «...христианской морали, которая... превращает самоотречение в условие спасения» (с. 47), а с другой стороны, под влиянием новоевропейской философии от Декарта до Гуссерля, где сократовское самопознание, равно как и концепт познающего субъекта становятся первоначалами новой философской эпистемологии и онтологии. Поэтому понятие «познай самого себя» становится у Фуко концептуальной антитезой для понятия «заботы о себе»: первичным может быть либо одно, либо другое. Сделав ставку на первичность сократовского самопознания, либо отдав приоритет классическому аристотелевскому теоретическому познанию, новоевропейские философия и гуманитарные науки, по мысли Фуко, предали забвению античную культуру себя, основанную на феномене «заботы о себе».

Как подчеркивает итальянский исследователь творчества Фуко Л. Мортари, «...забота о себе означает не просто обращение внимания на себя; она также подразумевает некие действия, которые производят над самим собой, чтобы вызвать преобразование, глубокую трансформацию бытия субъекта» [Мортари 2017: 20–21]. Практика является у Фуко неотъемлемым элементом концепта «заботы о себе». Здесь Фуко имплицитно подразумевает антитезу теории и практики. В классической античной науке и философии именно теория с ее идеалом знания ради него самого являлась высшей формой интеллектуального познания. Любого рода практика, в том числе и практическое знание, существовала ради чего-то другого, кроме чистого познания истины, поэтому в античной иерархии наук, в частности у Аристотеля, науки праксиса находились в иерархии наук ниже, чем теоретические науки [Мельников 2018: 35–48]. Таким

образом, по Фуко в конституировании самого себя для античного субъекта базисом являются трансформирующие его единство практики, а не теоретическое самопознание. Из того, что для Фуко субъект не является единством Я, а находится в процессе постоянного изменения, следует невозможность его адекватного самопознания. Разумеется, такой подход полностью противоречит классическому античному идеалу самопознания.

У Фуко забота о себе есть прежде всего не философский, теоретический принцип, а форма деятельности, практики (с. 44). Сюда относятся, например, аскетические или физические упражнения для овладения своим телом, практики задержки дыхания, используемые с целью приобретения сверхприродных способностей, или духовные практики в различных религиозных традициях, используемые с религиозными целями (с. 42–43). Еще один интересный пример античной заботы о себе Фуко приводит из Плутарха: на вопрос, почему спартанцы отказываются заниматься не только физическим, но и интеллектуальным трудом, дающим пропитание и достаток, спартанцы ответили: «Потому что мы предпочитаем заниматься собой». То есть забота спартанцев о себе подразумевает особый статус, по праву рождения дающий привилегию не служить другим людям и не работать, как ремесленники или рабы, а заниматься непосредственно собой, своим физическим и духовным развитием (с. 41).

310

Тем не менее, как указывает Фуко, в платоновском диалоге «Алкивиад Первый»¹, где впервые в античном тексте появляется понятие «забота о себе», именно Сократ призывает своего ученика Алкивиада позаботиться о себе, если он наилучшим образом хочет достичь своих жизненных целей (с. 50). Но в данном диалоге Сократ понимает «заботу о себе» как «заботу о душе» или «заботу о добродетели» [Алкивиад 1863: 420–430]. С философской точки зрения сократовская забота о своей душе прежде всего означает самопознание, поскольку познание самого себя означает познание своей души. Фуко же считает, что изречение «познай самого себя» в античности имело другой смысл, оно было неправильно истолковано новоевропейскими философами в эпистемологическом, теоретическом духе. Поэтому Фуко изображает Сократа не маргинальным философом-теоретиком, желающим обучить своему искусству маевтики буквально всех афинян даже против их воли, а неким респектабельным надзирателем великого античного полиса, следящим за тем, чтобы граждане заботились о себе, о своем

1 Диалог Платона «Алкивиад Первый» многие современные ученые считают апокрифическим, т. е. только приписываемым Платону.

духовном и нравственном развитии, т. е. о вечных ценностях для человеческой личности в противовес всему другому, что не являются подлинной ценностью для личности — богатству, почестям или социальному статусу (с. 38).

Сократ у Фуко занимается философией ради заботы о своей душе, а философским просвещением ради заботы о душах своих сограждан, но отнюдь не ради философского или научного познания истины (с. 39–40). Поэтому он отказывается признать на суде себя виновным и принимает цикуту не ради истины, а просто потому, что, поступив иначе и покрывив душой на земле, он повредит ей в вечности. По мнению Фуко, целью занятия философией в античности была именно забота о себе, поскольку прежде всего философия помогала обрести душевное здоровье (с. 39–40). Таким образом, античные философы уподоблялись спартанцам, поскольку и те, и другие предпочитали заниматься непосредственно собой, а не чем-то иным, что не относилось к их личности и не развивало ее, с той лишь разницей, что спартанцы отдавали приоритет физическому развитию своего тела, а философы заботились прежде всего о своей душе.

Но все-таки не великие греческие философы-рационалисты Сократ, Платон или Аристотель, а римские философы-стоики — Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий, жившие в имперский период, являются настоящими единомышленниками Фуко в отношении приоритета феномена «заботы о себе» над самопознанием, поскольку для них, как указывает Фуко: «...познавать самого себя, значит, попросту испытывать себя в процессе усвоения истины» (с. 161). Так, греко-римский стоик Эпиктет в «Беседах» представляет практическую методологию использования принципа заботы о себе тем, что предлагает оценивать как достойные или недостойные представления и мысли, которые приходят нам в голову в соответствии с критерием, зависящим или независящим от воли субъекта. Согласно философии стоицизма, мудрец делит все идеи и события на зависящие от нас (моральные) и на независящие от нас (неморальные). Все представления, независящие от нашей воли, нужно отбрасывать прочь. Например, человек подумал о смерти, нужно применить критерий, зависит смерть от нашей воли или нет. Ответ: не зависит. Значит, эту идею нужно отбросить. Человек, по Эпиктету, заботится о себе, когда отвергает свои представления и мысли, находящиеся в сфере безразличных событий для свободы человека. Таким образом, прежде всего практики контроля над собой и испытания самого себя дают возможность субъекту позднего Фуко конституировать самого себя. При этом Фуко в отличие от стоиков не определяет и не описывает процедуры самоконтроля и самопроверки [ср.: Дуденкова 2021: 254].

Своей задачей французский философ видит не только интеллектуальную реконструкцию античного феномена «заботы о себе», но и своеобразную миссию возрождения и развития культуры себя на современном Западе.

Библиография / References

- Дуденкова И. В. (2021) Эго между этикой и кибернетикой. *Логос*, 31(3): 249-273.
— Dudenkova I. V. (2021) Ego between ethics and cybernetics. *Logos*, 31(3): 249-273. — in Russ.
- Зарецкий Ю. П. (2012) История европейской субъективности Мишеля Фуко. *Субъективность и идентичность*, М.: Изд. дом Высшей школы экономики: 293-318.
— Zaretsky Yu. P. (2012) Michel Foucault's History of European Subjectivity. *Subjectivity and identity*, М.: Ed. house of the Higher School of Economics: 293-318. — in Russ.
- Мельников С. А. (2018) *Введение в философию Аристотеля. 8 лекций для проекта Магистерия*, М.: Rosebud Publishing.
— Melnikov S. A. (2018) *Introduction to Aristotle's Philosophy. 8 lectures for the Magisteriya project*, М.: Rosebud Publishing. — in Russ.
- 312
- Мортари Л. (2017) *Забота о себе*. Тверь: СФК-офис.
— Mortari L. (2017) *Taking care of yourself*. Tver: SFC office. — in Russ.
- Платон (1863) Алкивиад I. *Сочинения Платона: в 6 т.* / Пер. В. Н. Карпова. Т. 2. СПб.
— Plato (1863) Alcibiades I. *Works of Plato: in 6 volumes*/transl. V. N. Karpov. T. 2. St. Petersburg. — in Russ.
- Фуко М. (2007) *Герменевтика субъекта*, СПб.: Наука.
— Foucault M. (2007) *Hermeneutics of the subject*, St. Petersburg: Nauka. — in Russ.
- Фуко М. (2008) О начале герменевтики себя. *Логос*, № 2 (65): 96-122.
— Foucault M. (2008) On the beginning of the hermeneutics of the self. *Logos*, no. 2 (65): 96-122. — in Russ.
- Foucault M. (1984) *Le souci de soi*, Paris: Gallimard.
- Foucault M. (2001) *L'herméneutique du sujet. Cours au Collège de France 1981-1982*, Paris: Gallimard, Seuil.
- Foucault M. (2017) *Dire vrai sur soi-même. Conférences prononcées à l'Université Victoria de Toronto*, Editions VRIN.

Рекомендация для цитирования:

Близнеков В. Л. (2022) Забота о себе в герменевтике субъекта Мишеля Фуко. Рецензия на книгу: Фуко М. (2022) Говорить правду о самом себе. Лекции 1982 года в Университете Торонто, М.: Издательский дом ДЕЛО РАНХиГС. *Социология власти*, 34 (3-4): 307-313.

For citations:

Bliznekov V. L. (2022) Caring for Oneself in Michel Foucault's Hermeneutics of the Subject. Book Review: Foucault M. (2022) Tell the Truth about Yourself. Lectures in 1982 at the University of Toronto, M.: Publishing House DELO RANEPА. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 307-313.

Поступила в редакцию: 13.12.2022; принята в печать: 24.12.2022

Received: 13.12.2022; Accepted for publication: 24.12.2022

Авторы

Белов Михаил Дмитриевич — студент, Московская Высшая Школа Социальных и Экономических Наук (МВШСЭН). Научные интересы: мультимодальный разговорный анализ, феноменологическая социология, политическая социология, социология медиа. E-mail: mikaebelov@gmail.com

Близнеков Владимир Леонидович — PhD, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Москва. Научные интересы: философия, социология религии, международное право. E-mail: vbliznekov@gmail.com

Бродский Владимир Игоревич — старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Научные интересы: политическая теория, политическая онтология, философия К. Шмитта, теории политической репрезентации. E-mail: brodskiy-vi@ganepa.ru

314

Глухова Мария Евгеньевна — аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология психиатрии и психического здоровья, социология эмоций, гендерная социология, критические исследования мужчин и маскулинностей. E-mail: mglukhova@eu.spb.ru

Дмитриев Тимофей Александрович — кандидат философских наук, доцент факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: история политической философии Запада нового и новейшего времени, историческая социология модерна, культурно-историческая антропология. E-mail: tdmitriev@hse.ru

Ерофеева Мария Александровна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС, доцент Факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: микросоциология, мультимодальный разговорный анализ, социология технологий, акторно-сетевая теория. E-mail: erofeeva-ma@ganepa.ru

Жданов Андрей Игоревич — Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», стажер-исследова-

тель научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации. E-mail: aizhdanov@edu.hse.ru

Забабурин Денис Романович — студент магистратуры «Психология управления» ИОН РАНХиГС. Научные интересы: разговорный анализ, фрейм-анализ, виртуальная реальность, переговоры, принятие решений, когнитивные искажения, системы оценки и обучения персонала. E-mail: denzababurin@gmail.com

Зыгмонт Алексей Игоревич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории комплексных исторических исследований Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС. E-mail: alekseizygmont@gmail.com

Серебряков Артем Сергеевич — аспирант Центра практической философии «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге, выпускающий редактор журнала Stasis. Научные интересы: философская антропология, философия детства, материалистическая диалектика, радикальная демократия, герменевтика. E-mail: aserebryakov@eu.spb.ru

315

Кловайт Нильс — научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований РАНХиГС, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: микросоциология, мультимодальный разговорный анализ, технологии смешанной и виртуальной реальности, исследования образования. E-mail: nils.klowait@gmail.com

Коротаяев Андрей Витальевич — Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий научно-учебной лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала. E-mail: akorotayev@gmail.com

Николай Федор Владимирович — доктор философских наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; профессор кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. E-mail: fvnik@list.ru

Тимошкин Дмитрий Олегович — старший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, Российская Федерация, Иркутск; научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Москва. Научные интересы: маргинальность, социальные медиа, «рутинное сопротивление».

Цуркан Евгений Геннадьевич — кандидат философских наук, старший преподаватель Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Научные интересы: социальная философия, философия техники, теория медиа, интернет-исследования. E-mail: unigendeth@gmail.com

Шевчук Андрей Вячеславович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ). Научные интересы: экономическая социология, социология труда и занятости, социология хозяйственного развития, сравнительный анализ хозяйственных систем. E-mail: shevchuk@hse.ru

316

Щеглов Яков Иванович — аспирант, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. Научные интересы: организационные исследования, социология профессий, социология медицины. E-mail: yakovscheglov@gmail.com

Authors

Mikael Belov — student, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES). Research interests: multimodal conversation analysis; phenomenological sociology; political sociology; sociology of media. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Vladimir Bliznekov — PhD in Philosophy, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: philosophy, sociology of religion, international law. E-mail: vbliznekov@gmail.com

Vladimir Brodskiy — senior lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of Humanities, Institute for Social Sciences. Research interests: political theory, political ontology, Carl Schmitt's philosophy, theories of political representation. E-mail: brodskiy-vi@ranepa.ru

Timofey Dmitriev — Associate Professor, HSE University, Faculty of Humanities, Moscow, Russia. Research interests: history of Western modern and contemporary political thought, historical sociology of modernity, cultural and historical anthropology. E-mail: tdmitriev@hse.ru

Maria Erofeeva — Candidate of Sociological Sciences, Researcher at the Center for Sociological Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Senior Lecturer of the Faculty of Social Sciences of the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES). Research interests: microsociology; multimodal conversation analysis; sociology of technology; actor-network theory. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru

Maria Glukhova — post-graduate student of the European University at St. Petersburg. Research interests: sociology of psychiatry and mental health, sociology of emotions, gender sociology, critical studies of men and masculinities. E-mail: mglukhova@eu.spb.ru

Andrey Korotayev — Moscow, HSE University, Professor, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Research and Educational Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Adminis-

tration, Leading Researcher of the International Laboratory for Demography and Human Capital. E-mail: akorotaev@hse.ru

Nils Klowait — Research Fellow at the Center for Innovative Social Research, RANEPА, Lecturer of the Faculty of Social Sciences, MSSES. Research interests: microsociology; multimodal conversation analysis; mixed and virtual reality technologies; education research. E-mail: nils.klowait@gmail.com

Feodor Nikolai — PhD, Senior Research Officer, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University). E-mail: fvnik@list.ru

Yakov Scheglov — phd-student, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. Research interests: organizational studies, sociology of professions, sociology of medicine. E-mail: yakovscheglov@gmail.com

318 *Andrey Shevchuk* — Associate Professor, Department of Economic Sociology, Higher School of Economics; Senior Researcher, Laboratory of Economic and Sociological Research (LESI). Research interests: economic sociology, sociology of work and employment, sociology of economic development, comparative political economy. E-mail: shevchuk@hse.ru

Artem Serebryakov — PhD Student, Stasis Center for Practical Philosophy at the European University at St. Petersburg, an assistant editor of the Stasis journal. Research interests: philosophical anthropology, philosophy of childhood, materialist dialectics, radical democracy, hermeneutics. E-mail: aserebryakov@eu.spb.ru

Dmitry Timoshkin — Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Moscow. Research interests: marginality, social media, «routine resistance».

Evgeniy Tsurkan — PhD, Senior Lecturer, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Research interests: Social philosophy, philosophy of technology, media theory, Internet research. E-mail: unigendeth@gmail.com

Denis Zababurin — student of the Master's degree programme “Psychology of management”, RANEPА. Research interests: conversation analysis, frame analysis, embodied interactions in virtual reality, negotiations,

decision-making, cognitive distortions, employee evaluation and training systems. E-mail: denzababurin@gmail.com

Andrew Zhdanov — Moscow, HSE University, trainee researcher of the scientific and educational laboratory for monitoring the risks of socio-political destabilization. E-mail: aizhdanov@edu.hse.ru

Aleksei Zygmont — Cand Sci. (Philosophy), Senior Research Fellow, Research Laboratory for Complex Historical Research, School for Advanced Studies in the Humanities, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: alekseizygmont@gmail.com

СОЦИОЛОГИЯ

ВЛАСТИ

Том 34. № 3-4 (2022)

Учредитель
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ISSN 2074-0492
e-ISSN 2413-144X

119571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82
Редакция журнала «Социология власти»

<http://socofover.ranepa.ru/>

E-mail: soc.of.power@gmail.com

Подписано в печать 13.01.2023
Формат 70×100/16
Тираж 500 экз.
1-ый завод (1-60 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82-84
Коммерческий отдел: тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02